

Библиотека Всемирной Литературы

Эдмон Ростан

Сирано де Бержерак

Библиотека Всемирной Литературы

**Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году**

Эдмон РОСТАН
Сирано де Бержерак

Перевод с французского

Москва

2006

УДК 84(1-87)
ББК 84(4Фра)
Р 78

Перевод с французского *Т. Щепкиной-Куперник*

Предисловие и примечания *А. Михайлова*

Оформление серии художника *А. Бондаренко*

Иллюстрации художников *П.А. Лоуренса, О.Д.В.Жюлонне*

В оформлении суперобложки использованы
работы художников *Яна Вермеера,*
Лоренса Альма-Тадема

Ростан Э.

Р 78 Сирано де Бержерак: Пьесы / Эдмон Ростан; [пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник; предисл. и примеч. А. Михайлова]. — М.: Эксмо, 2006. — 800 с.: ил. — (Библиотека всемирной литературы).

УДК 84(1-87)
ББК 84(4Фра)

- © Предисловие, примеч. А. Михайлов, 2006
- © Перевод Т. Щепкиной-Куперник.
Наследники, 2006
- © Оформление. А. Бондаренко, 2006
- © Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-17990-9

Содержание

А. Михайлов.

Драматургия Эдмона Ростана

7

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА.

Пьеса в четырех действиях
в стихах.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

25

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК.

Героическая комедия
в пяти действиях.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

153

ОРЛЕНОК.

Драма в шести актах в стихах.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

443

Комментарии.

А. Михайлов

757

ДРАМАТУРГИЯ ЭДМОНА РОСТАНА

Эдмон Ростан достаточно долго и плодотворно работал в литературе, но, как это нередко случается, в историю ее вошел главным образом как автор одной книги – героической комедии об известном в свое время поэте, философе и дуэлянте Сирано де Бержераке. В самом деле: эта пьеса обеспечила ее автору мировую славу и вот уже более ста лет с успехом идет на сценах театров многих стран. К тому же созданный драматургом образ подменил собой реального человека; если сейчас и знают Сирано, то прежде всего по пьесе Ростана, а не по его собственным сочинениям, как бы значительны они ни были. Длинный нос Сирано так же вошел в поговорку, как копье Дон Кихота или шпага д'Артаньяна. Отдельные стихи из пьесы стали пословицами и давно уже пополнили словари цитат и крылатых слов. Многие поколения зрителей аплодировали смелости и остроумию Сирано де Бержерака, негодовали на коварство де Гиша или легкомысленность Роксаны, оплакивали вместе с нею смерть героя. Чрезвычайная популярность пьесы заставила и историков литературы вновь обратиться к сочинениям Сирано и по-новому оценить этого замечательного современника Корнеля и Мольера.

Ко времени создания «Сирано де Бержерака» Ростан был уже довольно известным поэтом, к нему уже пришел театральный успех. Но новая пьеса как бы отодвинула на задний план, перечеркнула все до того созданное писателем.

Жизнь его протекала на зависть удачно и спокойно. Он родился 1 апреля 1868 г. в Марселе. Детство писателя прошло в этом шумном приморском городе, овеянном романтикой дальних странствий. В порт заходили огромные океанские суда и выплескивали на залитую жгучим солн-

цем набережную все пестрое богатство своих трюмов. Бронзовые от загара грузчики сносили по прогибающимся сходям тяжелые тюки с заморскими товарами. В порту пахло смолой, солью и пряностями. Жаркое солнце Прованса, разноязыкий говор толпы, яркие краски природы, соленый морской ветер, надувающий паруса, — все это мы найдем затем в пьесах и стихах Ростана.

У родителей будущего поэта, в их гостеприимном доме часто собирались представители местной интеллигенции. Здесь бывали знаменитые тогда поэты Мистраль и Обанель, мечтавшие о возрождении древней провансальской культуры. В доме Ростана постоянно разгорались споры о литературе Прованса, о Джауфре Рюделе и Бертроне де Борне, легендарных поэтах-трубадурах XII столетия. Но на книжной полке маленького Эдмона, рядом с изданиями стихов и биографий трубадуров, вскоре появились томики Виктора Гюго и других французских романтиков. Особенно внимательно и взволнованно читал он их пьесы. Уже очень рано мальчика начал неудержимо влечь к себе театр, таинственная суета кулис, смелые благородные герои, бросающие со сцены вызов пошлости обыденной жизни.

Вскоре семья перебирается в Париж, и Эдмона отдают в коллеж Святого Станислава. Ростан усиленно читает драматургов-классиков, продолжает увлекаться пьесами Гюго и Мюссе. Юноша учится вполне сносно, но его совершенно не интересуют юридические науки и карьера адвоката, о которой мечтал для него отец. Уже в коллеже Эдмон решает, что будет драматургом, и пишет довольно слабую пьесу на сюжет одного модного романа. Зимой 1888 года парижский театр Клюни ставит пьесу Ростана «Красная перчатка». На премьере зрители хлопали и вызывали автора, но это не был подлинный успех, о котором мечтал талантливый и самолюбивый молодой человек.

По окончании коллежа Ростан остался в Париже. Благосостояние семьи позволило ему вести жизнь светского денди, посещать литературные салоны и художественные выставки, всецело посвятить себя литературе. Он пишет много и быстро. Следом за «Красной перчаткой» появляется комедия Ростана «Два Пьеро, или Белый ужин» и сборник стихотворений «Шалости музыки». Уже в этих кни-

гах обнаружили основные черты таланта Ростана: виртуозное мастерство стиха, изящество и легкость языка, некоторая приподнятость чувств, уравновешиваемая большой долей иронии. Вскоре пришла известность, затем и слава. В пору своих первых литературных успехов Ростан познакомился с молодой поэтессой Роземондой Жерар, несколько экзальтированной и романтически настроенной красавицей, которая стала его женой. Отныне Роземонда принимала участие во всех творческих делах Ростана, ее пленительные черты можно различить в героинях его произведений, ей он посвятил свою пьесу «Принцесса Греза». Роземонда стала его музой, вдохновительницей его книг, первым их пристрастным судьей. Склонный к переосмыслению старинных поэтических легенд, Ростан сам творил о себе легенду. Это была легенда об испепеляющем любовном чувстве, о самоубийственном поклонении прекрасной даме. Эдмон и Роземонда обменивались пылкими любовными посланиями, охотно читали их в салонах, вписывали в альбомы друзей. Здесь многое было от позы, многое — данью моде или стремлением к популярности. Но, несомненно, поэт был искренен в своих стихах, обращенных к жене, ибо искренность в любви ценилась им очень высоко, и ею он наделил всех своих героев.

Современник поздних парнасцев и символистов, Ростан искал для себя иные ориентиры. Как лирик он, бесспорно, следовал традициям Мюссе с его жизнерадостной шаловливостью, не очень глубокой философичностью и несколько напускной меланхолией, сквозь которую неудержимо прорывается упоение жизнью. Мы найдем это и у Ростана, но это не было бескрылым эпигонством: поэт, бесспорно, обладал своим собственным видением мира, своеобразным лирическим темпераментом, тонким эстетическим чувством, богатой языковой палитрой. К тому же опыт французской поэзии середины и второй половины века не прошел для него даром. Он впитал и изумительное чувство формы парнасцев, и напряженную экспрессивность символистов. Отложились в его творчестве и характернейшие черты искусства конца века — любовь к утонченным цветовым сочетаниям, изысканной орнаментике, заимствованным из прошлого сюжетам.

Действительно, все пьесы Ростана в той или иной сте-

пени «вторичны»: они либо по-своему перерабатывают старинные исторические или литературные сюжеты («Принцесса Греза», «Самаритянка», «Сирано де Бержерак», «Орленок»), либо используют образный строй, лирическую атмосферу произведений иных эпох (так, «Романтики» — это «поговорка» Мюссе в костюмах и декорациях Ватто, «Шантеклер» — поэтичнейшая аллегория в духе средневековых поэм и народных сказок). Но эта «вторичность» — отнюдь не свидетельство беспомощности поэтического вдохновения Ростана. «Вторичность» эта — результат поисков национальных традиций и отказа от мелкого и легковесного драматического искусства его времени, лишенного сильных чувств и больших мыслей.

Первый настоящий успех пришел к Ростану, когда в 1894 г. театр Комеди Франсез поставил его комедию «Романтики», написанную тремя годами ранее. Сюжет пьесы несложен: двое молодых людей, Сильвета и Персине, любят друг друга, но, начитавшись всяческих книг, мечтают о возвышенной романтической любви, о масках, переодеваниях, похищениях, яростных схватках и ночных погонях. Их отцы, чтобы добиться желаемого ими брака, разыгрывают вековую вражду (Сильвета и Персине грезят об участии Ромео и Джульетты) и нанимают актеров, инсценирующих похищение, что дает возможность Персине «завоевать» возлюбленную в смелом поединке. Бесспорно, этой пьесой Ростан развенчивал прекраснодушную мечту о романтике, которой нет места в обыденной жизни современных буржуа. Иногда полагают, что начальная ремарка пьесы — «Действие происходит где угодно, лишь бы костюмы были красивы» — свидетельствует об известном отрыве писателя от национально-исторической почвы. Подобный упрек вряд ли справедлив. Комедия и своим пафосом утверждения сильного искреннего чувства, и своей иронией примыкает к национальной поэтической традиции. Это комедия, и поэтому ее герои подчас смешны и из-за своей наивной веры в романтику, и из-за полнейшей неспособленности к реальной, а не вычитанной из книг жизни. Но комедия эта лирическая, поэтому мы прощаем ее героям их забавные сумасбродства и верим в чистоту и искренность их чувств. Пьеса «Романтики» покорила публику прежде всего своим блеском и изяществом,

тонкой иронией и веселостью, превосходно переданной драматургом атмосферой молодости и весны, а также несколько печальной мечтой о романтических движениях души и благородных, возвышенных поступках.

Много света, ярких красок, сильных чувств и в другой известнейшей пьесе Ростана, его «Принцессе Грезе», созданной в 1895 году. Но общая тональность пьесы иная. В качестве ее сюжетной основы драматург взял широко распространенную в Средние века легенду о любви трубадура Джауфре Рюделя к триполийской принцессе Мелиссанде (или Мелисинде). В старинной биографии поэта рассказывалось, что он полюбил Мелисанду, никогда не видя ее, лишь слыша восторженные рассказы о ней паломников. Рюдель сложил о принцессе множество превосходных стихов, а затем, желая увидеть ее, снарядил корабль и отправился в Триполи. Во время пути он тяжело заболел, и спутники думали, что он не дотянет до берега. В порту Мелиссанда пришла на корабль, и Рюдель успел увидеть ее, прежде чем испустил дух.

В легенде о трубадуре Рюделе Ростана привлекли чистота и сила его чувства, преображающего не только самого героя, но и его окружающих — от простых матросов, спутников Рюделя, в недалеком прошлом грубых и жестоких пиратов, до самой Мелисанды. Ведь и в душе этой надменной красавицы происходит разительная трансформация: чистота и одухотворенность Рюделя передаются и ей, после кончины возлюбленного она как бы прозревает. Отныне помыслы ее направлены не на сомнительные мирские удовольствия, а на служение правому (в понимании людей ее времени, конечно) делу: она идет в монастырь, а шумную ватагу матросов воодушевляет на участие в крестовом походе.

Ученые оспаривали правдивость популярной легенды о Рюделе, было доказано, что характерный для его лирики мотив «любви издалека» является всего лишь поэтическим приемом, а история его романтической любви целиком вымышлена. Однако пьеса Ростана, особенно превосходное исполнение роли Мелисанды знаменитой Сарой Бернар, вызывали энтузиазм зрителей и восторженные отклики критики. В пору господства на французской сцене поверхностных, легковесных пьес из великосветской

жизни (произведения Сарду, Ожье и мн. др.) Ростан стремился вернуться к драматургии сильных характеров и больших чувств. Но творчество драматурга, по крайней мере раннее его творчество, было направлено не только против бессодержательных модных пьес, но и против одностороннего раскрытия действительности в произведениях писателей-натуралистов, сторонников Эмиля Золя. Ростан стремился вернуться к традициям Виктора Гюго, в пьесах которого романтический пафос сочетался с высоким представлением о личном достоинстве человека. В русле этой традиции написана и «Принцесса Греза».

Однако современники видели в пьесе не только прославление сильного чувства, но и пленительную средневековую экзотику, которая как раз в это время входила в моду. Ростан отдал ей щедрую дань: в пьесе немало примет именно такого поверхностного, чисто живописного понимания Средневековья. Эта внешняя красивость несколько смазала сложность и драматичность глубинного конфликта пьесы. А ведь в ней сталкиваются не только две противоположные точки зрения на любовь — возвышенную, которую отстаивают в своих взволнованных тирадах Бертран д'Аламанон и брат Трофимий, и скептически-обыденную, разделяемую медиком Эразмом и некоторыми другими персонажами драмы.

В действительности в центре пьесы об одержимом любовью принце-поэте оказывается не анемичный и бездеятельный Рюдель, а решительный и смелый красавец Бертран. Он тоже поэт, легко поддающийся женским чарам. Но он также верный друг и человек долга. Своей безрассудной отвагой и силой поэтического слова он завоевывает сердце капризной скучающей красавицы, но завоевывает его не для себя, а для умирающего Жофруа. Лишь на какое-то мгновение, как в бреду, поддается Бертран неодолимому очарованию Мелисанды, чтобы тут же стряхнуть его с себя, отказаться от радости разделенной любви. Поэтому «Принцесса Греза» — это пьеса не только о всепобеждающей силе чувства, но и о любви, трагически подавленной, принесенной в жертву. Тут перед нами как бы набросок основной лирической коллизии следующей пьесы Ростана, его несравненного «Сирано де Бержерака».

Ее премьера состоялась в парижском театре Порт-

Сен-Мартен 28 декабря 1897 года при огромном стечении публики. Близкий друг Ростана, писатель Жюль Ренар, записал в своем дневнике в день премьеры: «Как я счастлив! Как мне хорошо! Дружба Ростана утешает меня в том, что я родился слишком поздно и не жил в обществе Виктора Гюго»¹. А вот запись от 30 декабря: «Ах, Ростан, не надо меня благодарить ни за то, что я так вам аплодировал, ни за то, что я страстно защищал вас от ваших врагов, которых уже почти не осталось!..»²

Действительно, критики разных взглядов и разных общественных направлений были почти единодушны в высокой оценке и героической комедии Ростана, и спектакля театра Порт-Сен-Мартен. Это был не просто успех, это был триумф. Но триумф прежде всего романтического театра, воспринятый (и не без оснований) как возрождение национальных поэтических традиций, и в первую очередь, конечно, традиций Виктора Гюго.

Характерно, что театральные деятели враждебного Ростану направления истолковали успех «Сирано» как досадную «вспышку романтизма». Андре Антуан, один из борцов за реализм на французской сцене, писал в своем дневнике вскоре после премьеры: «Я сразу же понимаю последствия той катастрофы, которую означает для нас эта реакция публики, внезапно возвращающейся к романтическому театру, и так как пьеса, как говорят, необычайно изящна и живописна, то именно вокруг нее сгруппируются все расплывшиеся несколько лет тому назад силы, направленные против нашего реалистического движения. Это третья вспышка романтизма, которую предчувствовали Ришпен, Мендэс, Бержера, Банвиль и некоторые другие, пытавшиеся на протяжении четверти века создать большую лирическую пьесу и занимавшиеся поисками в области комедийного стиха, но не осуществившие того чуда, которое совершил Эдмон Ростан»³. Действительно, реакционная

¹ Renard J. Journal. P., 1959, p. 306.

² Там же, с. 307.

³ Антуан А. Дневники директора театра. М. — Л., 1939, с. 366.

критика использовала успех пьесы Ростана для ожесточенных нападок на реалистическую драматургию. Но сам Ростан в этой очередной кампании повинен был менее всего.

Ростан не случайно посвятил свою пьесу замечательному французскому актеру Коклену-старшему (1841—1909): своим исполнением роли Сирано Коклен во многом способствовал успеху комедии. А.В. Луначарский писал о его трактовке центрального образа пьесы: «У Коклена он был прежде всего гасконский бреттер, богема с острой шпагой, острым умом, острым языком. Коренастая фигура, заносчивая посадка головы, вздернутый кверху знаменитый нос трубой, хулиганство в движениях, находчивость гавроша в речи. Уже потом вы узнаете, что острословие этого веселого солдата доходит до степени большого литературного таланта. Во всяком случае, вы понимаете, что вояка этот, между прочим, и поэт в часы досуга, потому что богатое воображение не умещается в обыденной шутливости»¹.

Герой пьесы Ростана был действительно человеком незаурядным, он оставил яркий след в истории французской литературы и общественной мысли.

Савиньен де Сирано де Бержерак родился в 1619 году в Париже в семье небогатого дворянина. Детские годы он провел в деревне, а с двенадцати лет учился в парижском коллеже Бове, типичном учебном заведении того времени, где, кроме пустой зубрежки, иных методов обучения не знали. Мальчик пополнял свои знания сам; уже юношей он слушал лекции знаменитого философа Гассенди, увлекался литературой и театром. Как и большинство дворян той эпохи, Сирано избрал себе военную карьеру. Он был зачислен в роту гасконцев и быстро перенял их веселый и беспорядочный образ жизни, лихую отвагу и удаль. Анри-Николя Ле Бре, товарищ его школьных лет, так вспоминал о молодости Бержерака: «Когда я по окончании учения и по требованию отца поступил на службу в гвардию, я стоял на том, чтобы мой друг вместе со мной вступил в роту господина де Карбона де Капель-Жалу. Дуэли, которые в то время казались единственным и самым быстрым сред-

¹ Луначарский А.В. Собр. соч., т. 6. М., 1965, с. 434.

ством приобрести известность, в несколько дней доставили ему такую славу, что гасконцы, которые почти целиком составляли эту роту, смотрели на него как на демона храбрости и числили за ним столько поединков, сколько дней прошло со времени его вступления».

Сирано принял участие в военных действиях при осаде Муазона, «где мушкетный выстрел пронзил ему грудь насквозь», и в ряде других военных операций. При осаде Арраса в 1640 году, по словам того же Ле Бре, «он получил удар саблей в горло». Но и на этот раз уцелел.

Смелый солдат и отчаянный дуэлянт был также замечательным поэтом, глубоким философом, оригинальным драматургом. После 1641 года Сирано оставил службу, поселился в Париже и вел жизнь литературной богемы. Как раз в это время он создает свои главные литературные произведения: комедию «Осмеянный педант» (1647), трагедию «Смерть Агриппины» (1653), утопические романы «Иной свет, или Государства и империи Луны» (изд. 1656) и «Комическая история государств и империй Солнца» (изд. 1662).

В произведениях Сирано обращает на себя внимание не только многообразный талант их автора, но и его смелость. Таким был он и в жизни — и на поле боя, и на шумной парижской улице, и в королевских апартаментах. Как заметил М. Горький, «герой комедии Ростана — один из тех немногих, но всегда глубоко несчастных людей, на долю которых выпадает высокая честь быть лучше и умнее своих современников. Чем выше над толпой поднимается голова такого человека, тем больше ударов падает на эту голову»¹.

Действительно, остроумный, взбалмошный и неуживчивый, гордый в своей одинокой бедности, Сирано нажил себе при жизни немало врагов, а после смерти стал достоянием легенды. Умер он в результате несчастного случая в 1655 году.

Ростан в своей комедии отказался от некоторых второстепенных деталей облика реального Сирано (тот, например, не был, как известно, гасконцем, не был влюблен в

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 23. М., 1953, с. 303.

свою кузину и не умер столь поэтично, как изображено в пьесе), но в целом драматургу удалось уловить основное в характере этого примечательного человека — его смелость, правдолюбие, природный ум, независимый нрав. Добавив к облику героя некоторые романтические черты, Ростан создал характер яркий, самобытный, запоминающийся, характер героический. Отсюда понятен восторг М. Горького, писавшего А.П. Чехову: «Вот как надо жить — как Сирано»¹.

Ростан любит выводить главного героя на сцену не сразу. Так, выход Сирано тщательно подготовлен. Он является в момент крайнего драматического напряжения, и его первые слова подобны разорвавшейся бомбе. Еще не видя Сирано, мы узнаем о нем многое: он смел, остроумен, дерзок, у него длинный нос и он не привык спускаться своим врагам. А затем Сирано почти все время на сцене. Характер его не меняется, он как бы поворачивается к зрителю новыми гранями. Сначала это веселый скандалист, срывающий театральное представление, несмотря на протесты публики. Затем мы знакомимся с его остроумием, мастерством фехтовальщика и мастерством поэта. От действия к действию образ Сирано раскрывается все полнее, усложняется. Он предстает перед нами и как пылкий влюбленный, и как самоотверженный друг, и как человек большого ума и обширнейших знаний. В четвертом действии Сирано выказывает не только отчаянную смелость и хладнокровие, но и незаурядный талант военачальника. То грубой шуткой, то ласковым словом он подбадривает своих солдат (как это делал в «Принцессе Грезе» Бертран, поднимавший дух отчаявшихся матросов), а в самый критический момент боя воодушевляет их, воскрешая в их памяти картины родной Гаскони. Несмотря на весь яд своих насмешек, Сирано добр и сердечен. Он искренне любит своих друзей — бездомного поэта Линьера, ворчливого Ле Бре, комичного поэта-пирожника Рагно. Он легко, без излишнего позерства отдает последние деньги актерам, потечески заботится о своих солдатах. Он легко прощает своих друзей и никогда не прощает врагов. И вся жизнь его проходит в борьбе с извечными его противниками —

¹ Горький М. Собр. соч., т. 28. М., 1954, с. 118.

ложью, подлостью, завистью, лицемерием. Верный друг Ле Бре так рассказывает о печальной судьбе Сирано:

Все, что предсказывал когда-то я ему,
Сбылось, к большому горю моему.
Теперь он в нищете, все от него далеки,
И плакать я над ним готов.
Да, слишком смело уж бичует он пороки
И этим создает везде себе врагов.

Всю свою жизнь Сирано оставался одиноким мечтателем, поэтом, который жизнь свою «прожил, как поэт». Полет крылатой мечты Сирано противопоставил пошлой обыденности. Как поэт, Сирано стремится преобразовать мир, видеть его иным, прекрасным и справедливым, полным гармонии. Он отдает себе отчет в том, что его мечты иллюзорны и прекраснодушны, но он не может расстаться с этим воображаемым миром. В знаменитой сцене из второго действия де Гиш прямо сравнивает Сирано с героем Сервантеса, а его борьбу — с борьбой Дон Кихота с ветряными мельницами. О донкихотстве Сирано уже не раз говорилось. Но между героем Ростана и сервантесовским Рыцарем Печального Образа есть огромная разница. Оба смелы до безрассудства и благородны до самоотречения. Оба стремятся защищать слабых, восстанавливать поправленную справедливость, помогать бедным. Но Дон Кихот видит жизнь лишь сквозь призму своего безумия; поэтому он сражается с ветряными мельницами, винными бурдюками и деревянными куклами. Он не понимает реальной жизни, и она жестоко ему за это мстит. Сирано правильно находит своих врагов. Но перед ним — совсем не марионетки.

У Сирано множество недругов — это представители так называемого «высшего света», придворные проходимцы и прихлебатели, льстецы, нечистые на руку финансисты, мракобесы всех мастей, просто глупцы. И Сирано обрушивает на них все свое остроумие, всю силу своего язвительного и ясного ума, а если нужно — и клинок своей шпаги. Как и Дон Кихот, Сирано думает о себе в последнюю очередь, но в отличие от испанского рыцаря он метко разит своих врагов. Надменный де Гиш ошибся: Дон Кихоту —

Сирано безумие не застилает глаз и в руках у него не смешное треснувшее копьцо, а грозный клинок д'Артаньяна.

Вообще не следовало бы видеть в де Гише основного врага нашего героя. Во-первых, де Гиш не всесилен, а вторых, если бы перед Сирано был один де Гиш, наш герой наверняка справился бы с ним. Бержерак бросает вызов всему обществу, он не хочет отказаться от мысли, что острым словом, метким ударом шпаги можно избавить человечество от царящего в мире зла, сделать жизнь прекрасной и гармоничной. Хотя этот бой Сирано с самого начала проигран (пусть наш герой и выгнал со сцены бездарного Монфлери, и жестоко проучил светского хлыща Вальвера — все это маленькие частные победы), он ведет его до конца, отступаясь, но не отступая. И в этом Сирано действительно сродни рыцарю из Ламанчи. Оба они не тот или иной вариант социального типа, а человеческий характер, пусть рожденный определенными историческими условиями, но эти условия преодолевший, далеко вышедший за рамки своего века, по сути дела, универсальный.

Но есть поединок, в котором Сирано отступает с первого же шага. Это поединок за сердце Роксаны. Он любит ее давно и трудно, отчаиваясь и надеясь. Следуя заветам романтического театра, Ростан делает своего героя, смелого, умного и великодушного Сирано, некрасивым. А кого же может полюбить отталкивающий урод? Конечно, только первую красавицу. В любви к Роксане, а не сражаясь на аванпостах Арраса, Сирано показывает чудеса самоотречения. Так комедия о смешном правдолюбце и непонятом философе превращается в лирическую драму о неразделенной, непонятой любви. Сирано не только прощает своему счастливому сопернику намеренные дерзости, не только бережно относится к нему в походе, он отдает ему свое перо, свой ум, свое сердце. Красавец Кристиан де Невилет — неотесанный провинциал, не умеющий связать двух слов и уж совсем не владеющий изысканным языком любовной переписки. В пьесе несколько раз возникает мотив глупости Кристиана. Однако Кристиан совсем не глуп. В первой сцене с Сирано он и смел и остроумен. Ему просто не хватает столичного лоска, литературной одаренности. Но вот Кристиан начинает повторять слова и мысли Сирано — и постепенно преображается. Обще-

ние с Бержераком просветляюще, облагораживающе действует на окружающих. Не без влияния Сирано кондитер Рагно с головой уходит в прекрасный мир поэзии; ветренный и влюбчивый Кристиан делается серьезнее и строже.

Меняется и Роксана. Между прочим, надо решительно отбросить представление о ней как о «голубой» героине. Это характер сложный и глубокий, это женщина, ищущая больших чувств и тонких переживаний. Если Сирано почти все время на сцене, то Роксана появляется перед зрителем сравнительно редко. В первом действии лишь реакция публики Бургундского отеля говорит о ее присутствии на представлении. Но, еще не видя ее, мы узнаем о ней очень многое: Роксана умна, красива, своенравна, она привыкла ко всеобщему поклонению и сурова со своими воздыхателями. Такая же она и во втором действии, в той знаменитой сцене, когда она рассказывает Сирано о своем увлечении красавцем Кристианом. Третий акт — это подлинный акт Роксаны. Ее ум, обаяние, хитрость, находчивость, любовный порыв раскрываются в сценах с де Гишем, Сирано, Кристианом, капуцином. В течение этого действия Роксана проходит длинный путь от своенравной красавицы до женщины, смело борющейся за свою любовь. Такой она предстает и в четвертом акте, появляясь среди солдат Сирано на передовом бастионе.

Проходит пятнадцать лет. Погиб Кристиан, еще более обеднел и ожесточился Сирано, иной стала и Роксана. Пьеса, начатая как веселая комедия, приобретающая в четвертом акте героическое звучание, заканчивается как лирическая драма. Два поединка Сирано — борьба против лицемерия и неправды окружающей жизни и борьба за сердце Роксаны — стягиваются в один узел. Тот поединок, исход которого был предreshен, заканчивается гибелью героя. Но Сирано оказывается победителем во втором поединке, в котором он, смешной урод, заранее считал себя побежденным. В умирающем Сирано Роксана узнает автора всех тех страстных любовных писем, которые она столько лет тайно хранила, и понимает, что любила она не красивую оболочку — Кристиана, — а прекрасную душу и недюжинный ум — Сирано. Герой гибнет, но пьеса заканчивается победой человека, гимном человеческому разуму, гимном

одиноким мечтателям, никогда не поступающим своими принципами и ведущим за них борьбу до конца.

Героическая комедия «Сирано де Бержерак» — это пьеса о поэте, написанная большим поэтом. Это подлинная вершина творчества Ростана. Как поэт, автор достигает здесь отточенного мастерства. Стих комедии гибок, выразителен и легок. Он то плавно течет, то стремительно несется вперед. Поэту одинаково удаются и большие философские или лирические монологи, и динамичные диалоги, подлинные словесные поединки. Рифмы Ростана, как правило, свежи, неожиданны, исполнены смысла; велика их организующая роль. Продуманна и совершенна композиция пьесы. После довольно стремительного начала, в котором много веселья, откровенной буффонады, наступает некоторое замедление второго акта. Третий акт — это, казалось бы, кульминация, за которой должна последовать развязка. Но еще большей кульминации действие достигает в четвертом акте (осада Арраса). Пальба и лязг оружия сменяются тихим шелестом листьев и боем монастырских часов в последнем действии. Многообразен, порой утонченно изыскан, порой откровенно грубоват язык пьесы. Языковыми характеристикам персонажей Ростан уделял очень большое внимание. Подчеркнуто правильна и холодна речь надменного аристократа де Гиша; речь Рагно соткана из забавного смешения кулинарных и поэтических терминов. Роксана говорит вначале, как утонченная «причудница», затем, охваченная большим чувством, она вкладывает в слова подлинный жар своего сердца. Но наиболее богата оттенками речь Сирано. Здесь и весь набор слов и выражений, характерных для модного тогда придворно-аристократического стиля, — в письмах к Роксане, которые он пишет за Кристиана, здесь и настоящий научный трактат о космических полетах — в разговоре Сирано с де Гишем, здесь и остроумные словесные дуэли, и лирические дуэты с Роксаной, и глубокие философские монологи, и образцы тонкой пейзажной лирики, и приподнятые маршевые интонации — в романтическом гимне гвардейцев-гасконцев и т.д.

Постановка «Сирано» принесла Ростану славу и деньги. Драматург поселился в роскошном особняке в центре Парижа, устраивал домашние концерты и великосветские

приемы, собирал произведения искусства, путешествовал, построил виллу в Пиренеях. Он стал модной знаменитостью. Но это не значит, что он замкнулся в своем узком красивом мирке. Он и раньше не был бесконечно далек от общественной жизни. Так, в 1894 году он поставил свою подпись под обращением группы писателей, требовавших пересмотра дела Дрейфуса. В марте 1897 года Ростан выступил с публичным чтением своего стихотворения «За Грецию», призывая помочь грекам в их борьбе против турецкой агрессии. В 1901 году поэт написал стихотворение «Крюгеру», приветствуя борьбу буров за независимость. Патриотическими настроениями, интересом к героическому прошлому своего народа, а не каким-то запоздалым бонапартизмом была вдохновлена и новая пьеса Ростана «Орленок», над которой он работал в 1898—1899 годах. Она была поставлена 15 марта 1900 года в театре Сары Бернар.

И эта драма, бесспорно, произведение большого мастера. Но печальная история сына Наполеона I герцога Рейхштадтского была лишена подлинной героичности. Поэтому в обрисовке центрального персонажа пьесы доминируют не возвышенные интонации, а интонации трогательные, подчас даже слезливо-сентиментальные. Романтически настроенный, неуравновешенный, гордый, но морально слабый герой драмы и не идеализируется автором. Все его замыслы с самого начала обречены на неудачу, хотя и создается впечатление, что юношу губит лишь глупейшая случайность. И в этой пьесе чистая романтическая любовь, благородные порывы молодого сердца наталкивались на бездушие света и холодную расчетливость большой политики. Здесь последние побеждали. Юный герой драмы терпел поражение и погибал. Но это были поражение и гибель, так сказать, физические. Морально герцог Рейхштадтский побеждал своих могучих противников, побеждал потому, что не изменял своим идеалам, хотя и платил за верность им собственной жизнью.

Но трагедия юного герцога — это не только трагедия неудачливого заговорщика. Это также трагедия человека, не имеющего подлинной родины, мечтающего о родине своих романтических грез, о Франции, которую он, по сути дела, не знает, и не принимающего вторую родину, Австрию, оказывающуюся местом его фактического заточения.

ния. И одновременно это трагедия слабой личности, создающей свою слабость и свою никчемность, мечтающей о славе отца, но прекрасно понимающей, что он и отец не сопоставимы.

Герцог Рейхштадтский в пьесе Ростана — во многом безвольная игрушка в чужих руках. Но тем не менее за его душу идет ожесточенная борьба. Разные персонажи драмы принимают в этой борьбе одинаковое участие. Так, мать герцога Мария-Луиза более увлечена светским флиртом, чем судьбою сына. Пассивен австрийский император Франц, равнодушны придворные. И основное столкновение происходит между всемогущим Меттернихом и простым гренадером Фламбо, из тех наполеоновских «ворчунов», что проделали с императором Франции все его походы. Фламбо постоянно одерживает верх над австрийским канцлером, он является для впечатлительного юноши олицетворением далекой родины и неувядаемой славы его отца. Политическим расчетам Меттерниха Фламбо противопоставляет не логику, не доводы разума, а неодолимую силу своих патриотических чувств. Поэтому борьба с Фламбо Меттернихом полностью проиграна. Единственное, что он может получить, — это бездыханное тело юного герцога. И знаменитая фраза Меттерниха, заключающая пьесу, — «австрийский на него надеть мундир!» — это признание его поражения, признание торжества патриотических идей, веры в величие Франции.

Ростан устами Фламбо не идеализирует наполеоновские походы; напротив, он рассказывает о крови и грязи, о тяжелых мучениях умирающих, о тяготах солдатской службы. Но эта суровая правда не лишает взволнованные тирады Фламбо напряженной героичности. Возвышенная романтика пронизывает почти все сцены, в которых участвует старый гренадер. Это особенно заметно в заключительной сцене пятого акта, где с большой поэтической силой и драматургической изобретательностью изображен ночной разговор юного героя на поле боя под Ваграмом с теньями павших.

Образ Фламбо олицетворяет собой простой народ Франции, подобно тому как олицетворял его Рагно в «Сирано де Бержераке» или грубоватые матросы в «Принцес-

се Грезе». Представители народа в пьесах Ростана всегда оказываются на стороне главного героя. И далеко не случайно именно Фламбо противостоит в «Орленке» политика-ну Меттерниху. Ростан, разрабатывая «наполеоновскую легенду», выступил в этой пьесе не как бонапартист или ярый националист, а прежде всего как талантливый поэт-патриот.

В 1903 году Ростан был выбран во Французскую академию. Светская жизнь, а затем тяжелый недуг, слишком рано сведший его в могилу (поэт скончался 2 декабря 1918 года), отрывали его от творческого труда. Следующую свою пьесу он завершил лишь в 1910 году. Это был «Шантеклер», поставленный в театре Порт-Сен-Мартен в феврале того же года.

В этом произведении поэт ставил перед собой сложную задачу. По сути дела, это аллегория о правде в искусстве, о его назначении. Действие пьесы разворачивается на птичьей ферме, а на сцене появляются ее первые обитатели. Но иносказания поэта легко расшифровываются. Под видом птиц и зверей Ростан выводит представителей различных слоев современного ему общества, в том числе литераторов-декадентов, и противопоставляет им всем красавца петуха Шантеклера, «певца зари», поборника простоты и правды в поэзии. Шантеклер — это еще один вариант Сирано. Он идеалист, верящий в добро и справедливость, стремящийся повсеместно утверждать ее и оберегать. Далеко не случайно он влюблен в окружающую природу, подлинный источник его вдохновения.

А я! Давно уж я способен в восхищенье
Застыть при виде трав иль нежного цветка, —

признается он.

Глубоко символично, что герой пьесы может петь лишь после того, как прикоснется к земле. Эта достаточно прозрачная аллегория отражает и собственные творческие позиции Ростана, неизменно подчеркивавшего живительность обращения к национальным поэтическим традициям. Совсем не случайно Шантеклер в своей трогательной наивности убежден в общественной пользе своего пения: он искренне верит, что им он заставляет вставать Солнце. Для себя же он не ищет ни наград, ни славы:

Да, знай, что я пою не для забавы эха,
От песни я не жду ни славы, ни успеха.
Мне нужно, чтобы свет торжествовал над тьмой,
И в пеньё — вера вся, и труд, и подвиг мой.

Иногда полагают, что в пьесе Ростана слишком много символики и аллегорий. А как же иначе! Таков жанр этого произведения, в котором поэт выступает во всеоружии своего таланта. Да, в «Шантеклере» много аллегорий, но они ясны, необыкновенно точны, иногда подчеркнута ироничны, иногда же глубоко лиричны. И действие в этой аллегорической пьесе построено мастерски, в ней немало эффектных сюжетных ходов, драматичных сцен, и финал не может не держать в напряжении читателя или зрителя до самой последней реплики пса Пату.

Обращение к миру природы, бесспорно, обогатило, расцветило новыми неожиданными красками языковую палитру Ростана. Но не сделало язык пьесы манерным. Словесное разнообразие и богатство не противоречило основной установке автора — быть ясным.

«Шантеклер» Ростана весь пронизан радостным восприятием жизни (хотя в пьесе и есть печальные нотки), одухотворенным, восторженным любованием щедрой природой Южной Франции, наполнен подлинным культом солнца, без которого погибло бы все живое. Т.Л. Щепкина-Куперник, которая с замечательным талантом перевела на русский язык почти все произведения Ростана, имела основание так сказать об их авторе: «Он всем наслаждался конкретно и все стороны своей жизни поворачивал к солнцу»¹.

А. МИХАЙЛОВ

¹ Щепкина-Куперник Т.Л. Театр в моей жизни. М.—Л., 1948, с. 100.

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ
В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мелисинда — восточная принцесса, графиня Триполийская.

Соризмонда — придворная дама принцессы.

Бертран д'Аламанон — рыцарь и трубадур Провансальский.

Жофруа Рюдель — принц Блейский, трубадур Аквитанский.

Брат Трофимий — капеллан принца.

Эразм — врач принца.

Скарчафико — генуэзский купец.

Рыцарь Зеленых Лат — на службе у императора Мануила Комнена.

Женщина.

Капитан корабля

Тробальдо — конопатчик

Франсуа-Ураган

Пегофа

Бруно

Бистань

Жоан — португалец

Мариас — из Эг-Морта

Кормчий

Юнга

} моряки.

Николоз — слуга Скарчафико.

Первый

Второй

Третий

Четвертый

Пятый

} пилигримы.

Гребцы, музыканты, рабы, служанки и т.д. XII век.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет палубу корабля, очевидно, пострадавшего от долгого и мучительного плавания. Следы бури: изорванные паруса, разбитые реи, растрепанные канаты, мачта накренилась набок. Следы сражения: пятна крови, разбросанное оружие. Ночь близится к концу. Серые прозрачные тени. Бледнеющее небо. Редеющие звезды. Море фиолетовое с полосами серебристого пара. Густой туман на горизонте. Освещение в течение акта незаметно меняется.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Моряки: Бруно, Бистань, Мариас, Пегофа, Тробальдо, Франсуа, Жоан и другие. Гребцы, кормчий, потом капитан корабля и брат Трофимий. При поднятии занавеса все сидят и лежат как попало. Лица у всех трагические, исхудалые, бледные, истощенные усталостью и лишениями. Некоторые ранены и кое-как перевязаны лохмотьями. Двое в глубине сцены раскачивают за ноги и за голову мертвое тело.

ПЕГОФА И БРУНО.

Раз... два... три... гоп!
(Бросают тело за борт.)

ПЕГОФА.

Конец!

БРУНО.

Еще один,
Которому не довелось доплыть
До Триполиса.

ПЕГОФА (*снимая шапку*).

Ну, прощай, товарищ!

ЖОАН.

Заря уж скоро. Небо розовеет.

ФРАНСУА (*просыпаясь, потягиваясь*).

Кто это был?

БРУНО.

Андрью-головорез.

ФРАНСУА.

Проклятая горячка!.. Ну, однако,
Волна здесь поработала на славу.

БИСТАНЬ.

А ветер?.. Снес булини.

БРУНО.

Снес драйреп.

ФРАНСУА.

А мачта? Сломится сейчас. Не подпилить ли?

БИСТАНЬ.

Вот я теперь поел бы так поел.

БРУНО.

Нигде ни крошки.

ФРАНСУА (*вставая*).

Ох, какая боль!..

Я на ногах едва могу держаться.
Да, встретясь нам еще один корабль,
И больше драться будем мы не в силах.

БРУНО.

Придется драться, так и будем драться.
Должны же мы доплыть до Триполиса.
Смерть всем, кто нам захочет помешать!

БИСТАНЬ.

Когда ж достигнем сарацинских вод?

Эдмон РОСТАН

КОРМЧИЙ.

Теперь уж скоро. Все вот эта буря...
Эх, если б у меня была игла,
Которая показывает север,
И камень натирать ее...

БИСТАНЬ (*пожав плечами*).

Вот чушь!

КОРМЧИЙ.

Нет, у иных такая есть игла.
Пойми ты: в камень влюблено железо.
Дотронешься ты камнем до иглы,
Она вся вздрогнет и укажет север.
Вот, очень просто.

ВСЕ МОРЯКИ.

Ха-ха-ха! — Глупец!
— Игла! Ха-ха! — Он просто нас морочит.

ПЕГОФА.

Бог с ней, с иглой... Плыви, скорлупка наша!
Погода проясняется, смотрите,
И бедствию пришел конец!

БРУНО.

Вот как?
Ты думаешь?.. А голод?..

ФРАНСУА.

Да, а жажда?..

БИСТАНЬ.

Чего-чего не претерпели мы!
Каких страданий!

ПЕГОФА.

Помоги нам, боже!

ТРОВАЛЬДО (*появляясь верхом на рее*).

Теперь нам не хватает одного:
Найти ее как смертный грех дурною!..

ВСЕ МОРЯКИ.

О нет! — Она прекрасна! — О, прекрасна! —
Она прекрасна!

ТРОВАЛЬДО.

Да, клянуся богом,
И нужно, чтоб она была прекрасна.

БИСТАНЬ.

О да, сынок... Не только хороша...
За все, что мы из-за нее терпели.
Не то...

БРУНО.

Она должна быть хороша.

ВСЕ.

Она красавица! — Она прекрасна!..

МАРИАС.

Я в этом убежден!

ГРЕБЕЦ.

Недурно б было
Грести, чтобы чудовище увидеть.

ПЕГОФА (*смеясь*).

Га!.. Поднимая весла, о принцессе
Ты думаешь, марселец!

ГРЕБЕЦ.

Беспрестанно!

БИСТАНЬ.

А, будь спокоен: знаешь ли, принцессы
Всегда прекрасны!..

КОРМЧИЙ *(пожимая плечами)*.

Как не надоест
Вам толковать все о принцессе этой?..

ПЕГОФА.

Мы все устали, но смотри, товарищ:
Мы говорим о ней — и забываем
И боль и голод... И почти довольны!..

КОРМЧИЙ.

Да вам и не покажут эту пташку.

БРУНО.

Принц обещал нас всех к ней повести,
Когда нам бог доплыть туда поможет,
И ей сказать, что это мы его
Доставили в ее дворец прекрасный.

КОРМЧИЙ.

И думаешь, что с вами, с низкой чернью,
Принцесса пожелает говорить?

ПЕГОФА.

О, что ты, что ты! Мы ее увидим,
И это много уж! Недаром слава
Пошла везде по христианским землям
О ней одной...

ЮНГА.

И о ее глазах!

КОРМЧИЙ *(оборачиваясь к нему)*.

И ты о них мечтаешь, а?

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

ЮНГА.

Еще бы!

ПЕГОФА.

Тсс! Капитан!

КАПИТАН (*вошел немного раньше и слушал их разговор*).

Чтоб видеть их, нам нужно,
Во-первых, в Триполис еще добраться;
А во-вторых, чтоб добрый принц Рюдель
Остался жив...

А что? Ему все хуже?..
— Наш бедный принц!

БРУНО.

Несчастье за несчастьем.

КАПИТАН.

Смотрите, заперта его каюта.
С друзьями отдыхает он теперь.

Сочувственный шепот.

БИСТАНЬ.

Вчера еще он вечером нам пел.

ФРАНСУА.

А как зовут вот это, из чего
Такие звуки достает он?..

КОРМЧИЙ (*с видом знатока*).

Лира.

ФРАНСУА.

А, лира! Как звучит она красиво!

БИСТАНЬ.

Под эти песни слаще мне грести.

ЭДМОН РОСТАН

ПЕГОФА.

И бечеву тянуть гораздо легче.

КАПИТАН.

Тсс!.. Тише вы!..

ПЕГОФА.

Сюда идет Трофимий.

Брат Трофимий, в дырявой и заплатажной одежде, выходит из бака, взглядывает на небо и, отойдя в глубину сцены, становится на колени.

БРУНО.

Ну, этот не стесняет.

ФРАНСУА.

Славный малый!..

БИСТАНЬ.

Таких-то добрых бог давай побольше.

КАПИТАН.

Смотрите, уж на небе побледнели
Последние огни.

БИСТАНЬ.

Сейчас рассвет.

Светает.

БРАТ ТРОФИМИЙ *(на коленях)*.

Заступница несчастных моряков,
Звезда морей, о Дева Пресвятая!
Ты разгоняешь стаи облаков,
Волнения и бури укрощая...
Мы под твою защиту отделись!
Пусть, наконец, как лебедь величавый,
Войдет корабль наш в город Триполис

И имя Жофруа покроеет славой.
Знай, дал обет наш добрый государь:
Когда желанной цели он достигнет,
В Тортозе он тогда над алтарем
Корабль тебе серебряный воздвигнет.

КОРМЧИЙ.

Пустое все. Эх, будь со мной игла...

БИСТАНЬ.

Животное, уж ты молчал бы лучше.

Эразм выходит из бака. Докторская мантия в лохмотьях.
Он без колпака, вид у него жалкий. Моряки пересмеиваются.

БРУНО.

И старина туда же выползает.

ФРАНСУА.

Ба! Медикус!

БИСТАНЬ.

На розовой водице.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Эразм.

БРАТ ТРОФИМИЙ (*идя к Эразму*).

Ну как больной, почтеннейший Эразмус?

ЭРАЗМ.

Все хуже. Принц немного задремал.
Мессир Бертран при нем остался. Что же
(*смотря на горизонт*),
Почтеннейший Трофимий? Все туман?
(*В бешенстве.*)
Нет! Я-то, я-то, лучший врач Салерно,
Прошу сказать, что делаю я здесь,
Средь гибели, лицом к лицу со смертью?

Где кабинет ученый мой с камином,
 Где кафедра, где докторское кресло,
 Где книги и лечебники мои?
 Вдобавок этот ветер, этот вихорь
 Из мантии моей лохмотья сделал
 И постепенно у меня расхитил
 Все шапочки, все колпаки мои!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Но это воля принца Жофруа.

ЭРАЗМ (*прерывая его*).

Чего ж он сам, зевака из зевак,
 Поэт хваленый, этот риск затеял?
 Когда к нему на службу я вступал,
 К болезненному, доброму ребенку,
 Я думал жить спокойно и разумно,
 Лечить его на суше, не на море.
 Пускай их черт на вертел всех посадит,
 Пусть сжарит ад проклятых пилигримов
 Антиохийских! Первые они,
 Придя к нему в его спокойный замок,
 В час ужина, за вкусною индейкой,
 Ему напели в уши про нее,
 Про Мелиснду сказочную эту.
 С каким они усердьем неуместным
 Хвалили дочь великого Раймунда
 И Годиерны! Слушать — просто бред!
 Чего-чего они не говорили:
 «Цветок далекой Азии роскошный,
 Звезда небес!» Чего они не пели!
 Особенно один, с безумным взглядом...
 Он, помню я, наговорил такого,
 Что, встав из-за стола, наш милый принц,
 Поэт, влюбленный в тень и шорох ветра,
 Провозгласил ее своею дамой
 И с той поры остался верен ей,
 О ней мечтая, для нее рифмуя...
 И так себя настроил за два года,
 Что, наконец, день за день угасая
 И близкий свой предчувствуя конец,

Решил пуститься в путь за сине море
К неведомой своей «Принцессе Грезе»,
Не в силах умереть, не увидав
Хотя на миг ее!..

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Но, друг Эразмус...

ЭРАЗМ.

Теперь ему зато морское дно
Гробницей будет!.. А его приятель,
Любезный сир Бертран д'Аламанон,
Когда Рюделя в голос все старались
Отговорить от гибельной затеи,
Он восхвалял один его любовь,
В стихах его безумье воспевал
И вместе с ним отправился в прогулку.
Да это дико!.. Это все нелепо!..
И вы могли вмешаться в это дело!
Понятней уж, что я здесь очутился,
Но вам прощенья нет. Вы допустили,
Чтоб Жофруа Рюдель, один из всех
Известных миру рыцарей и принцев,
Отправился к проклятым сарацинам
В поход — и не в крестовый! Стыд! Позор!
И, пилигрим любви, поет он с лютней,
Что цель его — совсем не Гроб Господень.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Кто знает цель, к которой нас Господь
Предназначает свыше!

ЭРАЗМ.

Стыд! Позор!
Из-за чего идем мы в Палестину?
А? Из-за пары женских глаз! Нелепость!!!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Поверьте... Богу это не противно.

ЭРАЗМ.

Быть может, и угодно?!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Да.

ЭРАЗМ.

Ого!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Ему угодно все, что бескорыстно,
Что б ни было: крестовые походы
Иль эта бескорыстная любовь.

ЭРАЗМ.

И вы... и вы способны допустить
Сравнение любовных походов
С походом крестоносцев на защиту
Святыни нашей?..

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Не ее защиты
Господь желает. Верьте мне, Эразмус,
Что Господу защита не нужна —
И если бы ему угодно было
Прогнать неверных от святыни нашей,
Один бы ангел сделать это мог
Одним ударом белоснежных крыльев.
Нет! На поход сзывая христиан,
Хотел он вызвать их из отупенья,
Хотел он дивной властью пробудить
Всех живших в гневе, гордости, пороках,
И темном себялюбии, и лени,
От мрака к свету души их призвать,
И заронить в сердца их огонь небесный,
И их послать с молитвою и пеньем,
Готовыми от вражьих стрел погибнуть

И умереть за истину — без страха.
Их научить хотел самозабвенью,
Которое для всех необходимо...

Э Р А З М.

Так, значит, то, что совершает принц
Для неизвестной этой Мелисинды...

Б Р А Т Т Р О Ф И М И Й.

Даст только пользу для его души.
Когда он был беспечным себялюбцем,
Жил в праздности, в бездействии, в забвеньи, —
Душа его застыла, умерла.
Теперь он любит, чувствует, страдает,
Его душа воскресла в нем теперь!
Пусть каждый совершает то, что в силах,
Но главное — чтоб сердце билось в нас...
Теперь ему пороки чужды стали,
И мелкие любовные интриги,
И мелочный разврат его двора.
Ужели это чувство не дороже?
Поверьте мне: великая любовь,
К кому б она в душе ни зародилась,
Работает всегда на пользу неба!..

Э Р А З М.

Пусть будет так.

Б Р А Т Т Р О Ф И М И Й *(понижая голос)*.

Послушайте еще.

Вот эти загорелые гребцы,
Все бывшие разбойники, пираты,
Они корабль свой отдали внаем,
Как это часто делают корсары
Для тех, кто отбывает на Восток;
Преступней их сердец закоренелых
Вам трудно б было прежде отыскать, —
Они взялись к далекой даме сердца
Доставить принца. Что ж теперь мы видим?
Когда с их капитаном договор

Подписывали мы, никто из них
И не слышал про дивную принцессу,
Теперь они все влюблены в нее.

Э Р А З М.

И вы, вы рады этому, Трофимий?
Довольно странно.

Б Р А Т Т Р О Ф И М И Й.

Я не рад — я счастлив!
Подумайте! Летит галера наша
Навстречу цели чистой, благородной,
Не за добычей!.. Все они мечтают
Взглянуть хоть раз на красоту принцессы.
И души озверевших дикарей
Склоняются пред силой красоты.
И им принцесса стала дамой сердца
Благодаря влюбленному поэту.
Они хотят, чтоб принц ее увидел,
Чтоб он взглянул в прекрасные глаза;
Его любви понравилась им тайна.
Ничтожные — к великому стремятся
И чувствуют, не мудрствуя лукаво,
Поэзию и красоту всем сердцем!
Да! благородное безумье принца,
Которого никто не оценил,
Им кажется понятным и прекрасным,
И духом нищие — они блаженны.

Э Р А З М.

Поговорите с кормчим! Он смеется
Над этим сумасшествием.

Б Р А Т Т Р О Ф И М И Й.

А... Кормчий

Не так уж прост...

Э Р А З М.

Да, наконец, скажите,
Что вам за дело до пиратов этих?

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Большое! Верьте: проблеск идеала
 Уж перевес в душе берет над злом!
 В высокой, благородной цели вижу
 Я цель еще светлей и благородней.
 Кто в жизни раз хотя б узнал мечту,
 Тому вернуться к пошлости уж трудно.
 Поверьте мне, глубоко уважаю
 Я их облагороженные души.
 Удивлены вы? Да, я откровенно
 Всегда готов за подвиги стоять.
 А наш поход... Скажите, чем же он
 Уступит хоть походу аргонатов?
 И лирика и эпос величавый
 Нашли приют на этом корабле,
 Что по волнам летит по воле ветра,
 Под сладкий шепот лютни и стихов...
 Его гребцы — суровые пираты,
 Их предводитель — пламенный поэт.
 Они стремятся к женщине прекрасной,
 Далекой, странной, чистой, как мечта,
 С одной надеждой: вовремя прибыть,
 Чтоб перед смертью он ее увидел.
 Как вы хотите, но порок страшнейший —
 Бездействие и косность, друг Эразмус;
 А добродетель...

ЭРАЗМ.

Что же?

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Вдохновенье!

(Отходит.)

ЭРАЗМ.

Пусть будет так... Шутник!
(После размышления.)
 Одно я вижу:
 Его, наверно, отлучат от церкви.

Бертран, тоже в лохмотьях, выходит из каюты.

БЕРТРАН (*Эразму*).

Проснулся принц.

ЭРАЗМ.

Сейчас иду к нему.

(*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же (без Эразма), Бертран.

КАПИТАН (*к Пегофа, выпустившему весла*).

Греби же, брат!

ПЕГОФА.

Три дня уже не ел я.

Нет больше сил!

БРУНО (*задыхаясь*).

О, если бы воды!

БРАТ ТРОФИМИЙ (*подходя к Берtrandу и беря его за руку*).

Ты сердцем чист, и преданность твоя

Больному принцу, милый сын, похвальна.

БЕРТРАН.

Недаром я в Провансе родился,

И с юных лет я трубадур не даром.

Пройдет герой — за ним пойду и я.

(*Морякам.*)

Смелей, друзья! Смелей! Мы близки к цели!

(*Брату Трофимию.*)

Я недоволен был своею жизнью,

Мне надоело подбирать слова,

Нанизывать на нитки их, как жемчуг,

И жить тщеславным и пустым софистом,

Жонглируя, как мячиком, стихами.
Теперь я хоть на что-нибудь гожусь.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Твои заботы о несчастном принце
И храбрость пылкая твоя достойны
Великой похвалы!

БЕРТРАН.

Ведь я поэт,
Я вижу в этом подвиге поэму
И увлекаюсь красотой его!..

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Не уменьшай достоинства свои;
Пусть ты поэт — ты, как герой, отважен.

БЕРТРАН.

Святой отец, смущен я вашей речью.
Я похвалы такой не заслужил.
Да, правда, я на подвиги способен,
Но только под минутным впечатленьем.
Я сам отчасти легкости боюсь,
С которой кинул родину и близких,
Чтобы пойти за принцем в путь опасный.
Другие, может быть, хоть не решатся
На доброе с подобной быстротой,
Но медленней на зло способны будут.
Пускай же вас не слишком восхищают
Мои поступки: я поэт — и только.

ОДИН МОРЯК (*падая, капитану, который силится его
поднять*).

Нет больше сил! Я не могу, о боже!

КАПИТАН (*Бертрану*).

Мессир! Вы только можете придать
Им мужество рассказами своими.

Моряки тащатся к Берtrandу.

ПЕГОФА.

Мессир Бертран, я голоден безумно.
Ты расскажи скорее нам, мессир,
Про золотые волосы принцессы!

БРУНО.

Меня томит мучительная жажда.
Мессир Бертран, о, расскажи еще
Нам про ее глубокие глаза!..

ФРАНСУА.

Ты столько раз в минуты злой тоски
Нам говорил про дивную принцессу.
Все окружили его, обессиленные и умоляющие.

БЕРТРАН (*беря арфу*).

Итак, опять, мои друзья,
В час непогодный, в час туманный
Начну рассказ свой пылкий я
Вам о красавице желанной.

Ее кудрей волнистых цвет
Как будто нити золотые;
Лучи играют голубые
В ее очах, как лунный свет.

В ней кротость тихая святыни,
Мадонны нежной чистота
С красой языческой богини
Так упоительно слита.

В ней то веселия порывы,
То нега странной тишины;
При ней все женщины ревнивы
И все мужчины неверны.

Она смеется — вянут розы,
Поет — смолкают соловьи.
Когда она роняет слезы,
Ручья завидуют струи.

Так Мелисинда, цвет весенний,
Созданье лучшее творца,
Живет среди лучших украшений
Большого светлого дворца.

Такою, если пилигримы
Не лгали в дивной песне нам,
Священной радостью палимы,
Такой ее увидим там!..

Во время этого рассказа моряки мало-помалу поднимаются.

ПЕГОФА.

Как говорит он!.. Хоть не все понятно,
Но видно, что она прекрасна, правда?

БРУНО.

О! Мне уж легче!

Все принимаются за дело.

ФРАНСУА.

Эй, гребни смелей!

КОРМЧИЙ:

Так вы совсем сведете их с ума.
К чему ведут на кораблях поэты!

БЕРТРАН.

Рюдель и я — мы сводим их с ума?
Да только мы и придаем им силы!
В час страшных бурь, ничем не отразимых,
На корабле нужней поэт, чем кормчий.

ПЕГОФА (*с насмешкой глядя на кормчего*).

Особенно такой сморчок, как этот!

БЕРТРАН.

Когда ж, когда рассеется туман?

ЭДМОН РОСТАН

КАПИТАН.

Вот подождем восхода.

ПЕГОФА (*указывая на кормчего*).

Он взбешен!

КОРМЧИЙ.

О, если б у меня была игла!..

ПЕГОФА.

Да ну тебя с твоей наукой к черту!
Ну, если б ты и знал, где юг, где север,
Скажи на милость, ведь твоя игла
Скучать бы нам в пути не помешала?

ФРАНСУА.

И голод не заставила б забыть?

БРУНО.

И не могла б залить томящей жажды?!

БИСТАНЬ.

Не заглушила бы она тоски
По родине далекой и любимой?!

ТРОБАЛЬДО.

Нам показать могла б игла твоя,
Как наяву, всю роскошь и богатство
Страны, куда теперь мы держим путь?

ПЕГОФА.

И о принцессе нам бы рассказала?

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Принц Жофруа!

Вносят на носилках Жофруа Рюделя, страшно худого, бледного, в лохмотьях. Он дрожит. На измученном лице живут одни глаза.

ЖОФРУА (*слабым голосом*).

Чем ближе подвигаемся мы к цели,
Тем ближе смерть я чувствую, Бертран!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Жофруа Рюдель, потом Эразм.

ЖОФРУА.

Привет тебе, рождающийся день!
Ужель и ты не сократишь мне срока?
Когда тебя ночная сменит тень,
Увижу ли жемчужину Востока?
О, Франции родной моей цветок,
Грядущая царица Византии,
Нас разделяют водные стихии,
И от тебя я все еще далек.
Когда же мы, восторгом светлым полны,
Твой Триполис увидим вдалеке,
Где плещутся на золотом песке
Прозрачные серебряные волны?
К тебе одной мечты мои летят,
О дивная принцесса Триполиса,
В чьем имени сокрыл свой аромат
Цветок полей, душистая мелисса!
Ужель умру, и мне не принесет
С собой надежды ветерок прибрежный,
И мне твой взгляд пред смертью не блеснет,
О Мелисинда, о мой ангел нежный!..

КОРМЧИЙ.

Я говорю вам, подождите только,
Чтоб утренний рассеялся туман!

ЖОФРУА.

Ее увидеть перед смертью мне,
Чтоб видел я и там ее во сне!..

Эдмон РОСТАН

ПЕГОФА.

О, вы ее увидите!

ЖОФРУА.

Спасибо!

Твой голос мне надежду возвращает.
Но что со мной? Сегодня в первый раз
Отчаянье меня не покидает.
Владычица души, моя принцесса!
— Гребите же! Мои слабеют силы!..

БРУНО.

О, вы ее увидите!

ЖОФРУА.

Спасибо.

Бистань... Тробальдо... Мариас... Жоан...
Ты, Пегофа... Ты, Люк... Вам всем спасибо!

ПЕГОФА.

Э, полноте! Не вам благодарить!

БРУНО.

Мы все гордимся плаванием этим!

ФРАНСУА.

О да, гордимся!

БИСТАНЬ.

Это славный подвиг!

ЖОФРУА.

Да! Правда! Правда! Ваш корабль несет
Не Цезаря с богатствами его,
А принца Жофруа с его любовью!

БРАТ ТРОФИМИЙ (*приближаясь*).

Надейтесь, сын мой!

ЖОФРУА (*слабо улыбаясь*).

Добрый мой отец!...

(*Увидя Эразма*).

Без вашей черной шапочки, Эразмус,
И без ученой мантии у вас
Совсем уж не такой ученый вид...

ЭРАЗМ.

Но, монсеньер...

ЖОФРУА (*протягивая ему руку*).

Ну, не сердитесь, доктор.

(*Бертрану.*)

А ты, мой друг, мой брат и больше брат,
Чем если бы ты был мне им по крови,
Приблизься... Так... О благородный друг,
Ты, ты один последовал за мною!
Ты, ты один поддерживал меня!
Ах, я умру вдали родного края!

БЕРТРАН.

О, не жалею...

ЖОФРУА (*живо*).

Нет, нет, я не жалею
Ни замка, ни родных моих, ни милой
Зеленой Аквитании полей!
Умру, любя мою принцессу Грезу!

ЭРАЗМ.

Она причина всех несчастий наших,
Она!..

ЖОФРУА.

А я ее благословляю.
Люблю я бесконечные мечты,
Несбыточные грезы и надежды.

Завидовать готов судьбе Икара,
Который к небесам своим любимым
Задумал путь без страха проложить,
И если я, как он, паду, то все ж
И я, как он, любить не перестану
Прекрасную далекую причину
Моей прекрасной и блаженной смерти!

Э Р А З М.

Такой любви не понимаю я.
Возможно ли любить, чего не знаешь?..

Ж О Ф Р У А.

О да, возможно! Только если сердце
Возвышенно, оно любить не в силах
Того, что знает слишком хорошо!
(Приподнявшись на ложе.)
Ужель напрасно страннический посох
Я в руки взял?.. Ужель напрасно я
Пустился в путь далекий и опасный?
Но если смерть уже близка моя
И видеть мне не суждено прекрасной,
Пускай умру я с песней на устах,
Ее красу с любовью воспевая;
Пускай в моих слабеющих перстах
Звучит о ней лишь арфа золотая!..
(Берет арфу у изголовья и прелюдирует.)
Но что со мной?.. Я не решаюсь... медлю...
В последний раз о ней теперь пою,
В последний раз теперь я посвящаю
Моей любви безумной песнь мою.
Стихи любви, что первые когда-то
Я посвятил любимой мною свято,
Последними вы будете теперь!
(Говорит, аккомпанируя себе на арфе.)
Любовь – это сон упоительный,
Свет жизни, источник живительный.
В ней муки, восторг, в ней весна;
Блаженства и горя полна,
И слезы
И грезы

Так дивно дарит нам она,
 Но чужды мне девы прекрасные,
 Объяты безумные, властные,
 И шелковых кос аромат,
 И очи, что жгут и томят,
 И лепет,
 И трепет,

И уст упоительный яд.
 Люблю я любовью безбрежную,
 Нежною,
 Как смерть безнадежною;
 Люблю мою грезу прекрасную,
 Принцессу мою светлоокую,
 Мечту дорогую, неясную,
 Далекую.

Из царства видений слетая,
 Лазурным огнем залитая,
 Нисходит на землю она,
 Вся сказочной тайны полна,
 И слезы
 И грезы

Так дивно дарит мне она.
 Люблю — и ответа не жду я,
 Люблю — и не жду поцелуя.
 Ведь в жизни одна красота —
 Мечта, дорогая мечта;
 И сладкой
 Загадкой

Теперь моя жизнь объята.
 Люблю я любовью безбрежную,
 Нежною,
 Как смерть безнадежною;
 Люблю мою грезу прекрасную,
 Принцессу мою светлоокую,
 Мечту дорогую, неясную,
 Далекую!..

(Падает почти без чувств.)
 Увы! Не в силах больше я! Увы!..
 Дрожит рука, слабеющие пальцы
 Уж не находят струн на звонкой арфе..
 И слезы душат горло... Мелисинда!..

Увы, замолкну я и, может быть,
Уж навсегда!.. Надежды больше нет!

ГОЛОС (*за парусами*).

Земля!!!

Страшный шум. Принц приподнимается на ложе, простирая
руки к небу.

МАРИАС.

Смотрите, да! Земля!

БРУНО.

Земля!

ФРАНСУА.

Дружней грести! Бог сжалился над нами!

БИСТАНЬ.

Туман ее скрывал от наших глаз!

ЖОАН.

Желанный берег!

ТРОБАЛЬДО.

Цепь лиловых гор!..

ПЕГОФА.

Вон Триполис!

БРУНО (*бегая как помешанный*).

Спокойствие!

ГРЕБЦЫ.

Дружней!

МАРИАС.

Я вижу пальмы!

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

БИСТАНЬ.

Птицы!

МАРИАС (*кричит*).

Тише! Тише!

ТРОБАЛЬДО.

Вот гальционы!

ПЕГОФА.

Посмотри вперед:
Песчаный берег, словно шкура льва!..

КОРМЧИЙ.

Да, Триполис! Расчет мой верен был.
Вот стены белых зданий... Вот кусты.

ВСЕ.

О, слава кормчему!

ПЕГОФА.

Смотри, как город
Пылает весь под восходящим солнцем!

БРУНО.

Взгляни, какая розовая птица!

ФРАНСУА.

Фламинго!

БРУНО.

Да!

БИСТАНЬ.

Обнимемся, друзья!

ЭДМОН РОСТАН

ТРОБАЛЬДО.

Давайте петь!

ПЕГОФА.

Несчастье миновало!

ТРОБАЛЬДО.

Земля!

ЖОАН.

Земля!

БИСТАНЬ.

Порт!

ПЕГОФА.

Триполис!..

ЖОФРУА.

Принцесса!

(Падает без чувств на руки Бертрана.)

КАПИТАН.

Теперь скорей бросайте, детки, якорь!..

БЕРТРАН *(с помощью доктора и брата Трофимия укладывает принца).*

Он умирает! Мы должны причалить.

КАПИТАН.

О нет, мессир, теперь толчок малейший
Об риф иль камень гибелью грозит
Скорлупке нашей; здесь мы бросим якорь,
А с берега фелуки подойдут.

БЕРТРАН *(Эразму, склонившемуся над принцем).*

Глаза его закрыты... Что, не лучше?

ЭРАЗМ.

Немного лучше; все же очень худо.

БЕРТРАН (*в отчаянии*).

Так медлить дольше нам нельзя!..

ЖОФРУА.

Как громко

Ты говоришь; вот я и услышал.
Я знаю сам, что смерть моя близка,
Так на берег скорей меня везите.
Иначе я умру, как Моисей,
Глаза свои с тоскою устремляя
На этот край обетованный мой.

БЕРТРАН (*тихо, Эразму*).

Но переезд он вынесет?

ЭРАЗМ (*тихо*).

О нет!

Немыслимо и думать о движеньи.

ЖОФРУА.

Хочу, хочу скорее к Мелисинде!..

ЭРАЗМ (*подавая ему склянку*).

Сначала надо победить опасность;
Извольте это выпить, а потом
Вы отдохнете, — а затем посмотрим.

ЖОФРУА.

О мой Бертран, послушай, умоляю,
Скорей меня, скорей возьми туда.
На смерть я осужден; не все ль равно,
Умру я часом раньше или позже?
Ведь я мужчина, наконец, и прямо
Сумею смерти посмотреть в глаза.
Скажи мне, врач, ужель умру я прежде,
Чем на берег меня перевезут?

Э Р А З М.

Да, государь.

Ж О Ф Р У А.

Бертран! Бертран! Спаси!

Э Р А З М.

Но если вы останетесь спокойно,
Не говоря, не двигаясь, вот здесь, —
Здоровье к вам вернется, государь,
И вы тогда увидите принцессу.

Ж О Ф Р У А.

Нет! Нет! Врачи всегда ведь лгут. Не верю.
Бертран, Бертран, ее хочу я видеть!

Б Е Р Т Р А Н (*твердо*).

Мой добрый принц! Ее увидишь ты!

Ж О Ф Р У А.

Но как?

Б Е Р Т Р А Н.

Клянусь, ее увидишь ты:
Я сам поеду к ней, я умолю ее
И приведу сюда ее к тебе.

Ж О Ф Р У А.

Бертран!

Б Е Р Т Р А Н.

Она не может быть бесчеловечной.
Ее увидишь до заката дня.
Будь терпелив, спокойно жди меня;
Я все скажу ей за тебя.

Ж О Ф Р У А.

Бертран!..

БЕРТРАН.

Я расскажу ей о твоей любви,
Я расскажу ей о твоих страданиях;
Она узнает, что поэт и принц,
Сын Франции, страны ее родимой,
Ей поклялся заочно в вечной страсти
И, чтоб ее увидеть, перенес
И бури, и сражения, и голод;
Стремился к ней, как странник в Палестину,
И вот приехал и лежит больной...

ЖОФРУА.

И думаешь...

БЕРТРАН.

Что? Что она приедет?
Не думаю: уверен в этом я.
Скорей челнок мне, лодку, что-нибудь!
А, лодка!.. Так!.. Посмотрим, что она
Ответит мне... Скорей давайте весла!
Я сам гребу. Недолог переезд!
Ну, будь умен и знай: до первых звезд
Я привезу тебе твою принцессу.

ЖОФРУА.

О мой Бертран, ты хочешь это сделать?

БЕРТРАН.

И сделаю! Принцесса будет здесь,
Захочет, не захочет — все равно.

ЖОФРУА.

Тебя и не допустят к ней! Смотри,
В каком ты виде! Стража во дворце
Подумает...

БЕРТРАН.

А! Правда!..

(*Моряку.*)

Ты скорее
Кидай мне в лодку, живо, мой сундук
С доспехами!

ЖОФРУА.

Постой. Еще шкатулку.
Бертран, здесь драгоценности мои,
Мои запястья, цепи, ожерелья,
И пояса, и шпоры золотые...
Бертран! Посол влюбленного поэта
Не ниже, чем посланник короля.
Роскошнее оденься, мой Бертран.

КАПИТАН.

Проводника возьмите; говорят,
От гавани дворец ее далеко.
У первого попавшегося дома
Спросите вы кого-нибудь; хозяин
Даст, где одеться, и проводит вас.

ЖОФРУА.

Скажи ей, чтоб не медлила она,
Что умираю я... Скажи ей это!..

ЭРАЗМ.

Мой добрый принц, вам вредно говорить.

ЖОФРУА.

Молчу, молчу... Послушай...

БЕРТРАН.

Замолчи же!

ЖОФРУА.

Бертран, ее ты должен умолить,
Растрогать должен! Будь красноречив,
Придумай... Нет, скажи всю правду лучше:
Скажи, что обожаю я ее,
Что за нее теперь я умираю,
Что я всю жизнь на то лишь посвящал,

Чтоб воспевать красу ее и прелесть;
И что умру счастливее царя,
Когда за жизнь, что отдал ей, она
Подарит мне одну минуту счастья.

БЕРТРАН.

Я все скажу, не говори же больше.

ЖОФРУА.

Молчу, молчу... Но не могу не думать!
Не говори ей этого сейчас же;
Ты подготовь ее... Молчу, молчу!
А чтобы подготовить... если б ты
Сказал мои стихи ей... эти... знаешь,
Что говорил сейчас я. Да, конечно,
Она из них всего скорей поймет
Мою любовь...

БЕРТРАН.

Да полно, успокойся.

Скажу стихи.

ЖОФРУА.

Ты хорошо их скажешь?

БЕРТРАН (*с напускной веселостью*).

О, ни одной строфы не позабуду,
Нежней как можно буду говорить.

ЖОФРУА.

Обнимемся... В последний раз, быть может.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

До возвращенья твоего, мой сын,
Не встану я с колен.

ЭРАЗМ (*тихо, Бертрану*).

Еще он может
Два дня прожить; а может умереть
И вечером, и через два часа...

КАПИТАН *(так же)*.

А в случае, мессир, кончины принца
Поднимем черный «волчий» парус мы!..
Нам служит этот парус по ночам,
Когда опасен белый для пиратов.

БРАТ ТРОФИМИЙ *(проводяя Бертрана)*.

О, убеждай ее, мой милый сын,
Настойчиво и твердо умоляй...

БЕРТРАН.

Да, если черный парус не увижу!

(Перешагивает через борт и спускается в ялик.)

Слышен шум цепей, весел, плеск воды.

ЖОФРУА.

Подвиньте ближе вы мои носилки.
Я знаю, что она приедет!

ГОЛОС БЕРТРАНА *(снизу)*.

Да!

Я в том ручаюсь! До свиданья, друг мой!
Не говори! Молчи — и жди меня.

Мерный шум весел, стихающий мало-помалу.

ЖОФРУА.

Да! Он ее наверно привезет.
Как хорошо сегодняшнее утро!
Челнок скользит по тихой глади вод
С отливом розоватым перламутра.
О, если уж Бертран мне обещал!..

БРУНО.

Она приедет!

ФРАНСУА.

Мы ее увидим!

ПЕГОФА.

На корабле!

ТРОБАЛЬДО.

Так близко, здесь, у нас!..

ГОЛОС БЕРТРАНА (*теряющийся вдали*).

Надейся... друг... увидишь ты принцессу!..

ЖОФРУА.

Он уж далёко... Как спокойны воды!
Как тихо все! Плеск весел равномерный
Почти не слышен... Я останусь здесь.
Здесь должен я все время оставаться.
Теперь молчу. Молчу. Смотрю и жду!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Роскошная зала во дворце, отделанная наполовину в восточном, наполовину в романском стиле. В глубине большое окно с металлическим переплетом, открывающееся на террасу. За ней видно море, сливающееся с небом. Справа, на втором плане, большая открытая дверь позволяет видеть уходящую вдаль галерею со стройными колоннами и фонтанами. Слева тяжелая золотая дверь, от нее порфировая лестница. Ее ступени и ослепительной белизны мраморные плиты усыпаны белыми лилиями. Широкий диван с множеством подушек. На стене у двери висит огромная секира с эмалированной рукоятью, усеянной изумрудами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пилигримы.

При поднятии занавеса окно закрыто. На первом плане группа пилигримов, одетых в грубые шерстяные одежды, с четками из раковин; в руках посохи и длинные пальмовые ветви. Говорят они вполголоса, как люди, оробевшие и ослепленные всем, что видят.

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Как долго не идет, однако, дама,
Что встретила нас здесь!

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ.

 Так тихо все,
Что под ногою слышен легкий треск,
Когда случайно лилию раздавишь!

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Тсс... слушайте! Нет, только шум фонтана.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИЛИГРИМ.

Я хорошенько уж не знаю, где мы.
Считал ты, сколько зал прошли мы?

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Семь.

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ.

Чудесные мозаики там были!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИЛИГРИМ.

А в клетках — видел? Золотые птицы!

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Ковры какие! Шитые подушки!

ПЯТЫЙ ПИЛИГРИМ.

А ты заметил мрачного колосса?

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Который в лица всем нам заглянул?
Еще бы!

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Тсс... Молчите! Это Рыцарь
Зеленых Лат, авантюрист опасный.

В это время по галерее проходит очень высокий Рыцарь
Зеленых Лат.

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ (*первому, тихо толкнув его локтем*).

Молчи! Он здесь!

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ (*тихо, смотря украдкой на Рыцаря*).

Весь в изумрудах шлем!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИЛИГРИМ.

А что за изумруд на рукоятке!

Рыцарь исчезает.

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ (*вздвигнув*).

Он бродит точно призрак! Просто страшно!

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ (*продолжая рассказ*).

Он интриган могучий и жестокий;
Здесь служит представителем Комнена,
Супруга нареченного принцессы.

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ.

Так, значит, император Мануил
Ее жених?

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Да, и ревнивый очень;
Страшится гордый кесарь Византии,
Чтоб у него не отняли тайком
Любовь его прекрасной Мелисинды:
Он знает, что ему дано согласие
Благодаря политике — не сердцу,
И этот Рыцарь бдительным надзором
И днем и ночью все следит за ней,
И воспрещает доступ во дворец
Всем юношам и мужам молодым,
За исключением...

Эдмон РОСТАН

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Как же?.. Я ведь молод?

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

За исключением самых некрасивых.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИЛИГРИМ.

На вид он страшной силой одарен!

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Ужаснейшей.

(Указывает на секиру.)

Никто не в состоянии

Поднять его секиры.

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ.

Черт возьми!

Так, значит, этот юноша прекрасный,

На пристани просивший гонуэзцев

К принцессе проводить его, рискует...

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

И очень!

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Как безумный, он клялся,

Что даже Вельзевул не помешал бы

Ему достигнуть цели. И готов

Я биться об заклад — он сдержит слово.

Снова появляется Рыцарь. При последних словах он делает невольное движение и быстро удаляется. Пилигримы оборачиваются.

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Подслушивал!

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ.

Пошел распорядиться,

Чтоб помешать проникнуть незнакомцу.

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ (*второму*).

Глупец! Ты слишком был неосторожен!

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Э, полноте! Начальник генуэзцев
Недаром уж в свой дом его повел.
Скарчафико — хитрейшая лисица —
Опасность от него предотвратит.
Не без причин желают генуэзцы
Другого кандидата ей в супруги
И Комнена боятся как огня.

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Сюда идут! Молчите! Слышу я
Аккорды лютни и виолы сладкой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Соризмонда, затем Мелисинда.

СОРИЗМОНДА (*появляясь на лестнице перед закрытой
золотой дверью*).

Друзья мои, сказала я принцессе,
Что все, из Антиохии иль Тира
Прибывшие сюда, — хотите вы
Перед отъездом на нее взглянуть.

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Да, чтобы в наших странствиях тяжелых
Нас ободрял ее прекрасный образ.

СОРИЗМОНДА.

Принцесса к вашей просьбе благосклонна.
Теперь обедню слушает она...

Колокол.

Сейчас она появится.

ГЕРОЛЬД.

Принцесса!..

Золотые двери растворяются, появляется Мелисинда, одетая в мантию, отягченную драгоценными камнями, на голове жемчужная повязка. Вокруг нее дети со снопами лилий.

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

Она идет!

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ.

О, как в ней дышит все
Нежданной красотой и обаяньем!

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Вся в жемчугах и лилиях она.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИЛИГРИМ.

Да, нас молва, друзья, не обманула:
Она затмила перлы и цветы!

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

О да! Такою некогда Елена
Предстала старцам у ворот Троянских.

МЕЛИСИНДА (*наверху лестницы*).

Счастливые! Заутра в путь обратный
По глади вод, по глади необъятной
Корабль ваш быстро свой направит бег.
Дни пролетят, и, розами богатый,
В тумане вам чертою синеватой
Покажется Прованса дальний брег,
И Франции блеснет вам небо вскоре...
(*Спускается на несколько ступеней.*)
О, если б мне, как птице, два крыла!..
О, если бы за вами я могла
Лететь туда, за голубое море!..
Заброшена судьбою на Восток,
Здесь дни свои безрадостно влачу я.

На чуждой почве выросший цветок
Невольно вянет и грустит, тоскуя.
Так, вдалеке страны своей родной,
Цвету и я... но цвет не долог мой!..
(Спускается по лестнице и подходит к пилигримам.)
Как подобает христианам, вы
Уже сорвали пальмовые ветви.
(Берет у детей лилии.)
Хотите к ним по лилии прибавить?
Пусть будут вам они воспоминаньем
О дочери родной для вас страны,
Заброшенной судьбою на чужбину.
(Раздает им лилии.)

ПЕРВЫЙ ПИЛИГРИМ.

О дивная, напомнит пальма нам
О наших утомительных скитаньях;
А лилии нам будут говорить
О красоте твоей, что нам мелькнула
Прекраснейшим оазисом в пустыне.

ВТОРОЙ ПИЛИГРИМ.

Как бедствия суровые трофеи,
Мы ветви пальмы свято сохраним;
А лилии, подарок чудной феи,
Сочтем богатством лучшим мы своим.

ТРЕТИЙ ПИЛИГРИМ.

Прощай, принцесса, дивная принцесса,
Ты — лилия изящной красотой!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИЛИГРИМ.

Прощай, принцесса, дивная принцесса,
Ты — лилия небесной чистотой!

МЕЛИСИНДА.

Счастливым путь!

Пилигримы уходят. Слышны их шаги под окном. Мелисинда идет к окну и открывает его. Дети положили на стол оставшийся сноп лилий и посыпают плиты свежими.

ЭДМОН РОСТАН

ГОЛОСА ПИЛИГРИМОВ *(под окном).*

Прости! Прости!

МЕЛИСИНДА.

Прощайте!

(С прощальным жестом затворяет окно, спускается.)

Дети уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мелисинда, Соризмонда.

СОРИЗМОНДА *(целуя руку Мелисинды).*

О, как светла и как великодушна!
Из уст моей божественной принцессы
Потоки доброты лились сегодня.

МЕЛИСИНДА.

Ты знаешь, я добра от скуки только.
(Нервно расстегивает свою мантию.)
О, эта тяжесть царственной порфиры,
Она меня и душит и гнетет.
Рубины, перлы, яхонты, сапфиры,
Меня измучил ваш холодный гнет!
Влачу тебя, как тягостную ношу,
Ты мне эмблема тяжести иной.
Той тяжести я никогда не сброшу!
(Сбрасывает мантию.)
Увы! Ее не сброшу я с тобой.
(Остается в белой одежде.)

Соризмонда поднимает мантию.

(Дает ей венец.)
Прочь это все! Возьми и мой венец —
Он голову мне жжет. Ему в замену
Другой веночек, прекрасней, я надену!..
(Быстро прикалывает к волосам несколько лилий.)
О лилии, цветы из серебра,

На вас еще блестит роса ночная!

(Бросается в кресло.)

Да... Знаешь ты отлично, дорогая,

Что я от скуки только и добра.

(Пауза.)

Но, впрочем, нет, я лгать тебе не стану.

Причиною того не только скука,

Что пилигримам Франции далекой

Я раздаю улыбки и цветы.

Я с ними так добра с корыстной целью.

СОРИЗМОНДА.

Чего же ждете вы от пилигримов,

Что могут дать они принцессе?

МЕЛИСИНДА.

Песни!

Подумай: песне одного из них

Обязана любовью принца я!..

Благодаря одной лишь этой песне

В нем загорелась дивная любовь,

Молва о ней по всей земле несется.

При этой мысли жарко сердце бьется:

Меня он любит! Я уж не одна!..

Его любовь, как воздух, мне нужна.

Пойми, как в скуке жизни повседневной

Отрадно мне почувствовать себя

Мечтой поэта, сказочной царевной,

Которой песни он поет, любя.

(Указывая на окно.)

Пойми, пойми, что эти пилигримы,

Моим приветом царственным даримы,

Во Францию воротятся опять

И станут песни обо мне слагать,

И воспевать блеск моего наряда,

Звук голоса и выраженье взгляда.

СОРИЗМОНДА.

И это все услышит принц Рюдель?

Эдмон РОСТАН

МЕЛИСИНДА.

Да! У меня, не скрою, эта цель.
Так я могу из своего изгнания
На все его безумные признания
Хоть чем-нибудь ответить иногда,
Так мы душою более с ним близки.

СОРИЗМОНДА.

Клянусь душой, не принесет вреда
Подобный способ тайной переписки!..

МЕЛИСИНДА.

А я хочу, чтоб в чувстве он своем
По-прежнему не знал границ и меры.
Вот для чего мой ласковый прием!..
Я не хочу, пойми, разрушить в нем
В легенду о его принцессе веры,
О красоте, о доброте моей,
О том, что я на свете всех милей!

СОРИЗМОНДА.

Да, я могла бы полюбить его,
Но только если б я его узнала.

МЕЛИСИНДА.

Да не его люблю я, Соризмонда!
Люблю я в нем, пойми, его любовь!
Люблю я душу пылкую его,
Люблю...

СОРИЗМОНДА.

Не понимаю! Ну, а если
Посредством чудодейственного перстня
Или каких-нибудь волшебных чар
Могли б его отсюда вы увидеть?

МЕЛИСИНДА.

Ты хочешь слишком ясных ощущений...

СОРИЗМОНДА.

А вы, принцесса, слишком уж неясных,
 Ах, отчего среди колец бессчетных
 У вас такого нету перстенька!
 Но вижу я, что с вас вполне довольно
 Одной мечты, одной туманной сказки.

МЕЛИСИНДА.

Да, я люблю в моих садах обширных,
 Бледнеющих под лунными лучами,
 Украдкой слушать тихий шум ветвей.
 Когда на водах голубых и мирных
 Моя галера заблестит огнями,
 Люблю сидеть, задумавшись, я в ней.
 Летят ко мне грез дивных вереницы
 Под шепот струн, то грустный, то влюбленный,
 И плавно льется музыка стиха.
 Потом одна в стенах моей темницы
 Я остаюсь, с тревогой затаенной;
 Отрадная печаль моя тиха.
 Брожу я здесь, вдыхая ароматы
 Прекрасных лилий с этих плит холодных,
 Душа полна каких-то странных дум,
 И чувства все истомою объяты,
 И дремлет ум под этот вечный шум,
 Под вечный шум фонтанов многоводных.

СОРИЗМОНДА.

Да, нам здесь не хватает звонких шпор,
 Блестящих лат и шлемов золотых,
 И рыцарей красивых, молодых.
 Но ваш свирепый страж их не впускает.
 Не смейтесь! Право, пусть он отрицает,
 Но Мануилом к вам приставлен он,
 Как к сказочной красавице дракон.
 С тех пор как здесь он, уж никто не смеет
 Стучаться в двери вашего дворца.

МЕЛИСИНДА.

Мой друг, ты подозрительна ужасно.

Эдмон РОСТАН
СОРИЗМОНДА.

Поверьте мне! Ревнив ваш византиец.

МЕЛИСИНДА (*пожимая плечами*).

Комнен ревнив? Поверь мне, что ему
Подобный труд покажется излишним.

СОРИЗМОНДА (*садясь у ее ног на подушку*).

И вы решили выйти за него?..

МЕЛИСИНДА.

Так что же? Муж — ведь это не любовник.

СОРИЗМОНДА.

Но он вам скучен, надоел...

МЕЛИСИНДА.

По-царски.

СОРИЗМОНДА.

Вас и понять не может этот турок.

МЕЛИСИНДА.

А, Соризмонда!.. Это мне и нужно!..
Кто может лучше Мануила мне
Возможность дать принадлежать всецело
Избраннику души моей Рюделю?

СОРИЗМОНДА.

А если бы когда-нибудь другой,
Избранник не одной души, принцесса,
Решился вами смело овладеть?

МЕЛИСИНДА.

Нет! Охранит меня мой друг незримый.

СОРИЗМОНДА.

Не ангел, но возлюбленный — хранитель!

МЕЛИСИНДА.

Всегда, везде незримо он со мной.
Когда иду я вечером вдоль моря,
Я чувствую, как на крылах мечты
Летят ко мне, летят его признанья,
Так чувствую, что тихо говорю
Морскому ветерку: «Благодарю!»

СОРИЗМОНДА.

За что же вы благодарите принца?

МЕЛИСИНДА.

За все, за все его благодарю я!
Ему я всем обязана, да, всем:
Моими непонятными мечтами,
Желаниями сердца моего,
Неизъяснимым трепетом порою
И сладкими слезами на глазах,
Всем, что меня пугливо окружает
Легендой благородной чистоты,
И гордостью невольною моею,
И к сумеркам таинственным любовью,
И белизной одежд моих воздушных,
И, наконец, всей, всей моей душой!

СОРИЗМОНДА (*покачивая головой*).

А стоит благодарности все это?
Я вам признаюсь: иногда мне жалко,
Что вы узнали о его любви.

МЕЛИСИНДА.

Мне тоже... иногда. (*Вставая.*)

Ах, слишком ярки
Лучи; сегодня в воздухе гроза,
Я задыхаюсь!..

Соризмонда хочет убрать со стола.

Нет! оставь цветы!..
Уж эти мне принадлежат по праву.

СОРИЗМОНДА.

У вас, принцесса, слишком много лилий.
Да, это правда, лилии прекрасны,
Горды, чисты... Но лилии опасны.

МЕЛИСИНДА.

Да, милая, права, быть может, ты:
Коварные и странные цветы.
Они чисты, как скипетр серафима,
Как светлый жезл меж ангельских перстов,
Но эта сила запаха цветов
Неуловима и непостижима.

(Берет лилии, смотрит на них.)

Да, ты права! Коварные цветы!
Прикосновенье этой чистоты
Опасные вселяет в души грезы;
И, может быть, вернее красота
И безопасней свежие уста
Смеющейся на солнце алой розы.

(Нюхая лилию.)

Ах, этот странный, властный аромат
В цветке таком воздушном и непрочно!..
О лилии! О чем они молчат?

Таинственность их кажется порочной.

(Пауза. С принужденным смехом.)

Однако прочь отгоним это все
И будем жить. Найдем себе забаву!..
Послала я за нашим генуэзцем,
Да, да! Я жду Скарчафико к себе.
Найду я развлеченье в редких тканях,
В красивых драгоценностях старинных.
Ведь можно скучный долгий день убить
За выбором невиданных узоров
Или оттенков бледных, нежных шелка.
(Опускается на подушки дивана.)

СОРИЗМОНДА.

Принцесса, этот хитрый генуэзец
Вам доставляет разные игрушки,
А вы, в свои погружены мечтанья,
Его игры и видеть не хотите.

Недаром весь купеческий квартал
Страшится брака вашего с Комненом;
Им грустно всем недаром потерять
Свою по-детски щедрую принцессу,
Влюбленную в стихи и красоту!..

ЖЕНЩИНА *(входя)*.

Принцесса, вас желает видеть Рыцарь
Зеленых Лат; он разрешенья ждет
Войти сюда...

МЕЛИСИНДА *(пожав плечами)*.

Ну что ж, пускай войдет.

Женщина уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Рыцарь Зеленых Лат.

РЫЦАРЬ *(видимо, встревоженный, часто взглядывая
то в окно, то в галерею)*.

Простите мне, прекрасная принцесса,
Что я немного запоздал явиться
И выслушать все ваши приказанья.
Храни вас бог!

МЕЛИСИНДА *(с улыбкой)*.

Не вы ль меня храните!

РЫЦАРЬ.

Я? О принцесса!

МЕЛИСИНДА.

Знаю! Вы всегда
От этого упорно отрекались.
Вы ждете приказаний. Хорошо.
Быть может, я проеду по заливу.

Эдмон РОСТАН

РЫЦАРЬ.

Прекрасно!..

МЕЛИСИНДА.

На галере есть цветы
И музыканты?

РЫЦАРЬ (*любезно*).

Как всегда, принцесса!

МЕЛИСИНДА (*вставая*).

Так что же? Едем!
(*Софизмонде.*)

Принеси скорее
Мой шарф сюда!

РЫЦАРЬ (*с живостью*).

Нет, не сейчас, принцесса!

Мелисинда в недоумении.

Я, право, крайне этим опечален,
Но надо вам прогулку отложить.

МЕЛИСИНДА.

Что это значит?

РЫЦАРЬ.

Ненадолго, впрочем.
До вечера.

МЕЛИСИНДА.

Так, значит, это правда?

РЫЦАРЬ.

Увы! Я только данник и слуга
Великого Комнена и ему
В повиновенье клятвою обязан.
Сегодня я надзор удвоить должен.

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

МЕЛИСИНДА.

Но почему?

РЫЦАРЬ.

Простите мне, принцесса,
Я должен был расставить у ворот
Дворца моих людей вооруженных;
А здесь... да, у последней этой двери
Я сам останусь!

МЕЛИСИНДА.

Значит, я в плену?

СОРИЗМОНДА (у окна).

О небеса! Повсюду у дверей
С оружием рабы...

МЕЛИСИНДА.

Но где же свита?

РЫЦАРЬ.

Все заперты на несколько часов.
(Указывая на галерею.)
Да, наконец, раз я стою на страже,
Вам невозможно было б передать
Отсюда никакого повеленья.

МЕЛИСИНДА.

Прекрасно! Так! Теперь я заперта!
А, Соризмонда? Это презабавно!
У нас романы, милая моя...
Но что же происходит, наконец?

РЫЦАРЬ.

Простите мне, но я молчать обязан.
(Склоняется перед ней, направляется к выходу,
но приостанавливается.)

Я позабыл: здесь этот генуэзец,
Презренный ростовщик, торгаш по духу,
Синьор...

МЕЛИСИНДА.

Скарчафико!

РЫЦАРЬ.

Ему могу
Дозволить я войти. Быть может, вам
Его товары рассмотреть угодно?

МЕЛИСИНДА.

А, вот как! Рыцарь милостив настолько,
Что не лишает радости меня
Любезного Скарчафико принять?..

РЫЦАРЬ.

Вы примете его при мне, принцесса.
(Уходит.)

СОРИЗМОНДА.

Ах, вот что значит, милая принцесса,
Императрицей Византии стать!

МЕЛИСИНДА.

Но что случилось?..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мелисинда, Соризмонда, Скарчафико, за ним его
слуга Николоз, навьюченный товарами, Рыцарь Зелe-
ных Лат на пороге, со скрещенными руками.

СКАРЧАФИКО (*хитрый, живой, говорит быстро,
не теряя ни минуты Рыцаря из виду*).

С каждым днем прекрасней!
Похитила улыбку у амуров!
Раскрой товары живо, Николоз!
У нас есть вещи редкие, принцесса!

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

МЕЛИСИНДА.

Богаче с каждым днем?

СКАРЧАФИКО.

Помилуй бог!

Беднее мыши.

МЕЛИСИНДА.

Полно, старый грешник.
Богат, богат, как все вы, генуэзцы!
Вы не с крестом идете в Палестину,
А с золотым цехином на груди.
Фу, стыд! Обогащаться на крестовых
Походах...

СКАРЧАФИКО.

Славу мы уступим франкам.

МЕЛИСИНДА.

А золото оставите себе?

СКАРЧАФИКО.

Какое там! Дела идут все хуже,
И сам святой Георгий, наш патрон,
Не слушает молитв смиренных наших.
Все пошлины, принцесса, душат нас!
И мельницы и лесопильни наши
Упразднены. Не знаем, что и делать.
(*Вкрадчиво.*)
Вы нам их возвратите, а?

МЕЛИСИНДА.

Посмотрим.

СКАРЧАФИКО (*показывая товары, развертывая ковры, встряхивая их*).

Вот полные меха эссенций тонких...
Ковер персидский. Посмотрите: роскошь!
Вот город Аскалон, чтоб поощрить

Торговлю эту, нашим генуэзцам
Дает сто золотых червонцев в год.
Недурно, а? В богатом Триполисе
Не грех бы это вам ввести!

МЕЛИСИНДА.

Увидим.

СКАРЧАФИКО (*вынимая ларец*).

Ларец; взгляните на работу!

МЕЛИСИНДА.

Вижу.

СКАРЧАФИКО (*на коленях перед ней, показывая товары*).

Изделя златотканые Муссуля.
Резные безделушки из слоновой
Эфиопийской кости. Что за тонкость!
Вот мирра из Аравии счастливой,
Вот драгоценный индостанский жемчуг...

(*Тихо.*)

Тсс! Слушайте, что буду говорить я!

(*Громко.*)

Брокат роскошных матовых тонов...

(*Тихо.*)

Я видел здесь...

(*Потряхивая материей.*)

Какие переливы!

Так и блестят!

(*Тихо.*)

Красавца молодого.

МЕЛИСИНДА (*в сторону*).

Я понимаю.

СКАРЧАФИКО (*громко*).

Склянки ароматов...

(*Тихо.*)

Ему сюда войти мешают.

(*Громко.*)

Амбра.

Понюхать удойте: чудный запах.
(Подносит флакон. Тихо.)

Он хочет с вами говорить о чем-то.
(Громко.)

Атлас из Тира, затканый цветами.

МЕЛИСИНДА (тихо).

Кто он?

СКАРЧАФИКО.

Не знаю. Кажется, поэт.

МЕЛИСИНДА (вскрикивает и немедленно заглушает крик).

Ах! Боже мой! Пунцовый этот шелк.
Восторг для глаз!

СКАРЧАФИКО (тихо).

Но разве невозможно
Помочь ему войти сюда?

МЕЛИСИНДА (тихо).

О нет!

СКАРЧАФИКО (громко).

Египетское полотно... Как мягко,
Как тонко, нежно!

МЕЛИСИНДА (тихо).

Он откуда?

СКАРЧАФИКО (тихо).

Из Франции. Он только что причалил.
Как греческий пастух, красив и строен,
А горд, как принц!.. Что этот мрачный призрак,
Навеки здесь прирос? Как это сделать?
(Громко.)

Вот пряности из Кисса-бен-Омиры...

МЕЛИСИНДА *(тихо)*.

Он недвижим, как сказочный дракон!

СКАРЧАФИКО *(громко)*.

Вот несравненный фимиам, он мне

От короля достался аксумитов.

(Тихо.)

Он мне сказал, что случай страшно важный,

Что для того, чтобы увидеть вас,

Один пойдет он биться против ста.

МЕЛИСИНДА *(тихо)*.

Так что же будет?

СКАРЧАФИКО *(тихо)*.

Если ж на его

Призыв, звук рога, не придет никто,

То он пойдет на приступ.

(Громко.)

Вот арабский

Бальзам, ни с чем по силе не сравнимый,

Одною каплей остановит кровь.

(Подавая ей мешок.)

И, наконец, из милого Прованса,

Вот, для забавы острым вашим зубкам,

Лесные золотистые орехи.

МЕЛИСИНДА.

Отлично. Ты оставишь это здесь,

Я все беру. Теперь ступай. Иди же!

(В сторону.)

Мне кажется, что он все ближе, ближе!

СКАРЧАФИКО *(складывая материю)*.

Я скоро получу роскошный выбор

Брокатов, аксамитов...

Мелисинда делает нетерпеливое движение.

Ухожу.

(Вкрадчиво.)

А пошлины вы упраздните?..

МЕЛИСИНДА.

Да.

СКАРЧАФИКО *(тихо)*.

Я ослеплен был: строен, как Парис!

(Громко, вкрадчиво.)

Пособье нам назначите вы?

МЕЛИСИНДА.

Да!

СКАРЧАФИКО *(про себя)*.

Эге! Чутье меня не обмануло!

Теперь, Комнен, посмотрим, чья возьмет!

(На пороге, оборачиваясь, с полным грации поклоном.)

Итак, я буду помнить: сто червонцев

Годичного кредита?.. Ухожу.

(Уходит.)

Рыцарь за ним.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мелисинда, Соризмонда.

МЕЛИСИНДА *(Соризмонде)*.

Ты все слыхала?

Соризмонда утвердительно кивает.

Юноша! Поэт!

СОРИЗМОНДА.

Принцесса, вы взволнованы?

Эдмон РОСТАН
МЕЛИСИНДА.

Нисколько!

СОРИЗМОНДА *(лукаво)*.

Вам больше уж не скучно!

МЕЛИСИНДА.

Почему?

(Бросается на диван.)

Не говори ты пустяков.

Вдалеке трубят.

Звук рога!

СОРИЗМОНДА *(у окна)*.

Да! Это он!

МЕЛИСИНДА *(лежа, равнодушно)*.

Не все ли мне равно!

СОРИЗМОНДА.

Как он хорош!

МЕЛИСИНДА *(пожимая плечами)*.

Ты видишь так далеко?

СОРИЗМОНДА.

Я вижу. Он трубит. Ему навстречу
Выходят стражи. Он у первой двери!

МЕЛИСИНДА.

Не все ли мне равно?

(Пауза).

Ну, что же он
Там делает, у этой первой двери?

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

СОРИЗМОНДА.

Рабы его остановили!

МЕЛИСИНДА.

Бедный!

Идет назад?

СОРИЗМОНДА.

Сражается!

МЕЛИСИНДА (*опираясь на локоть*).

Неправда!

СОРИЗМОНДА.

Он опрокинул их! О Пресвятая!
Он у второй преграды! Как он бьется!

МЕЛИСИНДА (*поднимаясь*).

Неправда.

СОРИЗМОНДА.

О, какой порыв прекрасный!..

Звук рога.

Вы слышите? Опять он в рог трубит.

МЕЛИСИНДА (*встает*).

Да... Как Роланд!..

СОРИЗМОНДА.

О, верно, он пробьется!

МЕЛИСИНДА (*стоит за ней у окна*).

Идет сюда?..

СОРИЗМОНДА.

Упал он!..

Эдмон РОСТАН

МЕЛИСИНДА.

Нет, встает!

СОРИЗМОНДА.

Его копье на части разлетелось!

МЕЛИСИНДА.

Он меч схватил! Ах! Боже мой!

(Отшатывается).

СОРИЗМОНДА.

Что с вами?

МЕЛИСИНДА.

Его глаза! Я встретила их взгляд!

Он посмотрел и увидал меня!

СОРИЗМОНДА.

Тем лучше! Вы ему, как на турнире,

Рукав одежды вашей белой бросьте.

МЕЛИСИНДА *(выпрямляясь во весь рост, отфырывает рукав).*

Сражайтесь с ними смело, о мессир,

Вот вам рукав моей одежды белой,

Перемените цвет его скорей!

Смелее защищайте вашу кровь,

Их кровь без страха проливайте, рыцарь,

И эту белоснежную парчу,

О рыцарь мой, назад верните мне

Не иначе, как пурпурной!

ГОЛОС БЕРТРАНА.

Клянусь!

Шум, звон оружия, потом тишина. Соризмонда затворяет окно.

МЕЛИСИНДА.

Он во дворец проник.

(Пауза).

Замолкло все...

Что он хотел сказать мне?

СОРИЗМОНДА (*указывая на галерею*).

О, смотрите!

В галерею вбегает раб в одежде, покрытой кровью, с мечом,
и что-то шепчет рыцарю.

РЫЦАРЬ.

Прекрасно.

(*Берет со стены секиру и со спокойной
вежливостью говорит принцессе.*)

Вы позволите, принцесса,
Дверь эту на минуту запереть?
(*Затворяет дверь.*)

Слышно, как щелкает замок. Молчание.

МЕЛИСИНДА.

Что будет там? Ах, я мертва от страха!

Шум приближается.

Он близится! Он здесь, он здесь! О, Рыцарь
Зеленых Лат убьет его наверно,
Не справится ребенок бедный с ним!

Шум шагов за дверью. Звон оружия.

Они дерутся! Боже мой! Как долго!
Борьба!.. Ты слышишь?

Глухой шум.

Боже! Он упал!

Ничего не слышно. Потом дверь тихо распахивается.

(*Она отступает.*)

Ах!..

На пороге появляется Б е р т р а н с мечом в руках; он броса-
ет к ногам Мелисинды залитый кровью рукав. Мелисинда от-
ступает.

Что сюда вас привело, мессир?
Что вы хотите мне сказать?

БЕРТРАН.

Стихи!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мелисинда, Соризмонда, Бертран.

БЕРТРАН (*встав на одно колено*).

Любовь — это сон упоительный,
Свет жизни, источник живительный.
В ней муки, восторг, в ней весна,
Блаженства и горя полна,
 И слезы
 И грезы
Так дивно дарит нам она.
Но чужды мне девы прекрасные,
Объяты безумные, властные,
И шелковых кос аромат,
И очи, что жгут и томят,
 И лепет,
 И трепет,
И уст упоительный яд.
Люблю я любовью безбрежною,
 Нежною,
Как смерть безнадежною;
Люблю мою грезу прекрасную,
Принцессу мою светлоокою,
Мечту дорогую, неясную,
 Далекою.

МЕЛИСИНДА (*продолжая*).

Из мира видений слетая,
Лазурным огнем залитая,
Нисходит на землю она,
Вся сказочной тайны полна,
 И слезы
 И грезы
Так дивно дарит мне она.
Люблю — и ответа не жду я,

Люблю — и не жду поцелуя:
Ведь в жизни одна красота —
Мечта, дорогая мечта;
 И сладкой
 Загадкой
Теперь моя жизнь объята.
Люблю я любовью безбрежную,
 Нежною,
Как смерть безнадежную,
Люблю мою грезу прекрасную,
Принцессу мою светлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
 Далекую!..

БЕРТРАН.

Вы знали их?

МЕЛИСИНДА.

О, знала уж давно!
Мне не один певал их менестрель...

БЕРТРАН.

И знаете, кто автор их?

МЕЛИСИНДА.

Рюдель!

БЕРТРАН.

И про любовь его слышали тоже?

МЕЛИСИНДА.

Мне на земле она всего дороже!
О, говорите мне о ней, мессир!

БЕРТРАН.

Вы знаете о вечном постоянстве,
О пылкости любви его?

Эдмон РОСТАН

МЕЛИСИНДА.

О да!

Его любовь люблю я бесконечно;
О ней мне все в природе говорит:
И шум волны на камнях прибережных,
И солнца луч в лазури тучек нежных;
Ее лишь свет повсюду и разлит.

БЕРТРАН (*лишаясь сил*).

О небеса!..

МЕЛИСИНДА (*склоняясь над ним*).

Вы счастливы?

БЕРТРАН.

Безумно!

Но... нету сил... я ранен.

МЕЛИСИНДА.

Соризмонда!

Он падает!

СОРИЗМОНДА (*подбегая*).

Постойте, потихоньку
Сюда его положим на диван.

Кладут его на подушки.

МЕЛИСИНДА (*теряя голову*).

Воды! Кувшин! Давай скорей, скорей!..

СОРИЗМОНДА (*с кувшином*).

Как бледен он! Хорош, как юный бог!

МЕЛИСИНДА.

Ты видишь — кровь!.. Скорее перевязку!
Где полотно? А, вот!..
(*Вьрывает на груди кусок батиста.*)

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

СОРИЗМОНДА.

Как? Ваше платье?

МЕЛИСИНДА.

О, пустяки! Я слышу, сердце бьется
Под панцирем серебряным его.
Скорей подай сюда бальзам арабский:
Купец сказал, всемогущ он! Подай!
Потише... Вот в себя приходит он!
– Не пачкай горностаевой накидки!
– Тсс... Пусть очнется он без потрясения.
– Смотри: причесан он, как провансалец.
– Вот краски возвращаются к нему.
– Вот он вздохнул. Вот дрогнули ресницы.
– Вот шевельнулись свежие уста.
– Он руку сжал мою...

СОРИЗМОНДА.

Ему уж легче!

МЕЛИСИНДА.

Он открывает... Он открыл глаза!..

БЕРТРАН (*открывая глаза*).

Я сплю!.. Я грежу... Это чудный сон.
Я – Флор, а это Бланшефлёр со мною.
А может быть, я был смертельно ранен,
И вот теперь проснулся я в раю?

МЕЛИСИНДА.

Ты слышишь, Соризмонда? Бредит он!

СОРИЗМОНДА (*улыбаясь*).

Я говорю вам, что ему уж легче!

БЕРТРАН (*голова его покоится на руке Мелисинды, той, что без рукава*).

Я ничего не помню!.. Ничего!..
Какая слабость!.. У моей щеки
Ее рука!

Мелисинда пытается отвести руку.

О нет! Оставайтесь так!
Не уходите!

МЕЛИСИНДА.

Я не уйду.

БЕРТРАН.

О! Эта дивно-жгучая прохлада
Руки прелестной, тонкой, обнаженной!

МЕЛИСИНДА.

Да! В самом деле!..
(Быстро отнимает руку.)

БЕРТРАН.

Как же? Кто же вы?

МЕЛИСИНДА.

Вы знаете, мессир! Я та, кому
Хотели вы прочесть стихи,
Но, обессилев, вы без чувств упали...

БЕРТРАН (*отшатываясь*).

Нет! Нет! Вы не принцесса!..

МЕЛИСИНДА (*улыбаясь*).

Почему же?

Но, право, я...

БЕРТРАН.

Так, значит, вы принцесса?
О я несчастный! Всемогущий боже!
Бежим, бежим: часы ведь улетают!..
(Хочет встать и пошатывается.)
Часы летят! Скорей в окно взгляните,
Я не могу!..

Мелисинда идет к окну.

Что видите вы там?

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

МЕЛИСИНДА.

Цветущую террасу...

БЕРТРАН.

А потом?

МЕЛИСИНДА.

Я вижу море.

БЕРТРАН.

А на море... Боже,
Теряю силы! Видите галеру,
Французскую галеру?

МЕЛИСИНДА.

Как же, вижу
На якоре стоит галера эта,
Вчера еще ее я не видала.

БЕРТРАН.

Да. Да! А что вы видите на мачте?

МЕЛИСИНДА.

Я вижу стаю ласточек — и только.

БЕРТРАН.

А черный парус... Видите его?

МЕЛИСИНДА.

Нет, вижу крылья белой гальционы.

БЕРТРАН.

О счастье! Еще не поздно, значит!..
Идем, бежим! О Дева Пресвятая,
Продли ему еще немного жизнь!

Пусть он не раньше этот мир оставит,
Пока ее он не увидит там!
Он умер бы тогда таким счастливым!

МЕЛИСИНДА.

Взгляни! Смотри скорее, Соризмонда!
В его глазах прекрасных эти слезы!

БЕРТРАН.

О, на глазах своей принцессы Грезы
Он умер бы счастливее богов!
Она — цветок прекрасней всех цветов,
Она — звезда прекрасней звезд далеких.
Его мечты судьбой превзойдены:
Увидев блеск очей ее глубоких,
Забудет он страданий тяжких сны.
Пусть он увидит этот лоб высокий
И в золотой тени густых ресниц
То серые, то синие глаза!..
Не видя их, он пел о них с любовью,
В последний час пусть он увидит их.
Он умирает; смерти дуновенье
Уже над ним; спешите же за мной!
Пускай его последнее мгновенье
Прекрасней будет жизни всей земной.
Я вас молю: пускай глаза закроет
На сказочном виденьи этом он!..
Пускай его ваш образ успокоит
И ниспошлет ему блаженный сон.
О дивная принцесса стран восточных,
Принцесса с сладким именем цветка,
Подумайте: уж смерть его близка!
С высот своих сойдите непорочных,
Не будьте только грезой для него!

МЕЛИСИНДА (*отступая*).

Вы просите, мессир, но за кого?

БЕРТРАН.

За Жофруа! За вашего поэта,
Которого минуты сочтены;

Сказали вы, любовь близка вам эта,
Так поспешить теперь к нему должны,
Он умирает, боже мой! Поймите!..

МЕЛИСИНДА.

Вот как, мессир! Но кто же вы, скажите?

БЕРТРАН.

Я — друг его, я, как и он, поэт...
Спешите же, молю вас! Едем!

МЕЛИСИНДА.

Нет!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Занавес

Та же декорация, что во втором действии. Окно открыто.
Ослепительно жгучий полдень. Пол усыпан не лилиями, а
красными розами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бертран, Соризмонда.

СОРИЗМОНДА.

Я ей сказала, что хотите вы
С ней увидаться. Как решит она,
Еще не знаю я, мессир. Надеемся!

БЕРТРАН.

Часы не медлят...

СОРИЗМОНДА (*покачивая головой, идет к окну*).

Как все это странно!

БЕРТРАН.

Но парус?

СОРИЗМОНДА (*смотря в окно*).

Белый, белый, как и прежде!
Вот в трауре глубоком византийцы
Свою галеру снаряжают в путь,
Гребцы готовы веслами взмахнуть...
О!.. Гневу кесаря не будет меры,
Когда корабль прибудет в Византию
Без Рыцаря Зеленых Лат; нет, впрочем, —
С его холодным трупом... И услышит
О всем, что здесь случилось, император
Рассказ своих суровых янычар.

БЕРТРАН (*не слушая*).

О, как внезапно, странно потемнели
Глаза, такие кроткие доселе...
(*Соризмонде.*)
И почему суровый тот отказ?

СОРИЗМОНДА (*с неопределенным жестом*).

Ах!

БЕРТРАН.

Почему?

СОРИЗМОНДА (*видя, что золотые двери открываются*).

Она!

БЕРТРАН.

Молю я вас:
Скажите ей... Просите горячее...

СОРИЗМОНДА (*провожая его*).

Ну, подождите в этой галерее.

Мелисинда, вздыхая, медленно спускается по лестнице.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мелисинда, Соризмонда.

МЕЛИСИНДА.

Поди сюда поближе, Соризмонда.
Что думаешь теперь ты обо мне?

СОРИЗМОНДА.

Ах!

МЕЛИСИНДА.

Почему внезапный мой отказ,
И этот гнев, и взрыв негодованья?
Невольное влияние грозы,
Не правда ли? Но я зажгла свечу
Перед иконой и прочла молитву.
Скажи, отказ мой не имел причины
И не был он похож на вспышку гнева
Из-за... из-за разрушенной мечты?
Не правда ли? Ведь не был, Соризмонда?
И мой отказ причины не имел?

СОРИЗМОНДА *(медленно)*.

Вы знаете, что да.

МЕЛИСИНДА *(испуганно)*.

Молчи, молчи!

СОРИЗМОНДА *(после паузы, улыбаясь)*.

Ну, успокойтесь; вот причина та,
Которую осмелюсь угадать я:
Почувствовали вы понятный ужас
При мысли, что увидите того,
Кто вам являлся сказочным виденьем,
Увидите героя ваших грез
Измученным, дрожащим в лихорадке,
С устами, потемневшими от жара...

Хотели вы сберечь в своей душе
О вашем чувстве, полном красоты,
Такой же красоты воспоминанье...

МЕЛИСИНДА (*живо*).

Благодарю! Ты поняла меня.
Вот почему я и сказала: нет.
Так можешь ты призвать сюда мессира.

СОРИЗМОНДА (*улыбаясь*).

Но, если вы решили отказать,
Зачем же звать его?

МЕЛИСИНДА.

Я откажу...

Но стыдно мне за это малодушье.
Должна ему я все же дать возможность
Хоть высказать, что он хотел.

СОРИЗМОНДА.

О да!

МЕЛИСИНДА.

Кто знает? Может быть, ему удастся
Преодолеть сомнения мои.

Соризмонда идет к галерее, делает знак. Бертран появляется. Соризмонда уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мелисинда, Бертран.

БЕРТРАН.

Благодарю, благодарю, принцесса,
Что выслушать решились вы меня.
Молить, молить вас — мой священный долг,
Пока еще на мачте белый парус,
Пока еще несчастный принц мой дышит.

МЕЛИСИНДА *(сидя в подушках, небрежно).*

Он, может быть, совсем не так уж плох?

БЕРТРАН.

Не говорите так! Не говорите!
Я должен умолять — и умолить!..

МЕЛИСИНДА.

Я слушать вас готова, сир Бертран.

БЕРТРАН.

Сейчас я был совсем ошеломлен:
Исчезло вдруг прекрасное виденье;
Вы бросили так жестко это «нет»,
Вы — за минуту ласки воплощенье,
Что я готов был счесть, все это сном,
Когда бы не оставшийся повсюду
Томительный и нежно-сладкий запах,
Подобный ароматам Клеопатры.

МЕЛИСИНДА *(улыбаясь и протягивая руку, на которой висят браслеты).*

Не эти ли восточные духи,
Смесь амбры с каплей тонкого сандала,
Что я ношу в подвесках золотых
Моих браслетов?

Бертран на коленях целует ее руки.

Эти, да? Скажите.

БЕРТРАН *(изменившимся голосом).*

Да, ваш неуловимый аромат!..

МЕЛИСИНДА *(хочет встать).*

Нет... Умолять приличней на коленях.

БЕРТРАН.

О если б мог я только описать
Вам образ принца, чистый, идеальный!

Его любви поэму вам открыть!..
Достоин ли о нем я говорить?

МЕЛИСИНДА.

Нет, говорите, я хочу вас слышать.
Итак, вы очень любите его?

БЕРТРАН.

Люблю и преклоняюсь перед ним.
Когда в Эг-Морт он прибыл грустный, бледный,
Задумчивый, и я узнал, что бедный
Своим врачом уж был приговорен.
Что он стремится к смерти неизбежной
На ненадежном этом корабле,
Что он влюблен в ваш образ дивный, нежный,
Что перед тем, как кончить на земле
Печальное свое существованье,
Он хочет видеть в свой предсмертный час,
Прекрасная принцесса Греза, вас, —
О, понял я душой его желанье,
Пошел к нему...

МЕЛИСИНДА (*живо*).

И он вас полюбил?

БЕРТРАН.

Я с ним мечты и грезы разделил,
Я стал его учеником и братом.
О, в этом мире, пошлостью богатом,
Нашлось немало осуждавших нас;
Но я пошел за ним без размышлений!..

МЕЛИСИНДА.

О рыцарь, сколько благородства в вас!

БЕРТРАН.

Сначала путь наш был без приключений.
И вот, когда по голубым волнам
Плыла галера, унося нас к вам,
С восхода солнца до его заката,

В течение томительного дня
Стихи, что принц сложил для вас когда-то,
Читать ему он заставлял меня.

МЕЛИСИНДА.

О да! Ваш голос так красив и звучен!

БЕРТРАН.

Так я все время был с ним неразлучен.
О да! Конечно, был влюблен Тристан
В свою Изольду, деву Ирских стран;
Пылала Ода страстию к Роланду,
А юный Флор — к прелестной Бланшефлёр,
Но не любил никто до этих пор,
Как принц Рюдель принцессу Мелисинду.
Ах! Эти слезы в тишине ночной,
Когда он был наедине со мной,
И стоны, и мольбы!.. Когда б вы знали!

МЕЛИСИНДА.

Так для него вы и ночей не спали?

БЕРТРАН (*вставая, в волнении*).

Как описать, о женщина, наш путь
По влаге волн, предательской и зыбкой,
Когда в погоне за твоей улыбкой
Ежеминутно мог он утонуть!
Мы выпили до дна страданий чашу.
За бурей — буря, и галеру нашу,
Как скорлупу, кидало по волнам,
Но бедный принц служил примером нам:
Ни жалобы, ни страха, ни сомненья!
И мы учились забывать мученья.
Порой просвет и вид чужой земли
Нас отдохнуть гостеприимно манит,
Цветущий остров видим мы вдали,
К цветам, к земле неудержимо тянет,
Но нет! Вперед! И мимо мы летим.
Крепчает ветер; боремся мы с ним;
И вдруг корабль турецкий нам навстречу!
Не описать смятение и сечу!..

Они ко дну идут, побеждены.
Опять летим! Дождь, вихорь, буря, холод.
И, наконец, ко всем мученьям — голод!
Несчастные гребцы истощены;
На вид они уж призраки, не люди:
Лохмотьями едва прикрыты груди;
В день проживаем муки целых лет.
В обломках мачты, паруса — лохмотья,
Принц умирает, и надежды нет.
Отчаянья не мог уж побороть я
И за него молился уж, как вдруг
«Земля! Земля!» — победный клик раздался.
Подумайте!

МЕЛИСИНДА.

О, думаю, мой друг,
Что ужасам таким ты подвергался.

БЕРТРАН (*удивлен*).

Я?..

МЕЛИСИНДА (*стараясь поправиться*).

Для него, о, только для него.
Позволь понять мне чувства твоего
Величие и самоотверженье
И за него благодарить тебя.

БЕРТРАН.

Принцесса, я...

МЕЛИСИНДА.

К чему ж твое смущенье?
Ты, Жофруа душевно полюбя,
Был брат ему и друг сердечный, верный,
И поступал как рыцарь ты примерный.
Ты убедил меня; я ухожу,
Я снарядить галеру прикажу.
Иду, иду, но более ни слова!
О боже мой!
(*Уходит в сильном волнении.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бертран, потом Скарчафико.

БЕРТРАН.

Я духом ожил снова.
Так был игрой жестокою отказ.
О женщины! Кто разгадает вас?
Принцесса! И у ложа гробового,
Перед лицом холодным мертвеца,
Все женщиной ты будешь до конца!
О бедный друг, что ждешь ее с тоскою,
Как ангела святого с небеси,
Умрешь теперь счастливым!

СКАРЧАФИКО (*входит. Про себя*).

Что такое?

БЕРТРАН.

Рюдель, мой принц!

СКАРЧАФИКО.

О господи, спаси!

Вы не Рюдель?

БЕРТРАН.

Рюдель? Что это значит?

СКАРЧАФИКО.

Ужели дьявол так нас одурачит!
Надежды наши улетят, как дым!

БЕРТРАН.

Надежды ваши?

СКАРЧАФИКО.

Да, мой друг прекрасный!
Увидевши тебя, твой облик властный,

Себе сказал я: «Эврика! Вот он!
Теперь в руках мы держим счастье наше!»

БЕРТРАН.

Какое счастье?

СКАРЧАФИКО.

Да пойми, я думал:
Вот тот поэт, чья страсть с ума нас сводит;
Как победитель, во дворец он входит,
Шутя, ударом своего меча
Того дракона пригвождает к месту.
Он победил! Ему в награду сердце
С прекрасной ручкой вместе отдадут.

БЕРТРАН.

О!..

СКАРЧАФИКО.

Как бы это было превосходно!
Комнен и Византия ненавидят
Всех генуэзцев и венецианцев,
О, если здесь их воцарится власть,
Пропали мы!.. А мы хотим так мало...
Пусть в Триполисе нашем все идет
По-старому, как шло до этих пор.
В правители хотели мы поэта,
И все своим бы делом занялись:
Они — стихами, мы — своей торговлей;
Другие взяли б на себя труды
За них богатым Триполисом править,
И нам они нисколько бы не стали
Мешать...

БЕРТРАН (*перебивая*).

Ловить в водиче мутной рыбку?..

СКАРЧАФИКО.

Ну да, ловить... О, что я! Ты прекрасно
Меня ведь понял?..

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

БЕРТРАН.

Да! Прекрасно понял!

СКАРЧАФИКО.

Рюдель умрет. К чему ж весь этот подвиг?

БЕРТРАН.

К чему? Порыв прекраснейшей души,
Великий подвиг, да! К чему он?

СКАРЧАФИКО.

Бредни!.. Бредни!

БЕРТРАН (*про себя*).

Да! Поняли простые моряки;
А он, из низких торгашей последний,
В своем мозгу презренном унижал
Величье бескорыстной нашей цели,
Ища позорной выгоды от ней!
О, есть ли что-нибудь, чего нельзя
Им запятнать своим прикосновеньем?
Да! Ты не слышишь этого, Трофимий!

СКАРЧАФИКО.

Подумать только, что Комнен проклятый
Ей будет мужем!

БЕРТРАН (*живо*).

Никогда! Клянусь!

СКАРЧАФИКО (*в сторону*).

Ого! Ого!

БЕРТРАН.

Клянусь, что этот варвар
Не прикоснется никогда к созданию
Такой чистейшей хрупкой красоты!

СКАРЧАФИКО (*в сторону*).

Нельзя ли план наш изменить слегка?..

(*Громко.*)

О бедный принц! Умрет он слишком рано.

Бертран, погруженный в размышления, не слушает.

(*Приближается к Берtrandу.*)

Она, конечно, за него бы вышла,

Она любила франков и поэтов,

Тем и другим он был, как вы, мессир!

Потом, конечно, вся поездка эта

Ее воображение поразила.

(*Ее с ним вместе совершили вы!*)

Но он умрет. Не знает смерть пощады,

Увы, судьбы веленья таковы!

За подвиг свой он не возьмет награды.

Так пусть же ей воспользуются вы!

БЕРТРАН.

Что, если я увижу черный парус;

Ужасный символ смерти...

СКАРЧАФИКО.

О ребенок!

Заботится так страстно о другом,

Еще об умирающем вдобавок,

Когда ему так было бы легко

Замолвить два словечка за живого!

БЕРТРАН (*оборачивается, смотрит на Скарчафико, тот отступает*).

Что ты сказал? Осмелся повторить!

СКАРЧАФИКО.

Я? Ничего!

БЕРТРАН (*хватая его за горло*).

Презренный!

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

СКАРЧАФИКО (*освобождаясь*).

Эге-ге!

Отлично вы меня благодарите
За добрые советы, юный друг мой!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Мелисинда, Соризмонда, служанки принцессы, несущие ее мантию и скипетр.

БЕРТРАН (*Скарчафико*).

Я задушу тебя!

МЕЛИСИНДА.

Что здесь за шум?

БЕРТРАН.

Змея!

СКАРЧАФИКО.

Змея? Пусть буду я змеею,
Но знай: кто раздавить меня захочет,
Раскается — и горько.

БЕРТРАН.

Не боюсь я.
Пускай змея в пату меня ужалит!

СКАРЧАФИКО.

О, берегись! Ужалю прямо в сердце!

МЕЛИСИНДА (*приближаясь, вся дрожа от гнева*).

Здесь гостю моему ты угрожаешь,
Презренный плут! Так слушай же, несчастный:
Покинешь ты до наступленья ночи
Пределы графства моего, а если
Тебя застанут на рассвете здесь,
То на заре тебя тогда повесят!..

Эдмон РОСТАН
СКАРЧАФИКО.

Изгнанье!.. Разоренье!..
(*Бертрану.*)

Но смотри!
Я отомстить сумею за себя.
(*Скрывается.*)

МЕЛИСИНДА.

Вы видите: он изгнан мной для вас.

БЕРТРАН.

О! Он посмел... посмел...

МЕЛИСИНДА.

Вас рассердить,
И этого мне было уж довольно.
Но мы сейчас отправимся. Идите
И посмотрите, все ли там готово:
Галера, кормчие, гребцы... Идите!..

Бертран растерянно взглядывает на нее, потом быстро уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мелисинда, Соризмонда, служанки.

МЕЛИСИНДА (*нервно*).

Подай мне диадему, Соризмонда,
Во мне, конечно, любит он принцессу;
Принцессою должна явиться я,
Со скипетром в руках. Подай мне скипетр.
О Соризмонда, я едва стою!
(*Пробует надеть мантию, но отдает ее служанкам*).
Нет, унесите мантию мою,
Мое проклятье, прочь... туда... в галеру.
О! С каждым часом тяжелей она.
Все эти камни... золото... Ступайте!
Потом ее надену я, потом!

Служанки уходят и все уносят с собой.

Ты думаешь, придется мне ему
Глаза закрыть?

СОРИЗМОНДА.

Вся эта близость смерти
Расстроит вас. Пошлите лучше вы
Врача или духовника. Поверьте...

МЕЛИСИНДА.

Ты со своим спокойствием — ужасна!
Но и сама я чувствую неясно
Какой-то гнев иль страх; я не пойму:
Ужели я должна идти к нему,
Стоящему уж на краю могилы,
А не остаться здесь с другим... с другим,
Прекрасным, полным юности и силы!

СОРИЗМОНДА.

Принцесса, так оставайтесь лучше с ним!
Отбросьте эту детскую химеру:
В мечтаниях пора узнать вам меру.
Свободны вы, любите же его!

МЕЛИСИНДА.

Любить? Его? Да! Я тебе сказала!

СОРИЗМОНДА.

Вот вы боитесь чувства своего,
А я, узнав, за вас счастливей стала:
Покинете вы грезы и мечты
И, забыв пустые сновиденья,
Вернетесь к жизни, полной наслажденья.

МЕЛИСИНДА.

Сестра чистейших лилий, это ты?
Так, значит, первый незнакомый странник
Пленил тебя? Чем? Только красотой,
Да пылкостью, да силой молодой?
Забут, забут души твоей избранник!

Эдмон РОСТАН
СОРИЗМОНДА.

Так иногда природа любит мстить!

МЕЛИСИНДА.

Так только потому, что я старалась
Его так страстно к жизни возвратить
И видела, как краска возвращалась
На свежие и гордые уста...

СОРИЗМОНДА.

Что бледное чело прекрасно было...

МЕЛИСИНДА.

Что жгло меня дыхание его...
О нет! О нет! Не только потому!
Я верила, что он мой принц... О боже!
Зачем я лгу сама перед собой?
Как только нежным голосом своим
Он произнес знакомое мне имя,
Во мне забилося сердце от желанья,
Чтоб он им был, и я... и я, увы!
Поверила желанью своему!..

СОРИЗМОНДА.

Все это ясно.

МЕЛИСИНДА.

Как была бы прежде
Я счастлива, узнав, что мой поэт
Решился увидеть свою принцессу,
И что ж теперь? Он здесь, мой принц
несчастный,
Он здесь; его страдания ужасны,
Он здесь — и умирает оттого,
А та, к кому душой стремился он,
Кого с тоской зовет он, умирая,
Колелблется, не хочет... Почему?
Что слишком хорошо посол был выбран.

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

СОРИЗМОНДА.

По правде, так!

МЕЛИСИНДА.

Да! Слишком хорошо!

О, эти кудри, черные как смоль,
И этот голос ласковый и звонкий,
И эта нерешительность ребенка
В таких глубоких пламенных глазах!
Любовь! Любовь! Ты слишком беспощадно
Мою сломила гордость навсегда!

СОРИЗМОНДА.

Вы любите — так оставайтесь здесь.
Рассудок...

МЕЛИСИНДА.

Слеп! Ну да! Рассудок слеп.
Привык он верить только в очевидность.
Но странности бывают иногда,
И двойственность у сердца существует.
Того, о ком так долго я мечтала,
Того, кто умирает за меня,
Люблю, люблю глубоко и жалею.
Другого — обожаю, жажду я!..
И вот душа терзается моя.

СОРИЗМОНДА.

Ступайте же к несчастному Рюделю,
А после...

МЕЛИСИНДА.

После! Так я и ждала!
Вот он, рассудок. Низменная хитрость!
Так, значит, — сделка с совестью, мой друг?
Чтоб на моих руках несчастный умер,
А я с другим спокойно бы вернулась,
Не правда ли? Так знай же: никогда!
Нет, Соризмонда: пошлость мне чужда!

Такой ценою не куплю я счастья.
Хотела я любви необычайной,
Такою быть она должна, о да!
И если не мистическою тайной,
Пусть будет преступлением горда!

СОРИЗМОНДА.

Опять мечты и неопределенность!

МЕЛИСИНДА.

Что, если бы мою любовь узнал он,
Что он бы сделал?..

СОРИЗМОНДА.

Понимаю я!

МЕЛИСИНДА.

Мучительна мне эта неизвестность.
Вот чем душа соблазнена моя...

СОРИЗМОНДА.

Вы победить его хотите честность?

МЕЛИСИНДА.

А если так? Иль это не успех
Жестокий, дивный?.. Да спроси у всех:
Кто не желал подобной страшной власти?
И женщина какая, хоть отчасти
Достойная названья своего,
Об этом не мечтала хоть украдкой?
О, как, должно быть, невозможно сладко
Ласкать, любить и утешать того,
Кто из-за нас без капли замедленья
Пошел на стыд и ужас преступленья
И честь свою игрушкою нам дал!
О женщины! Скажите, кто из вас
Хоть на одно мгновенье не мечтал
Быть грешницей с коварными устами,
Способной взмахом медленным ресниц
Перед собой во прах повергнуть ниц
Всю добродетель, доблесть идеала...

Нет, не Далила, но хотя б Омфала?..
Одним лишь золотистым волоском
К себе героя притянуть тайком!
Пойми... какая страшная отрада
Держать в своих объятиях Пилада,
Когда он знает, что Орест зовет,
Что умирает он, и не идет!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бертран, Мелисинда.

БЕРТРАН (*входя*).

Галера ваша ждет давно.

Соризмонда уходит.

МЕЛИСИНДА.

Прекрасно

(*В сторону.*)

Ужасно соблазнительно, ужасно!

БЕРТРАН.

Зачем глядеть так странно на меня?
Не разгадать мне ваших глаз загадки!

МЕЛИСИНДА.

А если есть причина у меня
Не следовать за вами?

БЕРТРАН.

Быть не может!

МЕЛИСИНДА.

Однако... эта мысль меня тревожит.
А если я... люблю кого-нибудь?

БЕРТРАН.

Не может быть!

Эдмон РОСТАН

МЕЛИСИНДА.

Как искренно сказал он!
Но это так, и я люблю! Увы!
Из-за моей любви я только медлю.

БЕРТРАН.

Вы любите? Кого, скажите,
Скажите имя! Я его убью!..

МЕЛИСИНДА.

О, если бы назвать любовь мою
Решилась я, его б вы не убили.

БЕРТРАН (*вне себя*).

Скорее имя! Должен я...

МЕЛИСИНДА.

Сказать?

БЕРТРАН.

Да! Говорите!.. Я хочу...

МЕЛИСИНДА (*идя к нему, с расстановкой*).

Сказать?

БЕРТРАН (*в ужасе отступая*).

Нет! Нет! Молчите! Если угадал я
(*выхватывая меч*),
Его уж я наверное убью.
(*В сильнейшем возбуждении*).
Убью!..

МЕЛИСИНДА.

О нет, себя вы не убьете:
Я промолчала!

БЕРТРАН (*роняя меч*).

Я бесчестный рыцарь!

МЕЛИСИНДА.

При чем же ваша честь, Бертран мой?

БЕРТРАН.

Нет!

Я испытал прилив такого счастья!

МЕЛИСИНДА.

О, я горда изменою твоей!..

БЕРТРАН.

Я не хочу быть вором мертвеца!
Ступай к нему: ведь сердцем ты добра!

МЕЛИСИНДА.

И потому я не пойду к нему.
О, если б я пошла... подумать страшно...
Быть может, сердце снова размягчится
И подчинится прихоти безумной!
Удастся ль мне избегнуть сожаленья?
Ведь я его любила долго, долго!
Он был (Бертран, увы, я это знаю!),
Он лучшей был душой моей, а вы...
Вы худшею моей душою стали.
Чтоб вам... чтобы тебе принадлежать,
Я не должна увидеть взгляд Рюделя!
Я не хочу... Я не пойду туда...
Но, впрочем... если вы еще хотите
Меня об этом умолять...

БЕРТРАН.

Я?.. Я?..

О, что со мной! Не должен я... Мой принц!
Мой бедный принц!.. Я обожаю вас!
Нет, не смотри ты этим томным взглядом!
Зеленые... иль синие глаза?..
Я не пойму их цвет непостоянный!
В них солнца луч, в них божия гроза,
В них поволока влажности туманной,
И отраженье водной глубины,

И фальшь, и блеск изменчивой волны!
 О Мелисинда! Я боюсь, боюсь,
 Боюсь окна, открытого на море!

МЕЛИСИНДА *(бежит к окну, закрывает его
 и прислоняется к нему спиной).*

Ты видишь, милый? — Я его закрыла!
 Окно закрыто! Больше никогда
 Не станем мы с тобой глядеть туда.
 Забудем всё. Ведь мой дворец прекрасен.
 Повсюду ароматы разлиты!
 Окно закрыто, и твой страх напрасен.
 Смотри, повсюду алые цветы,
 Все розы, розы красные повсюду.
 Тебя любить я вечно, вечно буду.
 Где лилии? Смотри! Их больше нет.
 Забыла я мечтаний бледный цвет
 Для красных роз, цветов любви безумной!
 И мы забудем в тишине бездумной,
 Что делают далеко на земле!
 Кто говорил об этом корабле?
 Кто говорил о смерти, о Рюделе?
 Но истины не знали мы доселе,
 А истина — в объятии твоём,
 Действительность — в любви безумной нашей.
 Так будем пить блаженство полной чашей;
 Взгляни в окно! На небе голубом
 Ни облака... ни паруса... Потом
 Когда-нибудь мы сами посмеемся,
 Раскрыв окно, над ужасом былым:
 Мы не увидим ничего за ним!
 Теперь мы глупым сказкам поддаемся
 И рассказням о черных парусах.
 Окно закрыто! Брось свой детский страх,
 Не думай, милый! Ни о чем не думай!
 Что страшного в окне моем цветном?
 Эмаль горит на солнце...

БЕРТРАН.

О другом
 Не в силах вы ни говорить, ни думать!

МЕЛИСИНДА.

Неправда! Нет! Могу я лишь о вас...
Люблю тебя! Лишь о тебе могу я
И говорить и думать, милый мой!
Какой аграф прекраснейший! Откуда
Он у тебя?

БЕРТРАН.

Подарок Жофруа.

МЕЛИСИНДА.

Сорви его — и только!

БЕРТРАН.

О мой брат!
Я драгоценностям твоим обязан
Тем, что привлек внимание ее!

МЕЛИСИНДА.

Неправда! Нет! Чтоб победить меня,
Ты мог прийти в простом колете темном,
Разорванном, в бою окровавленном,
Забрызганном соленую волной,
И вместо драгоценного аграфа
Мои уста дала бы я тебе!
Не уходи! Дай мне твои глаза!
Когда меня ты взглядом избегаешь,
Ты чувствуешь, ты знаешь, что ты лжешь!
Ты чувствуешь...

БЕРТРАН.

Я чувствую одно:
Что голос твой околдовал мне душу,
Что для него все клятвы я нарушу.

Окно с шумом растворяется под напором ветра.

МЕЛИСИНДА.

Ах! Ветер с моря растворил окно!

ЭДМОН РОСТАН

БЕРТРАН.

Окно открылось!

МЕЛИСИНДА.

Так иди, закрой!

БЕРТРАН.

Нет, я боюсь... боюсь увидеть парус!

МЕЛИСИНДА.

Ты не смотри и поскорей закрой.

БЕРТРАН.

Нет! Буду я смотреть. Я это знаю.

МЕЛИСИНДА *(вставая, идя к окну вдоль стены).*

Вот так идти... приблизиться. И только!

(Почти подойдя, колеблется, не смеет закрыть окно; медленно отступает и падает рядом с Бертраном на диван.)

Нет! Не могу! Останемся же здесь;

Отсюда ничего нельзя увидеть.

Забудемся в любви глубокой нашей,

Поступим так, как поступают все,

Кто хочет счастья!

БЕРТРАН.

Что ты говоришь?

МЕЛИСИНДА.

Я говорю, о мой Бертран любимый,

Что все, кому здесь счастье дано,

Все чувствуют с тоской неувимой,

Что позади — раскрытое окно!

Оттуда веет холодом порою,

И в их душе... там, где-то в глубине,

Все говорит о роковом окне.

Но все к нему боятся обернуться,

Взглянув в него, боятся увидеть

Или корабль неумолимый долга,
Что требует, зовет к себе сурово,
Иль черный парус поздних угрызений.
Так, зарываясь в мягкие подушки,
Они сберечь надеются то счастье,
Которое разрушит первый взгляд
На это беспощадное окно.
Поступим же, подобно этим людям.
Не будем же и мы в него смотреть,
И в сладкой неге все, весь мир забудем!
(Обнимает его и откидывается на подушки.)

БЕРТРАН.

Да, позабудем... позабудем все...
К чему? К чему обманывать себя?
Твоя душа на это неспособна.
Такого счастья нам с тобой не надо!
На тех людей, увы, мы не похожи!

МЕЛИСИНДА.

О мой Бертран! Люблю тебя! Люблю!
За окном слышен веселый хохот.

БЕРТРАН (*вздрагивая*).

Что там такое?

МЕЛИСИНДА.

Милый, ничего!
Шумят пажы и слуги на террасе.

ГОЛОСА (*под окном*).

Три!.. Восемь!.. Шесть!..

МЕЛИСИНДА.

Они приходят часто
Играть здесь в кости.

ЭДМОН РОСТАН

ГОЛОСА.

Тра-ла-ла-ла-ла-ла!
Что за погода! — Чудо! — День прекрасный!

БЕРТРАН.

О Мелисинда! Я люблю тебя!
Какая фея на твоих крестинах
Предвидела мелиссы аромат
В твоих кудрях, в твоих устах прелестных?

ГОЛОСА.

Как море тихо! — Ого-го, смотрите...

БЕРТРАН (*с трепетом*).

О небеса, что видят там они?

МЕЛИСИНДА.

Ну, что-нибудь вдали...

ГОЛОСА.

Вон там, смотрите:
Вы видите галеру?

БЕРТРАН.

Ах! Галеру!

МЕЛИСИНДА.

Не слушай их!

БЕРТРАН.

О боже, не могу!

МЕЛИСИНДА.

Ведь я не слушаю. Что? Что такое?

БЕРТРАН (*в отчаянии*).

Вот видишь!

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

МЕЛИСИНДА.

Ведь галера не одна,
Их много здесь, зачем же думать только...

ГОЛОС.

Смотрите-ка! Там поднят черный парус!

Мелисинда и Бертран взволнованы.

Пойду-ка я на пристань! — Кто со мной?

Шум удаляющихся шагов. Бертран и Мелисинда, не смея глядеть друг на друга, медленно отодвигаются. Очень большая пауза.

МЕЛИСИНДА *(едва слышно)*.

Ну... что же?

БЕРТРАН.

Что же? Что же? Ничего!

Машинально берет оставленный на диване платок Мелисинды и вдыхает его запах.

Какой прекрасный, нежный, тонкий запах!
Вы говорили мне сейчас, что это?

МЕЛИСИНДА.

Да... это... это амбра...

БЕРТРАН.

Амбра... амбра...

Касаюсь я устами нежной ткани,

Вдыхая амбру... амбру...

(Падает на пол с криком и рыданиями.)

Умер! Умер!

Все кончено! Он умер, брат мой, друг мой!

Все кончено! Что сделал я, безумец!

Украл мечту о счастье у него!

Что сделал я! Что сделали вы сами!

Эдмон РОСТАН
МЕЛИСИНДА.

Ужасно! Да... но ты остался мне.

БЕРТРАН.

Остался вам изменник недостойный!

МЕЛИСИНДА.

Изменник ты из-за любви ко мне!

БЕРТРАН.

Я даже не герой, позором гордый!
Я — слабое, безвольное дитя;
Всегда готовый на измену, я
Подвластен дуновенью ветерка!
Сегодня утром был я смел, отважен,
И вот я — раб духов твоих восточных.
Я весь во власти одного мгновенья.
Ты говоришь, что я тебе остался?
Что значу я? Увы, себя я знаю —
Игрушка ветра, лунный свет в воде!

МЕЛИСИНДА.

Вас ослепляют ваши угрызенья!

БЕРТРАН.

Да, и из этих угрызений видно,
Что я не сильный духом человек,
Гордящийся свершенным преступленьем,
Но я последний из несчастных, я
И в злобе и в добре непостоянен.
Да, у меня прекрасные порывы!
Я обещаю. Голос мой дрожит.
Но выполнить все эти обещанья
Не в силах я! Вся преданность моя,
Вся дружба, все страданья — для того,
Чтоб изменить в последнюю минуту!
Все это преступленье — для того,
Чтоб, совершив, раскаиваться вечно!
О, если б ты могла меня так страстно,

Так пылко презирать и ненавидеть,
 Как сам себя теперь я ненавижу!
 Ты зачаровываешь, как Цирцея,
 Каприз твой душу погубил мою!

МЕЛИСИНДА (*потрясена*).

Что говорит он! Боже мой! Ужели
 Во мне он видел женщину и только?
 И преступленью, ужасу, позору
 Ужель он не увидел оправданья
 В объявшей нас могучей, гордой страсти?
 Так я одна была с моей мечтою?
 И вот зачем мы погубили все!

БЕРТРАН (*вне себя*).

Да! Ты меня навеки погубила!..
 (*Падая на колени с плачем.*)
 Нет, нет, я этих слов не произнес!
 Прости, прости! Теперь ты мне нужна,
 Теперь меня покинуть ты не смеешь!
 Теперь моим мучениям могилой
 Пусть будут кудри дивные твои,
 Я не хочу, я не могу лишиться
 Тебя теперь!..

МЕЛИСИНДА.

Нет, поздно... поздно... поздно!
 Оставь меня! Оставь! Какая низость!
 Так вот зачем мы погубили все!
 Но мне ли упрекать тебя, несчастный,
 Когда себя я больше упрекаю?
 В твоих объятьях не забылась я
 И двойственность все ту же ощущала.
 Увы! Когда же вечно беспокойной,
 Моей тревожной страннице душе
 Наступит светлый миг успокоенья?
 О жажда вечная, о голод вечный,
 Когда я утоленья вам найду?
 Но где же хлеб? И где источник чистый?

ЭДМОН РОСТАН

БЕРТРАН.

Все кончено!

МЕЛИСИНДА.

Все кончено!

БЕРТРАН.

Принцесса...

МЕЛИСИНДА.

Бертран...

БЕРТРАН.

О, как он должен был страдать!

МЕЛИСИНДА (*идя к окну*).

Прости! Прости, о друг мой незабвенный,

С высот небесных мне теперь прости!

Я почести воздам тебе по смерти...

(*С страстным криком.*)

Бертран! Он жив! Там белый, белый парус!

БЕРТРАН.

О боже! Что же говорили люди?

О траурной галере византийцев!

Но там на нашем бедном корабле,

Там белый парус! Белый парус там!

МЕЛИСИНДА.

Белеется на небе голубом,

Белеется, как светлый знак надежды,

Надежды, что прощает он меня!

О боже мой, продли его мгновенья!

Ведь этот белый парус для меня

Теперь сияет путеводным светом.

Иду к тебе, мой принц, мой Жофруа.

Теперь ты мне дороже бесконечно

За все то зло, что совершила я.

Иду к тебе в последнее мгновенье,
Иду к тебе и вымолю прощенье!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же декорация, что в первом действии. День весь розовый и золотой, перед заходом солнца.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жофруа, брат Трофимий, Эразм, Скарчафико,
моряки.

Жофруа Рюдель на своем ложе на прежнем месте. Еще бледнее, чем утром. Глаза устремлены в землю. Совершенно недвижим. Рядом наблюдающий за ним Эразм. В ногах стоит на коленях, закрыв лицо руками, брат Трофимий. Направо и налево моряки, возмущенные речью Скарчафико — тот стоит посреди сцены, с обнаженной головой, скрестив руки и обратившись лицом к принцу Жофруа Рюделю. Гневный ропот. Кормчий сдерживает моряков, готовых броситься на Скарчафико.

СКАРЧАФИКО.

Вот все, что я вам должен быть сказать:
Они друг друга любят и сюда
Не думают явиться...

МОРЯКИ.

Замолчи!
Зажмите рот ему! — Довольно! — Будет!

Рюдель не поднимает глаз. На лице его не дрогнул ни один мускул.

КАПИТАН (*морякам*).

Но дайте говорить ему!

МОРЯКИ.

Довольно!

— О подлый лжец! Убить он хочет принца!

— С какою целью?

СКАРЧАФИКО (*принцу*).

Да, ваш друг Бертран...

ПЕГОФА.

Ты лжешь, наглец!

СКАРЧАФИКО.

Нет, я не лгу! Принцесса...

БРУНО.

Принцесса? Никогда!

ФРАНСУА.

Какая ложь!..

КАПИТАН.

Но дайте досказать ему...

Жофруа Рюдель не дрогнул, его глаза по-прежнему смотрят
вдаль.

СКАРЧАФИКО.

Обманщик...

БИСТАНЬ.

Обманщик — ты!

СКАРЧАФИКО.

Они с ума сошли!..

(*Принцу.*)

Да, ваш любезный друг с принцессой вместе,
В то время, как с тоскою ждете вы...

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

Э Р А З М.

Принц больше вас, мессир, не может слышать.

С К А Р Ч А Ф И К О.

Но для того мученьем худшим было б
Узнать, что принц пред смертью слышал все.

Э Р А З М.

Не может принц ни слышать, ни ответить:
В его глазах жизнь теплится едва!

С К А Р Ч А Ф И К О.

Он должен все узнать.

Э Р А З М.

Но он не может.

Б Р А Т Т Р О Ф И М И Й (*поднимая глаза к небу*).

Благодаренье Богу в небесах!..

С К А Р Ч А Ф И К О (*капитану*).

Проклятие! Но вы, по крайней мере,
Когда сюда изменник возвратится
И, перед мертвым преклонив колена,
Начнет скорбеть, и плакать, и рыдать,
Вы скажете ему, что перед смертью
Рюдель все знал, и проклинал его,
И в силах был еще меня услышать!

К А П И Т А Н (*морякам, указывая на Скарчафико*).

Я отдаю во власть вам негодяя;
Вы можете его повесить.

С К А Р Ч А Ф И К О.

Как?

ЭДМОН РОСТАН

МОРЯКИ.

На смерть его! — На смерть его! — На смерть!
— Обманщик! — Лжец! — Презренный клеветник!

ПЕГОФА.

Так никогда б она не поступила!

СКАРЧАФИКО.

Но... Но...

БРУНО.

Без всяких «но»! Мы не позволим
Затронуть нашу дивную принцессу!

ФРАНСУА.

Она придет!

БИСТАНЬ.

Она придет, наверно!

ТРОБАЛЬДО.

Мессир Бертран нам это обещал.

СКАРЧАФИКО.

Послушайте, но...

ПЕГОФА.

Сколько заплатили
Тебе за эту ложь, скажи, иуда?

СКАРЧАФИКО.

Безумные, слепые люди!..

БРУНО.

А!

Так ты приносишь нам дурные вести?

СКАРЧАФИКО.

Но...

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

МАРИАС.

Ты приходишь, чтоб отнять надежду
У бедного измученного принца?

СКАРЧАФИКО.

Но...

ФРАНСУА.

Тем, чья жизнь — мечта ее увидеть,
Ты говоришь, что не придет она?..

СКАРЧАФИКО.

Но...

ПЕГОФА.

Ты своею злобной клеветою
Кумир наш дивный хочешь запятнать?

СКАРЧАФИКО.

Но я глаза вам открываю!

ТРОБАЛЬДО.

Вот как?
А если мы нарочно их закрыли?

СКАРЧАФИКО.

Безумцы вы!

ЖОАН.

А если мило нам
Безумье это?

ФРАНСУА.

Значит, ты желаешь
У нас отнять принцессу Грезу? Так!
Сейчас тебя повесим мы на рее.

ПЕГОФА.

Нет, голову долой!..

ЭДМОН РОСТАН

БРУНО.

Пытать сначала!

ФРАНСУА.

Мы, каталонцы, отрубаем ноги
Преступникам!

СКАРЧАФИКО.

О! О!

БИСТАНЬ.

Язык мы вырвем
Клеветнику!

СКАРЧАФИКО.

О! О!

ТРОБАЛЬДО.

И ноздри!

СКАРЧАФИКО (*умоляюще*).

Сжальтесь!..

ПЕГОФА.

Как викинги на севере, поступим:
Ножом ладонь его мы пригвоздим
Покрепче к мачте, а потом заставим
Под жгучими ударами хлыста
Тихонько руку разжимать, пока
Всех пальцев он не разожмет.

СКАРЧАФИКО.

О, сжальтесь!

ПЕГОФА (*спокойно*).

Так полруки остаться может там.

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

СКАРЧАФИКО *(отбиваясь)*.

Но я ведь генуэзский гражданин!..

Моряки быстро отступают.

БРУНО.

Гм!

ФРАНСУА.

Ага-га!

БИСТАНЬ.

О, черт возьми!

ТРОБАЛЬДО.

Эге!..

ПЕГОФА.

Безумцы! Что наделать мы могли!

Все ему кланяются.

СКАРЧАФИКО *(успокоившись, насмешливо)*.

(С важным видом оглядывается по сторонам.)

Ага! Я генуэзский гражданин!

Все снова кланяются.

БРУНО *(выпрямляясь, быстро меняет тон)*.

Какое же до этого нам дело?

(Хватает его за колет.)

СКАРЧАФИКО.

Что это значит?

БРУНО *(толкая его к борту)*.

В воду, генуэзец!

Плыви, плыви до Генуи своей!

Эдмон РОСТАН
СКАРЧАФИКО.

На помощь! Помогите!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Ну, довольно,
Оставьте уж его!

ПЕГОФА.

Напрасны просьбы!
Он не зашит в мешок и может плавать!

СКАРЧАФИКО (*хватаясь за борт*).
Есть деньги у меня...

МОРЯКИ.

Нет, в воду, в воду!..

СКАРЧАФИКО.

Есть золото! Я все отдам вам!..

МАРИАС.

Бух!

Моряки бросают его в воду.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Что сделали вы, дети?

БРУНО.

Утопили

Во цвете лет!

ФРАНСУА (*брату Трофимию*).

Он выплывет, не бойтесь!

ГОЛОС СКАРЧАФИКО (*снизу, насмешливо*).

А я плыву!

БИСТАНЬ.

А, вот как! Погоди же!..

(Хватает лук, натягивает и целится.)

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Оставь! Не надо!

МОРЯКИ.

Целься! Хорошенько!

Все нагнулись направо, следя глазами за Скарчафико.

ЭРАЗМ *(рядом с принцем, тот словно не видит всего происходящего.)*

Сюда! Скорей! Что с принцем, посмотрите!

Все, обернувшись, видят, что Жофруа медленно поднимает руку и на что-то указывает вдали.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Он что-то видит! Видит, вероятно!

ПЕГОФА.

На что-то он указывает нам!

БРУНО.

Он прав! Смотрите! Вдалеке я вижу,
Как что-то приближается, блестя
И золотом и пурпуром на солнце!

ФРАНСУА.

Он прав! Смотрите! По воде скользит
Цветник из роз как будто!

Слышна музыка.

БИСТАНЬ.

Слава богу!

Сомнений нет: солгал нам генуэзец!

Какие-то пленительные звуки...

Она!.. Она!..

ПЕГОФА.

Галера золотая

Скользит, как солнце, на воде блистая!

БРУНО (*бегая, как обезумевший, и всех толкая*).

Она! Она! Я говорю — она!

По лестницам взбираются моряки, стоят на канатах, на реях,
машут шапками.

БРАТ ТРОФИМИЙ (*падая на колени*).

Благодарю тебя, великий Боже!

Не попустил несчастного страдальца

В отчаянье земную жизнь покинуть.

Музыка все ближе.

ПЕГОФА.

Она уж близко! Близко уж, друзья!

Вы видите пурпурные знамена?

БРУНО.

Из розового шелка паруса!

ФРАНСУА.

Все снасти разукрашены цветами.

БИСТАНЬ.

В бесчисленных наших плаваниях, друзья,

Видали ль мы подобную галеру?

Вся палуба — сплошной цветущий сад.

ТРОБАЛЬДО.

О, слушайте! Виолы!..

БРУНО.

Посмотрите!

И весла все гирляндами обвиты!

ПЕГОФА.

И с каждым взмахом золоченых весел
Дождем на воду лепестки ложатся!

МОРЯКИ.

Ты видишь ли принцессу? — Где она?
— Вон там стоит под пурпурным навесом.

ЖОАН.

О, как она прекрасна! Как прекрасна!

КАПИТАН.

Как лебедь, по волнам скользит галера,
И пестрые ковры за ней влачатся.

ЭРАЗМ.

И лютни звук и сладкий звон виолы!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Царица Савская в своей красе!

МАРИАС.

Друзья, махайте шапками, кричите!

МОРЯКИ (*махая шапками*).

О, слава, Мелисинда! — О принцесса!
Привет, привет! — Да здравствует принцесса!

ЭРАЗМ.

Но что со мной? Мне что-то сжало горло.
(*Кричит.*)

Привет, привет!

(*Оборачиваясь к брату Трофимию.*)

И я кричал со всеми.

БРАТ ТРОФИМИЙ (*пожимая ему руку*).

И, как у всех, у вас блеснули слезы!

ЭДМОН РОСТАН

КАПИТАН.

Галеру с этой стороны прицепят.
Скорей рубите это все, скорее,
Чтобы войти удобней нашей фее!

Моряки ударами топора расширяют отверстие планшира.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Наш бедный принц! Подайте мне скорее
Вы княжескую мантию его,
Немного дальше отодвиньте ложе.
Ведь Мелисинду надо подготовить.
Ужасно на него глядеть. Несчастный,
Уж взор его тускнеет.

КАПИТАН.

Вот она!

ПЕГОФА.

Одежды наши под ноги ей бросим!
Срывают куртки с плеч и устилают палубу.

ВСЕ (*приглушая голоса*).

Молчите! — Тише! — Отодвиньтесь! — Тише!
Тсс! — Стойте! — Не толкайтесь! —

На колени!

Она! — Она! — Она!

Полная тишина. Виолы смолкли. Галера бесшумно останавливается. Оттуда поднимаются клубы фимиама. Под навесом появляется Мелисинда и минуту стоит неподвижно.

ОДИН МОРЯК (*среди общего молчания произносит
умиленно и тихо*).

Святая Дева!..

Два раба-сарацина выступают, чтобы развернуть перед принцессой богатый ковер. Она останавливает их жестом и взволнованно говорит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Мелисинда, Соризмонда, служанки, рабы
и т.д., потом Бертран.

МЕЛИСИНДА.

Нет, нет! Не надо! Я хочу ступить
По этим бедным, дорогим лохмотьям!
(Ступает очень медленно, изумленно глядя вокруг.)

Служанки бесшумно останавливаются в глубине. Музыканты
остаются в галере. Эразм и брат Трофимий прячут от нее
Жофруа Рюделя. Он в глубоком обмороке, с закрытыми гла-
зами.

(Потрясенная до глубины души.)
О боже! Эти плачущие люди!
Корабль полуразрушенный! Я грежу?
О! На коленях эти бедняки!
Могла ли я представить этот ужас?
(Морякам.)
Друзья!

ПЕГОФА.

Она нас назвала друзьями!

МЕЛИСИНДА *(приближаясь)*.

Несчастные... суровые... в лохмотьях...
И я могу доставить этим людям
Луч радости. Я их могу утешить!
Как сердце сжалось! Но могла ли я,
Могла ли я все это разгадать?
Бертрану я внимала равнодушно.
Слова бессильны, это надо видеть.
(С невольной дрожью.)
Но где же принц?

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Увы! Он очень плох,
И с силами должны собраться вы,
Чтоб на него теперь взглянуть решиться.

Эдмон РОСТАН
МЕЛИСИНДА.

О, победить сумею я себя!

БРАТ ТРОФИМИЙ (*отодвигаясь и отстраняя Эразма*).

Тогда... приблизьтесь...

МЕЛИСИНДА (*увидя принца*).

Господи помилуй!

(*Падает на колени, рыдая*).

Из-за меня!.. Из-за меня!..

(*Беззвучно плачет.*)

Жофруа открывает глаза; они постепенно расширяются и озаряются улыбкой.

ЭРАЗМ.

Смотрите!

МЕЛИСИНДА.

Он улынулся!.. Боже мой! Подумать,
Подумать, что могла улыбки этой
Я не увидеть!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Мы его одели

В его одежды княжеские. Он
Не сомневался ни одной минуты
В приезде вашем. Он уже не слышит,
Не говорит. Мы думали, не видит...
Но он вас первый увидал вдали!

МЕЛИСИНДА (*на коленях, смотря на Жофруа*).

Не сомневался ни одной минуты?

ПЕГОФА.

О нет, принцесса!

БРУНО.

Как и мы, принцесса!

МЕЛИСИНДА.

Да? Как и вы?

КАПИТАН.

Эй, черт возьми вас, смирно!..

ФРАНСУА (*твердо*).

И даже несмотря на генуэзца!

МЕЛИСИНДА (*в ужасе*).

Как? Генуэзец говорил при нем?

При нем?

БЕРТРАН (*только что появившийся на палубе*).

Презренный! Смерти он достоин.

БРАТ ТРОФИМИЙ (*Мелисинде*).

Принц ничего не слышал.

ЖОФРУА (*слабым голосом*).

Слышал все!..

МЕЛИСИНДА (*складывая руки*).

О боже мой! Что вы могли подумать?
Какой позор!

ЖОФРУА (*кротко*).

О, я подумал только:
Что говорит нам этот сумасшедший?
Но я ему ни слова не ответил,
Хотя бы втихомолку. Я вас ждал.
Так говорить не смел я... Все слова
Сосчитаны, когда дышать уж трудно.
Я не хотел сказать ни одного,
Не обращенного к моей принцессе.

МЕЛИСИНДА.

О боже мой!..

ЭДМОН РОСТАН

ЖОФРУА.

И слушать не хотел
Я этого дурного человека.
Я все смотрел... смотрел туда, вперед.
Я чувствовал, что должен был смотреть,
Что этот взгляд без слов вас призовет,
Что он несокрушимой силой веры
К себе притянет неизбежно вас,
Хотя бы вас задерживали чары.

МЕЛИСИНДА.

О боже мой!..

ЖОФРУА.

Ну вот, вы и пришли.

(Заметив Бертрана.)

Благодарю, Бертран мой! Дай мне руку.

Бертран, подталкиваемый братом Трофимием, трепеща кладет свою руку в руку принца.

Ведь ты не мог же счесть меня способным
Из-за пустой и низкой клеветы,
Хотя на миг, хотя единой мыслью
Твое родное сердце оскорбить?

Бертран целует ему руку.

МЕЛИСИНДА.

О! Благородство этой дивной веры...

ЖОФРУА.

Награждено теперь превыше меры.
Я вижу вас. Сбылись души мечтанья...
Принцесса здесь! Моя принцесса здесь!
(Утомленный долгой речью, закрывает глаза.)

ЭРАЗМ.

Ему так трудно говорить, но скоро
Он наберется новых сил. Терпеньем!

БЕРТРАН (*глухо, брату Трофимию*).

Я больше не могу... я задыхаюсь...
Ему открыть я должен...

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Что, мой сын?

Бертран опускает голову.

Нет! О себе не смеешь думать ты;
Признаньем облегчить себя ты хочешь
И отравить его последний час!
О нет, молчи: пусть он умрет спокойно.

БЕРТРАН.

Но там мою измену он узнает.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

О, там, в покое вечном и блаженном,
Его душа, узнав твой тяжкий грех,
Ответит только светлым всепрощеньем.

МЕЛИСИНДА.

О боже мой! Пусть он придет в себя!
На веру сердца я ему отвечу,
Мечтам его хочу пойти навстречу
И смерть его блаженством искуплю!
Узнает он, что я его люблю!
В объятиях моих без сожаленья
И незаметно жизнь покинет он;
Пушкой его последние мгновенья
Прекрасны будут, как волшебный сон,
Пусть сыплются цветы дождем душистым,
Пусть к небу вьется облаком серебристым
Курений тонких ароматный дым;
Покройте все вокруг него цветами.
Вы прикасайтесь легкими перстами
Нежней и тише к арфам золотым:
К любви безгрешной нашей в наслажденье
Пусть музыка прибавит упоенья!..

ЭРАЗМ.

Вот он открыл глаза.

Тихая музыка, дождь цветов, облака курений.

МЕЛИСИНДА (*склоняясь к нему*).

Принц Жофруа!..

ЖОФРУА.

Я не во сне все это вижу, нет?

МЕЛИСИНДА.

Принц Жофруа! На зов ваш я пришла.
От пилигримов Франции далекой
Поэма вашей верности высокой
Давно уже известна мне была;
Мы были с вами как две пальмы южных,
Чьи нежные цветы душистой пылью
С другими сочетаются цветами,
К ним долетев на крыльях ветерка.
Когда, смотря на отблеск волн жемчужных,
Я поддавалась странному бессилью,
Я уносилась к вам тогда мечтами
И к вам была невидимо близка.
Когда в часы бессонницы ползучей
Вы ночью тихо слезы проливали —
Бесцельные, по мнению других, —
И я тогда в тоске металась жгучей,
И те же слезы, полные печали,
Лились тогда, мой друг, из глаз моих;
Но, утомившись жить одной мечтою,
Ты пожелал, чтоб ближе я была:
Ты захотел увидеться со мною,
Ты звал меня, и я к тебе пришла;
И я пришла, перед тобой предстала
Я в облаках курений благовонных,
В наряде пышном, царственном моем;
Пускай же запах розы и сандала,
Пусть звуки лютней и виол влюбленных
Тебя поздравят с нашим лучшим днем.
Под звонкий гул колоколов Тортозы

Его пусть с нами празднует весь мир!
Сегодня ведь твоей принцессы Грезы
С тобой, мой принц, свершают брачный пир!

ЖОФРУА *(ошеломлен)*.

Такому счастью верить я не смею.

МЕЛИСИНДА.

Твоя принцесса здесь, перед тобой;
Как ты ее находишь, милый мой?

ЖОФРУА.

Смотрю... смотрю... не оторваться взглядом.
Она, она, она! С ее нарядом,
Вся в блеске перлов, золота, камней,
С тяжелою волной ее кудрей!
И кажется для этой шеи гибкой
Тяжелым слишком ценных камней гнет.
Давно уж я знаком с ее улыбкой.
В моей душе давно она живет!
А милый голос утоляет жажду,
Как в летний зной студеной струя.
Смотрю в глаза и больше уж не стражду,
Смотрю в глаза ей и тону в них я.

МЕЛИСИНДА *(надевая ему кольцо на палец, потом ожерелье на шею)*.

Вот аметист, наш перстень обручальный;
Такой любви приличен цвет печальный!
Вот ожерелье с княжеским гербом!..
(Распускает волосы.)
А вот кудрей моих златые волны.
Как некогда Язон, отваги полный,
И ты за этим золотым руном
Пустился в путь; оно твое по праву!..
Ты вместе с ним завоевал и славу!..
Ты воспевал, влюбленный пилигрим,
Мои вот эти руки. Их объятья
Лишь одному тебе хочу отдать я.
Ты восхищался голосом моим,

Он для тебя звучит теперь смиренно:
Я вся твоя навек и неизменно!

ЖОФРУА.

Тебя пугает мой угасший взгляд?

МЕЛИСИНДА.

Твоим глазам — вот поцелуй мой сладкий.

ЖОФРУА.

Мои уста засохшие страшат,
Томимые жестокой лихорадкой?

МЕЛИСИНДА.

Мой дорогой, мой милый, не тоскуй:
Твоим устам — мой сладкий поцелуй!

Пауза.

ЖОФРУА.

Бертран!

Бертран приближается. Принц говорит Мелисинде, указывая
на окружающих его моряков.

Я обещал, что расскажу вам
О сердце этих доблестных людей!..
(Ослабев, делает знак Бертрану.)
Ты расскажи!..

БЕРТРАН.

О, если бы вы знали,
Какие это славные сердца!
Любите их, ничтожных, незаметных;
Их преданность, бесхитростная сила
Поэту помогла достичь принцессы.
Любите их! Под внешностью суровой
У них таятся души золотые!

МЕЛИСИНДА.

Мой Жофруа, я улыбаюсь им.

ЖОФРУА.

Мне холодно...

МЕЛИСИНДА.

Дыханием своим,
Возлюбленный, тебя я отопрею!..

ЖОФРУА.

О! Страшно мне! Ты здесь? Не уходи!

МЕЛИСИНДА.

Тебя держу я на своей груди,
И, как ребенка, я тебя лелею.

ЖОФРУА.

Ну вот... теперь не страшно больше мне.

МЕЛИСИНДА.

О, думай о любви прекрасной нашей,
О том, какой достигнем высоты
В преданиях потомства мы с тобою,
О том, что я с тобою, здесь, мой милый,
Что я твоя навеки Мелисинда!
Скажи мне снова, что меня ты любишь!

ЖОФРУА.

Я умираю!

МЕЛИСИНДА.

Посмотри, мой милый,
На белый жемчуг на груди моей!

ЖОФРУА.

Да, на груди божественной твоей...
Темнеет все кругом! О Мелисинда,
Я чувствую, что ухожу...

ЭДМОН РОСТАН

МЕЛИСИНДА.

Мой милый,
Держись покрепче за мои одежды!
Держи меня сильнее! Вот, бери,
Вот волосы мои — волной душистой
Пускай тебя закроют!

ЖОФРУА.

Эти кудри!
Как золотою цепью я опутан.
Мне сладко дивный запах их вдыхать,
Мне сладко... мне...

МЕЛИСИНДА (*брату Трофимию*).

Увы! Святой отец!
Быть может, вы мое займете место?

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Принцесса, нет; любовь все освящает,
И претерпевший за нее спасется.

МЕЛИСИНДА.

Мой Жофруа, мой принц, ведь наша с вами
Была любовь безумно хороша,
Едва лишь нежно обнялась крылами
С твоей душой на миг моя душа!

ЖОФРУА.

Я мантии твоей хотел коснуться,
Но пальцы холодеют и уж больше
Не чувствуют ни золота, ни камней.

Все группируются около него.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Начнем читать молитвы.

ЖОФРУА.

Умираю!

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА
БРАТ ТРОФИМИЙ.
*Proficiscere anima...*¹

Молитва произносится шепотом.

МЕЛИСИНДА (*в отчаянии*):

О боже!..

(*Музыкантам.*)

Пусть звуки арфы скроют от него
Молитвы скорбный шепот!

Тихая музыка.

ЖОФРУА.

Говори!

О, говори же! Нежный голос твой —
Вот музыка небесная: мечтал я
Под звук его так сладко умереть!

МЕЛИСИНДА (*обнимая его*).

Люблю тебя, люблю я!..

Молитвы, заглушаемые арфами.

БРАТ ТРОФИМИЙ.

*Deus Clemens!*²

ЖОФРУА.

О, говори! Пускай не слышу я,
Как быстро приближаются шаги...
Шаги... О, говори же, говори,
И я умру без жалобы единой!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

*Libera, Domine...*³

ЖОФРУА.

О, говори — молю!..

¹ Испуская дух (*лат.*).

² Милостивый Боже (*лат.*).

³ Охрани, Господи (*лат.*).

Арфы и шепот молитв.

МЕЛИСИНДА.

Мой Жофруа, люблю тебя, люблю!
По вечерам в тени душистых пиний
Лишь о тебе мечтала нежно я,
Смотря туда, на купол неба синий,
К тебе, к тебе рвалась душа моя!..

ЖОФРУА.

О, говори... о, говори... молю я...

БРАТ ТРОФИМИЙ.

*Ex omnibus periculis...*¹

МЕЛИСИНДА (*в сторону*).

О боже!

(*Жофруа.*)

Когда я шла среди прекрасных лилий
И тихо мне одна из них кивала
Своей головкой, точно намекая,
Что поняла любовь моей души,
Я думала, что лишь она достойна
Узнать любви прекрасной нашей тайну,
И царственной и чистой, как она;
И лилии тогда я поверяла,
Что я тебя люблю!

ЖОФРУА.

О, говори!

В твоих словах гармония и прелесть!
О, говори!

МЕЛИСИНДА.

И лилии тогда
Я поверяла, что тебя люблю!

¹От всех опасностей (*лат.*).

ЖОФРУА.

О боже мой! Я ухожу счастливым!
 Благодарю тебя, великий боже,
 Благодарю тебя, о Мелисинда!
 Не всем дано блаженство перед смертью
 Принцессу Грезу видеть наяву.

МЕЛИСИНДА (*убаюкивая его*).

Да, милый мой, но многим суждено
 Ее вблизи увидеть слишком рано
 И слишком долго, слишком близко знать!
 Но счастлив тот, кто чуждый берег покинет,
 Пока еще он полон новизны;
 Кто не допьет до пресыщенья кубок
 И не увидит, как цветок увял.
 Да! Потому мои объятия сладки,
 Что я тебе не больше, чем сестра;
 Что ты еще не разгадал загадки!
 Твою любовь не может омрачить
 Действительность с тоскливой серой прозой;
 Я для тебя останусь только грезой,
 И я всегда явлюсь твоим глазам,
 Как будто бы с небес к тебе слетая,
 Сиянием без тени залитая,
 Как в первый раз, как в первый раз, всегда.

ЖОФРУА.

Принцесса здесь! Прощай, моя принцесса!

БРАТ ТРОФИМИЙ.

Libera, Domine...

МОРЯКИ (*тихо*).

Господь, спаси его!..

МЕЛИСИНДА (*встав, приподнимает его голову, указывая
 на великолепие моря*).

Жофруа и Мелисинда облиты пурпуром заходящего солнца.

Смотри! Все небо залито огнем!
 О дорогой мой, смерть прекрасна эта;
 Поистине смерть принца и поэта,

Блаженная в спокойствии своем.
Я к твоему склоняюсь изголовью,
В моих объятьях ты, о, милый мой!
Ты окружен величьем и любовью,
Благословенье Бога над тобой.
Перед тобой не хор монахов мрачный,
И не горят уныло три свечи;
Но шепот арф... цветы... наряд мой брачный
И солнца заходящего лучи!

Жофруа умирает. Голова его падает. Мелисинда бережно укладывает его. Приближается брат Трофимий.

Его глаза еще не закрывайте,
Он смотрит на меня.

СОРИЗМОНДА *(с ужасом)*.

Мой бог! Принцесса!
Он ваши волосы не выпускает!

МЕЛИСИНДА.

Пускай он их возьмет с собой!
(Берет с его пояса кинжал и отрезает волосы.)

Руки Рюделя бессильно падают.

БЕРТРАН.

О нет!

Нет, это слишком!

МЕЛИСИНДА *(не оборачиваясь)*.

Кто это сказал?

БЕРТРАН.

Нет, это слишком...

МЕЛИСИНДА.

Это вы, Бертран?

Нет, от меня вам надо отказаться:
Другой душе теперь душа моя
Принадлежит, и спала с глаз завеса.

Уж больше я не прежняя принцесса,
 И прежних чувств не постигаю я.
 Любовь, мечты, и лилии, и розы —
 Всё ложные, обманчивые грезы!
 Но есть иная, высшая весна,
 И, чтоб сияла вечно мне она,
 Полна любви и пламенной и чистой,
 Хочу теперь избрать я путь иной:
 На Мон-Кармель, к обители святой,
 Он поведет меня стезей тернистой.

БЕРТРАН.

О, горе мне!

МЕЛИСИНДА (*морякам*).

А вы, мои друзья,
 Вы кончили свое святое дело,
 Зачем же вы смотрите так несмело?
 Вы голодны. Должна помочь вам я.
 Вам нужен кров, друзья! Вам нужно хлеба!
 Берите ж: вот рубины, жемчуга...
 (*Срывает со своей мантии драгоценные камни
 и бросает им.*)
 Земная роскошь мне недорого,
 И жажду я теперь сокровищ неба...
 Алмазы... перлы... яхонты... Смелей!
 Берите все, мне этого не надо;
 Но это вам не плата, не награда.
 Я заплачу любовью вам своей.
 Вот вам опалы... вот вам изумруды...
 Среди камней блестящей этой груды
 Вам отдаю навеки сердце я!..
 Как мантия теперь легка моя!

БЕРТРАН.

Что ж делать мне?

МЕЛИСИНДА.

Идите вместе с ними
 В поход крестовый!..

Эдмон РОСТАН

ВСЕ МОРЯКИ (*потрясая оружием*).

Да! В поход! В поход!

МЕЛИСИНДА.

За крест святой вы будете сражаться.

КАПИТАН.

Сожжем мы завтра славный наш корабль,
Что был достоин послужить поэту.

ТРОБАЛЬДО (*указывая на Бертрана*).

И все за ним пойдем за крест сражаться.

БЕРТРАН.

И пальмы ветвь священную сорвем!

МЕЛИСИНДА (*идя к своей галере*).

Прощайте же! Не плачьте обо мне,
Друзья мои, найду я в тишине
Покой и мир сердечный, просветленный;
Былая жизнь ничтожна и пуста...
Воскресла я душою обновленной
И поняла, что значит красота!

БРАТ ТРОФИМИЙ (*опускаясь на колени перед телом
Жофруа*).

Да, Господи! Великая любовь
Есть лучший перл в сокровищнице неба!

Занавес

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ГЕРОИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ
В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сирано де Бержерак — поэт.
Кристиан де Невилет.
Граф де Гиш.
Рагно.
Ле Бре.
Капитан Карбон де Кафель-Жалу.
Гасконские гвардейцы.
Линьер.
Капельмейстер.
Де Вальвер.
Монфлёр.
Бельроз.
Жодле.
Кюжи.
Брисайль.
Докучный.
Испанский офицер.
Первый кавалер.
Второй кавалер.
Первый лакей.
Второй лакей.
Зритель.
Паж.
Первый маркиз.
Второй маркиз.
Привратник.
Горожанин.
Его сын.
Карманный вор.
Бертранду, горнист.
Капуцин.
Роксана.
Мать Маргарита.
Сестра Мария.
Сестра Беата.

Лиза.

Буфетчица.

Дуэнья.

Цветочница.

Гвардейцы, мушкетеры, маркизы, кавалеры, горожане и горожанки, пажи, поэты, актеры, актрисы, скрипачи, зрители и зрительницы, дамы, монахини, ученики, дети, пирожники, вооруженные, испанские солдаты, лакеи и т.д.

Первые четыре действия происходят в 1640 году,
пятое — в 1655 году.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В БУРГУНДСКОМ ОТЕЛЕ

Зрительный зал Бургундского отеля в 1640 году. Нечто вроде сарая для игры в мяч, приспособленного и обставленного для театральных представлений.

Зал имеет форму прямоугольника. Одна из его сторон составляет заднюю декорацию, которая тянется по диагонали из правого переднего угла в левый задний и образует угол со сценой, которую мы видим в разрезе. На сцене, вдоль кулис, расставлены с обеих сторон скамьи. Занавес состоит из двух раздвижных полотнищ. Над главным занавесом — королевский герб.

Со сцены в зал спускаются по широким ступеням. С обеих сторон на этих ступенях — места для скрипачей. Рампа из сальных свечей. Два яруса боковых галерей; верхняя разделена на ложи. В партере, который является местом действия, нет сидений. В глубине его, то есть справа, на первом плане, несколько скамей лесенкой, а дальше, под лестницей, которая ведет к верхним местам (зрителям видны лишь ее нижние ступеньки), — буфет, уставленный канделябрами, вазами цветов, хрустальными бокалами, бутылками, тарелками с пирожными и т.д. В глубине, посередине, под галереей с ложами, вход в театр. Большая дверь, которая все время растворя-

ется, чтобы впустить зрителей. На створках двери, в углах и над буфетом — красные афиши, на которых напечатано: «Клориза». При поднятии занавеса зал в полумраке и еще пуст. Люстры низко опущены и еще не зажжены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Публика мало-помалу прибывает. Кавалеры, горожане, лакеи, пажи, воришки, привратник, потом маркизы, Кюижи, Брисайль, буфетчица, скрипачи и т.д.

Шум голосов за дверью; затем врывается кавалер.

ПРИВРАТНИК (*преследуя его*).

А деньги за билет? Не то прошу обратно!

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР.

Без рассуждений, ты! Я прохожу бесплатно.

ПРИВРАТНИК.

Позвольте! Почему?..

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР.

Молчи, негодный плут!

Служу я у его величества в конвое!

(*Проходит.*)

ПРИВРАТНИК (*второму, только что вошедшему кавалеру*).

Билет пожалуйста.

ВТОРОЙ КАВАЛЕР.

Ну, ты! Какие тут

Билеты? У меня здесь место даровое.

Когда же я плачу?

ПРИВРАТНИК.

Но как...

ЭДМОН РОСТАН

ВТОРОЙ КАВАЛЕР.

Я мушкетер!

ПРИВРАТНИК.

Вот вам и денежки!.. Хоть не пускай в партер!..

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР *(второму)*.

Начало в два часа, и пустота в партере.
Давай-ка фехтовать пока, — по крайней мере
Поупражняемся и время мы уьем!..

Начинают фехтовать на принесенных с собою шпагах.

ПЕРВЫЙ ЛАКЕЙ *(входя, второму)*.

Пст... пст...

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

Шампанское?

ПЕРВЫЙ ЛАКЕЙ *(показывая ему карты и кости,
которые он вынимает из-под своего плаща)*.

Нет, — видишь, карты, кости.
Не поиграть ли нам, пока сберутся гости?

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

Всегда с восторгом. О, я в обществе твоём
Готов на все.

ПЕРВЫЙ ЛАКЕЙ.

Идет!..

*(Вытаскивает из кармана огарок свечи, зажигает его
и приклеивает к полу)*.

Вот я немного света
У графа моего заимствовал слегка.

ГВАРДЕЕЦ.

Как это весело — прийти в театр, пока
Еще не зажжено!..

(Берет цветочницу за талию.)

ОДИН ИЗ БРЕТЕРОВ *(получая удар).*

Попал!

ОДИН ИЗ ИГРОКОВ.

Я бью валета!

ГВАРДЕЕЦ *(преследуя цветочницу).*

Один лишь поцелуй!..

ЦВЕТОЧНИЦА.

Ах, нет! Увидят нас!..

ГВАРДЕЕЦ *(увлекая ее в темный уголок).*

Да нету никого, вполне здесь безопасно!

ПЕРВЫЙ ЗРИТЕЛЬ *(усаживаясь на пол с другими, принесшими с собою провизию).*

Ни давки, ни толпы! Забравшись в этот час,
Мы сможем закусить и выпить здесь прекрасно.

ГОРОЖАНИН *(ведя под руку сына).*

Сюда, мой сын, сюда, — здесь видно будет нам.

ИГРОК.

Туз, дама и валет! Вот повезло бубнам!

ВТОРОЙ ЗРИТЕЛЬ *(вытаскивая из-под плаща бутылку и тоже усаживаясь).*

Как истый пьяница, я должен в самом деле
Бургундское вино в Бургундском пить отеле!
(Пьет.)

ГОРОЖАНИН (сыну).

Куда попали мы? Дай мне мои очки...
О нравы!
(Указывает концом трости на пьяницу.)
Пьяницы!

Один из бретеров, отступая, толкает его.

Бретеры!
(Попадает между игроков.)
Игроки!

ГВАРДЕЕЦ (продолжая приставать к цветочнице).

Один лишь поцелуй!..

ГОРОЖАНИН (быстро отводя сына в сторону).

И в этой самой зале
Когда-то славного Ротру они играли!

СЫН ГОРОЖАНИНА.

Корнеля, батюшка!..

ГОРОЖАНИН.

Не грустно ли, скажи?..

ТОЛПА ВЕСЕЛЫХ ПАЖЕЙ (врываясь с песней и держась
за руки).

Тра-ла-ла-ла-ла-ла!..

ПРИВРАТНИК (строго).

Эй, без проказ, пажи!

ПЕРВЫЙ ПАЖ (с видом оскорбленного достоинства).

О сударь, что за мысль!..
(Живо другому, когда привратник отвернулся).
Ты захватил бечевки?

ВТОРОЙ ПАЖ.

Да, и крючок со мной.

ПЕРВЫЙ ПАЖ.

Отлично: будем ловки,
И, верно, не один мы выудим парик.

ТРЕТИЙ ПАЖ.

Пойдемте все наверх.

ВТОРОЙ ПАЖ.

Сейчас идем.

ИГРОК.

Туз пик!

КАРМАННЫЙ ВОР (*собрав вокруг себя несколько
подозрительных личностей*).

Итак, о юные мошенники, вниманье:
Здесь в первый раз свое приложите вы знание;
Надеюсь, ни один из вас не будет плох...

ВТОРОЙ ПАЖ (*крича другим пажам,
уже разместившимся на галерее*).

Гоп! Сарбаканы здесь?

ТРЕТИЙ ПАЖ (*сверху*).

Конечно! И горох!

(*Дует в сарбакану – длинную выдолбленную палочку,
заряженную горохом, – и стреляет горохом вниз.*)

СЫН ГОРОЖАНИНА (*отцу*).

Что ж будут здесь давать?

ГОРОЖАНИН.

«Клоризу».

СЫН ГОРОЖАНИНА.

Автор пьесы?..

ЭДМОН РОСТАН

ГОРОЖАНИН.

Баро. Вещь, полная такого интереса...
(*Проходит под руку с сыном.*)

КАРМАННЫЙ ВОР (*своим подручным*).

У франтов со штанов срежьте кружева!

ОДИН ЗРИТЕЛЬ (*другому, проходя*).

Вот видишь, здесь я был на представлень
«Сида».

(*Указывает на одну из скамей.*)

Об этом память, друг, в моей душе жива.

КАРМАННЫЙ ВОР (*делая соответствующий жест*).

А главное, часов не упустить из виду!

ГОРОЖАНИН (*сыну*).

Сейчас перед тобой предстанет не один
Известнейший артист: увидишь ты, мой сын...

КАРМАННЫЙ ВОР (*как будто что-то вытаскивая
острыми толчками*).

О носовых платках и говорить не стану:
Нет проще ничего, как шарить по карманам.

ГОРОЖАНИН (*сыну*).

Увидишь ты Бопре, Бельроза, Монфлери!

ГОЛОС (*с верхней галереи*).

Пора б и зажигать!

ПЕРВЫЙ ПАЖ (*в партере, другому*).

Ах, вот она! Смотри!

Такого нежного я не встречал румянца.

БУФЕТЧИЦА (*появляясь у стойки*).

Кому угодно пить? Пожалуйте сюда.

Вот сок малиновый! Лимонная вода!

Варенье! Молоко! Сироп из померанца!

ЧЕЙ-ТО ФАЛЬЦЕТ (*за дверью*).

Дорогу, чернь! Живей!

ПЕРВЫЙ ЛАКЕЙ (*удивленно*).

Маркизы?

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

Да.

ПЕРВЫЙ ЛАКЕЙ.

Идут.

В партер? Не может быть!

ВТОРОЙ ЛАКЕЙ.

На несколько минут!..

Входят маркизы.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ (*видя наполовину пустой зал*).

Как! Что? Мы первые? Являемся заране,
Без шума и скромны, как низкие мещане,
Не беспокоим всех, не ходим по ногам?
Какой позор! Фи, фи! И как не стыдно нам!
(*Встречается с другими дворянами, вошедшими ранее.*)

А! А! Кюижи! Брисайль!

Обьятия.

Приятней этой встречи
Нет ничего для нас. Как рано вы!

Кюижи.

Да, да.

Все правоверные! Мы забрались сюда
Как будто для того, чтоб зажигать здесь свечи.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Ах, и не говори! Я так взбешен и зол!..

КЮИЖИ.

Утешься, друг маркиз, вот ламповщик пришел.

Все собравшиеся бурно приветствуют появление ламповщика и толпятся около люстр, которые он зажигает. Несколько лиц появляются на галерее. Линьер входит в партер под руку с Невилетом. Одежда Линьера в беспорядке; он имеет вид спившегося светского человека. Кристиан одет элегантно, но слегка старомодно; с озабоченным видом он поглядывает на ложи.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Кристиан, Линьер, потом Рагно и Ле Бре.

КЮИЖИ.

Линьер!

БРИСАЙЛЬ (*смеясь*).

Еще не пьян? Какое превращенье!

ЛИНЬЕР (*тихо, Кристиану*).

Я познакомлю вас.

Кристиан утвердительно кивает головой.

Барон де Невилет.

Они раскланиваются. Публика приветствует поднятие к потолку первой зажженной люстры.

КЮИЖИ (*Брисайлю, поглядывая на Кристиана*).

Красив, как Антиной.

БРИСАЙЛЬ (*к Кюижю*).

Красавец, спора нет.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ (*расслышав эти слова*).

Гм! Как сказать!

ЛИНЬЕР *(представляя)*.

Кюижи... Брисайль...

КРИСТИАН *(кланяясь)*.

Я в восхищенье.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ *(второму)*.

Ну да, он недурен, но как одет!..
По модам прошлых лет! О праведные боги!

ЛИНЬЕР *(к Кюижи)*.

Барон покинул только что Турень...

КЮИЖИ.

Успели отдохнуть с дороги?

КРИСТИАН.

Да, я в Париже уж двадцатый день;
И завтра я вступаю в полк гвардейский.

БУФЕТЧИЦА.

Вот фрукты, молоко...

СКРИПАЧИ *(настраивая скрипки)*.

Ла-ла...

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ *(глядя на ложи, которые постепенно наполняются)*.

Мадам Обри!

Как хороша она, смотри,
Вот с этой мушкою злодейской!..

КЮИЖИ *(Кристиану, указывая на залу)*.

Какая публика!

КРИСТИАН.

Какая толкотня!

Эдмон РОСТАН

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Все сливки общества! Смотрите, вот и дамы!

Они называют дам по мере того, как те, очень нарядные, входят в ложи, обмениваются поклонами и улыбками.

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Мадам де Гемене...

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Сгубившая меня!

Кюижи.

Мадам де Буа-Дофен...

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Которой навсегда мы
Восторги посвятим свои!

БРИСАЙЛЬ.

А вот красавица мадам де Шавиньи.

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Сердцами нашими, как перышком волана,
Играет ветрено она.

ЛИНЬЕР.

А! Господин Корнель приехал из Руана.

СЫН ГОРОЖАНИНА (*отцу.*)

Здесь Академия?

ГОРОЖАНИН.

Почти что вся сполна.
Будю, Поршер, Бурзе, достойный поклоненья,

Кюро, Бурдон, Арбо... Какие имена!
И ни одно из них не будет знать забвенья.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

А! Вот причудницы садятся на места!
Вот Феликсерия, а вот Бартеноида,
Иримедонта... Вот Кассандия, Филлида...

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

О эти прозвища! Какая красота!
Изысканно, изящно, утонченно!
Ты знаешь всех, маркиз?

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Я знаю всех, маркиз.

ЛИНЬЕР (*отводя Кристиана в сторону*).

Сюда явился я, исполнил ваш каприз;
Но, вижу, все еще глядите огорченно.
Ее здесь нет?

КРИСТИАН.

Ах, нет!

ЛИНЬЕР.

Тогда я испарюсь.

КРИСТИАН (*умоляюще*).

Нет! В ваших песенках вы всех упоминали:
Весь город и весь двор. И, кроме вас, едва ли
Мне кто-нибудь откроет, я боюсь,
Как имя той, по ком я так страдаю.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕР (*стука смычком по пюпитру*).

Вниманье, скрипки! Начинаю!
(*Поднимает смычок*).

Беритесь за смычки.

ЭДМОН РОСТАН

БУФЕТЧИЦА.

Лимонный сок! Бисквиты! Пирожки!

Скрипачи начинают играть.

КРИСТИАН.

Не знаю почему, но я боюсь невольно,
Что слишком тонко уж кокетлива она,
Что утонченность ей, изысканность нужна,
Что для нее умен я не довольно.
Мне страшен тот язык, которым говорят
И пишут здесь теперь. Что я? Простой солдат...
Она всегда сидит направо, в крайней ложе.

ЛИНЬЕР.

В пустой? Я ухожу. Меня уж ждет давно
Пряатель в кабачке.

КРИСТИАН (*удерживая его*).

Останьтесь.

ЛИНЬЕР.

Нет.

КРИСТИАН.

О боже!

Останьтесь!

ЛИНЬЕР.

Я бы рад,
Но здесь я ведь умру от жажды.

БУФЕТЧИЦА (*подходя к нему с подносом*).

Оранжед?

ЛИНЬЕР.

Фи!

БУФЕТЧИЦА.

Молоко?

ЛИНЬЕР.

Фу! Фу!

БУФЕТЧИЦА.

Вино?

ЛИНЬЕР.

Постойте!

БУФЕТЧИЦА.

Вот Русильонское мускатное вино.

ЛИНЬЕР (*Кристиану*).

Свою тревогу успокойте:

Я остаюсь.

(*Буфетчице.*)

Ну, лейте, все равно!

Мускатного сюда!

(*Подсаживается к буфету и пьет.*)

В публике крики при виде маленького, толстого, веселого человека.

ГОЛОСА.

Рагно! Рагно! Рагно!..

ЛИНЬЕР (*Кристиану*).

Рагно, кухмистер знаменитый.

Артистам у него всегда кредит открытый.

РАГНО (*в нарядном поварском костюме, быстро подходит к Линьеру*).

Простите, сударь мой, спрошу я вас одно:

Вы не видали здесь поэта Сирано?

ЛИНЬЕР (*представляя Рагно Кристиану*).

Всегда он рад служить актерам и поэтам.

РАГНО (*польщен*).

О сударь, слишком много чести в этом!

ЛИНЬЕР.

Молчите, меценат!

РАГНО.

Да, эти господа
Оказывают честь брать у меня всегда...

ЛИНЬЕР.

Всегда в кредит, а иногда и даром.
Сам обладает он стихосложенья даром.

РАГНО.

Не мне о том судить.

ЛИНЬЕР.

Помешан на стихах.

РАГНО.

О да, чтоб овладеть стихотвореньем...

ЛИНЬЕР.

Готов пожертвовать он целым пирогом.

РАГНО.

О! Право, маленьким лишь пирожком с
вареньем!

ЛИНЬЕР (*Кристиану*).

Чудак! Готов он извиниться в том.
(*К Рагно.*)

Нет, нет, уж вам не скрыть наклонностей
порочных.

Ну, что даете вы за триолет простой?
За маленький куплет пустой?

РАГНО (*сконфуженно*).

Два хлебца маленьких...

ЛИНЬЕР (*строго*).

Молочных, да-с! Молочных!

КРИСТИАН.

Вы любите театр?

РАГНО.

Для счастья моего
Не надо больше ничего.

ЛИНЬЕР.

Он за билеты платит пирожками.
Послушайте, скажите, между нами,
Ну, сколько стоил вам сегодняшний билет?

РАГНО.

Да полноте...

ЛИНЬЕР.

Нет, нет, пожалуйста ответ!

РАГНО.

Ну, право, пустяки: четыре марципана
Да два десятка сладких пирожков.

ЛИНЬЕР (*со смехом*).

Ха-ха! Послушайте, каков!

РАГНО (*осматриваясь*).

Не вижу Сирано; однако уж не рано.
Что б это значило?

ЛИНЬЕР.

Зачем вам Сирано?

РАГНО.

Как! Вы не знаете?

ЛИНЬЕР.

Ну что еще такое?

РАГНО.

Играет Монфлери!

ЛИНЬЕР.

Не все ль ему равно?

РАГНО.

Он не оставит толстяка в покое.

ЛИНЬЕР.

Послушайте! Смешно!

Какие могут быть дела у этой бочки,

Что будет здесь сейчас на сцене плесть веночки,

С поэтом Сирано?

РАГНО.

Так неизвестно вам,

Что к Монфлери поэт питает отвращенье

И объявил ему он запрещенье

На сцену выходить?

ЛИНЬЕР (*допивая четвертый стакан*).

Так что ж?

РАГНО.

Его словам

Актер повиноваться не намерен

И выступит сегодня.

КЮИЖИ (*приблизившись со своей компанией*).

Будь уверен,
Что с ним не сделает поэт твой ничего.

РАГНО.

Ого-го-го! Пришел смотреть я на него.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Кто этот Сирано?

КЮИЖИ.

Преинтересный малый,
Головорез, отчаянный храбрец...

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Он знатен?

КЮИЖИ.

Гм... Достаточно, пожалуй:
Он служит в гвардии. Да, наконец,
(указывая на господина, который, очевидно, кого-то ищет)
Вот друг его Ле Бре. Он все сказать вам может.
(Зовет.)
Ле Бре!

Ле Бре подходит.

Вы ищете, конечно, Сирано?

ЛЕ БРЕ.

Я удивлен его отсутствием... Оно,
Признаюсь вам, слегка меня тревожит.

КЮИЖИ.

Вот презабавное, не правда ль, существо
Де Бержерак, давнишний ваш приятель!

Эдмон РОСТАН

ЛЕ БРЕ (с чувством).

Я не встречал людей прекраснее его.

РАГНО.

Помилуйте! Талантливый писатель!

ЛЕ БРЕ.

И музыкант!

БРИСАЙЛЬ.

И физик!

КЮИЖИ.

И бретер!

ЛИНЬЕР.

И ум его, как меч его, остер.
Зато его костюм затейлив чрезвычайно,
И весь он выглядит совсем необычайно!

РАГНО.

Да... Я не думаю, чтоб Сирано портрет
Божественный Филипп Шампанский нам
оставил;
Но что за дивную модель бы он доставил
Покойному Калло! Причудливо одет,
Как фейерверк блестящ и остроумен,
Забавен, эксцентричен, шумен;
На шляпе ухарской его — тройной султан,
И о шести полах его цветной кафтан;
Плащ сзади поднялся, поддерживаем шпагой,
Как петушинный хвост, с небрежною отвагой,
А белоснежный воротник
Как можно туже накрахмален.
А нос! Не только он велик,
Он прямо ненормален!..
Натура Сирано недаром так горда,
И нос с гасконской гордостью он носит;
Но каждый, увидав тот нос, невольно спросит:

«Когда ж его он снимет!» Господа!
Его он не снимает никогда.

ЛЕ БРЕ (*покачивая головой*).

Но если этот нос посмеет кто заметить,
То Сирано спешит по-своему ответить.

РАГНО (*гордо*).

О да! Его бесстрашный меч —
Одна из половин ужасных ножниц Парки.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ (*пожимая плечами*).

Ого! Какая выпрєнная речь!
Сравнєнья ваши очень ярки.
Но он не явится.

РАГНО.

Не явится? Пари,
Что уж недобровать сегодня Монфлери.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Пари? Отлично, но на что же?

РАГНО.

Цыпленка ставлю я под соусом Рагно,
Что он придет!

МАРКИЗ.

Идет! Пари на Сирано!

(*Смеется.*)

Роксана появляется в своей ложе. В зале гул восторга. Она
садится впереди, дуэнья ее сзади.

Кристиан расплачивается с буфетчицей и не видит Роксаны.

ВТОРОЙ МАРКИЗ (*жеманно*).

Ах, господи! Ах, как она прелестна! Боже!

Эдмон РОСТАН

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Она пугающе прекрасна! О творец!..

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Как персик бархатный с улыбкой земляники!

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Уста — пунцовые, как лепестки гвоздики.

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

И так свежа она — увы! — что для сердец
При ней грозит немедленно простуда.

КРИСТИАН (*поднимает голову и, заметив Роксану, хватается Линьера за руку*).

Ах, вот она!..

ЛИНЬЕР (*глядя на Роксану*).

Где? Там? Так вот кто ваше чудо?..

КРИСТИАН.

Да, да! Я весь дрожу. Скажите, кто она?

ЛИНЬЕР (*попивая вино*).

Мадлена де Робен, по прозвищу Роксана,
Как все причудницы, изящна и умна...

КРИСТИАН (*в отчаянии*).

Увы! Умна!..

ЛИНЬЕР.

Годится для романа:
Свободна, сирота; кузина Сирано,
О ком сейчас говорено.

В эту минуту очень элегантный вельможа, с голубой лентой через плечо, входит в ложу и стоя беседует с Роксаной.

КРИСТИАН (*вздвoгнув*).

Кто в ложу к ней зашел?

ЛИНЬЕР (*заметно пьянея, подмигивает*).

Де Гиш! Влюбленный нежно,
Но, впрочем, безнадежно.
Он на племяннице женат
Армана Ришелье; но, говорят,
Желает выдать он Роксану непременно
За графа де Вальвер... Несчастный господин!
Удобным мужем будет несомненно.
Она противится, но здесь каприз один
Де Гиша — и конец. Всесилен он. На это
Я сочинил недавно два куплета.
Он этой песенки мне, верно, не простит;
В ней умысел его для всех раскрыт.
Особенно конец забавен...
(*Пошатываясь, встает со стаканом в руке и хочет петь.*)

КРИСТИАН.

Не трудитесь,

Я ухожу.

ЛИНЬЕР.

Куда?

КРИСТИАН.

К Вальверу.

ЛИНЬЕР.

Берегитесь!

Он вас убьет. На что вам этот гусь?
(*Указывая ему глазами на Роксану.*)
Она глядит на вас! Оставайтесь!

КРИСТИАН (*взглянув на ложу*).

Остаюсь.

(*Смотрит как зачарованный.*)

Группа воришек, увидя, что он стоит с открытым ртом, в оцепенении, приближается к нему.

ЛИНЬЕР.

Вот я так ухожу! Меня зовет таверна!

Я пить хочу!

(Уходит, сильно пошатываясь.)

ЛЕ БРЕ *(обойдя зал, возвращается к Рагно; с удовлетворением).*

Здесь нет его наверно.

РАГНО *(с сомнением в голосе).*

Однако...

ЛЕ БРЕ.

Видимо, он не читал афиш.

ГОЛОС.

Да начинайте же!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без Линьера; де Гиш, Вальвер, потом Монфлери.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ *(увидев де Гиша, который, выйдя из ложи Роксаны, проходит по партеру, окруженный заискивающими дворянами; в числе их находится и де Вальвер).*

Как окружен де Гиш!

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Еще гасконец! Фи!

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Но умный и холодный.

Успеха жаждет он. И потому

Ему удастся все... Уж как тебе угодно,

А мой совет — пойдем, поклонимся ему.
(Направляется к де Гишу.)

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Вот ленты дивные! Какого цвета —
Скажите, граф? Цвет «хвостик голубка»?

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Нет, это цвет «целуй меня, Лизетта».

ДЕ ГИШ.

Нет, истина от вас обоих далека:
«Больной испанец».

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ.

Цвет, по правде, подходящий,
Граф, для минуты настоящей.
Благодаря заслугам вашим, граф,
И вашей храбрости блестящей
Не поздоровится испанцам!

ВТОРОЙ МАРКИЗ (смеясь).

А! Ты прав.

ДЕ ГИШ.

Я тронут, господа! Пройдемте за кулисы.
Нас, верно, заждались актрисы.
(Направляется в сопровождении всех маркизов и
дворян за сцену, затем оборачивается и зовет.)
Идем, Вальвер?

Кристиан (прислушивавшийся к ним, вздрагивает
при этом имени).

Вальвер! А, негодяй!

Ему в лицо я брошу...
(Опускает руку в карман и хватается за руку вора,
который собирается его обчистить. Оборачивается.)
Что?

ЭДМОН РОСТАН

В О Р.

Ай, ай!

КРИСТИАН *(не выпуская его)*.

Перчатку я искал.

В О Р *(с жалобной улыбкой)*.

Нашли же только руку.

(Переменив тон, быстро и тихо.)

Послушайте... пустите — и тогда

Я вам одну открою штуку...

КРИСТИАН *(не выпуская его)*.

Какую там еще?

В О Р.

Секрет.

КРИСТИАН.

Секрет?

В О Р.

Да, да.

Я говорю не в шутку.

Линьер, с которым вы расстались на минутку...

КРИСТИАН *(продолжая держать руку вора)*.

Линьер? Ну, что Линьер?

В О Р.

Я уверяю вас,

Он свой последний доживает час.

Какой-то песенкой затронул он вельможу, —

Сегодня вечером его убийцы ждут:

Сто человек... Я с ними...

КРИСТИАН.

Низкий плут!

В О Р.

Я не напрасно вас тревожу:
Поверьте, это месть.

КРИСТИАН.

Но чья?

В О Р.

Меня молчать обязывает честь.

КРИСТИАН *(пожимая плечами)*.

Ха-ха!..

В О Р *(с большим достоинством)*.

Не изменю профессиональной чести.

КРИСТИАН.

Но где же ждут его? В каком же месте?

В О Р.

У Нельской башни, на его пути.
Предупредите же...

КРИСТИАН *(наконец выпуская его)*.

Но где его найти?

В О Р.

Ступайте в кабаки!

КРИСТИАН.

Но как я буду
Искать его по разным кабакам?
Я их не знаю всех.

В О Р.

Вы загляните всюду:
Не очень много их; его найдете там.

«Кабак двух факелов», «Трех золотых воронок»,
«Зеленая свинья»... Еще: «Пустой бочонок»
Да «Белого осла», — неважный кабачок, —
И в каждом для него оставьте пару строк.

КРИСТИАН.

Бегу! Лечу к нему! Всему бывает мера.
Ведь это подлость! Как! Сто против одного!
(Поглядев с нежностью на Роксану.)
Оставить здесь ее?..
(Поглядев с бешенством на Вальвера.)
Оставить здесь его?..
Но должен я спасти Линьера!
(Быстро уходит.)

Де Гиш, Вальвер, маркизы, все дворяне удалились
за занавес, чтобы занять места на скамьях, поставленных на
сцене. Партер уже заполнился. На галереях и в ложах ни од-
ного свободного места.

ПУБЛИКА.

Пора! Пора! Пора!..

ГОРОЖАНИН *(парик которого улетает, выуженный па-
жом с верхней галереи при помощи веревочки с крючком).*

Что это? Мой парик!

ГОЛОСА *(из публики).*

Вот молодцы пажи! Ха-ха!
— Он лыс, старик!

ГОРОЖАНИН *(грозя кулаком, в бешенстве).*

Разбойник!

ГОЛОСА *(из публики).*

Ха-ха-ха!

ГОРОЖАНИН.

Презренное создание!

ГОЛОСА (из публики).

Ха-ха-ха-ха-ха-ха!..

Крики и хохот, постепенно ослабевая, смолкают.

ЛЕ БРЕ.

Внезапное молчанье...

Что значит это?..

Один из зрителей говорит ему что-то на ухо.

А!..

ЗРИТЕЛЬ.

Я только что узнал.

ШЕПОТ В ПУБЛИКЕ.

Тсс... — Нет!.. — Не может быть!.. — Вон там,
в закрытой ложе!..

Тсс... тише! — Кардинал! — Молчите! —
Кардинал!

ПАЖ.

На что это похоже?

Изволь тут хорошо вести себя теперь!

Стучат на сцене. Все смолкают в ожидании.

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ (*просовывая со сцены голову в щель занавеса*).

Подайте стул!

Ему передают через головы, из рук в руки, стул. Маркиз берет его и исчезает, послав предварительно несколько поцелуев в ложи.

ПЕРВЫЙ ЗРИТЕЛЬ.

Да притворите дверь!

ВТОРОЙ ЗРИТЕЛЬ.

Тсс!.. Тише...

Опять стучат три раза. Занавес поднимается. Маркизы сидят по краям сцены в небрежных позах. Задняя декорация — в нежно-голубых, как полагается в пасторали, тонах. Четыре небольшие хрустальные люстры освещают сцену. Скрипки играют нежную мелодию.

ЛЕ БРЕ (*тихо, к Рагно*).

Монфлери — вначале?

РАГНО.

Да, вначале.

ЛЕ БРЕ.

Однако Сирано нет в зале.

РАГНО.

Я проиграл пари!

ЛЕ БРЕ.

Тем лучше!

Под звуки дулейки на сцене появляется Монфлери, толстый, как бочка, в пастушеском наряде и в шляпе с розами, надвинутой на ухо. Он играет на волынке, украшенной лентами.

ПАРТЕР (*аплодируя*).

Монфлери!

— А! Браво, Монфлери!

МОНФЛЕРИ (*раскланявшись, начинает роль Федона*).

«О, сколь те счастливы, кто здесь, в уединенье,
Ведет жизнь тихую, покорствуя судьбе,
И в час, когда зефир трепещет в упоенье...»

ГОЛОС (*из партера*).

Мерзавец! Разве я не запретил тебе
На месяц выходить на сцену?

Общее волнение. Все оборачиваются. Шум в зале.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК
ГОЛОСА (*из публики*).

Что такое?

Что? — Что там?..

КЮИЖИ.

Это он!

ЛЕ БРЕ (*испуган*).

О боже! Сирано!

ГОЛОС

А разве не было тебе запрещено
Играть на месяц? О! Теперь я срок удвою.
Два месяца играть не будешь, шут пустой!
Ну, ну! Немедленно с подмостков прочь! Долой!

ВСЯ ПУБЛИКА (*в негодовании*).

О!

МОНФЛЕРИ.

Но помилуйте...

ГОЛОС.

Упрямышься, негодный?

ГОЛОСА (*из публики*).

Тсс...Тсс... — Довольно! — Тсс! — Играйте,
Монфлери!
Не бойтесь ничего!

ГОЛОС.

Смотри!

МОНФЛЕРИ (*неуверенно*).

«Сколь счастлив, кто вдали толпы живет,
свободный...»

Эдмон РОСТАН

ГОЛОС.

Иль хочется тебе, пустейший из шутов,
Изведать трость мою? Ну что же, я готов!

Над головами стоящих в партере появляется рука с высоко
занесенной тростью.

МОНФЛЕРИ (*все более и более слабым голосом*).

«Сколь счастлив, кто вдали...»

Трость колеблется.

ГОЛОС.

Долой, без рассуждений!

ПАРТЕР.

Ого!..

МОНФЛЕРИ (*задыхаясь*).

«Сколь счастлив тот...»

ГОЛОС.

Ты, ада порожденье!

Смотри, я рассержусь!

Внезапно появляется Сирано, вскакивает на стул, скрестив
руки; ухарски заломленная шляпа, торчащие усы, грозный
нос. Все ошеломлены.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Сирано, потом Бельроз, Жодле.

МОНФЛЕРИ (*маркизам*).

На помощь, господа!

ПЕРВЫЙ МАРКИЗ (*небрежно*).

Играйте же!

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

СИРАНО.

Осмелюсь — и тогда
Узнаешь, как приятно быть побитым.

ВТОРОЙ МАРКИЗ.

Довольно!

СИРАНО.

Э! Что там маркизы говорят?
Уж не помять ли мне изящный их наряд?
Они меня еще не видели сердитым.

ВСЕ МАРКИЗЫ (*вставая*).

Играйте, Монфлери!

СИРАНО.

Пусть он уходит вон, —
Не то и без ушей остаться может он.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС.

Но...

СИРАНО.

Вон!

ДРУГОЙ ГОЛОС.

Однако...

СИРАНО.

Что? Ты здесь еще? Отлично!
Сейчас на сцене я буфет изображу
(*засучивает рукава*)
И эту колбасу на части раскрошу.

МОНФЛЕРИ (*пытаясь спасти свое достоинство*).

Но нападение такое неприлично!
Здесь Талия в моем лице оскорблена.

СИРАНО (*очень вежливым тоном*).

Нет, сударь! Если бы пленительная муза, —
С которой нет у вас, поверьте мне, союза, —
Имела честь вас знать, наверное, она,
Увидев корпус ваш, под стать пузатым урнам,
В вас запустила бы немедленно котурном.

ПАРТЕР.

Довольно! — Монфлери! — Пускай играет он!

СИРАНО (*тем, кто кричит возле него*).

Прошу вас, к нам имейте снисхожденье;
Ведь если сам я выйду из терпенья,
То меч мой выйдет из ножен!

Круг расширяется.

ТОЛПА (*отступая*).

Э!.. Э!..

СИРАНО (*к Монфлери*).

Долой!

ГОЛОС (*из публики*).

Он слишком своеволен.

ТОЛПА (*наступая на Сирано и ропща*).

Ого! Долой его!

СИРАНО (*оборачиваясь*).

Здесь кто-то недоволен?

Снова отступление.

ГОЛОС (*в глубине, поет*).

Не будет, Сирано,
По вашему капризу.
Поверьте, все равно
Сыграют нам «Клоризу».

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ПУБЛИКА *(поет)*.

«Клоризу» нам, «Клоризу»!

СИРАНО.

Ну, спойте-ка еще... Всех перебью сейчас...

ГОРОЖАНИН.

Но разве вы Самсон?

СИРАНО.

Да, и прошу у вас,
Не одолжите ли мне вашу челюсть?

ДАМА *(в ложе, к другой)*.

Ах, милая, да это просто прелесть!

ГОРОЖАНИН.

Такое в первый раз я вижу на веку!

ВЕЛЬМОЖА.

Скандал неслыханный!

ПАЖ.

Вот смех-то!

ПЕРВЫЙ ЗРИТЕЛЬ.

Невозможно!

ВТОРОЙ ЗРИТЕЛЬ.

Ну, пьеса началась достаточно тревожно.

СИРАНО.

Молчать!

ПАРТЕР *(придя в неистовство)*.

Хи-хха! Э-э! Гав-гав! Кукареку!..

СИРАНО.

Молчите!

ПАЖ.

Мяу!

Шум.

СИРАНО.

Вам шуметь я запрещаю:

Молчанье! Слушайте меня!

Достойно храбрость вашу оценив,

Я вызов ко всему партеру обращаю.

Все имена я запишу.

Ну что же? Слушать я спешу.

Кто хочет драться? Место здесь свободно,

А шпага верная остра.

Я буду выдавать в порядке номера.

Герои, ближе! Все поочередно!

Ну, кто же именем своим откроет лист?

Вы, сударь? Нет? Вы? Нет? Вы? Первый дуэлист

На славу будет мною встречен.

Кто хочет умереть? Кто смерти ждет?

Кто ею уж отмечен?

Пусть руку смелую скорей поднимет тот!

Молчание.

Однако что-то в вас не вижу я отваги!

Иль так смущает вас вид обнаженной шпаги?

Стыдливость милая! Приятна ты врагу!

Так, значит, никого? Я продолжать могу?

(Оборачиваясь к сцене, где Монфлери ждет в тоске, чем это кончится.)

Итак, угодно мне, чтобы в театре этом

Мне больше не встречался этот флюс;

Не то его, боюсь

(берется за шпагу),

Я проколю своим ланцетом!

МОНФЛЕРИ.

Я... я...

СИРАНО (*слезает со стула и удобно усаживается на нем посреди обступивших его зрителей*).

Ну, слушай же, ты, полная луна;
Вот мысль моя, — тебе понравится она:
Немедленно хочу я исполненья.
Не ищущая моей природной доброты.
Три раза хлопну я в ладоши, — понял ты? —
На третьем разе жду затмения.

МОНФЛЕРИ.

Я...

СИРАНО (*хлопая в ладоши*).

Раз!

МОНФЛЕРИ.

Позвольте мне сперва
Сказать...

ГОЛОС (*из ложи*).

Останьтесь же!

ГОЛОСА (*из партера*).

Останется! — Нет!

СИРАНО.

Два!

МОНФЛЕРИ.

Я думаю, что будет мне пристойно...
Я, право, так смущен, я не решаюсь...

СИРАНО.

Три!

Монфлери исчезает словно в люк. Взрывы хохота, свистки, крики.

ГОЛОСА (*из партера*).

Трус! Жалкий трус!

— Ужасно!

— Недостойно!

Вернись скорей!

СИРАНО (*развалиясь на своем стуле и скрестив ноги*).

Да! Пусть вернется Монфлери!

ГОРОЖАНИН.

Вот режиссер идет.

ЛОЖИ.

Бельроз! Бельроз!

ГОЛОСА (*из партера*).

Не надо! —

Давайте нам Жодле! Скорей его сюда!

БЕЛЬРОЗ (*учтиво*).

Сударыни, и вы все, господа...

ПАРТЕР.

Нет, нет! Давай Жодле!..

ЖОДЛЕ (*выступая вперед, гнусавым голосом*).

Эй вы, баранье стадо!

ГОЛОСА (*из партера*).

Так! — Bravo! — Bravo!

ЖОДЛЕ.

Ну, довольно вам кричать!
Наш трагик, чье брюшко пришлось вам не
по вкусу,
Внезапно захворал.

ГОЛОСА (*из партера*).

Мы не прощаем трусу!

ЖОДЛЕ.

Он должен был уйти.

ГОЛОСА (*из партера*).

Пусть он придет опять!

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ.

Не надо!

ДРУГИЕ ГОЛОСА

Пусть придет!

СЫН ГОРОЖАНИНА (*к Сирано*).

Но, сударь, объясните
Причины вашего поступка, наконец:
Что сделал Монфлери?

СИРАНО (*продолжая сидеть на стуле, любезно*).

О юный мой пленец,
Я вас и не заметил, извините!
Причины тут есть две, и каждая из них
Достаточно важна: во-первых, он поденщик,
А не актер; не трагик, а погонщик
Ослов упрямых. Во-вторых...
Но это мой секрет!

СТАРЫЙ ГОРОЖАНИН (*стоя позади Сирано*).

Как! Пастораль такую
Вы отняли у нас! Нет, нет, я протестую!

СИРАНО (*поворачиваясь к нему вместе со стулом, почтительно*).

Не стоит ни гроша почтенный ваш Баро,
Все то, что пишет он, нелепо и старо,
И я его прервал без всяких угрызений.

ЗРИТЕЛЬНИЦЫ (*в ложах*).

Возможно ль? — Милая! — Ах! — Наш Баро,
наш гений!
О боже! — Можно ли? — Баро! — О боже мой!

СИРАНО (*поворачиваясь вместе со стулом к ложам, любезно*).

Прошу вас об одном, прелестные особы:
Живите, радуйтесь! Своею красотой
Дарите нам мечты, спасайте нас от злобы;
Сверкайте ярче звезд ночных,
Цветите ярче роз душистых,
Будите вдохновение в артистах,
Внушайте нам стихи, — но не судите их!

БЕЛЬРОЗ.

Но ведь придется нам вернуть входную плату!

СИРАНО (*поворачивая к нему стул*).

Один лишь вы сказали дело мне:
Вы правы, о Бельроз, вполне.
На Мельпомены плащ я наложу заплату,
Предохранив его от нежеланных дыр.
Вот вам мой кошелек, ловите! Значит, мир?
(*Бросает кошелек на сцену*).

ВСЕ ЗРИТЕЛИ (*в изумлении*).

Однако! — Ого-го! — Ах!

ЖОДЛЕ (*подхватывая кошелек и взвешивая его в руке*).

Этою ценою
«Клоризу» каждый день срывайте вы у нас,

Публика свистит.

Хотя бы вас со мною
Освистывали вместе каждый раз.

БЕЛЬРОЗ.

Мы просим публику очистить залу.

ЖОДЛЕ.

Спектакль окончен, господа!

Публика начинает расходиться. Сирано смотрит вокруг себя с довольным видом. Но вскоре толпа задерживается, услышав следующий диалог. Дамы в ложах, уже поднявшиеся с мест и надевшие плащи, останавливаются, чтобы послушать, и снова присаживаются.

ЛЕ БРЕ (*к Сирано*).

Но ты с ума сошел!

ДОКУЧНЫЙ (*подойдя к Сирано*).

Нет, даром никогда
Не обойтись подобному скандалу.
Подумайте, ведь этот Монфлери,
Что там ни говори,
Вхож к герцогу Кандалю!

СИРАНО.

Ну так что же?

ДОКУЧНЫЙ.

Великий боже!
Я дам вам искренний совет:
Идите вы скорей... Да кто ваш покровитель?

СИРАНО.

Никто.

ДОКУЧНЫЙ.

Никто! Нет никого?

Эдмон РОСТАН

СИРАНО.

Нет.

ДОКУЧНЫЙ.

Нет?

СИРАНО.

Два раза «нет» сказал я, — не хотите ль
Услышать в третий раз? Благодарю за честь
И вам еще раз заявляю:
Нет покровителя, его я не желаю.
(Кладет руку на эфес шпаги.)
Но покровительница — есть!

ДОКУЧНЫЙ.

Но вам грозит немедленно изгнание!

СИРАНО.

Посмотрим!

ДОКУЧНЫЙ.

Герцог в состоянье
Упрятать вас куда на ум придет.
Поплатится жестоко тот,
Кто в нем посмеет вызвать раздраженье:
Длинна рука его...

СИРАНО.

Надеюсь, не длинней
Моей руки, когда у ней
(указывая на свою шпагу)
Вот это продолженье!

ДОКУЧНЫЙ.

Не думаете ж вы...

СИРАНО.

Нет, думаю.

ДОКУЧНЫЙ.

Позвольте...

СИРАНО.

Не позволяю я. Немедленно извольте
Вы пятки повернуть.

ДОКУЧНЫЙ.

Но я...

СИРАНО.

Ступайте прочь.

ДОКУЧНЫЙ.

Но я...

СИРАНО.

Оставьте перекоры.

ДОКУЧНЫЙ.

Но я...

СИРАНО.

Скажу вам не тая:
Мне надоели эти разговоры.
Ступайте! Или нет, — еще один вопрос:
Что вы так пристально смотрите на мой нос?

ДОКУЧНЫЙ *(испуганно)*.

Я?

СИРАНО *(наступая на него)*.

Что в нем страшного?

Эдмон РОСТАН

ДОКУЧНЫЙ (*отступая*).

Но вы ошиблись, право...

СИРАНО (*наступая*).

Что, не на месте он прирос?
Иль покривился влево или вправо?

ДОКУЧНЫЙ (*отступая*).

Я вовсе не хотел...

СИРАНО.

Быть может, вам собой
Напомнил он о хоботе слоновом?

ДОКУЧНЫЙ.

Но я...

СИРАНО.

Он кажется вам, может быть, трубой
Или совиным клювом? Словом,
Что в нем смешного?

ДОКУЧНЫЙ.

Право, ничего.

СИРАНО.

Иль это феномен? Особенное чудо?

ДОКУЧНЫЙ.

Я вовсе и глядеть не думал на него.

СИРАНО.

Позвольте, почему? Скажите, что в нем худо!
А! Значит, вам противен он?

ДОКУЧНЫЙ.

Да нет.

Нисколько!

СИРАНО.

Или вам его противен цвет?

ДОКУЧНЫЙ.

Да вовсе нет...

СИРАНО.

Вы против этой формы?

ДОКУЧНЫЙ.

Но, право...

СИРАНО.

Может быть, вы недовольны тем,
Что по размерам вышел он из нормы?

ДОКУЧНЫЙ (*заикаясь от страха*).

Но нет! Он очень мал! Он маленький совсем!..

СИРАНО.

Как! Обвинить меня в подобном недостатке!
Мой носик — маленький? Скажите! Нос мой мал?
У вас мозги, должно быть, не в порядке.
Подобной дерзости еще я не слышал.

ДОКУЧНЫЙ.

О небо! Я пропал!

СИРАНО.

Нет, я не буду скромн,
И нос мой не велик, о нет, мой нос огромен!
Узнайте же, курносый вы простак,
Что нос большой есть знак
Ума, любезности и смелости беспечной,
И храбрости, и доброты сердечной,
Ну, словом, качеств всех, которых нет у вас,
Как убедиться в том придется вам сейчас.
(*Дает ему пощечину и выталкивает пинком ноги.*)

ДОКУЧНЫЙ *(улетевшая)*.

На помощь! Караул!

СИРАНО.

И вот предупрежденье
Для всех, кто вздумает пускаться в рассужденья
О том, каков мой нос, и мал он иль велик.
А если дворянин окажется шутник,
То с ним я обойдусь не так, как с тем бродягой;
Не в спину кулаком, а прямо в сердце шпагой —
Так я им отвечать привык!

ДЕ ГИШ *(спустившись со сцены вместе с маркизами)*.

В конце концов, мне этот забияка
Порядком надоел.

ВАЛЬВЕР *(вскинув плечи)*.

О! Наглый фанфарон!

ДЕ ГИШ.

Никто ему не отвечал, однако?

ВАЛЬВЕР.

А вот сейчас доволен будет он.
Ему такую отпущу остроту,
Что потеряет он шутить охоту.
(Подходит к Сирано, внимательно наблюдающему за ними, и принимает вызывающую позу.)
Послушайте... Ваш нос... я вам скажу... ваш нос...
Велик ужасно.

СИРАНО *(спокойно)*.

Да, ужасно.

ВАЛЬВЕР *(смеется)*.

Ха-ха!

СИРАНО.

Как видите, я это перенес.
 Что ж дальше? Ничего? Напрасно.
 Я откровенно вам скажу:
 Вы не были красноречивы.
 Нет, не шутя, я нахожу,
 Что лучше пошутить могли вы.
 Все время изменяя тон,
 Могли не пощадить вы носа.
 Могли сейчас со всех сторон
 Коснуться этого вопроса.
 Так, например, задорный тон:
 «О, если б нос такой мне дан был провиденьем,
 То ампутации подвергся б тотчас он».
 Тон дружеский, и с легким сожаленьем:
 «Наверно, вам мешает пить ваш нос
 И наполняет чашку вашу?»
 Хотите, закажу я вам большую чашу?»
 Тон описательный: «Да это пик! Утес!
 Мыс! Что я — и не мыс, а полуостров целый!»
 Тон любопытный и несмелый:
 «Позвольте вас спросить, что это за предмет —
 Чернильница или футляр для ножниц?»
 Изящный тон: «Какая из художниц
 Ему дала такой румяный цвет?»
 Любезный: «Верно, вы большой любитель птичек?
 Чтоб не нарушить их излюбленных привычек,
 Вы приготовили насест удобный им».
 Тон озабоченный: «Скажите, неужели,
 Когда вы трубку курите в постели,
 Соседи не спешат, заметив этот дым,
 Скорее заливать с пожарным к вам насосом?»
 Предупредительный: «Смотрите вы за носом —
 Иль перевесит он, и прямо головой
 Ударитесь вы вдруг о камни мостовой».
 Тон нежный: «Милый нос! Он не боится света?
 Чтоб он не потерял пленительного цвета
 От солнца жаркого весны,
 Вы зонтичек ему бы заказать должны».
 Тон педантичный: «Тот лишь зверь мудреный,
 Которого Аристофан ученый
 Зовет гипокампелефантакамелос,

В глубокой древности имел подобный нос».
 Тон щеголя: «Ага! Всегда поклонник моды,
 Я вижу, изобрел ты вешалку для шляп?
 Удобно, нету слов, и класть не надо в шкаф!»
 Тон эмфатический: «О чудеса природы!
 О нос! Чтоб простудить тебя всего,
 Не хватит ветра одного:
 Нужны тут, грозны и сердиты,
 Вихрь, буря, ураган, циклон!»
 Лирический: «Ваш нос труба, а вы тритон,
 Чтобы участвовать в триумфе Амфитриты!»
 А вот наивный тон:
 «Прекрасный монумент! Когда для обозрения
 Открыт бывает он?»
 Тон недоверчивый: «Оставьте ухищренья!
 К чему шутить со мной?
 Отлично знаю я, что нос ваш накладной».
 А вот вам тон умильный:
 «Какою вывеской чудесною и стильной
 Для парфюмера мог ваш нос служить!»
 Почтительный: «Давно ль, позвольте вас
спросить,
 Вы этой башнею владеете фамильной?»
 Тон деревенский: «Э! Да это нешто нос?
 С чего ж бы это так он перерос? —
 — Эх, ты! Не видишь, что ль, разиня,
 Что это репа, а не то так дыня?»
 Военный тон: «Штыки вперед!»
 Практический: «А я для вас совет имею:
 Хотите разыграть ваш нос вы в лотерею?
 Кто выиграет, тот,
 По правде, выигрыш большой себе возьмет!»
 И, наконец, разыгрывая драму
 И подражая пылкому Пираму,
 Вопить в слезах: «Вон он! Взгляните на него!
 Нарушил этот нос — кто отрицать посмеет? —
 Гармонию в чертах владельца своего.
 Сам от измены этой он краснеет!..»
 Вот, сударь, что могли б вы мне наговорить,
 Когда б хоть каплею рассудка обладали,
 И то едва ли:
 Вы не успели б рта раскрыть,

Как замолчали б моментально.
Сам шуткам над собой всегда я господин;
Но если вздумает другой шутить нахально,
Я замолчать его заставлю в миг один!

ДЕ ГИШ (*стараясь увести опешившего Вальвера*).

Оставьте же, Вальвер!

ВАЛЬВЕР (*задыхаясь*).

Какой-то дворянин
Из подозрительных... и даже без перчаток...
Так говорит со мной!

СИРАНО.

Так вот мой недостаток?

ВАЛЬВЕР.

Без лент, без бантиков... без кружев...

СИРАНО.

Да, ты прав:
Не щеголь я, не франт, — ну что ж, таков мой
нрав,
Что за изяществом я не гонюсь наружным
И не могу блеснуть кокетством я ненужным.
Зато я никогда не выйду, милый мой,
С нечистой совестью, с несмытым оскорблением,
С помятым счастьем иль с черною душой.
Нет! Я похвастаться могу другим владеньем.
Свобода — вот мой плащ, а храбрость — мой
султан,
И если гордо я не выпрямляю стан,
Как ты, благодаря усилиям корсета,
Зато моя душа достаточно пряма.
Хоть шляпа старая сейчас на мне надета,
Зато под нею есть сокровища ума.
Так я иду вперед дорогою прямою,
И правда громче шпор звенит везде за мною!

ЭДМОН РОСТАН

ВАЛЬВЕР.

Но, сударь...

СИРАНО.

У меня перчаток нет. Одна
Осталась у меня сейчас из пары, —
Хотя они и очень были стары,
Но сослужила службу мне она:
Кому-то я в лицо ее отправил,
И мигом он свой дерзкий тон оставил.

ВАЛЬВЕР.

Мошенник, негодяй, бездельник, плут, дурак!

СИРАНО *(снимая шляпу и кланяясь, как если бы Вальвер представил ему себя)*.

Вот как?

Рад вас узнать: а я — де Бержерак,
Савиний-Сирано-Эркюль!

Все смеются.

ВАЛЬВЕР *(вне себя)*.

Буффон презренный!
Но ты раскаешься, ты, выскочка надменный!

СИРАНО *(вскрикивает, как от боли)*.

Ай! Ай!

ВАЛЬВЕР *(уже собиравшийся уйти, оборачивается)*.

Что он сказал?

СИРАНО *(с болезненной гримасой боли)*.

Всегда бывает так:

Опять она, я вижу, онемела!

Нельзя ее мне оставлять без дела.

Ай! Ай!

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ВАЛЬВЕР.

Что с вами?

ЛЕ БРЕ *(тихо, к Сирано)*.

Усмирись!

СИРАНО *(не слушая его)*.

Что? В шпаге у меня мурашки завелись.

ВАЛЬВЕР *(вытаскивает шпагу)*.

Отлично!

СИРАНО *(своей шпаге)*.

Так! Ну вот! Теперь ты рада?
Покажем мы себя.

ВАЛЬВЕР *(презрительно)*.

Поэт!

СИРАНО.

О да, поэт;
И для стихов уж я нашел предмет!
Вы знаете, что мы зовем «баллада»?

ВАЛЬВЕР.

Но...

СИРАНО.

И понятия об этом нет у вас.
Но я вас быстро обучу сейчас.
Вниманье: с места не сходя, фехтуя,
Балладу вам экспромтом сочиню я.

ВАЛЬВЕР.

Но...

ЭДМОН РОСТАН

СИРАНО.

Объяснить я вам готов,
Как строится баллада.

ВАЛЬВЕР.

Дерзость эта...

СИРАНО (*поучительно*).

В балладе — три куплета,
И каждый — из восьми стихов.

ВАЛЬВЕР.

О! О!

СИРАНО (*так же*).

Кончают же куплетом, что зовется
«Посылкою»...

ВАЛЬВЕР.

Но... слушайте...

СИРАНО.

И в нем
Четыре лишь стиха. Итак, теперь начнем.
А в то же время, как дуэль начнется,
Начну балладу я свою;
И слово вам даю,
Что попадаю в вас я на стихе последнем.

ВАЛЬВЕР.

Довольно! Положу конец я этим бредням!

СИРАНО.

Да, да, последний мой куплет
Вам будет роковым!

ВАЛЬВЕР.

Нет!

СИРАНО.

Нет?

Итак, начнемте же!

(Декламируя.)

«Баллада о дуэли,

Которую имели

Поэт де Бержерак с бездельником одним».

ВАЛЬВЕР.

О! Это что еще?..

СИРАНО.

Ах, это что? Названье.

ПУБЛИКА *(крайне заинтересована)*.

Вы остаетесь?.. — Да. Еще мы посидим. —

Как интересно! — Тс!.. Вниманье!

Картина. Кружок любопытных в партере: маркизы, офицеры, попережку с горожанами и простолюдинами; пажи влезают друг другу на плечи, чтобы лучше видеть. Все дамы стоят в ложах. Направо — де Гиш и его приближенные. Налево — Ле Бре, Рагно, Кюжи и прочие.

СИРАНО *(на мгновение зажмуривает глаза)*.

Позвольте... Рифмы... Так! — К услугам вашим я.

Баллада началась моя.

(Делает все то, о чем говорит.)

Свой фетр бросая грациозно,

На землю плащ спускаю я;

Теперь же — появляйся грозно,

О шпага верная моя!

Мои движенья ловки, пылки,

Рука сильна и верен глаз.

Предупреждаю честно вас,

Что попаду в конце посылки.

Они обмениваются первыми ударами.

Меня вам, друг мой, не сразить:
Зачем вы приняли мой вызов?
Так что ж от вас мне отхватить,
Прелестнейший из всех маркизов?
Бедро? Иль крылышка кусок?
Что подцепить на кончик вилки?
Так, решено: сюда вот, в бок
Я попаду в конце посылки.
Вы отступаете... Вот как!
Белее полотна вы стали?
Мой друг! Какой же вы чудак:
Ужель вы так боитесь стали?
Куда девался прежний жар?
Да вы грустней пустой бутылки!
Я отражаю ваш удар
И попаду в конце посылки.
(*Торжественно провозглашает.*)

Посылка.

Молитесь, принц! Конец вас ждет.
Ага! У вас дрожат поджилки?
Раз, два — пресек... Три — финта...
(*Колет его.*)

Вот!

Вальвер шатается, Сирано раскланивается.

И я попал в конце посылки!

Шум. Аплодисменты. Сирано бросают цветы и платочки. Офицеры окружают и поздравляют его. Рагно пляшет от восторга. Ле Бре сияет, но вместе с тем смущен. Друзья Вальвера уводят его, поддерживая.

ПУБЛИКА (*издает один протяжный крик*).

А!

ОФИЦЕР.

Изумительно!

ДАМА.

Прелестно!

МАРКИЗ.

Остроумно!

РАГНО.

И ново, главное!

ЛЕ БРЕ.

Нет, главное — безумно!

Все суетятся вокруг Сирано. Раздаются крики.

ГОЛОСА.

Прелестно! — Bravo! — Поздравляю вас! —
Я это вижу в первый раз!

ДАМЫ.

Герой! Да он герой!

МАРКИЗ.

Весьма оригинально!

РАГНО.

Неподражаемо! Восторг! Пирамидально!

МУШКЕТЕР (*быстро подходит к Сирано с протянутой
рукой*).

Позвольте, сударь мой... Меня увлек
Поступок ваш: я от души вам хлопал —
Чуть стулья не сломал, ногами даже топал!
В вещах подобных я знаток,
Но не видал еще таких примеров.
(*Удаляется.*)

СИРАНО (*к Кюижи*).

Кто этот господин?

КЮИЖИ.

А, этот? Д'Артаньян, один
Из трех известных мушкетеров.

ЛЕ БРЕ (*беря Сирано под руку*).

Теперь, мой друг, поговорим.

СИРАНО.

Нет, дай сначала выйти им.

(*Бельрозу*).

Могу остаться я?

БЕЛЬРОЗ.

Помилуйте, конечно!

Хоть до зари!

Крики за сценой.

Что там за шум?

ЖОДЛЕ (*выглянув наружу, возвращается*).

Да Монфлери

Ошикали.

БЕЛЬРОЗ (*наставительно*).

Как счастье быстротечно!

(*Меняя тон, привратнику*).

Скорее вымети и все здесь убери.

Да не туши, смотри!

Закусим и опять вернемся мы к работе —

На репетицию.

Жодле и Бельроз уходят, низко кланяясь Сирано.

ПРИВРАТНИК (*к Сирано*).

Вы разве не уйдете?

СИРАНО.

Нет.

Привратник уходит.

ЛЕ БРЕ.

Как? А твой обед?

СИРАНО.

Его сегодня нет.

ЛЕ БРЕ.

Но...

СИРАНО (*гордо*).

Я не голоден!

(*Видя, что привратник удалился, меняет тон.*)

Мне не на что обедать.

ЛЕ БРЕ (*делая жест, будто бросает деньги*).

Как! Этот кошелек...

СИРАНО.

Да, был последним он.

Не долго прожил ты, отцовский пенсион!

ЛЕ БРЕ.

Ты будешь голодать?

СИРАНО.

Что ж! Надо все изведать.

Я должен знать — как тем, кто очень мало ест,
Живется на земле.

ЛЕ БРЕ.

Уж это благородство!

Отдать все деньги им... Ей-богу, идиотство!

СИРАНО.

Зато какой великолепный жест!..

БУФЕТЧИЦА (*покашливая у себя за буфетом*).

Кх... кх...

Сирано и Ле Бре оглядываются; она нерешительно подходит к ним.

Нет, видеть вас я не могу голодным!
(Указывая на буфет.)

Простите мне... здесь все, что нужно, есть.
(Живо.)

Позвольте мне вам предложить поесть!

СИРАНО (снимая перед ней шляпу).

Хоть гордость не велит гасконцам благородным
Подарки принимать, — я чувствую, что вас,
Быть может, огорчит невольно мой отказ.
Дитя мое, я тронут бесконечно
И вас благодарю, благодарю сердечно.
(Идет к буфету и выбирает.)
Стакан воды.

Буфетчица хочет налить ему вина.

Нет! Чистой, мой дружок.
И винограда ягодку...

Буфетчица хочет дать всю кисть.

(Берет ягодку.)

Довольно!

Теперь — вот этот пирожок...

Не весь!

(Отдает ей половинку.)

ЛЕ БРЕ.

Я удивлен невольно:
Ну что же ты глупишь?

БУФЕТЧИЦА.

Еще хоть что-нибудь!

СИРАНО (к Ле Бре).

Я лучшее возьму, мой друг, спокоен будь.

(Буфетчице.)

Позвольте ручку мне!

Буфетчица протягивает ему руку, он целует ее почтительно,
как принцессе.

БУФЕТЧИЦА.

О сударь...

(Делает реверанс.)

До свиданья!..

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сирано. Ле Бре.

СИРАНО *(к Ле Бре)*.

Теперь я слушаю. — О милое создание!..

Я буду сыт.

(Подсаживается к буфету и кладет перед собой пирожок.)

Обед...

(Ставит стакан с водой.)

Напиток...

(Кладет ягодку винограда.)

И десерт...

Как я был голоден!..

(К Ле Бре.)

Ну, что же ты мне скажешь?

ЛЕ БРЕ.

Ты сам себя когда-нибудь накажешь.

Зачем тебе был нужен этот ферт?

Не слушайся друзей пустых, фальшивых,

ложных:

Хорош совет людей разумных, осторожных;

Спроси-ка их о том, как ты сегодня стал

Добычей сплетни беспощадной,

Какой эффект ты произвел!

СИРАНО *(доедая пирожок)*.

Громадный.

ЛЕ БРЕ.

Сам кардинал...

СИРАНО *(в восторге)*.

Он был? Сам кардинал?

ЛЕ БРЕ.

Наверно, это он нашел...

СИРАНО.

Оригинальным!

ЛЕ БРЕ.

Однако...

СИРАНО.

Может ли писатель быть печальным,
Когда при нем с другим произошел скандал,
Которого его коллега и не ждал?
А кардинал — писатель!

ЛЕ БРЕ.

Все ж как можно
Повсюду создавать себе неосторожно
Врагов и недругов?

СИРАНО *(принимаясь за виноград)*.

Не все ж одни друзья!
А сколько ж приобрел врагов сегодня я?

ЛЕ БРЕ.

Сегодня? Гм... Без женщин — сорок восемь.

СИРАНО.

Ну, сосчитай!

ЛЕ БРЕ.

Де Гиш... Вальвер... Баро...

СИРАНО.

Вот три.

ЛЕ БРЕ.

Вся Академия... Старик тот, Монфлери...

СИРАНО.

Довольно! Счет мы бросим.
В восторге я.

ЛЕ БРЕ.

Скажи: как ты живешь?
Подумай: до чего таким путем дойдешь?

СИРАНО.

Вот видишь... я бродил среди речных излучин
И все не мог найти, где надлежащий путь.
Я должен был избрать какой-нибудь.
И что же? Опытom научен,
Я выбрал путь себе кратчайший и прямой.

ЛЕ БРЕ.

Какой же?

СИРАНО.

Быть самим собой.

ЛЕ БРЕ (*пожимая плечами*).

Пусть будет так! Хоть это привело бы
Тебя к чему-нибудь! Но вот что: говори,
В чем кроется причина лютой злобы
Твоей к бедняге Монфлери?

СИРАНО *(вставая)*.

А, видишь... Этому пузатому Силену
Пришло на ум, что он и молод и красив!
Как только выйдет он на сцену,
Лягушечьи глаза любовно устремив
В какую-нибудь ложу,
Влюбленную мерзавец корчит рожу.
Недели две тому назад
Посмел он обратить свой взгляд,
Карикатурно и любовно
Его вздымая к потолку,
На ту, к кому... Мне показалось, словно
Улитка проползла по дивному цветку!
И этого не мог снести я хладнокровно.
С тех пор, Ле Бре, его я не терплю.

ЛЕ БРЕ *(изумленно)*.

Возможно ли...

СИРАНО *(с горьким смехом)*.

Чтоб я любил?
(Переменив тон, вполне серьезно.)
Да. Я люблю.

ЛЕ БРЕ.

Кого же?

СИРАНО.

Угадай... Увы! Как все уроды,
Гнать должен бы я прочь любовную мечту.
Меня нельзя любить. Но... вот закон природы
Таков, как видишь: я люблю, конечно, ту,
Кто всех прекраснее!..

ЛЕ БРЕ.

Прекрасней?

СИРАНО.

Всех на свете,
К такой любви попасть и должен был я в сети.
Да, бедный друг твой, не шутя,
Забыв уроки опытности мудрой,
Увлекся, как дитя,
Прекрасной самою...
(С отчаянием.)
И самой златокудрой.

ЛЕ БРЕ.

Но, ради бога, кто она?

СИРАНО.

Она? Она? Сама весна.
Ее очей глубоких ясность
Несет смертельную опасность.
Сама не ведая того,
Она — природы торжество,
Ловушка дивная природы,
Мой ум лишившая свободы, —
Мускатной розы пышный цвет,
Амура хитрого засада.
В ее улыбке — солнца свет.
Малейшим жестом, негой взгляда
Блаженство рая, муки ада
Сулит она душе моей.
Походкой легкою своей
Она проходит, молодая,
Очарованьем красоты
Богини образ воскрешая,
В Париже, полном суеты.
Ей не хватает лишь колчана,
Чтоб все сказали: «Вот Диана!..»

ЛЕ БРЕ.

Я понял...

СИРАНО.

Верен мой портрет!

ЛЕ БРЕ.

Твоя кузина?

СИРАНО.

Да, Роксана.

ЛЕ БРЕ.

Так что ж? Прекрасно! Мой совет:
Иди и вот с таким же жаром
Ей чувство нежное свое открой;
Сегодня на ее глазах недаром
Ты вел себя, как истинный герой!

СИРАНО.

Ах, не смотри на все сквозь розовую призму!
Поверь, что этот нос вредит и героизму.
Да, друг мой, иногда случается со мной,
Что в сад какой-нибудь я забреду весной, —
Все тихо, в небе звезд сверкает рой алмазный,
И этот бедный нос, огромный, безобразный,
Вдыхает с жадностью апреля аромат...
И странные мечты вдруг у меня забродят:
Я вижу — парочки, обнявшись нежно, ходят,
И, залиты луной, о чем-то говорят,
И упиваются сиренью.
Тогда я думаю: ужели и ко мне
Не суждено слететь такому упоенью?..
В мечтах забудусь я... И вдруг гигантской тенью
Несчастный профиль мой я вижу на стене:
Прощай, иллюзия! Я счастлив был — во сне...

ЛЕ БРЕ (*растроган*).

Мой друг!

СИРАНО.

Да, друг мой... Я не скрою,
Мне очень тяжело сознание порою,
Что так я некрасив... и... и... так одиноко!

ЛЕ БРЕ (*хватая его фуку*).

Ты плачешь?

СИРАНО.

Что ты? Нет! Пойми, да разве смею
Я думать о слезах с наружностью моею?
Что если бы чистейших слез поток
По моему смешному носу тек?
Поверь мне, выше слез я ничего не знаю, —
Смешными делать их я никогда б не мог.

ЛЕ БРЕ.

Послушай, не грусти! Любви капризен бог:
В ней два шага всего от ада к раю.

СИРАНО (*качая головой*).

О нет! Судьба моя
Ко мне всегда была неумолима.
Подумай, Клеопатра мной любима, —
Но разве Цезарь я?
Я Беренику обожаю страстно, —
Кто скажет, что на Тита я похож?

ЛЕ БРЕ.

Мой друг, не мучь себя напрасно!
Сегодня на тебя из всех нарядных лож
Смотрели вовсе не с презреньем дамы;
Твой ум, талант твой, храбрость, наконец,
Не могут не пленить возвышенных сердец.
Сам посуди: когда мы
Вот с этой девочкой болтали, что обед
Тебе так робко предложила,
Как глазки нежные ее блестили мило!

СИРАНО (*вздвигнув*).

И в самом деле...

ЛЕ БРЕ.

Мало ли побед?
Да, наконец, я лгать тебе не стану:
Я видел, как была взволнована Роксана,
Как за дуэлью вашею она
Следила, мертвенно-бледна...

СИРАНО.

Бледна?

ЛЕ БРЕ.

Ты ум ее затронул, без сомненья;
Ты поразил ее; а от ума, поверь,
До сердца близок путь! Иди же к ней теперь
И чувство выскажи ей прямо, без смущенья.

СИРАНО.

Да! Чтоб она мне рассмеялась в нос?
Насмешку я бы от нее не снес.

ПРИВРАТНИК (*вводя кого-то, к Сирано*).

Желают видеть вас...

СИРАНО.

Мой бог! Ее дуэнья!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сирано, Ле Бре, дуэнья.

ДУЭНЬЯ (*с глубоким реверансом*).

Кузену храброму шлют искренний поклон
И знать хотят, где может он
Назначить тайное свиданье.

СИРАНО (*потрясен*).

Я?

ДУЭНЬЯ (*с реверансом*).

Вы сами.

Вам передать должны один секрет.

СИРАНО.

Секрет?

ДУЭНЬЯ.

Да, тайну важную.

СИРАНО (*пошатнувшись*).

Клянусь я небесами...

ДУЭНЬЯ.

Какой же мне дадите вы ответ?

День завтрашний... чуть свет...

Едва появится у врат Востока

Аврора алая, во храм Святого Рока

К обедне утренней красавицы пойдут...

(*Реверанс.*)

СИРАНО (*опираясь на плечо Ле Бре*).

О боже мой!..

ДУЭНЬЯ.

Так где найти приют,

Чтобы по выходе потолковать немного?

СИРАНО (*обезумев*).

Где?.. Я.. Но, боже мой!..

ДУЭНЬЯ.

Скорее, ради бога!

СИРАНО.

Постойте... Я ищущу...

Эдмон РОСТАН

ДУЭНЬЯ.

Но где же?

СИРАНО.

У Рагно,
В кондитерской...

ДУЭНЬЯ.

Скажите мне одно:
Какая улица?

СИРАНО.

Нет, я во сне!

ДУЭНЬЯ.

Ну, что же?

СИРАНО.

Что? Да... Ах, улица!.. О боже!..
Да, улица... Да, да... Сент-Оноре.
Иль должен я поверить чуду?

ДУЭНЬЯ (*уходя*).

Так ровно в семь придут. Вы будете?
(*Уходит.*)

СИРАНО.

О! Буду!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сирано, Ле Бре, потом актеры, актрисы, Кюжи,
Брисайль, Линьер, привратник, скрипачи.

СИРАНО (*кидаясь в объятия Ле Бре*).

Мне... от нее... свидание, Ле Бре!..

ЛЕ БРЕ.

Ну что, ты больше не расстроен?

СИРАНО.

Зачем бы ни звала, мне это все равно;
Зачем бы ни звала, ей нужен Сирано!..

ЛЕ БРЕ.

Теперь, надеюсь я, ты более спокоен?

СИРАНО (*вне себя*).

Теперь? Безумствовать я буду! Слышишь, друг?
Я должен разнести, разрушить все вокруг.
О, сколько сил теперь почувствовал в себе я!
На войско целое пошел бы не робея.
Сражаться! Пусть опять покинет меч ножны!
Мне мало карликов,
(*кричит*)

гиганты мне нужны!..

За несколько мгновений до этого на сцене, в глубине, показались силуэты актеров и актрис; сначала они движутся, перешептываются, затем начинают репетировать. Скрипачи снова занимают свои места.

ГОЛОС (*со сцены*).

Тсс! Тише там нельзя ли?
Мы репетируем!

СИРАНО (*смеясь*).

Уйдем, сейчас уйдем!
(*Направляется к выходу.*)

В главную дверь входят Кюижи, Брисайль и несколько офицеров; они ведут под руки Линьера, совершенно пьяного.

Что это?

КЮИЖИ.

Сирано!.. Тебя мы и искали.
Вот он нуждается в содействии твоём.

Эдмон РОСТАН

СИРАНО.

Линьер? Что с ним?

КЮИЖИ.

Его мы пьяного как стельку
Нашли.

БРИСАЙЛЬ.

Тебя искал он.

СИРАНО.

Для чего?

ЛИНЬЕР (*заплетающимся языком, показывая ему
скомканную записку*).

Записка... Пустяки... Все это... ничего...
Ты уложи меня... в свою... постельку...
Я... не могу идти... домой.
Вот... пишет мне приятель мой,
Что по дороге к дому
Сто человек меня подстерегают... Месть
За песенку... По случаю такому
Прошу тебя к себе... меня увести.

СИРАНО.

Сто человек? Ага! Прекрасно.
Ты будешь дома ночевать.

ЛИНЬЕР (*испуган*).

Но я...

СИРАНО (*грозным голосом, показывая ему на зажженный
фонарь, которым привратник покачивает, с любопытст-
вом слушая их разговор*).

Бери фонарь!

Линьер послушно берет фонарь.

Не рассуждай напрасно.
Сегодня сам тебе оправлю я кровать.

Идем!

(Офицерам.)

Вы, господа, пожалуйста за мною:

В свидетели я приглашаю вас.

КЮИЖИ.

Но против ста...

СИРАНО.

Сейчас

Не меньше нужно мне, не скрою!..

Актеры и актрисы в театральных костюмах, сойдя со сцены,
подходят к ним.

ЛЕ БРЕ.

Но почему...

СИРАНО.

Ха-ха! Ле Бре ворчит опять?

ЛЕ БРЕ.

Не знаю!.. Пошлого пьянчужку защищать,

Рискуя жизнью собственной своею!

Зачем все это? Нет! Понять я не сумею.

СИРАНО *(хлопая по плечу Линьера)*.

А потому, что он — ходячий чан с вином,

Бочонок сладкой водки, вечно пьяный,

Вот этот Бахус толстый и румяный —

Был мною пойман на одном

Поступке настоящего поэта.

Он был в красавицу влюблен. Раз дама эта

Пошла к обедне, — он за ней.

И вот увидел он, что за обедней

Его красавица направилась последней

К кропильнице с святой водой; скорей

На удивление народу,

За нею он — и выпил эту воду, —

Он, он, которого всегда
Пугала чистая вода!

АКТРИСА (*в костюме субретки*).

Как это мило!

СИРАНО.

Да, не правда ли, субретка?
Такие подвиги мы можем встретить редко.

АКТРИСА (*к другим*).

Я не могу понять, за что
На одного поэта — целых сто?

СИРАНО.

Идем!

(*Офицерам.*)

А вас прошу я, господа:
Не помогайте мне, не вмешивайтесь в дело.
Вы слышите?

ДРУГАЯ АКТРИСА (*спрыгивая со сцены*).

Как это смело!
Нет, я иду смотреть.

ЕЩЕ ОДНА АКТРИСА.

И я иду туда.

(*Старому актеру.*)

Пойдем со мной, Кассандр?

СИРАНО.

Да, да! Идемте все со мною! Изабелла!
Ты, старый доктор! Ты, Леандр!..
Пусть итальянский фарс к испанской этой драме
Поможет примешать ваш пестрый шумный рой, —
И развернется он полночною порой,
Как оживленная картина в мрачной раме!

ЖОДЛЕ.

Идемте!

АКТРИСЫ (*прыгая от радости*).

Браво! — Плащ! — Мой капюшон! —
Скорей!

СИРАНО (*скрипачам*).

Вы, каждый с скрипкою своей,
Ступайте с нами, музыканты!
(*Актерам.*)
Я всех вас жду, почтенные таланты!

Скрипачи присоединяются к шествию. Все берут из рампы зажженные свечи и распределяют их между собой, получается шествие с факелами.

Прекрасно! Женщины с цветами на груди,
За ними ряд блестящих офицеров,
А впереди
(*становится впереди*) —
Беспутнейший из кавалеров!
На шляпе с гордостью колышется султан:
Богинею победы он мне дан.
Итак, понятно все? Вы мне не помогайте!
Раз... два... три... Двери отворяйте!

Привратник распахивает настежь дверь. Виден живописный уголок старого Парижа, залитый лунным светом.

А!.. Поглядите! Что за тишь!
Как очарованный, спокойно спит Париж.
Смотрите же, друзья! Для нашей сцены
Какая декорация кругом:
Вот зеркало магическое Сены,
Над ним луна в тумане голубом;
Освещены ее лучами крыши,
Блестят они таинственно; а выше,
Вон там, дрожит зеленая звезда...
За дело же!

ВСЕ.

Так к Нельской башне?

СИРАНО (*уже в дверях*).

Да!

(*Возвращаясь, субретке.*)

Вы, кажется, спросили с удивлением,

Моя красавица, за что

На одного поэта сто

Убийц хотят напасть с ожесточеньем?..

(*Вытаскивая шпагу, спокойно.*)

Вот видите ли, знал тот мстительный злодей,

Что он (*показывает на Линьера*)

принадлежит к числу моих друзей!

(*Уходит.*)

За ним следует шествие: сначала идет, едва держась на ногах, Линьер, далее актрисы, под руку с офицерами, далее возбужденные актеры, звуки скрипок при поблескивании свечей в ночи.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

«КОНДИТЕРСКАЯ ПОЭТОВ»

Лавка Рагно, кондитера и повара, на углу улиц Сент-Оноре и Арбр-Сек, которые видны в перспективе через широкую стеклянную дверь; они кажутся серыми в ранний час начинающегося рассвета. Налево, на переднем плане, конторка под колпаком кованого железа, к которому подвешены гуси, утки, белые павлины. В высоких фаянсовых вазах — большие букеты из простых цветов, главным образом — желтых подсолнечников. С той же стороны, на втором плане, огромный очаг, около которого в больших котлах и на противнях жарятся и варятся жаркое и разные другие кушанья. Направо, на переднем плане, дверь; на втором плане лестница, ведущая в комнатку на антресолях, внутренность которой видна сквозь открытые ставни: там стоит накрытый стол, освещенный маленькой фламандской люстрой; люди заходят сюда, чтобы закусить и выпить. Деревянная галерея, продолжающая лестницу, ведет

в другие помещения такого же рода. Посреди кондитерской — железный обруч, подвешенный наподобие люстры, с привязанной к нему веревкой, чтобы можно было спускать его; к обручу подвешена всевозможная дичь. Под лестницей, в темноте, краснеют печи. Блестит медная посуда. Вертятся вертела, висят окорока. Высятся пирамиды всякой живности. Утренняя суета: толкотня испуганных поварят и толстых поваров. На головах у них белые колпаки с петушиным пером или крылом цесарки. Вносят на железных листах и в плетеных корзинах груды бриошей и горы печенья. Столы уставлены блюдами с пирогами и разными кушаньями. Другие столы, с приставленными к ним стульями, ожидают посетителей.

При поднятии занавеса в углу, за маленьким столиком, загроможденным бумагами, сидит и пишет Рагно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Рагно, повара, потом Лиза.

Рагно у маленького столика пишет с вдохновенным видом и считает по пальцам.

ПЕРВЫЙ ПИРОЖНИК *(внося блюдо)*.

Вот пирожки!

ВТОРОЙ ПИРОЖНИК *(внося блюдо)*.

Нуга!

ТРЕТИЙ ПИРОЖНИК *(внося павлина в перьях)*.

Павлин!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИРОЖНИК *(внося миску)*.

Компот!

ПЯТЫЙ ПИРОЖНИК *(внося пирог)*.

Пирог!

РАГНО *(перестав писать, поднимает голову)*.

Авроры алый перст позолотил кастрюли...
Пора!.. Ты улетел, о песнопенья бог,

С тобой до ночи упорхнули
И рифмы сладкие и сладкие мечты.
Вернется лиры час; теперь же — час плиты!
(*Встает. Одному из поваров.*)
Прибавьте соусу.

ПОВАР.

Насколько?

РАГНО.

На три слога.

(*Проходит дальше.*)

ПОВАР.

Гм...

ПЕРВЫЙ ПИРОЖНИК (*внося блюдо*).

Пышки.

ВТОРОЙ ПИРОЖНИК (*тоже внося блюдо*).

Голуби.

РАГНО (*у печки*).

О муза! Ради бога,

Скорее удались,
Чтобы не портить глаз от кухонного жара.
Нет, с гастрономией поэзия — не пара.
(*Пирожнику, указывая на хлебцы.*)
Вот эти хлебцы вам совсем не удались:
Цезура не верна, — она не посредине,
И видите, стиха не делит пополам.
(*Другому, указывая на торт.*)
Отделайте его, а здесь вот на вершине
Из сахара соорудите храм.
(*Ученику, который нанизывает дичь на вертел.*)
Индюшку гордую и скромного цыпленка
Нанизываешь ты на вертеле одном!
Не так творил Малерб: с коротеньким стихом

Александрийский стих чередовал он тонко,
Старайся ж подражать ему всегда, во всем,
И строфы мерные вращай ты над огнем!

ДРУГОЙ УЧЕНИК (*подходя с подносом, покрытым
салфеткой*).

Хозяин! Улучив свободную минутку,
Сегодня я кой-что для вас испек!
(*Снимает салфетку, и все видят торт в форме
огромной лиры.*)

РАГНО (*в восхищении*).

Как! Лира!

УЧЕНИК.

Лира, да.

РАГНО (*растроган*).

Пришло на ум ведь плуту!

УЧЕНИК.

Из теста сладкого.

РАГНО.

Благодарю, дружок!
Не мог бы лучшего ты выдумать сюрприза,
(*Дает ему деньги.*)
Возьми и угостись на радостях...
(*Заметив жену, тихо.*)

Тсс... Лиза!..

Скорее деньги спрячь и живо наутек.
(*Лизе, сконфуженно указывая на лиру.*)
Лизета, погляди-ка!
Какая прелесть, а?

ЛИЗА (*сурово*).

Смешно и дико.
(*Кладет на конторку пачку бумажных пакетиков.*)

РАГНО.

Пакетики? Благодарю, дружок.
(Рассматривает пакетики.)
Мой бог! Что вижу я! Заветные тетрадки!
Стихи моих друзей! И рифмы и мечты
Превращены в мешки, и в них кладут помадки!..
Ты растерзала их! Разорвала их ты,
Как растерзали пьяные менады
В былые дни Орфея без пощады!

ЛИЗА.

А сколько милые поэты нам должны?
Стишонки эти – их единственная плата,
Так хоть на что-нибудь они теперь годны.
О деле думаю, и я же виновата!

РАГНО.

Не оскорбляй стрекоз божественных моих,
Ничтожный муравей!

ЛИЗА.

Пока не знал ты их,
Я не была тебе ни пьяная менада,
Ни муравей ничтожный, милый мой;
Теперь же мне одна награда –
Ты издеваешься все время над женой!

РАГНО.

О бедные мои стрекозы!
Из пламенных стихов – бумажные мешки!

ЛИЗА.

На что еще годны твои стишки!

РАГНО.

Что ж в этом случае ты делаешь из прозы?..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и двое детей, зашедших в кондитерскую.

РАГНО.

Что вам, голубчики?

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК.

Три сладких пирожка.

РАГНО (*протягивая им пирожки*).

Вот вам, поджаристых – и только с огонька!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК.

Нельзя ли попросить у вас мешочка?

Мы их с собой возьмем.

РАГНО (*уныло, в сторону*).

Пакетик! Боже мой!

*(Берет пакетик, но, вместо того чтобы
завертывать пирожки, читает.)*

«Бесстрашный Одиссей, вернувшийся домой...»

Ах! Из излюбленной моей поэмы строчка!

Не этот! Ни за что!

*(Кладет пакетик обратно, берет другой и уже хочет
вложить в него пирожки.)*

«О светлый Феб...»

(Кладет и этот пакетик обратно.)

Не тот.

ЛИЗА (*нетерпеливо*).

Ты долго будешь там возиться?

РАГНО.

Вот, вот, вот!

*(Берет третий пакетик и заворачивает в него
пирожки.)*

«Сонет Филиде»!.. Ах! За что такая мука?

ЛИЗА.

Решился наконец?
(Пожимая плечами.)

Колпак!

(Влезает на стул и начинает приводить в порядок
блюда на полках.)

РАГНО (воспользовавшись тем, что жена повернулась
к нему спиной, призывает детей, уже собиравшихся выйти
за дверь).

Тсс... тсс... ни звука!..

Отдайте мне сонет... отдайте мне мешок —
И вы получите четвертый пирожок.

Дети возвращают ему пакетик, хватают пирожки и уходят.

(Разглаживает бумагу и начинает читать.)

О имя нежное! Из этих рук безбожных
Ты мною спасено.

«Филида»! От него весенней лаской веет.

И вдруг — о боги! — жирное пятно

На этом имени темнеет...

Быстро входит Сирано.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Рагно, Лиза, Сирано, потом мушкетеры.

СИРАНО.

Скажи, который час?

РАГНО (почтительно ему кланяясь).

Шесть скоро.

СИРАНО (взволнован).

Целый час!

(Ходит взад и вперед.)

РАГНО (*шагая вслед за ним*).

Позвольте от души поздравить, сударь, вас.
Я видел...

СИРАНО.

Что еще?

РАГНО.

Вчерашнее сраженье.

СИРАНО.

Которое?

РАГНО.

Дуэль с Вальвером.

СИРАНО (*с презрением*).

А, дуэль!..

РАГНО (*с восторгом*).

Да, да, дуэль в стихах. Какое вдохновенье!
Подобного я не встречал досель.
Дуэль в стихах!

ЛИЗА.

Чему тут удивляться?
Ведь у него стихами полон рот.

СИРАНО.

Ну, ну...

РАГНО.

О, если бы когда-нибудь подняться
И мне до этих же высот!
(*Хватая вертел и фехтуя им.*)
«Я попаду — в конце посылки!» — идеально!
«Я попаду — в конце посылки!» — гениально!

(С возрастающим восторгом.)

«И я попал...»

СИРАНО.

Рагно, который час?

РАГНО *(останавливаясь, чтобы взглянуть на часы).*

Седьмого пять минут...

(Опуская вертел.)

«В конце посылки!..»

О, если б сочинил балладу я хоть раз!

КОНДИТЕР *(внося блюдо).*

Каштаны в сахаре.

РАГНО.

Готовы ли пастилки?

(Тихо говорит с кондитером.)

ЛИЗА *(к Сирано, который, проходя мимо конторки, рассеянно пожал ей руку).*

А что у вас с рукой?

СИРАНО.

Царапина. Пустяк.

РАГНО.

Уж, верно, вы опять попали в передрягу!
Бойтесь вы скучать заставить вашу шпагу?

СИРАНО.

Да и не думал я...

ЛИЗА *(грозя ему пальцем).*

Тут что-то да не так.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

СИРАНО *(меняя тон)*.

Послушай-ка, Рагно... Сейчас одной особы
Дождаться надо мне. Она придет к семи,
И ты оставишь нас... вдвоем. Идет?

РАГНО.

Еще бы!

К услугам вашим я... Ах, черт возьми!
А все мои голодные поэты!
Они сойдутся здесь сейчас...

ЛИЗА *(насмешливо)*.

Для первой трапезы.

СИРАНО.

Отправь их в кабинеты,
А залу ты освободи для нас.
Рагно! Который час?

РАГНО.

Седьмого четверть.

СИРАНО.

Боже!

РАГНО.

Я вас предупрежу, когда придет пора.

СИРАНО *(присаживается к столику Рагно и порывистым движением берет лист бумаги)*.

Нет у тебя пера?

РАГНО *(вынимая из-за уха перо)*.

Вот — лебединое!

МУШКЕТЕР *(с великолепными усами, входит, говорит громовым голосом)*.

Почтенье!..

СИРАНО.

Это кто же?

РАГНО.

Так... Друг моей жены... Не знаю, говорят,
Что устрашающий по храбрости солдат.

СИРАНО (*снова берясь за перо и жестом удаляя Рагно*).

Иди. Что ж делать мне? Я как мальчишка трушу.
Нет... написать ей все... открыть пред нею душу...
Сложить... отдать... а самому бежать...

(*Бросает перо.*)

О трусость низкая!.. Но так — я не нарушу
Молчанья вечного печать.

Я знаю, буду я молчать.

Скорей умру, чем ей во всем признаюсь...
Который час?

РАГНО.

Седьмого двадцать две.

СИРАНО.

О, сколько нежных слов в мозгу, и в голове,
И в сердце, и в груди... От них я задыхаюсь,
Но нет, не скажет их смущенный мой язык.
Я лучше напишу... Так легче... Я привык...

(*Опять берет перо.*)

Письмо любви моей!.. Оно давно готово.

Давно уж каждое мне в нем знакомо слово.

В часы, когда все спит и ночь луне внимают,

Его я сочинил и тихо повторял;

С тех пор в моей душе готов оригинал,

Теперь же копию рука с него снимает.

(*Пишет.*)

За стеклянной дверью показываются чьи-то тощие и робкие
силуэты.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рагно, Лиза, мушкетер; Сирано пишет за маленьким столиком; поэты, одетые в черное, покрытые грязью, со спущенными чулками.

ЛИЗА (*отойдя от двери, к Рагно*).

Вот оборванцы ваши!

РАГНО (*идя навстречу им*).

Очень рад!

ПЕРВЫЙ ПОЭТ (*входя, к Рагно*).

Любезнейший собрат!

ВТОРОЙ ПОЭТ (*пожимая ему руку*).

Милейший мой собрат!

ТРЕТИЙ ПОЭТ.

Орел меж поваров!..

(*Нюхая воздух*.)

Как здесь прекрасно пахнет!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЭТ.

Да, здесь от голода никто уж не зачахнет.

О Феб кондитерских!

ПЯТЫЙ ПОЭТ.

Кондитер Аполлон!

РАГНО (*которого все пришедшие окружают и обнимают*).

Как с ними чувствуешь себя легко и вольно!

(*Поэтам*.)

Довольно, господа! Сконфужен я, довольно!

Эдмон РОСТАН

ПЕРВЫЙ ПОЭТ.

Мы запоздали к вам: толпа со всех сторон
К воротам Нельским собиралась;
Все улицы запружены.

ВТОРОЙ ПОЭТ.

Там несколько убитых найдены.

ТРЕТИЙ ПОЭТ.

Бродяги, кажется.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЭТ.

Их восемь оказалось.

СИРАНО (*отрываясь от письма*).

Ага! Я думал, семь...

РАГНО (*к Сирано*).

Не знаете ли вы,
Кто происшествия ночного был героем?

СИРАНО (*небрежно*).

Я? Нет.

ЛИЗА (*к мушкетеру*).

А вы?

МУШКЕТЕР (*крутя усы, значительно и тихо*).

Гм... гм... От всех мы это скроем.

ЛИЗА (*влюбленно*).

Ох, не сносить вам головы!

СИРАНО (*пишет. Время от времени слышно, как он произносит то одно, то другое слово*).

«Я вас люблю... люблю!..»

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ПЕРВЫЙ ПОЭТ.

Я слышал вздор нелепый,
Что в бегство обратил их всех один храбрец.

СИРАНО (*пишет*).

«Для ваших дивных глаз...»

ВТОРОЙ ПОЭТ.

Какой-то лев свирепый!
Следы побоища ужасны.

ЛИЗА.

О творец!

ТРЕТИЙ ПОЭТ.

И пики и мечи валяются повсюду...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЭТ.

А шляп нашли там просто груды.

СИРАНО.

«Цвет ваших нежных уст...»

ПЕРВЫЙ ПОЭТ.

Какой-нибудь гигант,
Неустршимый тигр свирепостью своею!

СИРАНО (*кончая письмо*).

«И лишь увидев вас, от страха я бледнею».

ВТОРОЙ ПОЭТ (*беря пирожок*).

Рагно, что нового дарит нам ваш талант?

СИРАНО.

Не надо подписи. Ведь я отдам ей лично.

РАГНО *(второму поэту)*.

Один рецепт — в стихах.

ТРЕТИЙ ПОЭТ *(усаживаясь возле подноса с пышками)*.

Послушаем! Отлично!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЭТ *(смотрит на пышку, потом берет ее)*.

У этой пышки набок голова.
(Откусывает верхушку.)

ПЕРВЫЙ ПОЭТ.

Как этот пряник с нежностью за вами
Следит миндальными глазами!..
(Отламывает кусок пряника и ест его.)

ТРЕТИЙ ПОЭТ.

Мы ваши слушаем слова.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЭТ *(откусывая кусок лиры)*.

О лира! В первый раз накормишь ты поэта.

РАГНО *(собираясь декламировать, откашливается, становится в позу и поправляет колпак)*.

Рецепт в стихах...

ТРЕТИЙ ПОЭТ.

Как мысль изящна эта!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЭТ

Послушаем, чем нас он подарит!..

ВТОРОЙ ПОЭТ *(первому, толкая его локтем)*.

Ты ешь сегодня, друг?

ПЕРВЫЙ ПОЭТ *(так же)*.

А, друг! Ты будешь сыт?

РАГНО.

«Рецепт приготовления
 Миндального печенья».
 Прежде — в пену сбей белки;
 Натолки
 Вместе с сахаром ванили,
 Всыпь в белки душистой пыли
 И миндальным молоком
 Это все разбавь потом.
 После легкою рукою
 Замеси миндаль с мукою.

И скорей

Тесто в формочки налей;
 И, гордясь своим твореньем,
 Ты, дыханье притая,
 Абрикосовым вареньем

Смажь края.

После сбитые белки

В пирожки

Влей по капле осторожно,
 Там и в печь их ставить можно.
 Если выйдут из печи
 Пирожки твои душисты,
 Как брюнетки — горячи,
 Как блондинки — золотисты,
 То скажи себе тогда
 С тайным вздохом облегченья:
 Вот миндальное печенье,

господа!

ПОЭТЫ (*с набитыми ртами*).

Восторг! Какое совершенство формы!

ВТОРОЙ ПОЭТ (*давясь*).

Какая легкость языка!

ПОЭТЫ.

Милее ничего до этих пор мы
 Еще не слышали пока!

Отходят к прилавку, поедая пироги. Сирано, который за ними наблюдал, приближается к Рагно.

СИРАНО.

Однако голодны они немилосердно.
Скажи, не видишь разве ты,
Как, слушая твои стихи, усердно
Поэты набивают рты?

РАГНО *(тихо, с улыбкой)*.

Отлично вижу я, да не желаю видеть.
Нет, слишком больно бы мне было их обидеть.
Но слабость грешную к поэзии мою
Себе охотней я прощаю,
Когда не только я стихи читаю,
Но и голодным есть даю.

СИРАНО *(хлопая его по плечу)*.

А ты мне нравишься!..

Рагно идет к своим приятелям.

(Смотрит вслед Рагно, потом резко.)

Эй, Лиза!

ЛИЗА *(заигрывавшая с мушкетером, вздрагивает и подходит)*.

Что угодно?

СИРАНО.

Ваш капитан... себя ведет весьма свободно.
Признайтесь-ка, он осаждает вас?

ЛИЗА *(гордо)*.

О сударь! Взгляд один моих суровых глаз
Ему сумеет дать решительный отказ.

СИРАНО *(насмешливо)*.

Твои глаза? Поди ты!
Для победительных уж чересчур подбиты.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ЛИЗА (*с возмущением*).

Позвольте, сударь, но...

СИРАНО (*твердо и громко*).

Послушайте-ка, Лиза!
Мне нравится Рагно, —
Вот почему от этого каприза
Вам отказаться суждено.
Его высмеивать я запрещаю строго.

ЛИЗА.

Но, сударь, вы...

СИРАНО (*очень громко*).

Кто слышал, тот поймет.

Для этого ума не нужно много.
(*Кланяется мушкетеру и становится у двери,
взглянув сначала на часы.*)

ЛИЗА (*мушкетеру, который ответил на поклон Сирано*).

Вы так и будете стоять, разинув рот?
Ответьте же ему... какой-нибудь насмешкой
Про нос его...

МУШКЕТЕР.

Про нос!.. Ну, как это про нос?..
(*Быстро уходит, Лиза за ним*).

СИРАНО (*делая знак Рагно увести поэтов*).

Иди!

РАГНО (*показывая поэтам на правую дверь*).

Гм... господа... позвольте мне...

СИРАНО (*нетерпеливо*).

Не мешкай!

Эдмон РОСТАН

РАГНО (*стараясь увести поэтов*).

Пойдем читать стихи!..

СИРАНО.

Ну, что же ты прирос?

РАГНО (*увлекая за собой поэтов*).

Идем!

ПЕРВЫЙ ПОЭТ (*с набитым ртом*).

А пирожки?

ВТОРОЙ ПОЭТ.

Возьмем с собой поднос!

Поэты уходят вслед за Рагно, унося с собой множество подносов со всякой снедью.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сирано, потом Роксана и дуэнья.

СИРАНО.

Когда хоть луч один надежды я замечу,
Я ей отдам письмо, пойду к любви навстречу!

За стеклянной дверью появляется Роксана; она в маске, ее сопровождает дуэнья. Сирано быстро открывает дверь, женщины входят.

О боже мой! Я умереть готов.

(*Дуэнье.*)

Послушайте, на пару слов.

ДУЭНЬЯ.

Хоть на две.

СИРАНО.

Любите вы сладости?

ДУЭНЬЯ.

Ужасно.

СИРАНО.

Вот и прекрасно!
Позвольте ж мне вам предложить сонет
Почтеннейшего Бенсерада!

ДУЭНЬЯ.

Ох!

СИРАНО.

Не пугайтесь: как награда,
Вот горсточка в него насыпанных конфет.

ДУЭНЬЯ *(меняя выражение лица)*.

Ах!

СИРАНО.

А питаете ль вы склонность к этим пышкам?

ДУЭНЬЯ.

Да, сударь! Даже слишком.

СИРАНО.

Раз... два... нет, мало двух:
Кладу вам три в поэму Сент-Амана.
А в недра этого тяжелого романа —
Вот вам бисквиты, легкие, как пух.
А, пирожки еще с малиновым вареньем!
Те подойдут как раз
К Шапленовым стихотвореньям.
А эти вафельки? Они прельщают вас?

ДУЭНЬЯ.

О! В них я влюблена!

СИРАНО (*нагружая ее пакетиками*).

Теперь извольте слушать:
Прошу вас это все на улице докушать...

ДУЭНЬЯ.

Но сударь...

СИРАНО (*выталкивая ее*).

Полноте, не будет вам вреда.
Когда все кончите, вернетесь вы сюда.
(*Запирает дверь, приближается к Роксане и, сняв шляпу, останавливается на почтительном расстоянии.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Роксана, Сирано, потом на мгновение дуэнья.

СИРАНО.

Позвольте мне минуту дорогую
От всей души благословить,
Когда вы вспомнили — случайно, может быть, —
Что я еще на свете существую,
И вот пришли сюда... затем... затем...

РОКСАНА (*сняв маску*).

Затем,
Чтоб благодарность принести живую.
Да, вы меня спасли вчера.

СИРАНО.

Но чем?

РОКСАНА.

Вчера при мне, шутя, вы проучили фата,
К которому полна презреньем я.
Его насильно прочит мне в мужья...

СИРАНО.

Де Гиш?

РОКСАНА (*потупив глаза*).

Но, право, я не виновата.
Меня преследует давно, упорно он.
Увы! Опасен он: он знатен — и влюблен.

СИРАНО.

Вот почему вчера я так легко сражался!
Теперь я понял все, сударыня! Я дрался
Не за смешной мой нос — за эти две звезды,
Что на меня глядят, прекрасны и горды.
(*Кланяется низко.*)

РОКСАНА.

Потом, хотела я... Мой бог! Одно признание...
Но нет! Для этого должно воспоминанье
Пред нами воскресить былые времена,
Когда я с вами так была дружна!..
Вы были мне тогда почти что братом.

СИРАНО.

Давно прошедшие прелестные года!..
От них повеяло забытым ароматом.

РОКСАНА.

Наш милый старый парк...

СИРАНО.

Прогулки у пруда...

РОКСАНА.

В котором весело сверкала так вода...

СИРАНО.

О игры детские!.. О милые картины!..
Как обирали мы кусты лесной малины!..

ЭДМОН РОСТАН

РОКСАНА.

Для острых шпаг своих срезали вы тростник.

СИРАНО.

А золотой маис шел кукле на парик...
Роксана гордая тогда звалась — Мадлена...
В коротких юбочках...

РОКСАНА.

Я хороша была
В коротких юбочках, скажите?

СИРАНО.

Да... мила...
Но все-таки... какая перемена!..

РОКСАНА.

Вы исполняли все, чего хотела я.
Была законом вам фантазия моя.
А помните... Когда являлись вы порою
В царапинах, в крови, как надлежит герою,
Играя взрослую, я говорила вам,
Стараясь строгости придать своим словам
И с важностью поднявши пальчик:
«Опять царапина? Откуда, гадкий мальчик?»
(Берет его руку и, пораженная, останавливается.)
Нет! Это слишком! Как! Царапина опять?
И в эти годы?

Сирано хочет отнять руку.

Нет! Извольте показать!
Откуда ж это?

СИРАНО.

Пустяки! Вчера я
Заполучил ее... играя.

РОКСАНА (*присаживаясь к столу и смачивая свой платок водою из стакана*).

У Нельской башни, да?

СИРАНО.

У Нельской башни, да.

РОКСАНА.

Давайте-ка сюда.

Ну, расскажите мне, откуда кровь я смою...

СИРАНО (*садится*).

Как все в ней нежностью полно и доброю!

РОКСАНА.

Их было целых сто?

СИРАНО.

Нет, право, меньше ста.

РОКСАНА.

Но расскажите же.

СИРАНО.

Нет, право же, не стоит.

Скажите лучше мне, что вас так беспокоит?

Признание тайное... Но в чем же тайна та?

РОКСАНА (*не выпуская его руки из своей*).

Я не решалась... Я робела...

Но память прошлого мне силы придает,

И все теперь скажу вам смело:

Я полюбила.

СИРАНО.

Ах!..

Эдмон РОСТАН

РОКСАНА.

Всем сердцем.

СИРАНО.

Ах!..

РОКСАНА.

Но тот,
Кого люблю я, этого не знает.

СИРАНО.

А!..

РОКСАНА.

Да... но скоро все узнает он.

СИРАНО.

А!..

РОКСАНА.

Бедный, издали меня он обожает,
Ни словом не дает понять мне, что влюблен.

СИРАНО.

Ах!..

РОКСАНА (*продолжая перевязывать ему руку*).

Как дрожите вы! Да это лихорадка! —
Но мне ясна его глубоких глаз загадка! —
Меня он любит.

СИРАНО.

Ах!..

РОКСАНА.

И, знаете, мой друг...
У вас в полку он служит.

СИРАНО.

Ах!.. Роксана!..

РОКСАНА.

Он молод... горд... и смел — прямой герой
романа,
И... как хорош!

СИРАНО *(побледнев, встает)*.

Хорош?

РОКСАНА.

Вы побледнели вдруг —
Что с вами?

СИРАНО.

Ничего... Пустое...
(Показывает на руку, сияясь улыбнуться.)
Эта рана...

РОКСАНА.

Я не знакома с ним; в комедии всего
Раз пять я видела его.

СИРАНО.

Вы говорили с ним?

РОКСАНА.

Глазами.

СИРАНО.

Откуда же о нем вы все узнали сами?

РОКСАНА.

Расспрашивала я знакомых и подруг —
Ведь, знаете, болтлив достаточно наш круг.

Эдмон РОСТАН

СИРАНО.

Гвардеец он?

РОКСАНА.

Да, и гасконец тоже.

СИРАНО.

А как его зовут?

РОКСАНА.

Барон де Невилет.

СИРАНО.

У нас в полку такого нет...

РОКСАНА.

Да, правда, не было, но все же
Он есть — с сегодняшнего дня,
И к вашему вступил в отряд он капитану.

СИРАНО.

Итак, сей юный лев пленил мою Роксану?..
Но...

ДУЭНЬЯ *(показываясь в дверях)*.

Сударь! Пирожков нет больше у меня!
Я все доела их.

СИРАНО.

Возьмитесь за пакеты
И прочитайте все поэмы и сонеты.

Дуэнья исчезает.

Но, бедное дитя! Вы, вы, чей светлый ум
Служенью красоте речей, и чувств, и дум
Принадлежит всецело, —
Что, если отдали сердечко вы тому,
Чье, может быть, красиво тело,

Но кто не стоит вас по сердцу, по уму?
Что если вашего мизинца
Не стоит он?..

РОКСАНА.

Неправда! У него
Глаза и кудри сказочного принца.

СИРАНО.

Глаза и кудри... Только оттого
Он должен умным быть, Роксана?
А если он глупей барана?

РОКСАНА.

Не может быть! Я чувствую душой,
Что так же он умен, как и хорош собой.
Возможно ль глупым быть при красоте
подобной?

СИРАНО.

Но все-таки... что, если он глупец?

РОКСАНА (*топая ногой*).

О мой творец!
Тогда готовьте мне вы мавзолей надгробный!
Ну да, да, если бы он оказался глуп
И не было души в его прекрасном теле,
Я превратилась бы сама в бездушный труп.
Я б умерла.

СИРАНО.

Гм... Вот как? В самом деле?..

(*После паузы.*)

Простите мне, но я не вижу цели.
Зачем вы это все рассказывали мне?

РОКСАНА.

Я буду с вами искренна вполне.
Меня вчера ужасно напугали

Рассказами о том, как к новичкам жесток
Гасконский ваш отряд...

СИРАНО.

Вот что? Вам не солгали.
Да, мы готовы дать хорошенький урок
Всем щеголям пустым, гасконцам тем подложным,
Кто к нам втирается в гасконский наш отряд.
Да! Попадись-ка к нам! Не очень будешь рад!

РОКСАНА.

И вот я отдалась предчувствиям тревожным.

СИРАНО *(сквозь зубы)*.

Есть основание!

РОКСАНА.

Но, видя, как вчера
Для вас дуэль была одна игра,
Я вдруг подумала про вас: вот — оборона!
Вы храбры, вы сильны, они покорны вам,
Гасконцы ваши все...

СИРАНО.

Что ж, решено: не дам
Им обижать я вашего барона!

РОКСАНА.

Да? Да? Вы будете защитой для него?
Недаром я всегда к вам чувствовала дружбу.

СИРАНО.

Да, да!..

РОКСАНА.

Ему вы облегчите службу?

СИРАНО.

Да!

РОКСАНА.

Видеть будете в нем друга своего?

СИРАНО.

Да! Да! Все сделаю, что б вы ни захотели.

РОКСАНА.

И не допустите его вы до дуэли?
Клянись мне! Ну что ж? Я так велю.
Я вас прошу.

СИРАНО.

Клянусь.

РОКСАНА.

О! Как я вас люблю!

Но я должна идти...

*(Снова надевает маску и опускает на лоб мантилью;
рассеянно.)*

А подвиг ваш вчерашний?
Что делали вы там, у этой Нельской башни?
Вы мне расскажете когда-нибудь?

СИРАНО.

Да, да.

РОКСАНА.

О, вы герой, кузен! Я вами так горда!
Вот что... Увидите вы скоро Кристиана, —
Скажите же ему, что я... Я жду письма.
Вы это скажете ему?

СИРАНО.

Скажу, Роксана.

РОКСАНА.

Но вы герой! Когда б не знала я сама,
Я б не поверила: сто человек! Ужасно!
Вы все расскажете потом мне? Да? Прекрасно.

Теперь спешу. Но где вы взяли сил?
По правде, вас спасла рука господня!

СИРАНО.

О, это пустяки, Роксана! Я сегодня
Поступок более геройский совершил...
(Кланяется.)

РОКСАНА.

Вы все расскажете потом мне? До свиданья!
Дуэнья бедная умрет от ожидания!..
(Со смехом исчезает.)

Сирано остается неподвижным, устремив глаза в землю.
Пауза. Дверь открывается, Рагно просовывает в нее голову.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сирано, Рагно, поэты, Карбон де Кастель-Жалу,
гвардейцы, толпа, потом де Гиш.

РАГНО.

Могу войти я?

СИРАНО *(не двигаясь)*.

Да.

Рагно делает знак, поэты входят. В то же время в заднюю дверь входит Карбон де Кастель-Жалу; он в форме гвардейского капитана; увидев Сирано, устремляется к нему с распростертыми объятиями.

КАРБОН.

Вот он! Вот наш герой!

СИРАНО *(подымая голову)*.

Мой капитан!

КАРБОН *(восторженно)*.

Постой!

Дай мне обнять тебя! Теперь мы пир устроим.
Товарищи твои горды таким героем.

СИРАНО.

Но я...

КАРБОН *(пытаясь увлечь его)*.

Мы ждем тебя напротив в кабачке.

СИРАНО.

Я не могу сейчас.

КАРБОН *(открывая дверь, кричит наружу громовым голосом)*.

Живей сюда, ребята!

Герой наш не идет! Он в дьявольской тоске!

ГОЛОС *(с улицы)*.

Что? Он пятнает честь солдата!

Снаружи доносится приближающийся шум шагов, звон шпор,
бряцанье шпаг.

КАРБОН *(потирая руки)*.

Они идут сюда.

ГВАРДЕЙЦЫ-ГАСКОНЦЫ *(входя в кондитерскую)*.

А! Тысяча чертей!

Две тысячи чертей! Три тысячи чертей!

РАГНО *(отступая в ужасе)*.

О господи, вы все гасконцы, значит?

ГВАРДЕЙЦЫ.

Конечно, все, мильон чертей!

— Но что ж нас Сирано дурачит?

— Развеселись! Расшевелись! Живей!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*к Сирано*).

Виват!

СИРАНО.

Барон!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ (*к Сирано*).

Виват!

СИРАНО.

Барон, я тронут!

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Браво!

СИРАНО.

Барон!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Обнять его!

СИРАНО (*не зная, кому отвечать*).

Барон!.. Барон!.. Барон!..

РАГНО.

Бароны здесь со всех сторон!

Вы все бароны?

ГВАРДЕЙЦЫ.

Все!

РАГНО.

Нет, право?

ГВАРДЕЕЦ.

Он сомневается? Да из одних корон
Баронских наших сделать можно,
Дружище, башню до небес!

ЛЕ БРЕ *(войдя, подбегает к Сирано)*.

К тебе толпа идет! Желают неотложно
Поздравить все тебя, все, все! Какой-то бес
Вселился в них. Крик, шум рукоплесканья!
Ты стал героем дня!

СИРАНО *(в ужасе)*.

Ужели ты сказал, где им искать меня?

ЛЕ БРЕ *(потирая руки)*.

Конечно!

СИРАНО.

Ты не знаешь сострадания...

ГОРОЖАНИН *(входя в сопровождении других горожан)*.

К вам весь Париж спешит — взгляните-ка в окно.

Видно, что улица полна народу. Портшезы и коляски оста-
навливаются.

ЛЕ БРЕ *(тихо, к Сирано, улыбаясь)*.

Ну, а Роксана что?

СИРАНО *(живо)*.

Молчи!

ТОЛПА *(кричит за дверью)*.

Где Сирано?

В кондитерскую врывается множество людей. Толкотня,
приветствия.

РАГНО *(вскочив на стол)*.

Мой магазин весь наводнен! Отлично!
Они ломают все, разносят все вокруг!
Великолепие! Я счастлив безгранично!

ВОШЕДШИЕ (*толпясь вокруг Сирано*).

Вы истинный герой! — Мой друг! — Мой друг! —
Мой друг!

СИРАНО.

Вчера они еще мне не были друзьями!

ЛЕ БРЕ (*в восторге*).

Успех!

МАРКИЗ (*подбегая с протянутыми руками*).

Ты истинный герой!..
Позволь, мой друг!..

СИРАНО.

«Ты?..» «Ты?..» Но разве вместе с вами
Кого-нибудь пасли мы, сударь мой?..

ДРУГОЙ МАРКИЗ.

Позвольте, сударь, мне одной прелестной даме
Представить вас: в карете ждет она.

СИРАНО (*холодно*).

А разве мне представлены вы сами?..

ЛЕ БРЕ (*изумлен*).

Но что с тобой?

СИРАНО.

Молчи.

ЛЕ БРЕ.

Да в чем его вина?

ЛИТЕРАТОР (*с чернильницей*).

Нельзя ли, сударь мой, узнать от вас детали?

СИРАНО.

Нельзя ли, чтоб меня вы мучить перестали?..

ЛЕ БРЕ (*толкая Сирано локтем*).

Ведь это Ренодо, — ты знаешь, Теофраст, —
Который выдумал «газету»...
Один огромный лист — чего-чего там нету!
Я слышал, ждет большой успех новинку эту.
Твои деяния он гласности предаст...

СИРАНО.

Не надо гласности! Не надо Теофраста!..

Подходит поэт.

Еще?

ПОЭТ.

Я от избытка чувств моих,
Коллега, посвятить хочу вам акrostих...

ЕЩЕ КТО-ТО (*приближаясь*).

Позвольте, сударь, мне...

ЕЩЕ ОДИН ИЗ ТОЛПЫ.

Нельзя ли, сударь...

СИРАНО.

Баста!

В толпе движение, все выстраиваются. Появляется де Гиш в сопровождении свиты офицеров. Затем входят Кюижи, Брисайль и другие офицеры, которые в конце первого действия ушли вместе с Сирано. Кюижи быстро подходит к Сирано.

КЮИЖИ (*к Сирано*).

К вам — граф де Гиш...

Волнение; толпа расступается.

ЛЕ БРЕ *(тихо, к Сирано)*.

Опомнись! Что ж ты не глядишь!

ДЕ ГИШ *(приветствуя Сирано поклоном)*.

Я к вам от маршала Гасьона с порученьем.
Приветствуя ваш подвиг с восхищеньем,
Он шлет вам искренний поклон!

СИРАНО.

Приветом маршала я глубоко польщен:
Ведь в деле храбрости он знает толк отлично.

ДЕ ГИШ.

Сраженье было то настолько фантастично,
Что маршал не поверил бы, когда
Все эти господа
Не поклялися, что видали сами...

КЮИЖИ.

Да, собственными видели глазами!

ЛЕ БРЕ *(тихо, к Сирано, который как будто ничего не слышит)*.

Ты положительно страдаешь, Сирано!

СИРАНО *(вздрагивая и выпрямляясь)*.

При них!..

(К Ле Бре.)

Страдаю! Я? Вот было бы смешно!

(Выпрямляет грудь и закручивает усы.)

ДЕ ГИШ *(которому Кюижи что-то говорил на ухо)*.

Хоть ваша не долга военная карьера,
За вами храброго уж имя офицера;
Не ошибаюсь я. Ведь вы в полку сейчас
У этих бешеных...

СИРАНО.

Гасконцев, да.

ОДИН ИЗ ГАСКОНЦЕВ (*грозно*).

У нас!..

ДЕ ГИШ (*поглядывая на гасконцев, стоящих за Сирано*).

Ага! Так вот они! Вот эти «гвардионцы»
С надменной миною — они и есть гасконцы?

КАРБОН.

Однако, Сирано, граф с нами не знаком —
Скорее познакомь его с своим полком!..

СИРАНО (*делая два шага к де Гишу и указывая
на гасконцев*).

Дорогу — гвардейцам гасконским!
Мы дети одной стороны,
И нашим коронам баронским
И нашим мечам мы верны!..
Дорогу, дорогу гасконцам!
Мы юга родного сыны, —
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!

Война для нас — шутка, забава!
Мы все, как кипучая лава,
Как зной, как огонь, горячи,
Друзья наши — эти мечи,
А наша любовница — слава!..

Но часто нас муза с собой
К высотам влечет геликонским,
И песни слагает герой,
Готовясь в губительный бой...
Дорогу гвардейцам гасконским!..

Мы смелы как львы на войне,
Но с дамами нежны и кротки.
За то нас и любят красотки
И сердце нам дарят оне!..

Чуть с шумом и топотом конским
Появится пестрый отряд —
Их глазки восторгом горят.
Дорогу гвардейцам гасконским.
Советую искренно я:
Оэ! Берегитесь, мужья!
Дорогу гвардейцам гасконским!..

ДЕ ГИШ (*небрежно развалился в кресле, которое ему
в начале речи Сирано принес Рагно*).

Раз принято теперь, чтоб собственный поэт
При каждом состоял вельможе, —
Хотите вы ко мне на службу?

СИРАНО.

Нет.

Вы чересчур любезны.

ЛЕ БРЕ (*в отчаянии*).

Боже!

ДЕ ГИШ.

Вчера понравились вы дяде — Ришельё;
Он удовольствие мне высказал свое.
Его не так легко, однако, позабавить.
Я вас хочу ему представить.
Наверно, есть у вас пьеса? Актов пять?..

ЛЕ БРЕ (*на ухо Сирано*).

Ты «Агриппину» мог бы там поставить.

СИРАНО (*начиная поддаваться соблазну*).

Но, право...

ДЕ ГИШ.

Можете ее ему вы дать:

Он несколько стихов захочет вам поправить,
Но он так опытен, талантлив и умен...

СИРАНО (*сразу помрачнев*).

Нет, невозможно, граф. Увы! Я протестую
При мысли, что изменит он
Одну хотя бы запятую.

ДЕ ГИШ.

Но если нравится ему один хоть стих...
Он очень дорого привык платить за них...

СИРАНО.

Он мне не мог бы заплатить дороже,
Чем сам себе я за стихи плачу,
Когда пишу я их как знаю, как хочу,
И декламирую их сам себе.

ЛЕ БРЕ (*в отчаянии*).

О боже!

ДЕ ГИШ.

Однако вы горды...

СИРАНО.

Вот как? Не может быть.
Вы это только что изволили открыть?..

ГВАРДЕЕЦ (*входя со шпагой, на которой нанизаны шляпы, продранные и измятые*).

Смотри-ка, Сирано, поймал всю эту дичь я
У Нельской башни! Вот — все шляпы беглецов.
Ха-ха!

КАРБОН.

Остатки прежнего величья!

Все смеются.

КЮИЖИ.

Побиться об заклад готов:
Тот, кто задумал это нападение,
Порядком бесится!

Эдмон РОСТАН

БРИСАЙЛЬ *(с хохотом)*.

Ей-богу! Наслажденье!
А вы не знаете, кто это?

ДЕ ГИШ.

Это я.

Смех сразу замолкает.

А цель моя

Была из тех, что непривычно
Вельможам исполнять самим:
Расправиться с бродягою одним,
Меня задевшим в песне, неприлично.

Молчание. Все смущены.

ГВАРДЕЕЦ *(вполголоса, к Сирано, показывая ему шляпы)*.

А с этой гадостью, скажи, что сделать нам?

СИРАНО *(беря шагу, на которую нанизаны шляпы, и с поклоном опуская их все к ногам графа)*.

Не возвратите ли вы их своим друзьям?

ДЕ ГИШ *(вставая, резко)*.

Скорее мой портшез, носильщиков! Я еду!
(К Сирано, жестко.)
Вы, сударь, вы...

СИРАНО *(в сторону)*.

Ну, одержал победу!..

ЛЕ БРЕ *(к Сирано, тихо)*.

Опять в беду ты влез!

ГОЛОС *(с улицы)*.

Его сиятельства портшез!

ДЕ ГИШ *(овладев собою, с улыбкой)*.

Скажите... Вы читали «Дон Кихота»?

СИРАНО.

Читал.

ДЕ ГИШ.

И что ж вы скажете о нем?

СИРАНО.

Что шляпу снять меня берет охота
При имени его одном.

ДЕ ГИШ.

Послушайтесь вы моего совета
И поразмыслите-ка вы...

НОСИЛЬЩИК *(показываясь в дверях)*.

Портшез готов...

ДЕ ГИШ.

Насчет тринадцатой главы.

СИРАНО.

Глава о мельницах!

ДЕ ГИШ.

Глава полезна эта.

Да, в битве с мельницей случается легко,
Что крылья сильные забросят далеко:
Того, кто с ней осмелится сражаться,
Она отбросит в грязь!..

СИРАНО.

А вдруг — за облака?..

Де Гиш уходит. Видно, как он садится в портшез. Дворяне удаляются, перешептываясь; толпа расходится.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сирано, Ле Бре, гвардейцы уселись за столики.

СИРАНО *(насмешливо кланяясь тем, кто, уходя, не решился ему поклониться)*.

Прощайте, господа!

ЛЕ БРЕ *(проводив посетителей до дверей, возвращается, подняв руки к небу)*.

Не мог ты удержаться?

Не видел я такого чудака!

Что делать мне с тобой?

СИРАНО.

Опять ворчишь, дружище?

ЛЕ БРЕ.

Нет! Эта выходка уж всех других почище.

СИРАНО.

Вполне согласен я...

ЛЕ БРЕ.

Ага, вот видишь! Сам

Согласен ты со мной. Поверь моим словам:

Оставь ты это все. Подобная причуда

Тебя когда-нибудь уж доведет до худа.

СИРАНО.

Но что же делать мне, скажи, мой бедный друг?

Иль подражать тому, что вижу я вокруг,

Забуть об истине, звучащей благородно,

Не смелым быть орлом, но низким червяком,

И пробираться хитростью, ползком

Там, где хотел бы вверх лететь свободно?

О нет! Благодарю! — Дрожать и спину гнуть,

Избрав хоть низменный, зато удобный путь?

Забыв о гордости и об искусстве чистом,

С почтеньем посвящать поэмы финансистам?
 О нет! Благодарю! — От избранных особ
 Глотать с покорностью тьму самых глупых бредней,
 Простаивать часы в какой-нибудь передней
 И подставлять щелчкам безропотно свой лоб?
 О нет! Благодарю! — Зависеть от каприза
 Барона старого, от печени маркиза,
 От тех и от других? О нет! Благодарю!
 Ты слышишь? Ни за что! Тебе я говорю! —
 В салоне у вельмож, прикинувшись буффоном,
 Ловить усмешечки с восторженным поклоном
 И услаждать капризный слух
 Глухих, но чопорных старух
 И дам изломанных и чинных,
 Читая им стихи в раздушенных гостиных?
 О нет! Благодарю! — Дрожать и трепетать
 Перед нападками какой-нибудь газетки;
 Бледнея, по утрам читать
 В «Меркурии» заметки;
 Бояться пропустить какой-нибудь визит,
 Обдумывать слова, значенье позы, жеста,
 И наконец зажить, как пошлый паразит,
 Добившись тепленького места? —
 О нет, благодарю! О нет, благодарю!
 Пусть лучше беден я, пускай я буду нищим, —
 Довольствуюсь своим убогим я жилищем:
 Я в нем не уступлю, поверь, и королю, —
 В нем я дышу, живу, пишу, творю, люблю!
 Да! Я существовать хочу вполне свободно,
 Смеяться от души, смотреть как мне угодно,
 И громко говорить, и песнею своей
 Смущать врагов своих и радовать друзей!
 Не думать никогда о деньгах, о карьере,
 И, повинувшись дорогой химере,
 Лететь хоть на луну, все исполнять мечты,
 Дышать всем воздухом, гордиться всей свободой,
 Жить жизнью одной с волшебницей природой,
 Возделывать свой сад, любить свои цветы!
 А если, может быть, минует час суровый
 И муза с нежностью вручит венец лавровый, —
 Благодаря ль судьбе, благодаря ль уму
 Победу наконец одержит гений, —

Всей дивной радости и славы упоений,
Всего — ты слышишь ли? — добиться одному!

ЛЕ БРЕ.

Добиться одному? Да, это, друг, прекрасно,
Но только против всех бороться все ж напрасно.
Зачем себе врагов повсюду наживать?
Замашки странные какие!

СИРАНО.

А что же? Всех, как вы, друзьями называть
И, профанируя те чувства дорогие,
Считать десятками иль сотнями друзей?
Нет! Эти нежности не по душе моей!
Не выношу я лжи, и мне сказать приятно:
«Сегодня я нашел себе еще врага»!
И эта ненависть — одна мне дорога.

ЛЕ БРЕ.

Что за озлобленность! Мне это непонятно.

СИРАНО.

Я не хочу любви! Да, это мой порок.
Не надо нежности. Я буду одинок.
Пусть вокруг меня шипит и вьется злоба,
Пусть ненависть меня преследует до гроба, —
Я буду этим горд! Да, легче мне идти
Под градом выстрелов по моему пути!
Лишь взгляды злобные встречаю пусть всегда я, —
Сильнее закипит тогда в моей груди
Отвага пылкая и удаль молодая,
Когда опасность я увижу впереди!

ЛЕ БРЕ (*помолчав, берет его под руку*).

О, притворяйся ты озлобленным и гордым,
Разочарованным и мужественно-твердым,
Мой бедный, милый друг, но мне скажи одно:
Увы, тебя она не любит, Сирано?

СИРАНО *(живо)*.

Молчи!

За минуту до этого вошел Кристиан и смешался с толпой гвардейцев; однако те с ним упорно не разговаривают; наконец он садится один за маленький столик, и Лиза ему прислуживает.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сирано, Ле Бре, гвардейцы, Кристиан де Невилет.

ГВАРДЕЕЦ *(сидящий у стола в глубине, со стаканом в руке)*.

Эй, Сирано!

Сирано оборачивается.

Мы ждем нетерпеливо
Рассказа твоего!

СИРАНО.

Ах да... сейчас, сейчас.
(Отходит в глубину под руку с Ле Бре. Они тихо разговаривают.)

ГВАРДЕЕЦ *(вставая и проходя к столику Кристиана)*.

Урока лучшего не надобно для вас,
О робкий новичок, примолкнувший стыдливо.

КРИСТИАН *(подымая голову)*.

Что? Робкий новичок?

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Конечно, новичок!
О чахлый северянин!
Признайтесь, недалек
От вас передник нянин?

Эдмон РОСТАН

КРИСТИАН.

Позвольте, господа!..

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Ах, да, де Невилет,
Мы дать хотим вам дружеский совет.
Есть вещь одна — о ней упоминанье
Запрещено у нас в полку:
Иначе б шутнику
Пришлось раскаяться.

КРИСТИАН.

Но что ж это?

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ (*страшным голосом*).

Вниманье!

Смотрите на меня.
(*Три раза таинственно прикасается пальцем к
своему носу.*)

Вы поняли меня?

КРИСТИАН.

Да, вы взялись за...

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Тсс... Молчание храня,
Навек забудьте это вы названье.
(*Показывает на Сирано.*)
Иначе дать ответ придется вот кому!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*усевшись бесшумно за стол за
спиной Кристиана*).

Раз отрубил он нос нахалу одному
За то, что тот себе над ним позволил шутку.

ПЯТЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*вылезая из-под стола, куда он залез
на четвереньках, гробовым голосом*).

Увы! Не проживет на свете и минутку
Тот, кто заговорит про злополучный нос.

ШЕСТОЙ ГВАРДЕЕЦ (*кладя Кристиану руку на плечо*).

Да! Многим он уж смерть во цвете лет принес.
Довольно слова, жеста, взгляда —
И тотчас ваша тень сойдет в пределы ада!

Молчание. Все стоят вокруг Кристиана со скрещенными на груди руками. Он встает и подходит к Карбону де Капель-Жалу, который, разговаривая с одним из офицеров, делает вид, что ничего не замечает.

КРИСТИАН.

Не можете ли вы сказать мне, капитан...

КАРБОН (*обернувшись и смерив его с ног до головы взглядом*).

Что, сударь?

КРИСТИАН.

Что у вас здесь делают в Париже,
Увидев чересчур заносчивых южан?

КАРБОН.

Стараются им дать узнать себя поближе
И поведением им доказать своим,
Что и на севере возможно храбрость встретить.
(*Поворачивается к нему спиной.*)

КРИСТИАН.

Вы лучше не могли ответить.
Спасибо за совет, воспользуюсь я им.
(*В сторону.*)
Постойте же, я вам отвечу.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*к Сирано*).

Ну что же твой рассказ?

ВСЕ.

Рассказ! Рассказ! Рассказ!

СИРАНО (*снисходительным тоном*).

Извольте, я всегда готов потешить вас.

Все подсаживаются поближе к Сирано и приготавливаются слушать, вытянув шеи. Кристиан садится верхом на свой стул.

Итак, я шел один спокойно к ним навстречу.
На синих небесах, блестяща и полна,
Как круглые часы, сияла мне луна.
Как вдруг ее прикрыл заботливой рукою,
Как ватой — облаком, незримый часовщик,
И мрак таинственный на землю вдруг проник.
На набережной все покрылось темнотою;
Не освещал пути мне ни один фонарь.
Я ничего не видел дальше...

КРИСТИАН.

Носа.

Молчание. Все медленно поднимаются и смотрят с ужасом на Сирано. Пораженный, он прерывает свой рассказ. Все замерли в ожидании.

СИРАНО (*медленно*).

Что это за дикарь?
Сюда явился он без спроса...

ГВАРДЕЕЦ (*тихо, к Сирано*).

Сегодня утром он вступил в наш полк.

Сирано делает шаг к Невилету.

Барон де Невилет.

Сирано молча отходит.

(*Тихо, другому.*)

О боже! Он умолк!

СИРАНО.

Барон де Невилет... Отлично.

(*Бледнеет, краснеет, хочет броситься на Кристиана.*)
Я...

(Сдерживается и говорит глухим голосом.)

Прекрасно!

(Продолжает рассказ.)

Я говорил...

(С бешенством.)

О черт!

(Опять сдерживается и говорит совершенно спокойно.)

...что было все темно.

Общее изумление. Все снова садятся вокруг него.

Так шел и думал я, что, может быть, напрасно
Затеял это я, что глупо и смешно
Нажить себе врагов за этого пьянчугу,
Что, оказав ему подобную услугу,
Быть может, дорого за это заплачу
И от кого-нибудь я получу...

КРИСТИАН.

В нос...

Все встают. Кристиан раскачивается на своем стуле.

СИРАНО *(словно задыхаясь)*.

В шею.

Что жизнью рисковать своею?
Что даром не щадить мне сил?
Так мысленно спросил
Я самого себя невольню.
Но стал мне самому противен мой вопрос,
И с прежней храбростью схватился я...

КРИСТИАН.

За нос!

СИРАНО *(отирая пот со лба)*.

Схватился я за меч, сказав себе: довольно!
Гасконец, исполняй свой долг,
Хотя бы здесь был целый полк!
Вдруг — в темноте — удар мне прямо...

ЭДМОН РОСТАН

КРИСТИАН.

В нос!

СИРАНО.

Нет, в спину.
Я чувствую, что весь от злобы стыну,
И сталкиваюсь я...

КРИСТИАН.

Нос к носу...

СИРАНО (*вскакивая с места, вне себя*).

Черт возьми!

Все гасконцы бросаются вперед, чтобы лучше видеть. Но Сирано, дойдя до Кристиана, овладевает собой и продолжает снова.

...С вооруженными людьми.
Собрание дикарей! Один одет тюркосом,
Другой в лохмотьях весь; недолго с ними я
Сражался: раз, два, три — и кончилась возня:
Все разбежались прочь, а я остался...

КРИСТИАН.

С носом.

СИРАНО (*в бешенстве*).

О гром и молния! Вы все ступайте прочь!..

Гвардейцы бросаются к выходу.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Себя не мог он превозмочь.

СИРАНО.

Оставьте нас вдвоем. Я с ним здесь потолкую.

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Ага! Проснулся грозный лев!

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Его ужасен будет гнев!
Головойойку он задаст ему такую...

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Его изрубит он в куски!

РАГНО.

В куски?..

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

В куски.

И фарш останется у вас на пирожки.

РАГНО.

Мой бог, я весь дрожу! Он стал белей салфетки!

КАРБОН.

Оставим их одних; уйдем скорее, детки.

Все вышли, кто в заднюю дверь, кто в боковые, кто поднялся по лестнице. Сирано и Кристиан, оставшись вдвоем, некоторое время смотрят друг на друга.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сирано, Кристиан.

СИРАНО.

Ну, обними меня!

КРИСТИАН.

Но сударь...

СИРАНО.

Да. Ты смел.

Эдмон РОСТАН

КРИСТИАН.

Довольно же смеяться надо мною.

СИРАНО.

Таким тебя увидеть я хотел.

КРИСТИАН.

Что это значит все?

СИРАНО.

Я очень рад, не скрою.

КРИСТИАН.

Но эти шутки прекратить пора!

СИРАНО.

Ну, обними меня! Она — моя сестра.

КРИСТИАН.

Да кто — она?

СИРАНО.

Она.

КРИСТИАН.

О боже, но...

СИРАНО.

Роксана.

КРИСТИАН (*подбегая к нему*).

Мой бог! Вы — брат ее?

СИРАНО.

Двоюродный.

КРИСТИАН.

Мой бог!

Она сказала вам?..

СИРАНО.

Все, все — и без обмана.

КРИСТИАН.

Он брат ее... и я... я мог...
О боже! Любит ли она меня?

СИРАНО.

Быть может.

КРИСТИАН.

Теперь раскаянье меня жестоко гложет!..
(*Беря его за руку, восторженно.*)
О, как я счастлив вас узнать, как рад!

СИРАНО.

Вот что внезапною назвать любовью можно...

КРИСТИАН.

Простите мне! Мой бог! Роксаны брат!

СИРАНО (*смотря на него и кладя ему руку на плечо*).

А правда ведь, что плут красив безбожно!

КРИСТИАН.

Я предан вам теперь от всей души не ложно...

СИРАНО.

А эти все «носы»?

КРИСТИАН.

Я их беру назад!

Эдмон РОСТАН

СИРАНО.

Ну, слушайте теперь, что должен вам сказать я:
Сегодня вечером Роксана ждет письма.

КРИСТИАН.

Увы!

СИРАНО.

Ну, что еще?

КРИСТИАН.

Нет, я сойду с ума.
Я худшего не ждал проклятья.

СИРАНО.

В чем дело?

КРИСТИАН.

Никогда я ей не напишу.
Ах! Глуп я до того, что самому мне стыдно.

СИРАНО.

Тебя я успокоить поспешу:
Поверь, что глупости твоей совсем не видно.
Сейчас ты был не глуп и даже зол,
Когда атаку на меня повел.

КРИСТИАН.

Как не найти мне слов для этакой атаки!
Да, для военного довольно я умен,
Не побоюсь такой словесной драки.
Но с дамами мой ум — куда девался он?
При них теряюсь я, молчу и так робею...
Я знаю, нравлюсь им наружностью своею;
Когда я прохожу — мой бог, как нежно мне
Все улыбаются они! Я как во сне...

СИРАНО.

А остановишься — и их сердца черствеют?

КРИСТИАН.

О да, да! Я из тех, чьи речи не умеют
В них возбудить любовь, затронуть их мечты;
Слова мои для них уж чересчур просты:
Теперь им нужны всем такие выраженья, —
Сравненья тонкие, полет воображенья...

СИРАНО.

Когда б природою так щедро был мне дан
Париса юный лик и Аполлона стан,
О, как бы смело я тогда из каждой фразы
В брильянты редкие отделивал алмазы!

КРИСТИАН.

О, если бы я мог хоть на короткий срок
Подобным даром овладеть бесценным!

СИРАНО.

О, если бы я мог красавцем быть военным,
Который внешностью своей ее увлек!

КРИСТИАН.

Она — причудница! Наверное, Роксану
Разочарую я... Быть милым перестану...

СИРАНО (*глядя на него*).

О, если б все мои горячие мечты
В такую форму мог облечь я!

КРИСТИАН (*в отчаянии*).

О, если б я владел искусством красноречья!

СИРАНО (*внезапно*).

Я дам его тебе. Да! Будешь счастлив ты.
Я научу тебя, как быть красноречивым,
Какую форму дать желаньям и порывам.
Ты дашь всю прелесть мне твоих наружных чар,
Я дам тебе иной, глубокий, высший дар.
И вместе одного героя для романа

С тобой мы сочиним — о да, тогда Роксана
Тебе отдаст любовь, ручаюсь в этом я.

КРИСТИАН.

Что говорите вы?

СИРАНО.

Вот, слушай, мысль моя:
Душою буду я, а ты — ты будешь телом.
Ты должен повторять за мною, как урок,
Все то, чему тебя я научить бы мог.
Да, в предложенье этом смелом
Есть шанс на выигрыш.

КРИСТИАН.

Мне предлагаешь ты...

СИРАНО.

Да! Эту странную идею.
С тобою вместе я сумею
В ней пробудить любви мечты.
Да! Овладеем мы ее душой глубокой;
Ты — обаяньем красоты,
Я — чарами поэзии высокой,
Ее иллюзии спасем
И победим ее — вдвоем!

КРИСТИАН.

Но, Сирано...

СИРАНО.

Согласен ты?

КРИСТИАН.

Не знаю...
Чего-то я боюсь, не все я понимаю...

СИРАНО.

Боишься ты, чтобы она,
Узнав тебя, к тебе не стала холодна?
Давай сотрудничать. Ты этими устами
Мои слова ей говори
И красноречья моего цветами
Ее изящный ум дари.

КРИСТИАН.

Твои глаза горят...

СИРАНО.

Скажи мне, ты согласен?

КРИСТИАН.

Ты этого так жаждешь!

СИРАНО (*упоен своей мыслью*).

Боже мой!..

(*Приходя в себя, тоном артиста.*)

Да, это мне казалось бы одной
Из жизненных поэм иль басен.
Мне это было бы забавно. Как поэт
Я был бы рад такому испытанию:
Сумеешь ли, моей поэзией согрет,
Внушить любовь прелестному созданию?
В тени идти с тобой неслышно буду я:
Я буду разум твой, ты — красота моя.

КРИСТИАН.

Я был бы рад, но прежде
Письмо я должен сочинить, —
Иначе надо мне сказать прости надежде,
А где найду я нить?

СИРАНО (*вынимая из кармана письмо, которое он написал заранее*).

На, вот твое письмо. Бери его скорее!

Эдмон РОСТАН

КРИСТИАН.

Как!..

СИРАНО.

Адрес надпиши — и больше ничего!

КРИСТИАН.

Откуда ты достал его?

СИРАНО.

Письмо какой-нибудь Клоризе иль Лилее!..
Недаром мы поэты, видишь ты:
У нас всегда полны карманы
Стихами в честь небесной красоты.
Оно написано как будто для Роксаны!
Для нас любовь — ведь это мыльный шар,
Блестящий, радужный, но и неуловимый;
Несуществующей красавице любимой
Мы расточаем тщетно страсти жар!..
Ты оживишь любовью эти строки;
Благодаря тебе прекрасны и глубоки
Они покажутся возлюбленной твоей.
Бери ж его, бери — и кончим поскорей.

КРИСТИАН.

Но, может быть, не все здесь к ней подходит?
Иль описание не на нее походит?
Не надо ль изменить хотя немного слов?

СИРАНО.

Нет, нет, ни одного!.. Я клятву дать готов.
Оно немного пылко, без сомненья,
Но самолюбие у женщин велико:
Поверить будет ей легко,
Что к ней относятся все эти восхваленья.

КРИСТИАН.

О друг мой!

(Бросается в объятия Сирано. Пауза.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, гвардейцы, мушкетер, Лиза.

ГВАРДЕЕЦ *(притворяя дверь)*.

Тихо все... В молчанье гробовом
Все замерло. Я и взглянуть не смею.
Просуну голову... О боже! Я немею!

Входят гвардейцы и, пораженные, останавливаются.

Они целуются! Не колдовство ли в нем?

МУШКЕТЕР *(насмешливо)*.

Ага!

КАРБОН.

Наш демон стал смирней ягненка?
Насмешки сносит он покорнее ребенка!

МУШКЕТЕР.

Так можно говорить теперь про этот нос?
(Зовет Лизу).

Теперь увидишь ты: задам ему вопрос
И дать ответ его заставлю силой.

(Громко нюхая воздух).

Вот странный запах здесь: цветов или травы!
(К Сирано.)

Скажите, сударь мой, не знаете ли вы,
Чем пахнет здесь?

СИРАНО *(давая ему пощечину)*.

Пощечиной, мой милый!

Гвардейцы узнают своего Сирано. Общее ликование.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ ПОЦЕЛУЙ РОКСАНЫ

Маленькая площадь в старом Париже (в предместье Марэ). Старинные дома. Перспективы узких улиц. Направо дом Роксаны и стена ее сада, из-за которой видны большие купы деревьев. Над дверью окно и балкон. У порога скамья. По стене вьется плющ; балкон обвивает жасмин, свисающий вниз. Со скамьи по выступам в каменной стене можно легко влезть на балкон.

Налево, напротив, другой такой же старинный дом того же стиля, из кирпича и камня. Молоток у входной двери обмотан тряпочкой, как больной палец.

При поднятии занавеса на скамье сидит дуэнья. Окно на балкон Роксаны широко раскрыто. Перед дуэньей стоит Рагно, одетый во что-то похожее на ливрею; он кончает рассказ и утирает слезы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дуэнья, Рагно, потом Роксана, Сирано и два паж.

РАГНО.

...И наконец жена сбежала с мушкетером,
Забрав последнее; а я таким манером
Остался одинок и разорен дотла,
Ни дома, ни жены, ни денег, ни работы!
Тогда решил я покончить с жизнью счеты.
Но Провидения рука меня спасла!
Мосье де Бержерак меня в нужде не кинул;
Он выследил меня, меня из петли вынул
И управляющим определил сюда.

ДУЭНЬЯ.

Но где ж ваш капитал?..

РАГНО.

Исчезнул без следа.

ДУЭНЬЯ.

Но что ж вас довело до полного банкротства?

РАГНО.

Что? наших вкусов полное несходство.
Любила воинов жена,
А я любил поэтов;
Я жаждал од, элегий и сонетов,
В то время как она
Была поклонницей мундиров, сабель звона;
Марс подьедал остатки Аполлона,
Но долго это длиться не могло.
Так разорение пришло!

ДУЭНЬЯ (*встает со скамьи и кричит в раскрытое окно*).

Роксана, друг мой!

ГОЛОС РОКСАНЫ (*из окна*).

Что вы?

ДУЭНЬЯ.

Я думала, что вы уже готовы.
Спешите: нас, наверно, ждут.

ГОЛОС РОКСАНЫ.

Я одеваюсь. Через пять минут
Готова я.

ДУЭНЬЯ.

Смотрите, опоздаем.
(*К Рагно, указывая ему на дверь напротив*).
Нас заседание ждет вот тут.
Известной умницы, Кломиры, здесь приют.
Сегодня мы у ней о «нежном» рассуждаем.

РАГНО.

О «нежном»?

ДУЭНЬЯ (*жеманничая*).

Да. А разве вам
Не нравится такая тема?
О «нежном» ждет нас целая поэма.
Мы опоздаем, клятву дам!
(*Кричит.*)
Роксана! Вам поторопиться надо!

ГОЛОС РОКСАНЫ.

Иду!

Слышны звуки струнных инструментов; они приближаются.

ГОЛОС СИРАНО (*поет за кулисами.*)

Ла-ла-ла-ла!

ДУЭНЬЯ (*удивлена*).

Что это? Серенада?

СИРАНО (*входит в сопровождении двух пажей, несущих лютни, и тычет пальцем в ноты*).

Да здесь двойной дизез, о вы, двойной дурак!

ПЕРВЫЙ ПАЖ (*насмешливо*).

Вы ноты знаете, мосье де Бержерак?

СИРАНО.

Гассенди ученик быть должен музыкантом.
Не отличаюсь, может быть, талантом...

ПАЖ (*напевая и играя*).

Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

СИРАНО.

Но все же за тобой
Я продолжать бы мог мотив любой.
(*Вырывает у него лютню и продолжает музыкальную фразу.*)
Вот видишь, мой любезный, сразу

Я подхватчу какую хочешь фразу.
(Играет.)

РОКСАНА (*появилась на балконе*).

Кузен, вы здесь?

СИРАНО (*поет на мотив, который играет*).

Да, да, вы видите меня:
Пришел приветствовать, колени преклоня,
Лилей ваших щек и уст прелестных ро-о-зы!..

РОКСАНА.

Иду.
(Скрывается).

ДУЭНЬЯ (*показывая на пажей*).

А это что за виртуозы?

СИРАНО.

Они? Мой выигрыш. С приятелем одним
Мы бились об заклад насчет каких-то правил
Грамматики. Заспорили мы с ним.
«Пари!» И на пари тогда он их поставил.
Конечно, он свое мне проиграл пари —
И вот они играть должны мне до зари.
Сегодня целый день, условию покорны,
Два гармонических свидетеля упорно
За мною ходят по пятам.
Сначала, я сознаюсь вам,
Казалось это мне чудесно.
Теперь не так уж интересно.
(Пажам.)
Эй, вы! Мое пари!
Ступайте к Монфлери
И толстому болвану
Сыграйте от меня, пожалуйста, павану.

Пажи складывают инструменты, собираясь уходить.

(Дуэнье).

А кстати, я сюда явился для того,
Чтобы спросить прелестную Роксану,
Все так же ли она в восторге от него?
(Уходящим пажам.)

Играйте долго — и фальшиво.

(Дуэнье.)

Все так же ль кажется он ей красивым?..

РОКСАНА *(выходя из дома).*

О да! Как он умен и как прекрасен он,
Как я люблю его!

СИРАНО *(улыбаясь).*

Ужели так умен?

РОКСАНА.

Умнее вас.

СИРАНО.

Я с этим соглашусь охотно.

РОКСАНА.

Никто б не мог сказать изящней и умней
Всего, что мило так душе моей, —
Тех тонких пустячков, что нежно, мимолетно,
Как легкий поцелуй, так обжигают ум.
Порой смолкает он, как будто под наплывом
Каких-то непонятных дум,
Но миг — и станет он опять красноречивым.
А как он говорит!

СИРАНО *(недоверчиво).*

Поверить не могу.

РОКСАНА.

Так что ж? По-вашему, я лгу?
О, вы несправедливы как мужчина!

По-вашему, я знаю, красота
Есть неизбежно глупости причина.

СИРАНО.

Я думал, он открыть не в состояньи рта,
Чтоб не было все то, что скажет он, наивно.
Так с вами о любви он говорит?

РОКСАНА.

О да!

И говорит изящно, нежно, дивно.

СИРАНО.

Поверить трудно мне.

РОКСАНА.

Ну, слушайте тогда!

(Декламирует.)

«Чем больше ты любви безумной мне внушаешь,
Тем больше я тебе обратно отдаю.

Чем больше у меня любви ты отнимаешь,

Тем в сердце чувствую сильней любовь мою!»

(Торжествуя, к Сирано.)

Ну, что вы скажете? Ответьте откровенно!

СИРАНО.

По правде вам скажу, весьма обыкновенно.

РОКСАНА.

Иль вот: «Мне нужно сердце, чтоб страдать,

Но раз мое себе вы взяли,

Моя прелестная, нельзя ли

Взамен мне ваше сердце дать?»

СИРАНО.

То «в сердце чувствует любовь», то «сердца нету».

Коль сердце есть, то как его не стало вдруг?

Эдмон РОСТАН

РОКСАНА.

Вы раздражаете меня, мой друг.
В вас зависть говорит...

СИРАНО (*вздвигнув, в сторону*).

О боже мой!

РОКСАНА

...к поэту.

Я понимаю вас, бессовестный поэт:
Вас зависть авторская гложет.
А это? Нет,
Послушайте! Не хорошо, быть может?..
«О, если б мы могли пересылать письмом
Все ласки нежные, все страстные лобзанья,
Объятия и пылкие желанья,
Что душу мне томят и сердце жгут тайком,
Я вам послал бы их вот с этими строками,
И вы мое письмо читали бы устами».

СИРАНО (*невольно улыбаясь от удовольствия*).

Гм... кхм... Да, эти строчки недурны...
Кхм... гм... (*Опомнившись, с презрением.*)
Но слишком уж нежны
И даже прямо сладки.

РОКСАНА.

А! Вы везде найти хотите недостатки!
А это?

СИРАНО.

Вы их заучили наизусть?

РОКСАНА.

Все!

СИРАНО.

Это лестно, гм!..

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

РОКСАНА.

Да, он поэт! Он гений!

СИРАНО (*скромно*).

Ну, это слишком уж...

РОКСАНА (*пылко*).

Нет, нет, без возражений!

Он гений, говорю, он гений, да!

СИРАНО.

Ну, пусть.

ДУЭНЬЯ (*уходившая в глубину, возвращается; живо*).

К вам граф де Гиш!

(*К Сирано, отталкивая его в дом.*)

Пойдите-ка туда вы:

Здесь видеть вас ему не след

Чтоб не напал он вдруг на след...

РОКСАНА.

Секрета моего? Да, да, вы правы.

Ступайте, Сирано! Он знатен, он влюблен;

Принести моей любви несчастье может он.

СИРАНО (*входя в дом*).

Иду! Иду! Иду!

Появляется де Гиш.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Роксана, де Гиш, дуэнья — в стороне.

РОКСАНА (*де Гишу, с реверансом*).

Я выйти собиралась.

Эдмон РОСТАН

ДЕ ГИШ.

Пришел проститься я.

РОКСАНА.

Вы едете? Куда?

ДЕ ГИШ.

Я еду на войну... Сегодня ночью...

РОКСАНА.

Да?

ДЕ ГИШ.

Беда неожиданно к нам подкралась:
Приказ получен осадить Аррас.

РОКСАНА.

Аррас?

ДЕ ГИШ.

Но мой отъезд не огорчает вас?

РОКСАНА.

О!

ДЕ ГИШ.

Я в отчаянье. Вернусь ли к вам я снова?
О, как судьба ко мне сурова!
Я из-за вас ее клянусь,
Но, рассуждая здраво,
Я б должен встретить с радостью войну:
Меня назначили полковником...

РОКСАНА (*равнодушно*).

А! Bravo!

ДЕ ГИШ.

Гвардейского полка.

РОКСАНА (*испугана*).

Гвардейского полка?

ДЕ ГИШ.

Там служит ваш кузен надменный и задорный.
Но на войне мне будет месть легка;
Там обуздаю нрав его упорный.
Я этому, по правде, рад.

РОКСАНА (*в отчаянии*).

Как! Он пойдет туда?

ДЕ ГИШ (*смеясь*).

Ну да, весь мой отряд.
Гвардейцы все идут служить родному краю.

РОКСАНА (*бессильно опускаясь на скамью, в сторону*).

Мой Кристиан! О боже! Умираю!

ДЕ ГИШ.

Что с вами?

РОКСАНА (*крайне взволнована*).

Что со мной?.. Мне... эта весть... страшна.
Когда к кому-нибудь привяжешься так нежно,
Знать, что его зовет война
И что расстаться надо неизбежно...

ДЕ ГИШ (*удивлен и очарован*).

О, если мне слова подобные от вас
Услышать привелось благодаря разлуке,
То я благословить готов разлуки час
И назову блаженством эти муки!

РОКСАНА (*меняя тон и обмахиваясь веером*).

Так будете вы мстить кузену моему?

Эдмон РОСТАН

ДЕ ГИШ (*улыбаясь*).

Вы за него? Так я назад слова возьму.

РОКСАНА.

Нет, я не за него!

ДЕ ГИШ.

Он здесь бывает?

РОКСАНА.

Мало.

ДЕ ГИШ.

Теперь их дружба пылкая связала
С одним гвардейцем, — имя я забыл...
(*Припоминает имя.*)
Де Невилен... вилер... их различить нет сил.

РОКСАНА.

Я знаю, видела... Высокий...

ДЕ ГИШ.

Белокурый.

РОКСАНА.

Нет, рыжий...

ДЕ ГИШ.

С чудною фигурой...

РОКСАНА.

Немного долговяз...

ДЕ ГИШ.

Красавец...

РОКСАНА.

Вовсе нет!

ДЕ ГИШ.

Зато безбожно глуп.

РОКСАНА (*смеясь*).

Да, это сразу видно.

(*Меняя тон.*)

Послушайте, но мне за вас обидно!
Позвольте дать вам дружеский совет.
Иль думаете вы отмстить де Бержеру
Тем, что его возьмете вы с собой?
Он счастлив будет, да! Он обожает бой,
Опасность, выстрелы и драку.
Поверьте, милый граф: такого забияку
Иным вы можете ужасней наказать.

ДЕ ГИШ.

Но чем же?

РОКСАНА.

На войну с собой его не взять.
Что если б армия, отправившись в сражение,
Оставила отряд «великих храбрецов»
В бездействии! Вот было б поражение
Для этих наглецов!
Здесь просидеть войну, в Париже, так, без дела..
На это посмотреть я очень бы хотела!
Да, да, была бы истинная месть —
Лишить их всех опасности и славы.

ДЕ ГИШ.

Неподражаемо! Прелестная, вы правы!
О, только женщина могла бы изобрести
Такое мщение!

РОКСАНА.

Да! Это будет мщение!

ДЕ ГИШ (*приближаясь*).

Так неужель немножко я любим?
Со мною мщением вы дышите одним.
Что в этом видеть мне? Что?

РОКСАНА (*улыбаясь*).

Что? Не отвращенье.

ДЕ ГИШ (*показывая несколько запечатанных пакетов*).

Вот здесь приказы нескольким полкам
О выступлении; я их сейчас отдам —
Все, кроме этого!
(*Отделяет один пакет.*)

Его я оставляю.

(*Смеется.*)

Ха-ха-ха-ха! Так вот вам, Сирано!
Вы, воин пламенный! Себе я представляю,
Как будет он взбешен! Поистине смешно!
И вы умеете порою
Так зло с людьми шутить?

РОКСАНА (*смеясь*).

Не скрою.

ДЕ ГИШ (*подойдя к ней совсем близко*).

Вы сводите меня с ума!
Послушайте... Сегодня я не в силах
Уйти от вас, от ваших глаз, мне милых.
Едва сойдет на землю ночи тьма,
Я скроюсь здесь, в монастыре соседнем.
Туда мирян пускают лишь к обедням,
Но для меня открытым будет вход.
Отцы-монахи — опытный народ.
На службе все они у кардинала,
А потому боятся и меня.
О, если б ты меня не прогоняла!
Позволь остаться мне до завтрашнего дня.
К тебе приду тайком сюда, под маской...

РОКСАНА.

Безумие! А вдруг узнают вас?

ДЕ ГИШ.

Не все ль равно мне?

РОКСАНА.

Но война! Аррас!

Но слава!

ДЕ ГИШ.

За нее ты мне заплатишь лаской.
Позволь!..

РОКСАНА.

Нет, ни за что.

ДЕ ГИШ.

Позволь!..

РОКСАНА (*нежно*).

Нет! Долг велит ответить вам отказом!
(*В сторону.*)

О Кристиан! Сыграю эту роль.

ДЕ ГИШ.

Молю я!..

РОКСАНА.

«Да» сказать — мне запрещает разум.
Хотела бы того, кто мной любим,
Героем видеть я, Антонием вторым!

ДЕ ГИШ.

О слово дивное! Так любишь ты?

РОКСАНА.

Люблю я
Того, о ком сейчас страдала я, тоскую.

ДЕ ГИШ (*вне себя от радости*).

Я еду! Милая!

(*Целует ей руку.*)

Так вы довольны мной?

РОКСАНА.

Да, друг мой... дорогой!..

Де Гиш уходит.

ДУЭНЬЯ (*делая у него за спиной комический реверанс*).

Да, друг мой... дорогой!..

РОКСАНА.

О выдумке моей не говори кузену,

Не то устроит нам ужасную он сцену.

(*Зовет.*)

Кузен!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Роксана, дуэнья, Сирано.

РОКСАНА.

К Кломире мы идем,

Вот в этот дом.

(*Указывая на дом напротив.*)

Свои произведенья

Нам будут там читать Алькандр и Лизимон

На тему о любви.

СИРАНО.

Какого наслажденья

Я должен быть лишен! О, как я огорчен!

ДУЭНЬЯ (*прикладывая мизинец к уху*).

Но мне сказал тихонько мой мизинец,

Что опоздаем мы.

СИРАНО *(Роксане).*

Спешите же скорей.
А то не весь увидите зверинец.

Они подходят к двери дома Кломиры.

ДУЭНЬЯ *(с восторгом).*

Смотрите! Молоток закутан у дверей!
(Молотку.)
Запеленали вас, крикун вы беспокойный,
Чтоб ваш предательский металл
Внезапным стуком не мешал
Речей гармонии изысканной и стройной...
*(С необыкновенными предосторожностями
приподнимает молоток и тихонько ударяет им.)*

РОКСАНА *(видя, что отворяют дверь).*

Идем!
(С порога, к Сирано.)

Послушайте, как только он придет,
Скажите, чтоб меня он подождал.

СИРАНО *(когда она почти уже скрылась за дверью).*

Роксана!

Какой вопрос его сегодня ждет?
Страничка вашего романа
О чем сегодня будет говорить?
Вы спросите его о чем-нибудь, конечно?

РОКСАНА.

Не вздумайте ему открыть, —
Не то на вас сердита буду вечно.

СИРАНО.

Я буду нем!

РОКСАНА.

Сегодня ничего
Не буду спрашивать я больше у него.

Пускай меня влечет он за своей мечтою
И о любви своей мне говорит с мольбою!..

СИРАНО (*улыбаясь*).

Прекрасно!
(*В сторону.*)

Будем знать.

РОКСАНА.

Ни слова?

СИРАНО.

Ни за что!

РОКСАНА.

Тсс...

СИРАНО.

Тсс...

Роксана входит в дом и закрывает за собой дверь; когда
дверь затворяется, Сирано кланяется.

Благодарю за справку!

РОКСАНА (*снова выглядывая*).

А не то

Он приготовится.

СИРАНО.

Еще бы!

ОБА ВМЕСТЕ.

Тс...

Дверь затворяется.

Прекрасно!

СИРАНО (*зовет*).

Поди сюда скорее, Кристиан!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сирано, Кристиан.

СИРАНО.

Я знаю все. Идем готовить твой роман.
Не будем времени терять напрасно.
Что значит этот мрачный вид?
Сегодня можешь ты на славу отличиться.
Сейчас она придет. Пойдем скорей учиться!
Ты медлишь, время ж не стоит.

КРИСТИАН.

Нет, не пойду я!

СИРАНО.

Что?

КРИСТИАН.

Я буду ждать Роксану.
Я не пойду с тобой!

СИРАНО.

Мой друг, ты бредить стал.

КРИСТИАН.

Нет, говорю тебе! Довольно, я устал!
Довольно прибегать к постыдному обману,
Бояться и дрожать, по-твоему любя!
Твердить слова любви неловко под суфлера,
Довольно роль играть! Мне стыдно за себя!
Теперь из слов ее, из пламенного взора
Я понял наконец, что ею я любим.
И с ней заговорю по-своему и смело.

СИРАНО.

Ого!

КРИСТИАН.

Да, наконец мне это надоело!
Ужели так я глуп? Ну что же, поглядим!

Благодарю тебя за все твои уроки.
Я помню все твои рифмованные строки
И речи, полные и страсти и огня.
Но даже если все и не смогу сказать я,
Зато сумею сам схватить ее в объятия!
(Заметив Роксану, которая выходит от Кломиры.)
Она! Нет, Сирано, не покидай меня!

СИРАНО *(с поклоном)*.

Нет, сударь мой, теперь уж говорите сами.
(Скрывается за стеной сада.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кристиан, Роксана, на минуту несколько причуд-
ников, причудниц, дуэнья.

РОКСАНА *(выходит из дома Кломиры вместе с целым об-
ществом, с которым она прощается; поклоны и реверансы)*.

Надеюсь скоро увидаться с вами,
Бартеноида! Делия!

ДУЭНЬЯ *(в отчаянии)*.

Увы!

Мы пропустили речь о «нежном» Лизимона!
(Входит в дом Роксаны.)

РОКСАНА *(все еще раскланиваясь)*.

Алькандр! Эридедонта! Гремиона!
Прощайте!

Все раскланиваются с Роксаной и друг с другом и расходятся
по разным улицам. Роксана замечает Кристиана.

Друг мой, это вы!

(Подходит к нему.)

Вы понимаете всю прелесть этой встречи?
Темнеет. Мы одни. Лазурный вечер тих.
Я сяду вот сюда, а вы — у ног моих,
И буду с жадностью я слушать ваши речи.

О, говорите же скорей, я вас молю!
Я жду поэзии, мой друг!

КРИСТИАН (*сидя у ее ног, после паузы*).

Я вас люблю.

РОКСАНА (*закрывая глаза*).

Да! Говорите мне о вашей нежной страсти.
Я отдаюсь душой признаний пылких власти.

КРИСТИАН.

Я вас люблю, люблю!

РОКСАНА.

О дивные слова!

КРИСТИАН.

Люблю тебя, люблю!

РОКСАНА.

Да, друг мой, вот канва!
По ней набросьте вы узоры прихотливо.

КРИСТИАН.

Люблю!

РОКСАНА.

Ну, а потом? Я жду нетерпеливо.

КРИСТИАН.

Потом... потом... потом... Как был бы счастлив я,
Когда б у вас ответ нашла любовь моя!
Ты любишь ли меня?

РОКСАНА (*делая гримаску*).

Не выношу я прозы!
Даете вы бурьян взамен душистой розы.
Вы любите меня, но как?

Эдмон РОСТАН

КРИСТИАН.

Гм... Как? Ужасно!

РОКСАНА.

Развейте ж чувств своих таинственную нить.

КРИСТИАН.

Тебя поцеловать, обнять хочу я страстно!

РОКСАНА (*возмущена*).

Вы лучше ничего не в силах сочинить?

КРИСТИАН.

Люблю тебя!

РОКСАНА.

Опять? Ну, вас я покидаю.

(*Хочет встать.*)

КРИСТИАН (*живо, удерживая ее*).

Нет, я вас не люблю, Роксана!

РОКСАНА (*снова садясь*).

Наконец!

КРИСТИАН.

Да, я вас не люблю, я... я вас обожаю!

РОКСАНА (*встает, намереваясь уйти*).

О мой творец!

КРИСТИАН.

Простите... Боже мой! Невольно я глупею,
Теряю разум я...

РОКСАНА *(сухо)*.

Я это вижу, да.

Мне глупость не была по вкусу никогда,
И красотой одной своею
Вы не могли б меня пленить, сознаюсь в том,
Как и без красоты — одним своим умом.

КРИСТИАН.

Но... но...

РОКСАНА.

Где весь ваш ум? Где ваше все искусство?
Ступайте-ка собрать расстроенные чувства!
И красноречия ищите вновь!

КРИСТИАН.

Но... но...

РОКСАНА.

Меня вы любите, я знаю уж давно.
Прощайте.
(Идет к дому.)

КРИСТИАН.

Выслушать меня я заклинаю.

РОКСАНА *(отворяя свою дверь)*.

Вы обожаете меня, я это знаю.
Нет! нет! Ступайте прочь! Довольно! Стыд и смех!

КРИСТИАН.

Но умоляю вас!

Роксана захлопывает дверь у него под носом.

СИРАНО *(незадолго до этого незаметно появившийся на сцене)*.

Вот истинный успех!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кристиан, Сирано, потом на минуту пажи.

КРИСТИАН.

Спаси меня, спаси!

СИРАНО.

Взываете к защите?

Нет, сударь, у меня ее вы не ищите.

КРИСТИАН.

Послушай, я умру! Умру я, Сирано,
Когда она сейчас мне не простит!

СИРАНО.

Серьезно?

Ну что ж поделать тут? Теперь учить уж поздно.

КРИСТИАН (*хватая его за руку*).

О боже мой! Смотри, смотри!

Окно балкона освещается.

СИРАНО (*взволнован*).

Ее окно!

КРИСТИАН.

Нет, я умру, умру! О боже!

СИРАНО.

Тс... тише говори!

КРИСТИАН (*шепотом*).

Умру!

СИРАНО.

Темно здесь!

КРИСТИАН.

Что же?

СИРАНО.

Несчастный! Ты всего не погубил едва!
Хоть и не стоишь ты, но я поправлю дело.
Влезай же на балкон. Ступай, не бойся. Смело!
Я стану здесь подсказывать слова.

КРИСТИАН.

Но я...

СИРАНО.

Молчите уж!

ПАЖИ (*показываясь в глубине, к Сирано*).

Эй!

СИРАНО.

Тс...

(*Знаком приказывает им говорить тихо.*)

ПЕРВЫЙ ПАЖ (*вполголоса*).

Мы серенаду

Сыграли Монфлери.

СИРАНО (*тихо и быстро*).

Ступайте же в засаду,
Ты — вот на этот угол, ты — на тот!
Когда же кто-нибудь пройдет,
Предупреждайте нас каким-нибудь мотивом.

ВТОРОЙ ПАЖ.

Каким?

СИРАНО.

Коль женщина, то нежным и игривым,
А коль мужчина будет он —
Печален, словно сердца стон.

Па ж и расходятся в разные стороны.

(Кристиану.)

Теперь зови ее.

КРИСТИАН.

Роксана! Дорогая!

СИРАНО *(подбирая камешки и бросая их в окно).*

Постой, вот камешки!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Роксана, Кристиан, Сирано сначала прячется под балконом.

РОКСАНА *(открывая окно).*

Кто звал меня?

КРИСТИАН.

Я.

РОКСАНА.

Я?

Кто это — я?

КРИСТИАН.

Красавица моя!

Ваш верный Кристиан.

РОКСАНА *(с презрением).*

Ах вы? Вас не ждала я!

КРИСТИАН.

Я должен с вами говорить сейчас.

СИРАНО *(стоя под балконом, Кристиану).*

Еще потише.

РОКСАНА.

Нет, не буду слушать вас:
Вы говорите дурно.

КРИСТИАН.

Умоляю!

РОКСАНА.

Нет, нет! Довольно! Да! Теперь я знаю,
Что вы совсем не любите меня.

КРИСТИАН (*которому Сирано подсказывает слова*).

Я, я вас не люблю? Какое обвиненье!
И только потому, что страстное волненье
Меня лишило слов, и, голову склоня,
Я чувствовал, что я бледнею, гасну, вяну?..
Вы говорите мне — я не люблю Роксану?

РОКСАНА (*уже хотела закрыть окно, но тут
останавливается*).

Однако что это? Он лучше говорит.

КРИСТИАН.

Прелестный образ ваш в душе моей царит,
Любовь моя растет, растет в душе влюбленной;
Амур, ребенок злой, божок неугомонный,
Навеки колыбель свою устроил в ней.

РОКСАНА (*подходя к перилам балкона*).

Ах, это уж значительно умней! —
Но если он так зол, напрасно не успели
Вы, сударь, задушить ребенка в колыбели.

КРИСТИАН.

Пытался тщетно я, но изнемог в борьбе.
Новорожденный тот, представьте вы себе,
Был прямо Геркулес; своей недетской силой
Он победил меня!

ЭДМОН РОСТАН

РОКСАНА.

Но это очень мило!

КРИСТИАН.

И так, как Геркулес, ручонкою своей
Он задушить успел двух самых страшных змей,
Которым имя — Гордость и Сомненье.

РОКСАНА (*облокачиваясь на балкон*).

Я не могу в себя прийти от удивленья!..
Но что это — слова так затрудняют вас?
Скажите, отчего хромает ваш Пегас?

СИРАНО (*отодвигая Кристиана и становясь на его место*).

Я буду продолжать. Иначе невозможно!

РОКСАНА.

Слова как будто бы идут у вас с трудом?

СИРАНО.

До уха вашего добраться осторожно
Им трудно ощупью и в сумраке ночном.

РОКСАНА.

Однако к вам мои спускаются прекрасно.

СИРАНО.

И попадают в цель? Но это очень ясно:
Их сердцем я ловлю, — оно ж так велико,
А ваше так мало прелестное ушко!
Затем вы наверху стоите величаво,
И ваши с легкостью слетают вниз слова;
Мои ж слова должны подняться вверх сперва, —
На это времени им нужно больше, право!

РОКСАНА.

Но замечаю я, что несколько минут
Они гораздо уж свободнее идут.

СИРАНО.

Они к гимнастике привыкли.

РОКСАНА.

В самом деле?
Я с вами говорю с ужасной вышины?

СИРАНО.

Да, если бы меня убить вы захотели,
То тяжесть на сердце вы сбросить мне должны.

РОКСАНА (*порывисто*).

Так я спускаюсь к вам!

СИРАНО (*с живостью*).

Нет, нет! Молю!
(*В сторону.*)

О боже!

РОКСАНА (*показывая ему на скамью под балконом*).

Взбирайтесь же тогда скорее на скамью!

СИРАНО (*с ужасом, отступая в темноту*).

Нет, нет! Не надо!

РОКСАНА.

Отчего же?

СИРАНО (*волнуясь все сильнее и сильнее*).

Послушайте, от вас не утаю!
Я не хочу прогнать блаженное мгновенье,
В котором для меня такое упоенье;

Не видеть ничего, но здесь, наедине,
Друг с другом говорить так нежно в тишине!

РОКСАНА.

Не видеть? Почему?

СИРАНО.

Ужель вам непонятно,
Что говорит теперь у нас в сердцах так внятно?
Мы оба здесь стоим, от страсти трепеща.
Вы видите лишь тень от длинного плаща,
Я вижу белизну одежды вашей белой,
Я полон нежности неясной и несмелой,
Я — только тень для вас, вы для меня — лишь свет!
Не позабуду я мгновений этих! Нет!
Да, если раньше я бывал красноречивым,
То никогда еще от сердца моего
Я так не говорил.

РОКСАНА.

Скажите, отчего?

СИРАНО.

Боялся волю дать я всем своим порывам.
Но нынче вечером, не видя ваших глаз
И не боясь прочесть в них отвращенье,
Я больше не дрожу, не знаю я смущенья
И с вами говорю как будто в первый раз.

РОКСАНА.

Да, правда! голос ваш как будто изменился!

СИРАНО (*приближаясь, страстно*).

Я изменился сам, я быть другим решился!
Теперь меня от вас скрывает мрак ночной, —
Я буду хоть на миг теперь самим собой.
(*Останавливается в испуге.*)

Простите! Может быть, я говорю туманно?
Все это для меня так ново и так странно!

РОКСАНА.

Что говорите вы? Так ново?

СИРАНО (*потрясенный, чувствуя, что проговаривается, старается поправить*).

Ново! Да!

Я с вами искренним боялся быть всегда!

РОКСАНА.

Боялись? Но чего?

СИРАНО.

Подать вам повод к шуткам!

Да, сердце прикрывать старался я рассудком.
Не раз сорвать звезду хотят мои мечты,
А вместо этого цветочки я срываю!

РОКСАНА.

Но, право, иногда приятны и цветы.

СИРАНО.

Нет, нынче вечером я к звездам улетаю.

РОКСАНА.

Не говорили так вы никогда со мной.

СИРАНО.

Ах, бросим факелы, амуров, луки, стрелы.
Оставим пошлости и будем просты, смелы!
Оставимте духи! К чему они весной,
Когда нам ландыши шлют аромат лесной?
И жажду утолять не будем мы ликером,
Когда пред нами есть целебная река!
О, будемте дышать свободой и простором, —
Ведь жизнь так хороша, ведь жизнь так велика!

РОКСАНА.

Но ум, изящество...

СИРАНО.

Я шел на ухищренья,
Чтобы заставить вас остаться здесь со мной,
Но эти мелкие, пустые изощренья
Теперь звучали б пошлостью одной!
И говорить сейчас стихами Вуатюра
И вспоминать про нимф, и граций, и Амура —
То оскорблением казалось бы одним
Для этих ярких звезд, для этой дивной ночи!
Взгляните же с небес, задумчивые очи,
И унеситесь ввысь душою чистой к ним.
Ловите истину в величии природы!
Долой искусственность! Пусть, правдою дыша,
В вас с жаждой счастья и дорогой свободы
Проснется чистая и гордая душа!

РОКСАНА.

Но ум!

СИРАНО.

Что ум — любви? Они несовместимы!
Поверьте, продолжать бы долго не могли мы
Такой изысканной гимнастики ума.
Все эти выдумки — ничто! Любовь сама
Довольно велика, довольно благородна,
Чтоб подкрепления искать у громких фраз!
Поверьте, миг придет, когда сама свободно
Заговорит она и скажет все хоть раз!

РОКСАНА.

Но если этот миг настал для нас случайно, —
Что вы мне скажете? Иль это тайна?

СИРАНО.

Что я тебе скажу? Все то... все то... все то,
Чем озарен мой ум, чем сердце залито!
Слова любви моей тебе все сразу брошу!
Да, наконец тебе отдам я сердца ношу!
Я нес ее один, она мне тяжела:

Мне надо, чтоб и ты ее себе взяла!
 Я полон весь тобой, я трепещу, дрожу я;
 Твой взгляд, твои слова мне слаще поцелуя.
 О, смейся надо мной, безумцем назови,
 Но задыхаюсь я от страсти, от любви.
 Я все в тебе люблю! Я счастлив, вспоминая
 Твой каждый жест пустой и каждую из фраз!
 Я помню, год назад, двенадцатого мая
 Переменила ты прическу первый раз!
 Я волосы твои, с их золотистым цветом,
 Давно привык считать, мой ангел, солнца светом.
 Ты знаешь, если мы на солнце поглядим,
 То алые кружки нам кажутся повсюду;
 Так, с взором пламенным расставшись вдруг
 твоим,
 Всё пятна светлые я долго видеть буду.

РОКСАНА (*с волнением в голосе*).

Я верю, любишь ты...

СИРАНО.

Да, я люблю тебя!
 Да, вот она — любовь. И счастлив я, любя,
 И растворяюсь весь я в этом чувстве чистом,
 И я перестаю быть мелким эгоистом;
 Я отказался бы от всех заветных грез
 О счастье собственном, с безумным наслаждением
 Я в жертву б счастье свое тебе принес,
 Когда бы только знал, что мне вознаграждением
 Луч счастья твоего блеснет издалека!
 И эта жертва мне казалась бы легка.
 В тебе я черпаю восторг и вдохновенье,
 Я на тебя гляжу — летит все горе прочь!
 О, понимаешь ли, какое упоенье,
 Какое счастье дарит мне эта ночь?
 О, чувствуешь ли ты, — скажи мне, дорогая, —
 Как вся душа моя, томясь, изнемогая
 От силы чувств своих, летит к тебе в тени?
 Слова любви моей — сжигают вас они?
 Да, да, вы из-за них дрожите в лихорадке.

Минуты эти мне мучительны и сладки!
Теперь я умер бы!.. Да, ты меня зовешь;
Я чувствую, тебя охватывает дрожь,
И дрожь твоей руки цветам передается,
Жасмина нежного белеющим цветам,
А от цветов она идет к моим устам!..
*(Страстно целует свешивающуюся ветку
жасмина.)*

РОКСАНА.

Да, да, я вся дрожу, я плачу, сердце бьется.
Ты опьянил меня, и я твоя, твоя!..

СИРАНО.

Ты это говоришь? И это сделал я?
Пускай же смерть придет, пускай теперь умру я!
Теперь я одного лишь жажду...

КРИСТИАН *(под балконом).*

Поцелуй!..

РОКСАНА *(откидываясь назад).*

Мой бог!..

СИРАНО.

Но...

РОКСАНА.

Этого хотите вы?

СИРАНО.

Я?.. Да...

(Кристиану, тихо.)
Как ты торопишься!

КРИСТИАН.

Она в таком волнении,
В каком ее не видел никогда;
Нельзя же мне терять подобное мгновенье...

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

СИРАНО (*Роксане*).

Да... да... сознаюсь вам... я этого хотел.
Но вижу ясно я, что был уж слишком смел!

РОКСАНА (*несколько разочарована*).

И вы настаивать не будете?

СИРАНО.

Нет, буду!

Конечно, буду я настаивать на нем,
Но... откажите мне в желании моем!

КРИСТИАН (*дергая его за плащ, тихо*).

Как объяснишь ты мне подобную причуду?

СИРАНО (*тихо*).

Молчи же, Кристиан!

РОКСАНА (*нагибаясь*).

Что говорите вы?

СИРАНО.

Гм... я... боюсь совсем лишиться головы.
Я... самому себе... я произнес невольно:
«Молчи же, Кристиан! Безумствовать довольно!»

Звучат лютни.

Тс... Спрячьтесь вы на несколько минут.
Я слышу звуки лютни.
Сюда идут.

Роксана закрывает окно.

(*Прислушивается к лютням: одна играет веселый мотив, другая – печальный.*)

Что значат эти плутни?
Напев веселый заиграл один,
Другой же затянул мотив меланхоличный.

Кто ж это может быть? Вот случай необычный!
Мужчина? Женщина? А, это капуцин!

Входит капуцин; он подходит к дверям то одного, то другого дома, держа в руке фонарь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сирано, Кристиан, капуцин.

СИРАНО.

Зачем играете вы, брат мой, в Диогена?

КАПУЦИН.

Ищу тот дом я, где живет Мадлена
Робен.

КРИСТИАН.

Послушай, он мешает нам.

СИРАНО (*указывая на одну из боковых улиц*).

Робен? Мадлена? А! Да это там,
Вон там, все прямо!

КАПУЦИН.

Так! Благодарю сердечно!
Я помолюсь за вас.

СИРАНО (*раскланиваясь*).

Я буду помнить вечно.
(*Снова подходит к Кристиану*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сирано, Кристиан.

КРИСТИАН.

Добудь, добудь мне этот поцелуй!

СИРАНО.

Да что ты!

КРИСТИАН.

Сирано, не протестуй!
Ведь все равно, но поздно или рано...

СИРАНО.

Ты прав! Наступит миг, когда Роксана
С твоими в поцелуй сольет свои уста.
О да! Ты так хорош! И эта красота
Толкнет ее к тебе!
(*В сторону.*)

Пусть это лучше будет
Из-за меня! Да, да! А там нас бог рассудит.

Ставни открываются. Роксана снова показывается на балконе. Кристиан прячется.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Роксана, Сирано, Кристиан, затем капуцин.

РОКСАНА (*подходя к перилам балкона*).

Вы здесь, мой друг? Идите же сюда.
Вы говорили мне...

СИРАНО.

О поцелуе, да.
А вы произнести боитесь это слово?
Ужель для вас оно так странно и так ново?
Но если слово так уж обжигает вас,
То что же было бы тогда от поцелуя?
Не бойтесь же его, не бойтесь, вас молю я!
Как нечувствительно вы перешли сейчас
От легкой шутки шаловливой
Ко вздохам робости стыдливой,
От вздохов — к сладостным слезам!
Теперь нетрудно будет вам
От слез дойти до поцелуя!

РОКСАНА.

О, замолчите, иль уйду я!

СИРАНО.

И может испугать вас этакий пустяк?
Что значит поцелуй? Непрочный, легкий знак,
Что подкрепляет нам признанья, клятвы, слезы...
Соединенье душ, дыханье нежной розы,
От сердца к сердцу путь, таинственный цветок,
Что наполняет нам всю душу ароматом.
Что значит поцелуй? Один лишь лепесток
В живом венке любви, роскошном и богатом;
Воздушный мотылек, спустившийся легко
На розовый бутон, раскрывшийся с улыбкой;
Секрет, который принял за ушко
Твои уста прелестною ошибкой.
Что значит поцелуй? Ничто, одна мечта,
К нам залетевшая нечаянно из рая;
Миг бесконечности, который, замирая,
Подарят мне твои уста!

РОКСАНА.

Молчите! Я боюсь! Все это — бред опасный.

СИРАНО.

Да, поцелуй настолько чист и горд,
Что получил его один счастливый лорд
От королевы Франции прекрасной.

РОКСАНА.

Не королева я, а вы — не Букингам!

СИРАНО *(приходя в экстаз)*.

Нет, нет! И я, как он, скрывал свои страданья;
Как королеве, поклонялся вам,
Тая в своей груди немое обожанье;
Как он, печален я и верен...

РОКСАНА.

И красив!

СИРАНО (*опомнившись, в сторону*).

Да, правда! Я забыл, как жалок мой порыв!

РОКСАНА.

Твои слова звучат, мой бедный ум чаруя.
Ты победил меня! Я жажду поцелуя.
Иди ж, иди ко мне и с уст моих сорви
Пленительный цветок таинственной любви.

СИРАНО (*толкая Кристиана к балкону, тихо*).

Ступай!

РОКСАНА.

Цветок любви прекрасный горделивый
Тебе раскроется с улыбкою стыдливой!

СИРАНО (*Кристиану, тихо*).

Ступай!

РОКСАНА.

Нет больше сил, устала я в борьбе...
Миг бесконечности – возьми его себе!

КРИСТИАН (*не решаясь, тихо*).

Но я стыжусь теперь подобного обмана!
Неловко как-то мне.

СИРАНО (*толкая его, тихо*).

Ступай же!

Кристиан быстро влезает на скамью и по ветвям и столбам взбирается на балкон.

КРИСТИАН.

Ах, Роксана!

ЭДМОН РОСТАН

РОКСАНА.

О милый!

Их уста сливаются.

СИРАНО.

Боже мой!

(Хватается за сердце.)

О жизни дивный пир,

Ты, поцелуй любви, ты, упоенье рая!

Как нищий, голоден и сир,

Как Лазарь, крохи подбирая

От пира дивного... и этим счастлив я!

Да, да, здесь радость и моя:

Ведь на его устах она теперь целует

Все те слова, что я ей говорил!

(Стараясь быть веселее.)

Да, эта мысль и придает мне сил,

И больше сердце не тоскует!

Звуки лютни.

А! То же начали играть, —

Должно быть, капуцин опять.

(Притворяется, будто прибежал издалека, зовет.)

Ого!

РОКСАНА.

Кто там?

СИРАНО.

Не бойтесь, я, Роксана.

Скажите, нет еще здесь Кристиана?

КРИСТИАН *(очень удивлен).*

А, Сирано?

РОКСАНА.

Кузен?

СИРАНО.

Привет вам, господа!

РОКСАНА.

Сейчас я к вам сойду туда.

(Отходит от окна.)

В глубине сцены появляется капуцин.

КРИСТИАН *(увидев его)*.

Как? Снова он?

(Входит в дом Роксаны.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сирано, Кристиан, Роксана, капуцин, Рагно.

КАПУЦИН.

Опять я возвратился,
Я уверяю, здесь мадемуазель Робен.

СИРАНО.

Ролен — сказали вы.

КАПУЦИН.

Нет, бен.

РОКСАНА *(появляясь на пороге в сопровождении
Кристиана и Рагно с фонарем)*.

Кузен!

А это кто еще?

КАПУЦИН.

Я к вам с письмом явился.

КРИСТИАН.

С каким еще письмом?

КАПУЦИН (*Роксане*).

Не бойтесь ничего.
К вам от достойного вельможи одного
Здесь поручение...

РОКСАНА (*Кристиану*).

Наверно, от де Гиша.

КРИСТИАН.

Но как же смеет он...

РОКСАНА.

Тсс... Тише!

(*Распечатывает письмо.*)

Я хитрость в ход употреблю:

Поверь, устрою все. Ведь я тебя люблю!..

(*При свете фонаря читает про себя.*)

«Вот бьют тревогу барабаны,

Мой полк готовится в поход;

Все думают, что я поехал уж вперед,

Но остаюсь я для Роксаны.

Повиноваться вам, мой ангел, я не мог;

От страсти, от любви я прямо изнемог.

В стенах монастыря скрываюсь в ожиданье,

Когда наступит миг желанного свиданья.

Я скоро к вам явлюсь, — предупреждаю вас,

Послав к вам этого монаха;

Он ничего не знает. Так, сейчас, —

Пускай меня за это ждет хоть плаха, —

Я буду здесь, у ваших милых ног.

Руководитель мне — любви капризный бог!

Надеюсь, я прощен, не правда ли, заранее?» —

И подпись: «Преданный возлюбленной Роксане»

И прочее.

(*Громко.*)

Почтенный мой отец,
Вот что мне пишет граф в своем посланье:

Все приближаются.

(Читает вслух.)

«Сопrotивление отбросьте наконец!
И ясно кардинал мне высказал желанье,
Чтоб вы отправились немедля под венец.
Вот почему письмо вручает вам сегодня
Один святой, достойнейший монах.
Так не упорствуйте, оставьте детский страх;
Пусть совершится власть господня;
Пускай святой отец немедленно, сейчас
(переворачивает страницу)
У вас же в доме обвенчает вас
С бароном Кристианом Невилетом,
Который к вам был послан раньше мной.
Пусть он противен вам, найдете в браке этом
Вы позже счастье жизни всей земной.
Я повторяю вам: то воля кардинала,
Для нас она, вы знаете, закон!
Ваш...» и так далее...

КАПУЦИН *(елейно)*.

Достоин неба он!

РОКСАНА *(Кристиану, тихо)*.

Ну что же, хорошо письмо я прочитала?

КРИСТИАН.

Гм...

РОКСАНА *(громко)*.

Боже, боже мой! О, как несчастна я!..

Что делать мне теперь? На что мне жизнь моя?

КАПУЦИН *(направляя на Сирано свет своего фонаря)*.

А, это вы — барон?

КРИСТИАН.

Нет, я!

КАПУЦИН (*направляя на него свет фонаря*).

Вы! Быть не может!

(*В сторону.*)

Уж слишком он красив: вот что меня тревожит.

РОКСАНА (*живо*).

«Постскриптум: вас еще прошу

Вручить монастырю сто двадцать пять пистолей».

КАПУЦИН.

Достойный господин! Перед святою волей
Вы преклонитесь!

РОКСАНА.

Я едва дышу...

КАПУЦИН.

Решиться вы должны.

РОКСАНА (*с видом мученицы*).

Увы, я повинуюсь,

Все счастье свое навеки хороня!

Рагно отворяет дверь капуцину, которого Кристиан
приглашает войти.

(*Тихо, к Сирано.*)

Де Гиш придет сейчас, спасите же меня;

Пускай не входит он ко мне... Как я волнуюсь!

Пускай не входит он, пока...

СИРАНО.

Я все постиг.

(*Капуцину.*)

А сколько времени вам надо

Для совершения обряда?

КАПУЦИН.

О, несколько минут.

СИРАНО (*слегка подталкивая их к дому Роксаны*).

Тут дорог каждый миг.

Идите же скорей!

РОКСАНА (*Кристиану*).

Идем же, милый, милый!

Все уходят, кроме Сирано.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

СИРАНО (*один*).

Как удержать мне здесь де Гиша? Разве силой?

Ах, вот отличный план!

(*Вскакивает на скамью и, карабкаясь по стене, добирается до балкона.*)

Сюда... теперь вот так...

Мысль превосходная... Неплохо, Бержерак!

Слышна грустная мелодия, исполняемая на лютне.

Мужчина!

Тремоло становится еще более унылым.

О, теперь наверное мужчина!

(*Оказавшись на балконе, надвигает шляпу на глаза, отцепляет от пояса шпагу, плотнее заворачивается в плащ, затем нагибается и смотрит вниз.*)

Совсем не высоко!..

(*Перекинув одну ногу через балюстраду, притягивает к себе длинную ветку одного из деревьев сада, перевешивающуюся через стенку, и крепко ухватывается за эту ветку обеими руками, чтобы иметь возможность совершить на ней полет вниз.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Сирано, де Гиш.

ДЕ ГИШ (*входит замаскированный и осторожно продвигается в темноте*).

Однако, что же я не вижу капуцина?

СИРАНО (*в сторону*).

А голос мой?.. Его мне изменить легко.

ДЕ ГИШ (*стараясь рассмотреть дом*).

Проклятье! Ничего не вижу из-под маски!

Де Гиш хочет войти в дом, но в это мгновение Сирано прыгает с балкона, держась за ветку, и опускается как раз между входной дверью и де Гишем. Делая вид, что он грохнулся вниз с огромной высоты, растягивается на земле, как будто оглушенный.

ДЕ ГИШ.

А? Что?

(*Когда он поднимает глаза, ветка уже распрямилась, и он видит сверху только небо; ничего не понимая, он нагибается к Сирано.*)

Откуда же упали вы?

СИРАНО (*присев на земле, изменив голос*).

С луны.

ДЕ ГИШ.

С луны?

СИРАНО (*словно во сне*).

Который час? Вы мне сказать должны:
Который час теперь?

ДЕ ГИШ.

Что там еще за сказки?
Не сумасшедший ли?..

СИРАНО.

Прошу, скажите мне,
В какой я нахожусь стране?
Который час теперь? Какое время года?
И день какой?

ДЕ ГИШ.

Но вы...

СИРАНО.

Дела такого рода,
Что... Пусть вопросы вам не кажутся странны:
Как бомба, только что свалился я с луны.

ДЕ ГИШ (*отступая*).

Но, сударь!..

СИРАНО (*вставая, громовым голосом*).

Да! С луны!..

ДЕ ГИШ (*отступая*).

Я верю, верю, верю!..

(*В сторону.*)

Вот попадись такому зверю:
Безумный, верно, он.

СИРАНО.

Сто лет тому назад, —
А может быть, одно мгновенье, —
Я на луну попал.

ДЕ ГИШ.

Вот как? Я очень рад.

СИРАНО.

Но сколько времени взяло мое паденье?
Скажите мне, который год и час?
Недавно мне служил, я уверяю вас,
Приютом этот шар шафранового цвета.

ДЕ ГИШ *(пожимая плечами)*.

Позвольте мне пройти.

СИРАНО *(загораживая ему дорогу)*.

В какой я части света?

Скажите откровенно мне,
Где я?

ДЕ ГИШ.

Но, черт возьми...

СИРАНО.

Опять ли на луне
Иль на другой какой-нибудь планете?

ДЕ ГИШ.

Позвольте мне пройти.

СИРАНО.

Да ни за что на свете,
Пока секрет не будет мне открыт:
Куда упал я, как аэролит?

ДЕ ГИШ.

Но, сударь, наконец...

СИРАНО *(с криком ужаса, заставляющим отступить де Гиша)*.

Ах! Ах! Великий боже!
Я вижу с ужасом по вашей черной коже,
Что в дикую страну, должно быть, я попал!..

ДЕ ГИШ *(поднося руку к лицу)*.

Как — черной?

СИРАНО *(с неописуемым страхом)*.

Боже мой! Но вы не каннибал?

ДЕ ГИШ (*почувствовав под рукой маску*).

Да это маска!

СИРАНО (*успокаиваясь*).

Маска! Вот поди же!
Так я в Венеции иль в Генуе?

ДЕ ГИШ.

Нет, ближе;
Но все-таки пройти позвольте мне скорей.
Меня ждет дама, и спешу я к ней.

СИРАНО (*совсем успокоившись*).

Вас дама ждет? О, значит, я в Париже!

ДЕ ГИШ (*смеясь невольно*).

Какой чудак!

СИРАНО.

Как? Вы смеетесь?

ДЕ ГИШ.

Да.

Но дайте мне пройти.

СИРАНО (*радостно*).

Так я попал сюда!
(*Весело смеясь, отряхиваясь, раскланиваясь.*)
Париж! Мой край родной! Я счастлив
несказанно.

Простите мне мой вид: совсем неважен он,
Но путешествовать пришлось мне очень странно;
Я весь еще эфиром запылен,
Глаза засыпаны ужасно пылью звездной!
Вот, на моем плаще — кометы волосок!..
(*Сдувает что-то с плаща.*)

ДЕ ГИШ (*вне себя*).

Но, сударь!..

СИРАНО *(смотря на небо)*.

Я летел вот этой синей бездной.
Ах, как теперь я от нее далек!
(В ту минуту, когда де Гиш хочет пройти в дом, он протягивает между ним и дверью ногу, как бы для того, чтобы что-то показать.)
Со мною было там немало приключений:
Смотрите, вот Большой Медведицы укус.
А вот разорвано! Ну да, хоть я не трус,
Скорей любитель сильных ощущений, —
Но это я от Льва спасался, признаюсь,
Да на Весы нечаянно наткнулся.
Их пьедестал немного пошатнулся,
И вот — игла их посреди небес
Показывает мой, по счастью, легкий вес.

ДЕ ГИШ.

Я вас прошу меня оставить!

СИРАНО *(не давая ему пройти, берет его за пуговицу)*.

Вы можете себе представить,
Пил молоко я с Млечного Пути!

ДЕ ГИШ.

Но, черт возьми, позвольте мне пройти!

СИРАНО *(скрестив руки на груди)*.

Чего не видел я там, в этом дивном мире!
Успел павану я сыграть вон там на Лире,
Поллюбоваться сытеньким Тельцом
(конфиденциально),
Дуэль затеял со Стрельцом...
(Смеется.)
И знаете, что я увидел по дороге?
Как на ночь Сириус напяливал колпак!

ДЕ ГИШ *(в сторону)*.

Он сумасшедший! Он маньяк!
Невольно я в тревоге...

СИРАНО (*гордо*).

А впрочем, обо всем, что видел я, потом
Хочу я написать огромный том;
И вместо звездочек над каждою главою
Поставлю звезды те, что захватил с собою.

ДЕ ГИШ.

В конце концов...

СИРАНО.

Да, да, я вижу вас насквозь.
Хотели б вы, чтоб мне пришлось
Вам рассказать подробно по порядку,
Как сделана луна, кто обитает там,
В ее округлости... Что ж, выну я тетрадку
И все, что записал, я прочитаю вам.

ДЕ ГИШ (*кричит*).

Да нет! Желаю я...

СИРАНО.

Ах, понял! Вам угодно
Знать, как попал я на луну?
О сударь мой, вполне свободно.
Я по порядку вам рассказывать начну.
Итак, послушайте: сам изобрел я средство.

ДЕ ГИШ (*в отчаянии*).

Да, сумасшедший он!

СИРАНО.

Не думайте, что я впадаю в детство.
О нет, я рассмотрел вопрос со всех сторон.
(*Презрительно.*)
Не думал подражать орлу Регьомонтана,
Ни голубю Архита, вовсе нет...

ДЕ ГИШ.

Он образован!..

СИРАНО.

Целых десять лет
Искал я средство без изъяна —
И наконец нашел!

Де Гишу удалось наконец проскользнуть мимо него, и он направляется к двери. Сирано следует за ним по пятам, готовый силой удержать его.

(В сторону.)

Пройти хотел? Ну нет!

(Де Гишу.)

Я изобрел шесть средств подняться в мир планет!

ДЕ ГИШ *(оборачиваясь)*.

Шесть средств?

СИРАНО *(быстро)*.

Да, шесть. Я их сейчас пересчитаю.
Когда-нибудь их все я испытаю.
Вот средство первое: поутру, нагишом,
Все тело натереть росой, —
И вместе с влагой солнечным лучом
Я буду поглощен.

ДЕ ГИШ *(удивленный, делает шаг к Сирано)*.

Мысль недурна, не скрою!

СИРАНО *(отступая, чтоб увлечь его за собой)*.

А вот еще одно — устроить так полет:
Наполнить воздухом большой сундук из кедра,
А чтобы разрядить порядком воздух тот,
Устроена должна там быть икосаэдра
Из стекол зажигательных.

ДЕ ГИШ *(делая еще шаг к нему)*.

Вот два!

СИРАНО *(снова отступая)*.

А то, устроивши сперва
Кобылку на стальных пружинах,
Усесться на нее и, порохом взорвав,
Вмиг очутиться в голубых равнинах!

ДЕ ГИШ *(машинально идет за ним и считает по пальцам)*.

Однако — это три! Он прав!

СИРАНО.

Затем, признав, что дым имеет свойство
Вздвигаться к небесам, — наполнить им
Огромный шар и улететь, как дым!

ДЕ ГИШ *(в полном изумлении)*.

Четыре?

СИРАНО.

Есть еще одно устройство:
Сесть на железный круг и, взяв большой магнит,
Его забросить вверх высоко,
Докуда будет видеть око:
Он за собой железо приманит, —
Вот средство верное! А лишь он вас притянет,
Схватить его и кинуть вверх опять, —
Так поднимать он бесконечно станет!

ДЕ ГИШ.

Однако — это пять!

СИРАНО *(довел его почти до самой скамьи)*.

Затем, еще известно, что впивает
Луна, когда идти на убыль начинает,
Бычачий мозг в себя охотно; потому
Взять натереть себя бычачьими мозгами.

Эдмон РОСТАН

ДЕ ГИШ.

Да, это шесть! Клянусь богами,
Я позавидовать готов его уму.
Шесть чудных средств! Скажите же, какое
Вы выбрали из них?

СИРАНО.

Седьмое!

ДЕ ГИШ.

Как?

СИРАНО.

Седьмое.

ДЕ ГИШ.

Какое же?

СИРАНО.

Ага! Извольте отгадать!
Не угадаете, готов я клятву дать.

ДЕ ГИШ.

Нет, этот негодяй чертовски интересен!

СИРАНО.

О, способ мой поистине чудесен!

ДЕ ГИШ.

Какой же способ?

СИРАНО.

Вот вам мой ответ.

*(Подражая шуму моря, широко при этом
разводя руками.)*

Гу-у! Гу-у! Гу-у! Вы отгадали?

ДЕ ГИШ.

Нет!

СИРАНО.

Прилив!

ДЕ ГИШ.

Прилив?..

СИРАНО.

Прилив! Придумать не могли вы!
Зависят от луны приливы и отливы.
Владеет морем ведь луна,
И к ней стремится с нежностью волна.
И вот, в тот час, когда волна морская
Всей силой тянется к луне,
Я, выкупавшись, лег там, ожидая,
Пока придется к ней подняться мне.
И что же? Не был я обманут.
Лежал я на песке... Пожалуй, волоса
У вас от страха дыбом встанут...
И вдруг на воздух тихо поднялся.

ДЕ ГИШ (*крайне заинтересованный, садится на скамью.*)

На воздух?

СИРАНО.

Да, да, да! Я поднимался плавно.
Как вдруг — толчок...

ДЕ ГИШ.

Толчок? И что же?..

СИРАНО (*своим обычным голосом.*)

Ах, как славно
Мы проболтали полчаса!
Теперь свободны вы. Их брак уже свершился.

ДЕ ГИШ (*вскакивая.*)

Я брежу! Или пьян? Рассудка я лишился?
Но этот голос...

Двери дома отворяются, и показываются лакеи с зажженными канделябрами. Свет. Сирано снимает шляпу, края которой были опущены.

Этот нос!..

Да это вы?

СИРАНО *(с поклоном)*.

Что за вопрос?

Конечно, я.

ДЕ ГИШ *(лакею)*.

Давайте канделябры!

(Осматривает Сирано при свете.)

Сомнения нет... Конечно, Сирано!

Однако, сударь, вы уж слишком храбры.

Вы попадетесь мне...

СИРАНО.

Теперь мне все равно:

Венчанье их совершено!

ДЕ ГИШ.

Венчанье? Чье?

(Оборачивается.)

За лакеями идут Роксана и Кристиан, держась за руки; за ними следует, улыбаясь, капуцин, дальше Рагно с факелом; шествие замыкает дуэнья, растерянная, в ночном халате.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Сирано, де Гиш, Роксана, Кристиан, капуцин, Рагно, лакей, дуэнья.

ДЕ ГИШ.

Как! Это вы, Роксана?..

(Увидев Кристиана.)

И он!

(Кланяясь Роксане с восхищением.)

Как вы умны!

(К Сирано.)

Ну, путешественник с луны,
Такого в первый раз я встретил шарлатана.
Остановил бы ваш рассказ
У райских врат святого.
Советую его от слова и до слова
Запомнить: он как раз
Для вашей книги может пригодиться.

СИРАНО *(кланяясь)*.

Советом вашим я могу гордиться.
Его за приказанье я сочту.

КАПУЦИН *(указывая де Гишу на новобрачных и удовлетворенно тряся своей длинной седой бородой)*.

Соединили вы прекрасную чету,
Любезный сын! Они друг с другом
Узнают счастье.

ДЕ ГИШ *(окинув его ледяным взглядом)*.

Не сомневаюсь в том.

(Роксана.)

Сударыня, прощайтесь же с супругом.

РОКСАНА.

Как!

ДЕ ГИШ *(Кристиану)*.

Вы отправитесь немедля за полком.

РОКСАНА.

Но полк остался здесь?

ДЕ ГИШ.

По моему приказу.
Теперь я изменить его решаю сразу.

(Показывает приказ.)

Вот и приказ. Ступайте же, барон,
И вами пусть полку доставлен будет он.

РОКСАНА *(бросаясь в объятия мужа).*

Мой Кристиан! Нет сил! Какая мука!
О, эта страшная, неожиданная разлука!

ДЕ ГИШ *(насмешливо, к Сирано).*

До брачной ночи им довольно далеко!

СИРАНО *(в сторону).*

Иль этим думает он сделать мне больней?
(Кристиану.)
Идем!

КРИСТИАН.

Но разве мне расстаться с ней легко?
(Роксане.)
Прости, любовь моя!..

ДЕ ГИШ.

Ступайте же скорей!

РОКСАНА.

Безжалостный злодей!..
Мой милый, милый мой!

КРИСТИАН.

Прости!

РОКСАНА.

Нет, до свиданья,
Мой милый!..

Де Гиш уходит.

Он не знает сострадания.

Сирано пробует увлечь Кристиана. Роксана его удерживает.

Постойте, Сирано! Вам поручаю я
Беречь любимого. Ведь в нем вся жизнь моя.
О, дайте слово мне, что он ко мне вернется...

СИРАНО.

Но как же я могу...

РОКСАНА.

Иль сердце разорвется!..
Что будет он здоров.

СИРАНО.

Я постараюсь, но...

РОКСАНА.

Что простужаться он не будет, Сирано!

СИРАНО.

Что только в силах я...

РОКСАНА.

Что будет он мне верен!

СИРАНО.

Но я...

РОКСАНА.

Что для меня не будет он потерян!..

СИРАНО.

Надеюсь я...

РОКСАНА.

А главное, старайтесь,
Чтоб чаще мне писал!

СИРАНО *(после короткой паузы)*.

Уж в том не сомневайтесь!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГАСКОНСКИЕ ГВАРДЕЙЦЫ

Пост, который занимает отряд Карбона де Капель-Жалу при осаде Арраса. В глубине — откос, тянущийся через всю сцену. Еще дальше — широкая долина; видны всякого рода осадные сооружения. Совсем вдали — стены Арраса и силуэты его крыш, вырисовывающиеся на небе. Палатки, разбросанное оружие, барабаны. Первые лучи рассвета. Восток желтеет. Часовые. Костры. Завернувшись в свои плащи, гасконцы спят. Карбон де Капель-Жалу и Ле Бре бодрствуют. Они очень бледны и очень худы. Кристиан спит, тоже завернувшись в плащ, на первом плане; лицо его освещено костром. Молчание.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кристиан, Карбон де Капель-Жалу, Ле Бре, гвардейцы, потом Сирано.

ЛЕ БРЕ.

Так больше — ничего?

КАРБОН.

И не ищи напрасно.
Ни крошки. Положение ужасно.

ЛЕ БРЕ.

О! Черт их поberi!..

КАРБОН *(знаком приказывая ему говорить тише)*.

Тс... Тише говори:
Не разбуди мне их.

(Гвардейцам.)

Спать! Спать без рассуждения!

(К Ле Бре.)

Недаром поговорка есть:

«Спать — это все равно что есть...»

ЛЕ БРЕ.

Ну, при бессоннице здесь мало утешенья.

О, как я голоден!

Вдали слышны выстрелы.

КАРБОН.

Проклятие! Опять

Их выстрелы мешают детям спать!

Некоторые гвардейцы поднимают головы.

Тсс! Спать! Не рассуждать!..

Гвардейцы снова ложатся. Новые выстрелы ближе.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(волнуясь)*.

Что там еще такое?

КАРБОН.

Да ничего. Пустое!

Должно быть, возвратился Бержерак.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

А, если так...

(Снова ложится.)

ГОЛОС ЧАСОВОГО *(за сценой)*.

Стой! Кто идет?

ГОЛОС СИРАНО.

Я, Бержерак!

ЭДМОН РОСТАН

ЛЕ БРЕ (*Карбону*).

Вы правы.

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ.

Стой! Кто идет?

СИРАНО (*появляясь на гребне откоса*).

Не видишь, ты, дурак?

(*Спускается.*)

Ле Бре, взволнованный, идет ему навстречу.

ЛЕ БРЕ.

Мой бог!..

СИРАНО (*делая ему знак никого не будить*).

Тсс...

ЛЕ БРЕ.

Вижу я, ты ранен?

СИРАНО.

О, пустяк!

Ты знаешь, нет теперь для них иной забавы,
Как целиться в меня и промахи давать.

ЛЕ БРЕ.

Послушай, можно ли так жизнью рисковать?

СИРАНО.

Мне поступать иначе невозможно.

ЛЕ БРЕ.

Лишился ты последнего ума.
Из-за какого-то нелепого письма...

СИРАНО.

Ну, не ворчи, Ле Бре! Иду я осторожно,
Чтобы надуть испанские войска.
Я знаю пункт, где каждой ночью пьяны
Бывают все: солдаты, капитаны;
Опасность там совсем не велика.

ЛЕ БРЕ.

Но если так, то отчего с собою
Ты не захватишь провианта нам?

СИРАНО.

Нет! Легким надо быть, чтобы пробраться там.

ЛЕ БРЕ.

Безумие!

СИРАНО (*останавливаясь перед Кристианом*).

Ле Бре, я от тебя не скрою:
Я слово дал возлюбленной моей,
Что каждый день писать он будет ей.
Когда бы знать могла она, бедняжка,
Как здесь ему живется тяжело!
Он спит. О, как он исхудал!
(*Смотрит на Кристиана.*)

ЛЕ БРЕ.

Иди же спать и ты! Не меньше ты устал.

СИРАНО (*задумчиво*).

Как он красив!..
(*К Ле Бре.*)

Послушай, не ворчи ты:
Все скоро кончится; сегодня ж будем сыты
Или умрем!

ЛЕ БРЕ.

В чем дело? Говори.

СИРАНО.

Нет... не уверен я... увидим. До зари
Вечерней все должно решиться.

ЛЕ БРЕ.

Иди же спать.

СИРАНО.

Я не хочу ложиться.
Послушай! Худшего стыда
Я б не придумал никогда
Для осаждающих — от голода терзаться!

ЛЕ БРЕ.

Кто осаждающий, кто осажденный здесь?
Чьи шансы больше? Взвесь.
Тут правды трудно доискаться!
Да, осаждаем мы Аррас!
Но вместе с тем, поймав в ловушку,
Инфант испанский осаждает нас.

СИРАНО.

Постой! Сегодня мы дадим ему пирушку.

ЛЕ БРЕ.

Мне не смешно...

СИРАНО.

О! О! Тебе ворчать не лень.

ЛЕ БРЕ.

Досадно мне, что ты рискуешь каждый день,
Чтоб, проскользнувши в утреннем тумане,
Письмо какое-то пустое отнести.
Безумие!

(Видя, что Сирано направляется в палатку.)

Куда же ты?

СИРАНО.

Прости.

Пойду опять писать Роксане.

(Приподнимает холст и скрывается.)

ЛЕ БРЕ *(воздев руки к небу)*.

Опять! Нет, он неизлечим.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, без Сирано.

День разгорается. Розоватый свет. Город золотится на горизонте. Пушечный выстрел, за которым немедленно слышны барабаны, очень далеко, с левой стороны. Другие бьют ближе. Наконец барабанная дробь раздается почти на сцене; затем, прокатившись по лагерю, замирает. Шум пробуждения, отдаленные голоса офицеров.

КАРБОН *(со вздохом)*.

Минула ночь. Бьют утреннюю зорю.

Пришел рассвет и голод вместе с ним.

И не могу ничем помочь я горю.

Гвардейцы просыпаются и шевелятся под плащами.

Ах! До сих пор еще я не привык

Спокойно слышать этот первый крик...

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(присев на земле)*.

Я голоден!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Меня покинула отвага.

Я умираю!

ВСЕ *(стонут)*.

Ах!..

КАРБОН.

Вставайте.

Эдмон РОСТАН

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Не могу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Не в силах сделать я ни шага.

ПЯТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Мой капитан, я болен, я не лгу.

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Баронский герб мой — за кусочек сыра.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

За кружку молока отдам блаженство мира.

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Да, если чем-нибудь не подкрепят мне сил,
Я удалюсь в свою палатку, как Ахилл!

ПЯТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Я умираю! Ради неба,
Кусочек хлеба!

ВСЕ.

Хлеба! Хлеба! Хлеба!..

КАРБОН (*подойдя к палатке Сирано, вполголоса*).

Послушай, Сирано, поди сюда скорей.
Ты ободряешь их веселостью своей.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*бросаясь ко второму*).

Что ты жуешь? Говядину, не так ли?
Но где ты взял?

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Достал немного пакли
Из пушек я и в шишаке сварил,

Приправивши колесной мазью.
Да, привыкаешь здесь к разнообразью!

ШЕСТОЙ ГВАРДЕЕЦ *(входя)*.

Я только что удить ходил.

СЕДЬМОЙ ГВАРДЕЕЦ *(входя)*.

А я сейчас пришел с охоты.

ВСЕ *(вскакивают и набрасываются на них)*.

Удить! — С охоты? — Что ты? — Что ты?..
Ну, покажите же, друзья,
Что принесли вы?.. Может быть, налима? —
Фазана, может быть?

ШЕСТОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Судьба неумолима, —
Я пескаря поймал.

СЕДЬМОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Убил я воробья.

ВСЕ *(в отчаянии)*.

Довольно! — Сил уж нет переносить страданье!
Довольно! — Бунт! — Бунт! — Бунт! — Открытое
восстанье!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Сирано.

СИРАНО *(выходя из палатки, спокойный, с пером за ухом
и с книгой в руках)*.

Что с вами, господа?

ГВАРДЕЙЦЫ.

Мы голодны, вот что!

Эдмон РОСТАН

СИРАНО.

Подумаешь, беда!

Я тоже голоден.

ГВАРДЕЙЦЫ.

А нам-то что за дело?

Ты не страдаешь!

СИРАНО.

Не страдает тело

Лишь потому, что пищу я найду

Всегда в душе своей!..

ГВАРДЕЕЦ.

Что ж для тебя еду

Могло бы заменить?

СИРАНО (*бросая ему книгу*).

Вот видишь — «Илиада»!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Да, нечего сказать, отличная улада.

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Однако ведь теперь в Париже кардинал

Обедает и пьет по-прежнему исправно.

СИРАНО.

А ты бы не хотел, чтоб он тебе прислал

Сюда бургундского? Вот это было б славно!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

А почему же нет? Он пьет вино, злодей!

СИРАНО.

Но кардинал есть власть, а ты слышал, наверно,

Что это очень скверно,

Коль опьяняет власть людей.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*пожимая плечами*).

Всегда остроты!

СИРАНО.

Да, остроты.

Люблю я прелесть этих метких стрел.
 Когда придется мне сводить земные счета,
 С остротой на устах я б встретить смерть хотел.
 Да! Вот мечта! В румяный час заката,
 Сражен рукою честного солдата,
 На поле битвы я хотел бы лечь, —
 Не от болезни под домашним кровом, —
 И, принимая в сердце острый меч,
 Ответить смерти острым словом.

ВСЕ.

Мы голодны! — Нас голод подкосил! —
 Мы голодны! — Терпеть нет больше сил!

СИРАНО (*скрестив руки на груди*).

Так больше ни о чем вы думать не хотите,
 Как только о еде, о вашем аппетите?
 Приблизься, Берtrandу. Ты прежде был пастух, —
 Потешь же песенкой родной страны наш слух.
 Поди сюда, старик, и песен не жалея ты,
 Все звуки извлеки из этой тонкой флейты;
 Припомни с ней теперь тот сладостный язык,
 Которым говорил в твоих устах тростник.

Старик садится и собирается играть.

Заставь ее забыть военные мотивы;
 Пусть песни родины, и нежны и ленивы,
 Слетают с уст твоих, как птиц воздушный рой,
 И снова нам звучат, как давнею порой!

Старик начинает играть старые лангедокские мотивы.

Где же наш лагерь? Я вижу равнины,
 Вижу цветущие мирно долины;
 Старого леса дубы-исполины
 Шепчутся важно, и речь их тиха.

Вечером пахнут душистее розы,
Реют над речкой зеркальной стрекозы,
Где-то бубенчиком звякают козы, —
Слышите мерный рожок пастуха?
Вот он и сам, мальчуган загорелый,
В красном берете, проворный и смелый!
О пастушок мой, играй!..
Песенка нежная, песня унылая!..
Слышите? Это Гаскония милая,
Это родимый наш край.

Все головы склонились; в глазах — мечтательное выражение;
многие отирают слезы, кто рукавом, кто плащом.

КАРБОН (*к Сирано, тихо*).

Их слезы вызвали те песни дорогие!

СИРАНО.

О голоде забыть заставит ностальгия.

КАРБОН.

Но не боишься ты им слабости придать?

СИРАНО.

Дано опасности отвагу пробуждать.

Барабанный бой.

ВСЕ (*вскакивая и хватаясь за оружие*).

А? — Что это? — Тревога?..

СИРАНО (*улыбаясь*).

Вот видишь ты?
Для них не нужно было много,
Чтоб позабыть и слезы и мечты.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*смотря в глубину*).

Вот граф де Гиш!

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК
ГВАРДЕЙЦЫ (*ропцуют*).

О!.. О!..

СИРАНО (*улыбаясь*).

Не лестен их прием!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Как он нам надоел!

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Вот он идет в своем
Воротнике из тонких кружев!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Закрыв кирасу...

ПЯТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Да, но глупость обнаружив.

ШЕСТОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Уж нет ли чирея на шее у него?

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Пустое существо!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Всегда Амура неудачный данник!..

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ.

Фальшивый куртизан!..

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Гм! Дядюшкин племянник!..

КАРБОН.

Однако он ведь наш земляк!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Фальшивый! Суждено уж так:
Гасконец должен быть безумным;
Гасконцам доверять нельзя благоразумным.

ЛЕ БРЕ.

Как бледен он!..

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Он голоден, как все;
Зато он, как всегда, во всей своей красе:
На солнце весь сверкает,
Как вычищенный медный таз.

СИРАНО *(живо)*.

Пускай и мысли он не допускает,
Что кто-нибудь страдает здесь из нас,
Пускай он бесится от злости!
Скорей берите трубки, кости;
Немедленно колоду карт!..

Все принимаются за игру, усевшись на барабанах, на табуретках или прямо на земле, разостлав плащи, и зажигают свои длинные трубки.

А я примусь читать. На помощь мне, Декарт!
(Прохаживаясь взад и вперед, читает маленькую книжку, вынутую из кармана.)

Входит де Гиш. Все делают вид, что очень довольны и заняты своим делом. Де Гиш, очень бледный, подходит к Карбону.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и де Гиш.

ДЕ ГИШ *(Карбону)*.

Привет вам, капитан!

Оба пристально смотрят друг на друга.

ДЕ ГИШ *(в сторону, с удовлетворением)*.

Он выглядит ужасно.

КАРБОН *(также, в сторону)*.

Он весь позеленел от голода. Прекрасно!

ДЕ ГИШ *(глядя на гвардейцев)*.

Так вот они, бунтовщики? Да, да.
Со всех сторон я слышу, господа,
Что нет у вас довольно выражений,
Чтоб выразить ко мне свое пренебреженье,
Что отзываетесь вы обо мне всегда
Как о фальшивом интригане,
Вы все, беарнские бароны и дворяне, —
Что вам мешает мой изысканный язык,
Что не по вкусу вам мой тонкий воротник,
Что, наконец, гасконцам благородным
Ужасно трудно примириться с тем,
Что можно быть гасконцем, но совсем
Не неизбежно быть бездельником негодным!

Молчание. Играют. Курят.

Я добр еще, что не даю приказ
Вас строгому подвергнуть наказанью.

КАРБОН.

Простите, но предупреждаю вас:
Подобному не должен приказанью
Повиноваться вовсе я.

ДЕ ГИШ.

Как так?

КАРБОН.

Обязанность моя —
Повиноваться лишь военному приказу.

ДЕ ГИШ.

Простите, я не понял эту фразу.

КАРБОН.

Я заплатил за свой отряд.
Он мне принадлежит.

ДЕ ГИШ.

Ах так? Я очень рад.

(Обращаясь к гвардейцам.)

Но смело я сношу насмешливые взгляды
И вашей не боюсь презрительной бравады.
Все знают хорошо, как драться я могу, —
Вчера в сражении с какой отвагой смелой
С налета я ударил по врагу,
Вблизи Бапома, да!..

СИРАНО *(не отводя глаз от книги).*

А шарф ваш белый?..

ДЕ ГИШ *(удивлен и доволен).*

А, вы уж знаете? Да, да!
Вчера грозила мне беда.
В пылу сражения случайно
Я залетел вперед. Еще хоть два шага —
И я наткнулся бы, конечно, на врага.
Опасная была минута чрезвычайно:
Меня могли схватить и расстрелять!
И что ж? Я догадался снять
Свой белый шарф — невольную причину,
Что возбудить могла вниманье к чину.
Военной степени моей коварный знак
Я сбросил на землю, и так
Я незамеченный успел пробраться мимо
К отряду моему.
Там подкрепленье подошло к нему,
И вновь мы на врагов пошли неустрашимо.
А? Что вы скажете на это? Не умно ль?

Гвардейцы делают вид, что не слушают, но видно, они чего-то ждут, так как карты и кости застывают у них в руках, а табачный дым не вырывается из ртов.

СИРАНО.

Я вам скажу, что Генрих, наш король,
Не согласился бы, спасаясь и от смерти,
Покинуть белый свой султан, поверьте!

Безмолвная радость. Карты опускаются, кости падают, дым
вырывается изо ртов.

ДЕ ГИШ.

Но хитрость удалась!

То же молчаливое ожидание.

СИРАНО.

Вот мне так дорога
Была бы честь служить мишенью для врага!

Карты опускаются, кости падают, дым весело вырывается изо
ртов.

Мы с вами сходимся в понятиях едва ли;
Но, если б я был там, когда вы шарф сорвали,
Я б поднял и надел немедленно его.

ДЕ ГИШ.

Вот хвастовство гасконца!

СИРАНО.

Хвастовство?

Позвольте мне ваш шарф, и я его надену,
Когда пойдем мы приступом на стену.

ДЕ ГИШ.

Опять же хвастовство! Ну да! Известно вам,
Что я мой шарф оставил там,
На месте, взрытом пушечной пальбою,
И где враги со всех сторон, —
А там найти его и взять с собою
Никто б не мог!

СИРАНО.

Никто? Вот он!

(Вытаскивает из кармана белый шарф и подает его де Гишу.)

Пауза. Гвардейцы едва удерживаются от смеха, уткнувшись носом в карты и кости. Де Гиш оборачивается и смотрит на них; они немедленно принимают серьезный вид и снова берутся за карты и кости. Один из них равнодушно насвистывает песенку, которую играл старый музыкант.

ДЕ ГИШ *(беря шарф)*.

Благодарю! Поступок ваш любезен,
Мне этот белый шарф сейчас весьма полезен.
Решаться мне иль нет — я ранее не знал,
Но с помощью его теперь я дам сигнал.
(Идет к откосу, взбирается на него и несколько раз машет шарфом.)

ВСЕ.

Что это за сигнал? — Что это означает?

ЧАСОВОЙ *(на гребне откоса)*.

Какой-то человек там быстро убегает.

ДЕ ГИШ *(спускаясь)*.

Шпион испанский это. Да, шпион;
Но им он изменил, теперь мне служит он.
Те сведения врагам он доставляет,
Какие я ему даю.

СИРАНО.

Презренный, предает он родину свою!

ДЕ ГИШ.

Для нас удобство это представляет.
(Небрежно повязывается шарфом.)
Ах да, я и забыл,
Что рассказать вам должен был.

Наш квартирмейстер вместе с интендантом
Отправился для нас за провиантом;
Пройдет в обход через поля
Он к маркигантам короля.
Но, чтоб вернуться без помехи всякой,
Он взял с собой войска в количестве таком,
Что нас теперь немедленной атакой
Испанцы бы разбить могли с одним полком!
Он войска в лагере оставил слишком мало.

КАРБОН.

Да, если бы врагам известно стало
Его отсутствие, пришлось бы плохо нам.
Но неизвестно им...

ДЕ ГИШ.

Известно, к сожаленью:
Враги готовятся усердно к нападенью.

КАРБОН.

Вот как!

ДЕ ГИШ.

Скажу я больше вам:
Предупредил меня (конечно, под секретом,
Согласно званию своему)
Любезный мой шпион об этом
И предложил, чтоб я сказал ему,
С какого пункта им начать атаку,
Тогда испанцам скажет он,
Что этот пункт всех меньше защищен.
По моему, надеюсь, знаку
(Что подал я ему сейчас)
Вы поняли, что выбор пал на вас?

КАРБОН (*гвардейцам*).

Готовьтесь, господа!

Все встают. Звон шаг и потрескивание застегиваемых порту-
пей.

Эдмон РОСТАН

ДЕ ГИШ.

Вам час еще остался.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

А! Это хорошо, а то я проигрался.

Все усаживаются и возобновляют игру.

ДЕ ГИШ (*Карбону*).

Должны сегодня до ночной поры
Вы время выиграть, пока войска вернутся.

КАРБОН.

Как выиграть его?

ДЕ ГИШ.

Ведь в бой гасконцы рвутся, —
Пускай же будут так добры
И перебить себя дадут без размышлений.

СИРАНО.

Я понимаю — это ваша месть!

ДЕ ГИШ.

Конечно, не без сожалений
Я вам бы предоставил эту честь,
Когда б к вам полон был симпатии особой.
Но в данном случае я королю служил,
Не руководствуясь своею личной злобой:
Всем вашей храбрости известен пыл, —
Не пожалее вы для защиты силы,
И это принял я в расчет, конечно.

СИРАНО.

Я вас благодарю за всех чистосердечно.

ДЕ ГИШ.

Вы любите один сражаться против ста, —
Теперь не скажете, что было мало дела!
(*Отходит в глубину с Карбоном.*)

СИРАНО (*звардейцам*).

Что ж, видно, наградить судьба нас захотела!
В гербе Гасконии изменятся цвета,
И золото его с лазурью — нашей славой
Теперь украсится, как полосой кровавой.

Де Гиш тихо разговаривает с Карбоном де Кабель-Жалу. Делаются приготовления к бою, отдаются приказания. Сирано подходит к Кристиану — тот сидит неподвижно, скрестив руки.

СИРАНО (*кладя ему руку на плечо*).

Мой бедный Кристиан!

КРИСТИАН (*в отчаянии*).

Роксана!

СИРАНО.

О мой бог!

КРИСТИАН.

Когда бы я по крайней мере мог
Ей выразить в письме прощальном
Все то, что в сердце чувствую печальном!

СИРАНО.

Я знал, что этот день нам принесет конец,
И приготовил к ней письмо.
(*Вынимает письмо из-под плаща.*)

КРИСТИАН.

О мой творец!

Оно готово!

СИРАНО.

Да. В нем все твои мученья
Я живо высказал.

ЭДМОН РОСТАН

КРИСТИАН.

Дай мне его сюда.

СИРАНО.

Прочешь ты хочешь?

КРИСТИАН (*беря письмо*).

Без сомненья.

(*Читает, останавливается.*)

Что это? Будто капнула вода?

СИРАНО (*быстро беря письмо, наивно*).

Быть может, капнул я водой неосторожно...

КРИСТИАН.

Здесь капнула слеза.

СИРАНО.

Слеза? Весьма возможно.

Чужою горестью я сам себя увлек, —

Недаром я рожден поэтом.

Не мог спокойно я писать подобных строк,

Такая грусть в посланье этом!

Над ним невольно плакал я.

КРИСТИАН.

Ты плакал?

СИРАНО.

Да... Признаюсь, не тая,

Не мог я удержать волненья.

Вот видишь... Смерть мне не страшна:

В ней — весь покой отдохновенья.

Приятна будет мне она.

Но мысль, что никогда, быть может,

Я...

Кристиан смотрит на него. Сирано поправляется.

Мы...

(Делает над собой усилие.)

Ты не вернешься к ней —
Вот что мне больно сердце гложет.

КРИСТИАН *(вырывая письмо)*.

Отдай же мне письмо скорей!

Вдали, в лагере, шум.

ГОЛОС ЧАСОВОГО.

Эй, кто идет?

Выстрелы. Шум голосов, звон бубенчиков.

КАРБОН.

Что там еще?

ЧАСОВОЙ *(с откоса)*.

Карета!

Все бросаются, чтобы посмотреть.

Что? — В лагере? — Откуда новость эта?
— Въезжает в лагерь? — О! — Со стороны врага?
— Стреляйте в них, когда им жизнь не дорога!
Что может быть? — Вот уж была охота!
— Ишь, как летят! — Дрожит земля!
— Постойте! — Кучер крикнул что-то!
— Что крикнул кучер? — «Поезд короля!»

ДЕ ГИШ.

Что? Поезд короля?

Все выстраиваются.

КАРБОН.

Снимайте шляпы ниже!

Эдмон РОСТАН

ДЕ ГИШ.

Что значит это? Ведь король еще в Париже!
Ужели он?.. Сюда?.. Особою своей?..
(*Кричит солдатам.*)

Его величество приветствуйте скорей!

Карета, покрытая грязью и пылью, быстро въезжает и останавливается. Занавески ее опущены. Сзади два лакея.

КАРБОН (*кричит*).

Равняйся! Бейте в барабаны!

Бьют барабаны; все гвардейцы сняли шляпы и стоят, низко склонившись.

ДЕ ГИШ.

Спустить подножку, вы!

Два человека бросаются к карете. Ее дверца распахивается.

РОКСАНА (*выпрыгивая из кареты*).

Привет вам, господа!

Услышав женский голос, все мгновенно поднимают низко склоненные головы. Всеобщее изумление.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Роксана.

ДЕ ГИШ.

Как! Это вы?

РОКСАНА (*смеясь*).

Да, да!

Не ожидали вы Роксаны?

ДЕ ГИШ.

Да, но король... король...

РОКСАНА.

Да, истинный король,
Которому служу покорною рабою, —
Любовь!

КРИСТИАН (*бросаясь к ней*).

Тебя ль я вижу пред собою?

СИРАНО.

О боже мой! Роксана!

КРИСТИАН.

Но позволь
Спросить тебя...

РОКСАНА.

Да погоди немного,
Я все скажу тебе.

КРИСТИАН.

Роксана, ради бога!
Не побоялась ты врага!

РОКСАНА.

Осада ваша чересчур долга,
И мне в Париже было слишком скучно.
Теперь с тобой я буду неразлучно.

ДЕ ГИШ.

Но здесь нельзя остаться вам!

РОКСАНА (*весело*).

Да, нечего сказать! Вы очень милы!

СИРАНО (*не смея взглянуть на нее*).

Как музыке, внемлю ее словам,
Но на нее взглянуть нет силы.

РОКСАНА.

Теперь я остаюсь с тобою, Кристиан!
Не можете ль вы мне придвинуть барабан?

К ней подвигают барабан, она садится.

Благодарю вас, мне теперь отлично!

(Смеется.)

Я ехала сюда ужасно романтично,

Под целым градом пуль.

В меня стреляли!

(Гордо.)

Да! Один патруль.

Вы смотрите на эту

Ужасную карету?

Не правда ли, она напоминает ту,

В которой Золушка когда-то разъезжала?

Когда по окончаньи бала

Все погружалось в темноту,

То дыней делалась она — подарок феи, —

И превращались в серых крыс лакеи.

(Смеется.)

Но я не думала, что так далек Аррас!

(Посылает воздушный поцелуй Кристиану.)

Супруг мой, здравствуйте!

(Поглядывая на остальных.)

Но что это у вас

Такие грустные, измученные лица?..

(Замечает Сирано.)

Кузен!

СИРАНО *(шутливо)*.

Привет мой вам, души моей царица!

Но как могли вы...

РОКСАНА.

Армию найти?

А вот: я ехала, пока мне на пути

Не встретились картины разрушенья.

Какие ужасы! Повсюду стон, смятенье!

Нет, если вашему так служат королю,

То, право, мой — добрей!

(Кристиану.)

Как я тебя люблю!

СИРАНО.

Не ожидал я выходки подобной!
Но где ж вам удалось, однако, проскользнуть?

РОКСАНА.

Как где? Есть лишь один возможный путь.
Испанским лагерем.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*с восхищением*).

На что они способны!

ДЕ ГИШ.

Но как вам удалось проехать через строй?

ЛЕ БРЕ.

Непостижимо! Вы – герой!

КРИСТИАН.

Нет, это слишком безрассудно!

РОКСАНА.

Поверьте, вовсе не было так трудно:
Велела вскачь пустить я лошадей,
Когда ж к карете подходил моей
Какой-нибудь идальго с важным видом,
Ему ответом – я секрет свой выдам –
Была улыбка лучшая моя,
И тотчас дальше проезжала я...

КАРБОН.

Улыбкой милою и нежностью румянца,
Как лучшим паспортом, всегда возьмешь испанца.
Но все же, верно, спрашивали вас
О цели путешествия?

РОКСАНА.

Не раз.

Я отвечала им: «Я еду к другу сердца».

Им это слово много говорит!
Идальго тотчас же менял свой строгий вид,
Моей кареты затворялась дверца;
Передо мной почтительно склонен,
Приказывал он жестом грациозным
Опять подняться вверх мушкетам грозным,
И, низкий мне отвесивши поклон,
Он прибавлял: «Дорога вам открыта.
Счастливый путь! Ступайте, синьорита».

КРИСТИАН.

Но почему ж ты говорила, что...

РОКСАНА (*перебивая его*).

Что еду на свиданье с другом?
О, если б я сказала, что с супругом,
Меня б не пропустил никто!

КРИСТИАН.

Но...

РОКСАНА.

Что ж вы все смотрите так уныло?

ДЕ ГИШ.

Должны обратно вы уехать.

РОКСАНА.

Это мило!

Чуть я приехала, вы гоните меня?

СИРАНО.

Да, да!

ЛЕ БРЕ.

Немедленно!

КРИСТИАН.

Тебе уехать надо.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

РОКСАНА.

Я вижу, вы мне очень рады!

КРИСТИАН.

Тебя спасаем мы, из лагеря гоня.

(С запинкою.)

Пойми...

СИРАНО *(так же)*.

Здесь через час...

ДЕ ГИШ.

А может быть, скорее...

КАРБОН.

Поверьте, лучше вам...

СИРАНО.

Здесь близко батареи...

РОКСАНА.

Здесь будет битва. Да! Но я останусь тут.

ВСЕ.

Нет, нет!

РОКСАНА.

Ты мой супруг!

(Бросается в объятия Кристиана.)

Пусть вместе нас убьют.

Я не уйду от Кристиана!

КРИСТИАН.

Я ваших глаз не узнаю, Роксана!

РОКСАНА.

Я все тебе скажу; поймешь ты — отчего.

ДЕ ГИШ (*в отчаянии*).

Но здесь — опасный пункт!

РОКСАНА.

Вот как? Опасный?

СИРАНО.

О да, кузина, этот пункт — ужасный,
И доказательство, что нам он дал его.

РОКСАНА.

Ага! Хотели вы, чтоб стала я вдовою?

ДЕ ГИШ.

Клянусь вам...

РОКСАНА.

Я ручаюсь головою,
Что это было так! Но все равно:
Я никогда еще не видела сраженья.
Как будет весело! Не правда ль, Сирано?

СИРАНО.

Но... но...

РОКСАНА.

Оставьте возраженья:
Я не была еще в пороховом дыму!
Пришелся лагерь ваш по сердцу моему,
И я останусь здесь (*Кристиану*), с тобой!

КРИСТИАН.

Моя богиня!

СИРАНО.

Так из причудницы вдруг стала героиня?

РОКСАНА.

Мосье де Бержерак! Мы из одной семьи.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

О, мы вас защитим!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Чего бояться с нами?

РОКСАНА (*с возрастающим увлечением*).

Я верю вам, друзья мои.

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ (*восторженно*).

Как в лагере запахло вдруг духами!

РОКСАНА.

А мой костюм как раз к сраженью подойдет!

(*Глядя на де Гиша.*)

Но не пора ли графу нас оставить?

Уж близок час, опасность всех нас ждет;

Его не может это позабавить.

ДЕ ГИШ.

Ваш незаслуженный намек,

Поверьте, слишком уж жесток,

И принимать его я не хочу серьезно.

Я пушки осмотрю и возвращусь сюда.

Сударыня! Пока еще не поздно,

Перемените вы решенье...

РОКСАНА.

Никогда!

Де Гиш уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без де Гиша.

КРИСТИАН *(умоляюще)*.

Роксана!..

РОКСАНА.

Все еще меня ты гонишь? Мило!

КРИСТИАН.

О, сжался над моей мольбой!..

Опасность...

РОКСАНА.

Я хочу делить ее с тобой.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(другому)*.

Она останется!

ВСЕ *(суетясь, сталкиваясь друг с другом, хватаясь за разные предметы)*.

Скорее щетки! — Мыло!.. —

Где гребень?.. — Зеркало?.. — Дай мне иглу сюда,

Я разорвал свой плащ!.. — Да где ж у нас вода? —

Манжеты!.. — Вот щипцы!.. — Эй, одолжи мне

бритву!

РОКСАНА *(к Сирано, который ее умоляет)*.

Но я сказала вам: хочу я видеть битву!

КАРБОН *(после того, как и он, подобно другим, отряхнул пыль, подтянулся, почистил шляпу, расправил перо и выпустил манжеты, приближается к Роксане и говорит церемонно)*.

Сударыня! Вас привела сюда

Для нас счастливая звезда:

Вот этим господам честь выпала на долю

Здесь, на глазах у вас,

Быть может, умереть сейчас;

И потому себе позволю

Представить вам хоть нескольких из них,

И это будет им великая награда.
Вы разрешаете?

РОКСАНА *(кланяясь)*.

Я очень, очень рада.
(Ждет, стоя под руку с Кристианом.)
Заранее люблю товарищей твоих.

КАРБОН *(представляя)*.

Старейшего назвать вам надо:
Барон д'Антиниак Жюзе.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(кланяясь)*.

Весьма польщен.

КАРБОН *(продолжая)*.

Барон де Кастерак де Каюзак. — Барон
Де Пейреску де Уолиньяк. — Барон
Мальгур д'Эскарабью Леба де Салешон.

РОКСАНА.

Но сколько же у вас имен?
(Смеется.)

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

О, сколько вам угодно!
И каждое, поверьте, благородно.

КАРБОН *(Роксане)*.

Позвольте попросить еще вас об одном —
Разжать ту ручку, что у вас с платком...

РОКСАНА *(удивлена)*.

Зачем? Извольте.
*(Разжимает пальцы, платок падает, все бросаются
его поднимать.)*

КАРБОН *(поднимая)*.

А, нет, друзья, позвольте!
Без знамени была компания моя, —

Теперь вот знамя нам, друзья.
И в целом лагере прекрасней не бывало.

РОКСАНА (*улыбаясь*).

Оно для вас немного мало.

КАРБОН (*прикрепляя платок к своей капитанской пике*).

Зато ведь это кружева!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*другим*).

Увидевши ее, я умер бы спокойно,
Когда б я мог еще позавтракать сперва!

КАРБОН (*услышав его*).

Как! Думать о еде! Но это недостойно
Гвардейцев, господа!
При женщине зачем же вам еда?

РОКСАНА.

Ах, что вы! В лагере свежо, и легкий холод
Неволью в нас еще усиливает голод.
Да, да! Я адски голодна!
Несите мне скорей паштеты, дичь, вина!..
Вот вам мое меню!

Всеобщая растерянность.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

О! Дичь... вино... паштеты!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Откуда нам их взять?

РОКСАНА (*спокойно*).

Да из моей кареты.

ВСЕ.

О боже!

РОКСАНА.

Надо все скорей нести сюда!
Ну, что ж вы стали, господа?
Мой кучер — человек, ей-богу, бесподобный,
Незаменимый и на все способный;
Взгляните на него — он вам улыбки шлет!
Он все подаст, разрежет, разольет,
И даже в пять минут все это,
Когда хотите, будет разогрето.

ГВАРДЕЙЦЫ (*узнав кучера и бросаясь к карете*).

Да это он! Рагно! О! Здравствуйте, Рагно!

РОКСАНА (*следя за ними*).

О бедные мои! До слез я их жалею.
Они не ели уж давно?..

СИРАНО (*целуя ей руки*).

Позвольте мне приветствовать в вас фею.
Свершили чудо вы, и добротой своею
Им облегчите смерть.

РАГНО (*стоя на козлах, как уличный комедиант
на площади*).

Привет вам, господа!

Общий восторг.

ГВАРДЕЙЦЫ

Виват! Виват!

РАГНО.

Дорогою сюда,
Пока над пылкими испанцами победы
Одерживала госпожа моя,
Старался незаметно я
Вам привезти сюда обеды!

Аплодисменты.

СИРАНО (*Кристиану, тихо*).

Гм!.. Кристиан!..

Эдмон РОСТАН

РАГНО.

Галантность их
Им не позволила заметить...
(*Вытаскивает из-под козел блюдо*)
галантину!

Аплодисменты.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

О, что за дивная картина!
Блюдо переходит из рук в руки.

СИРАНО (*Кристиану, тихо*).

Два слова, друг!..

РАГНО.

И силой чар своих
Испанцам дивная Киприда
Так затуманила глаза,
Что спрятать между тем успела Артемида
Подарок свой!
(*Вытаскивает жаркое.*)

Вот — дикая коза!

Общий восторг. Жаркое схватывают двадцать протянутых
рук.

СИРАНО (*Кристиану, тихо*).

Два слова!.. Кристиан!..

РОКСАНА (*гвардейцам, которые возвращаются со всякой
снедью*).

Ну, будьте так любезны.

Поставьте это все...
(*Нахრывает на траве.*)

Два лакея, которые стояли на запятках, с невозмутимым
видом помогают ей.

*(Кристиану, в ту минуту, когда Сирано хотел его
ответить.)*

Но будьте же полезны!..

Кристиан помогает ей. Сирано, встревоженный, делает ему
знаки.

РАГНО.

Индейка с трюфелями!.. Вот павлин!..

И даже не один!

(Вытаскивает все это.)

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(отрезав себе огромный кусок
ветчины, с восторгом).*

Ну, я теперь умру героем!

Да, не придется нам покинуть этот мир,

Пока мы на прощанье не устроим

Такой кутеж!

(Видя Роксану, быстро поправляется).

Кхм... Валтасаров пир!..

РАГНО *(кидая им подушки из кареты).*

Подушки все полны перепелами!..

Шум. Распарывают подушки. Радость. Смех.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

О, черт возьми!

РАГНО *(передавая бутылки).*

Вот вам вино.

ГВАРДЕЙЦЫ.

Вино!..

РОКСАНА *(бросая сложенную скатерть в лицо Сирано).*

Эй, разверните скатерть, Сирано!

Проворнее! Что это с вами?

РАГНО *(потрясая каретным фонарем).*

Вот, в каждом фонаре устроено у нас

Хранилище для пищи!..

СИРАНО (*Кристиану тихо, пока они расстилают скатерть*).

С тобою должен я поговорить сейчас.

РАГНО (*впадая в лирический тон*).

Вот видите! А это кнутовище —
Все из колбас!

РОКСАНА (*наливая вино и протягивая стаканы желающим*).

Да, черт возьми! Раз убивают нас, —
Все для гасконцев, да! Нам до других нет дела!
Ха-ха! Теперь бы я взглянуть хотела
На графа! Посмеемся мы над ним
И, если он придет, — его не пригласим!
(*Переходя от одного к другому.*)
Не торопитесь же! Нельзя так быстро кушать!.. —
Вот, выпейте вина. О, время есть у нас!
О чем вы плачете? Что огорчает вас?

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Мне слишком хорошо!

РОКСАНА.

Меня должны вы слушать.
Извольте перестать сейчас,
Не то уйду от вас и наливать не стану
Вам белого вина. — Эй, хлеба капитану! —
Вам хлеба? Вилку? Здесь, позвольте, я подам. —
Бокал шампанского? — Еще цыпленка вам?
(*Смеется.*)
Пожалуйста, здесь скромность неуместна.
Еще отрежу я!

СИРАНО (*следует за Роксаной и помогает ей, руки у него полны тарелок*).

О, как она прелестна!

РОКСАНА (*подходя к Кристиану*).

А вам?

КРИСТИАН.

Мне?.. Ничего!

РОКСАНА.

Нет, нет, вина
С бисквитами! Вот так!..

КРИСТИАН (*пробуя удержать ее*).

Ты мне сказать должна,
Зачем...

РОКСАНА.

Постой, дай мне сначала
Несчастных этих подкрепить. Сейчас.
Я все тебе скажу...
(*Одному из гвардейцев.*)
О! Я и не видала,
Что ничего уж нет у вас!..

ЛЕ БРЕ (*уходивший в глубину, чтоб передать часовому
на конце пика кусок хлеба*).

Де Гиш идет сюда!

СИРАНО.

А! Прячьте все быстрее —
Тарелки, хлеб, вино, скорее!
(*К Рагно*).
На козлы полезай опять!
Не будем вида подавать,
Что было здесь. Все спрятано искусно!

В одно мгновение все унесено в палатки, прикрыто плащами
и шляпами. Де Гиш быстро входит и, остановившись, при-
нюхивается. Пауза.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е и д е Г и ш.

Д Е Г И Ш.

Что это значит? Как здесь пахнет вкусно!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*небрежно запевая*).

То-ло-ло-ло!..

Д Е Г И Ш (*останавливаясь перед ним*).

Как вы красны!

Что с вами?

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ (*гордо*).

Кровь кипит в предчувствии войны!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ (*напевает*).

Пум-пум-пум-пум!..

Д Е Г И Ш (*оборачиваясь*).

Что это?

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

Так, просто песенка!..

Д Е Г И Ш.

И вы красны, как мак!

И очень веселы!..

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ.

А! Это так,

Ввиду опасности! Вот сердце и согрето!

Д Е Г И Ш (*подзывая к себе Карбона*).

Пришел сказать я, капитан...

(*Останавливается в изумлении.*)

Однако же и вы...

КАРБОН *(весь пунцовый, пряча бутылку за спину, слегка заплетаящимся языком).*

О... я...

ДЕ ГИШ *(в сторону).*

Он словно пьян!

(Карбону.)

Я приказал оставшуюся пушку

Перетащить туда

(показывает налево за кулисы),

левее.

Вы можете воспользоваться ею.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(покачиваясь).*

Мы благодарны вам за милую игрушку.

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ *(де Гишу, любезно улыбаясь).*

Любезность ваша, граф...

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ *(так же).*

нам, право же, мила!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(так же).*

Нас всех она с ума свела!

ДЕ ГИШ *(в сторону).*

Они сошли с ума!

(Громко.)

Да, вот что, господа:

Вы к пушкам непривычны, —

Так бойтесь же отдачи...

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Никогда!

Советы ваши неприличны.

ДЕ ГИШ *(делая шаг к нему, в бешенстве).*

Что вы осмелились?..

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

От мненья своего
Не отрекусь. Ха-ха! Гасконцам страх неведом,
Они привыкли лишь к победам!

ДЕ ГИШ *(хватая его за руку и тряся ее)*.

Вы пьяны? Да! Но от чего?

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(горделиво)*.

Как — от чего? Я нюхал порох...

ДЕ ГИШ *(пожав плечами, отталкивает его и отходит в сторону; Роксане)*.

На что ж решились вы?

РОКСАНА.

Они — мои друзья.
Я не покину храбрецов, которых
На смерть вы обрекли. Обязанность моя
Велит остаться мне.

ДЕ ГИШ.

Молю вас, уезжайте!

РОКСАНА.

Нет.

ДЕ ГИШ.

Это ваш ответ?

РОКСАНА.

Да, окончательный.

ДЕ ГИШ.

Подайте
Скорее мне мушкет!

КАРБОН.

Что это значит?

ДЕ ГИШ.

Что? Что остаюсь я с вами.

СИРАНО.

Вы показали смелость наконец!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Ужели даже с кружевами
Он стал гасконцем? Молодец!
Накормим же его! И бросим эти прятки!

Вытаскивают еду.

ДЕ ГИШ (*гордо скрывая свой голод*).

Простите! Не привык я доедать остатки.
Я буду драться натошак!

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ.

Он смел!

ВТОРОЙ ГВАРДЕЕЦ (*в восторге*).

Он горд!

ТРЕТИЙ ГВАРДЕЕЦ (*так же*).

Он наш земляк!

Гвардейцы пляшут.

КАРБОН (*незадолго перед этим исчезнувший за откосом,
показывается на гребне*).

Я выстроил солдат! Они готовы в дело!
(*Показывает на ряды пик за откосом.*)

ДЕ ГИШ (*Роксане, с поклоном*).

Перед сражением обрадуйте солдат
И сделайте им смотр.
(*Предлагает ей руку.*)

ЭДМОН РОСТАН

РОКСАНА.

Готова я.

(Поднимается на откос.)

Все пики склоняются перед ней в виде приветствия. Радостные возгласы. Она кланяется.

СОЛДАТЫ.

Виват!

КРИСТИАН *(подходя к Сирано)*.

Она не слышит нас. Ну, говори же смело!
Что ты хотел сказать? Скорее говори!

СИРАНО.

Я буду говорить с тобою откровенно.
Она заговорит о письмах, несомненно.
Не удивляйся же...

КРИСТИАН.

Чему?

СИРАНО.

Чему? Смотри,
Не удивляйся же... Ах, это...

КРИСТИАН.

В чем же дело?

СИРАНО.

Мне это в ум прийти успело,
Когда увидел я ее.
Я... порученье исполнял твое, —
Пожалуйста, не удивляйся...

КРИСТИАН.

Да что такое? Ну, решайся!

СИРАНО.

Я чаще ей писал, чем ты меня просил.

КРИСТИАН.

Что?

СИРАНО.

Да... Писал ей иногда я,
Тебе о том не сообщая...

КРИСТИАН.

Но как же письма ты носил
Со времени блокады?
Тебя же расстрелять могли — и без пощады!
Скорее говори!

СИРАНО.

О, проскользнуть легко мне было до зари.

КРИСТИАН.

Но сколько ж я писал в течение недели?
Два? Три? Ужели больше? Пять?

СИРАНО.

Нет, больше.

КРИСТИАН.

Каждый день писал ты? Неужели?

СИРАНО.

Два раза в день.

КРИСТИАН.

А! И для этой цели
Ты не боялся жизнью рисковать?
(*Резко.*)
Теперь я понял все! Да! Все теперь я знаю!..

СИРАНО (*видя приближающуюся Роксану*).

Она идет! Молчи, тебя я заклинаю!
(*Быстро входит в палатку.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Роксана, Кристиан; в отдалении суетятся гвардейцы;
Карбон и де Гиш отдают приказания.

РОКСАНА (*подбегая к Кристиану*).

Мой Кристиан! Теперь я — вся твоя!

КРИСТИАН (*беря ее за руку*).

Но все-таки скажи, скажи мне, дорогая,
Зачем, опасностью такой пренебрегая,
Ты к нам приехала?

РОКСАНА.

Тебе отвечу я.

Те письма чудные, что ты писал мне, милый,
Меня заставили на все, на все пойти!

КРИСТИАН.

Как! Письма?..

РОКСАНА.

Да, прости меня, прости,
Но я привлечена их непонятной силой.
Тем хуже для тебя! Зачем писал ты их?
Жить дольше без тебя не стало сил моих!
Они все пламенней, томительней все были,
Они меня совсем с ума сводили,
И я не вынесла — и вот я здесь, с тобой!
Ты понимаешь ли? Мой милый! Дорогой!..

КРИСТИАН.

Ничтожных слов пустые сочетанья, —
И из-за них пустилась ты в скитанья?
Я не пойму...

РОКСАНА.

О милый! Не зови
Ничтожными слова твоей любви.
Ты помнишь ли всю негу ночи лунной,

И аромат цветов, и рокот струнный,
 Когда тебя у моего окна
 Я слушала, восторгом вся полна?
 О, эта ночь! Ее я не забуду!
 Жасмина запах, шелест, блеск повсюду...
 Я слушала тогда тебя в тиши,
 И голос твой вливался в глубь души.
 С тех пор тебя навек я полюбила.
 И слов твоих таинственная сила
 В душе моей и до сих пор звучит, —
 Навеки ею мой покой убит!
 Когда же эти письма я читала
 И памятью невольню улетала
 К той майской ночи, дивной, голубой,
 Казалось мне, что я была с тобой,
 И их язык, влюбленный и знакомый,
 Охватывал меня своей истомой!
 Я не могла... И вот, моя любовь,
 Я это все хочу услышать вновь.
 Поверь, мой друг, что Пенелопа даже
 Забыла б о своей несносной пряже,
 Когда б писал влюбленный Одиссей
 Такие письма пламенные ей:
 Тогда б пришлось супруге этой мудрой,
 Не уступив Елене златокудрой
 В безумии любви своей,
 Забросить все — шерсть, пряжу — и скорей
 Отправиться за милым Одиссеем.
 Целуй меня, а то мы не успеем!..

КРИСТИАН.

Но, милая...

РОКСАНА.

Я их читала без конца.
 Я целовала дорогие строки,
 И я была твоя! Да, были мы далеки,
 Но бились сообща у нас сердца.
 Я каждую запоминала фразу!
 Ведь каждая из этих милых строк —
 Твоей души слетевший лепесток,

О! Их огонь меня увлек,
Могучий, искренний...

КРИСТИАН.

Так это видно сразу?

РОКСАНА.

Еще бы! Милый мой!

КРИСТИАН.

И ты...

РОКСАНА.

И я теперь —
О мой возлюбленный, мой дорогой, поверь —
Просить хотела б я коленопреклоненно, —
Но ты сейчас же поднял бы меня, —
Просить тебя, ты слышишь, униженно,
Пред гением твоим всю душу преклоня:
Прости меня!

КРИСТИАН.

За что?

РОКСАНА.

Увы! Могила,
Быть может, уж близка для нас, —
Прости ж меня в великий этот час,
Что в легкомыслии своем я полюбила
Тебя за красоту твою сперва!

КРИСТИАН (*испуган*).

Роксана!.. Ах!.. Твои слова...

РОКСАНА.

Потом, возлюбленный, я глубже думать стала,
И только за нее любить я перестала:
Я стала понимать!.. Хоть красота твоя
Еще владела мною,

Но в красоте иной, великой, неземною
Увидела твой дивный гений я!

КРИСТИАН.

Ну, а теперь?

РОКСАНА.

Теперь, о мой любимый,
Увлечена я красотой незримой!
Тебя люблю я, страстью вся дыша,
Но мне мила одна твоя душа!

КРИСТИАН.

О боже мой!..

РОКСАНА.

И вот — дорога к счастью!
Люблю тебя безумной, пылкой страстью,
И для меня теперь, мой милый, ты
Являешься в божественном сиянье
Непреходящей, вечной красоты;
Земные, мелкие желанья
Теперь умчались далеко —
И я люблю тебя, и мне легко, легко!

КРИСТИАН.

Мой бог!..

РОКСАНА.

Не веришь ты такому упоенью?
Вели же прочь лететь докучному сомненью.

КРИСТИАН.

Роксана!..

РОКСАНА.

Верить мне с трудом лишь можешь ты, —
Я понимаю, да; но это правда все же.

Эдмон РОСТАН

КРИСТИАН.

Я не хочу такой любви! О боже!..
Мне прежняя твоя любовь была дороже!

РОКСАНА.

О нет, нет, ты неправ! Нам дороги цветы
Не формой лепестков, а дивным ароматом.
Теперь моя любовь, как жизнь и смерть, сильна.
Тебя любила б я несчастным, небогатым
И даже...

КРИСТИАН.

О, молчи!

РОКСАНА.

Осталась бы верна
Своей любви, когда б таинственная сила
Какой-нибудь злой феи иссушила
Всю красоту твою!

КРИСТИАН.

Молчи!

РОКСАНА.

Но почему?
Тебя я не пойму...

КРИСТИАН.

Меня любила бы ты даже некрасивым?

РОКСАНА.

О да! Любила бы.

КРИСТИАН.

В твоих словах нет лжи?

РОКСАНА.

Клянусь тебе, что нет! Ты счастлив? Да? Скажи!
Что значит этот вздох? Ты стал вдруг
молчаливым...

Но что с тобой?

КРИСТИАН (*мягко отстраняя ее*).

Я вспомнил, что забыл сказать я...

РОКСАНА.

Что?

КРИСТИАН.

Пустяк.

(*Указывая ей на группу гвардейцев в глубине.*)

Да... подойди же к ним, им счастье принеси ты;

Моя любовь тебя у них ведь отняла.

Быть может, через час все будут уж убиты.

Поди же к ним: пусть, радостно светла,

Твоя улыбка укрепит им силы.

Ступай, ступай, — они ведь на краю могилы.

РОКСАНА (*тронута*).

Мой милый, нежный друг!

(*Отходит к гасконцам, — те почтительно окружают ее.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Кристиан, Сирано, в глубине Роксана, гвардейцы
и Карбон.

КРИСТИАН (*у палатки. К Сирано*).

Эй, Сирано! Сюда!

СИРАНО (*появляется, вооруженный для боя*).

Как бледен ты!

КРИСТИАН.

Она меня не любит! Да!

Лишь ты любим!

СИРАНО.

Опомнись! Что с тобою?..

ЭДМОН РОСТАН

КРИСТИАН.

Она увлечена моей душой одною.

СИРАНО.

Нет! Нет!

КРИСТИАН.

Душою только, да, —
Так, значит, ты любим.

СИРАНО.

Нет, никогда!

КРИСТИАН.

И сам ее ты любишь.

СИРАНО.

Я?

КРИСТИАН.

Конечно.

Я это знаю.

СИРАНО.

Что ж! Не утаю,
Что я люблю ее.

КРИСТИАН.

Как жизнь свою!

СИРАНО.

Нет, больше.

КРИСТИАН.

И ее любил ты вечно.
Открой же это ей!

СИРАНО.

Нет!

КРИСТИАН.

Нет? Но почему?

СИРАНО.

Взгляни же на меня...

КРИСТИАН.

Нет! Мне она сказала,
Что и без красоты меня любить бы стала.

СИРАНО.

Она тебе сказала самому?

КРИСТИАН.

Да, да!..

СИРАНО.

Как счастлив я! Но все же, друг мой бедный,
Не верь ты ей самой. Пред силою победной
Великой красоты все ниц падет, пойми!
Ну да, я рад тому, что так она сказала,
Что эта мысль ее на миг хоть занимала...
(*Стараясь шутить.*)

Но все же, черт возьми,
Не вздумай на слове поймать ее, несчастный!
Уродом сделаться, поверь мне, — шаг опасный!

КРИСТИАН.

Увидим!

СИРАНО.

Как?

КРИСТИАН.

Пусть выберет она.
Ты все ей скажешь.

Эдмон РОСТАН

СИРАНО.

Нет! Мне эта мысль страшна!
Избавь, мой друг, меня от униженья.

КРИСТИАН.

Нет! Нет! Без возраженья!
Ты все ей скажешь.

СИРАНО.

Но постой...

КРИСТИАН.

Нет, счастья твоего своею красотой
Убить я не хочу, не смею.

СИРАНО.

Нет! Не смущай меня! Оставь! Когда б ты знал...

КРИСТИАН.

Я сам с собой соперничать устал —
И не могу считать ее своею.
Ты скажешь все ей.

СИРАНО.

Боже! Кристиан!..

КРИСТИАН.

Да! Прекратим же низкий наш обман.
И если я останусь жив...

СИРАНО.

О боже!..

КРИСТИАН.

Наш брак расторгнут может быть легко:
О нем никто не знал.

СИРАНО.

Но все же...

КРИСТИАН.

О! Я несчастен глубоко.
Но я хочу, чтобы меня любили
За самого меня, меня — ты слышишь? — или...
Я уйду, я осмотрю наш пост.
Ты все ей скажешь; выбор будет прост.

СИРАНО.

Он на тебя падет! Какое ж тут сомнение?

КРИСТИАН.

Надежду унесу с собой я в утешенье.
(Зовет.)
Роксана!

РОКСАНА (*быстро подходит к нему*).

Что, мой друг?

КРИСТИАН.

Вам скажет Сирано
Вещь очень важную.

Роксана торопливо подходит к Сирано. Кристиан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Роксана, Сирано, потом Ле Бре, Карбон де Кастель-Жалу, гвардейцы, де Гиш, Рагно.

РОКСАНА (*к Сирано*).

Какую?

СИРАНО (*в отчаянии, про себя*).

Он уходит!..

(*Роксане.*)

Воображение одно!

Пустяк его в смущение приводит.

Эдмон РОСТАН

РОКСАНА (*живо*).

Он сомневается? О друг мой, может быть,
Он сомневается в моих словах, скажите?

СИРАНО (*беря ее руку*).

А разве правду вы сказали? Говорите!

РОКСАНА.

Что я могла б его любить?..
(*Останавливается.*)

СИРАНО (*грустно улыбаясь*).

При мне — произнести боитесь это слово?

РОКСАНА.

Но...

СИРАНО.

Боже мой! Оно уж для меня не ново.
И некрасивым, да?

РОКСАНА.

И некрасивым, да.

Выстрелы.

О боже! Выстрелы!

СИРАНО (*пылко*).

С изъязном злейшим?
Обезображенным?

РОКСАНА.

Всегда,
И с чувством, может быть, еще сильнейшим.

СИРАНО (*теряя голову, в сторону*).

Быть может, счастье — вот оно...
Роксана! Знайте же...

ЛЕ БРЕ (*быстро войдя, зовет Сирано вполголоса*).

Послушай, Сирано...

СИРАНО (*оборачиваясь*).

Что?

ЛЕ БРЕ.

Тише.

(*Говорит ему на ухо.*)

СИРАНО (*выпуская фуку Роксаны, с криком*).

Боже мой! Все кончено!

РОКСАНА.

Что с вами?

Опять выстрелы.

Но что там? Выстрелы? Пальба?

Где Кристиан? Что это?

(*Идет, чтобы взглянуть в глубину.*)

СИРАНО (*в отчаянии, про себя*).

Не судьба!..

РОКСАНА.

Что происходит там?

СИРАНО (*останавливает ее*).

Нет, нет...

РОКСАНА.

Взгляните сами!

Входят гвардейцы; они что-то несут, прикрыв плащом и закрывая от Роксаны.

Что там у них?

СИРАНО (*не давая ей подойти*).

Ах, это... ничего.

ЭДМОН РОСТАН

РОКСАНА.

Но что же вы сказать хотели мне?

СИРАНО *(торжественно)*.

Роксана!

Я вам хотел сказать, что гений Кристиана,

Душа, и ум, и красота его —

Все было...

(Замолкает в ужасе от того, что сказал.)

РОКСАНА.

Было?

(Со страшным криком.)

Ах!..

(Бросается вперед, расталкивая всех.)

СИРАНО.

Все кончено!

РОКСАНА *(увидев тело Кристиана, прикрытое плащом)*.

О боже!

Мой Кристиан! За что, за что же?

ЛЕ БРЕ *(к Сирано)*.

При первом выстреле врага несчастный пал!

Роксана бросается к Кристиану. Снова выстрелы. Шум. Тревога. Барабаны. Лязг оружия.

КАРБОН.

Клади заряд!

(Бежит с гвардейцами на ту сторону откоса.)

РОКСАНА.

Мой милый!

КАРБОН *(за сценой)*.

Стройся!

РОКСАНА.

Мой Кристиан, я здесь с тобой, не бойся!

Прибегает Рагно, неся воду в каске.

КРИСТИАН (*слабым голосом*).

Роксана!..

СИРАНО (*быстро и тихо на ухо Кристиану в то время, как обезумевшая Роксана смачивает в воде лоскут, оторванный от платья*).

Я ей все сказал:

Она тебя лишь любит!

Кристиан закрывает глаза.

РОКСАНА (*наклоняясь к нему*).

Милый, милый!

(*К Сирано.*)

Ужели от меня он будет взят могилой?

КАРБОН (*за сценой*).

Эй, шомпол вынь!

РОКСАНА.

Ах! Холодеет он!

Мой Кристиан!..

КАРБОН (*командует*).

Скуси патрон!

РОКСАНА (*найдя на груди у Кристиана письмо*).

Письмо! Ко мне! Мой милый!

КАРБОН.

Целься!

ЭДМОН РОСТАН

РОКСАНА.

Милый!

(Целует письмо.)

Последнее письмо!

СИРАНО *(в сторону)*.

Мое посланье!

КАРБОН *(за сценой)*.

Пли!

Выстрелы, крики, шум битвы.

СИРАНО *(стараясь высвободить свою руку, которую Роксана держит, стоя на коленях)*.

Мне увести ее придется силой.

Они совсем уж близко подошли.

(Роксане.)

Однако должен я идти!

РОКСАНА.

Нет! Ради бога!

Останьтесь здесь со мной еще немного.

Он умер — и теперь не все ли мне равно?

Один лишь вы его и знали, Сирано.

(Тихо плачет.)

Не правда ли, он был поэт? Блестящий гений!

На свете не было, не правда ль, никого

Прекраснее его?

СИРАНО *(мягко)*.

О да!

РОКСАНА.

Я для него

Забыла бы весь мир без сожалений!

Какой был дивный ум!

СИРАНО.

Да, да!

РОКСАНА.

Как хороша,
Как восхитительна была его душа!

СИРАНО (*твердо*).

Да, да, Роксана, да!

РОКСАНА.

И вдруг его не стало!
Он умер, молод так, прекрасен и любим!
О, если бы меня убили вместе с ним!
(*Бросается на труп Кристиана.*)

СИРАНО (*в сторону, вынимая шпагу, с горькой иронией*).

Да, умереть и мне теперь бы не мешало:
Она меня оплакивает в нем!

Вдалеке трубы.

ДЕ ГИШ (*появляется на откосе, растрепанный, раненный
в лоб.*)

Сигнал обещанный! То наши! Подкрепление!
Еще немного — близко избавление!
Держитесь! Францию спасем!

РОКСАНА.

О! На его письме я вижу кровь и слезы!

ГОЛОС (*за сценой*).

Сдавайтесь!

ГОЛОСА ГВАРДЕЙЦЕВ.

Никогда!

РАГНО (*взобравшись на крышу кареты, наблюдает за боем*).

Опасность велика!..

СИРАНО (*де Гишу, показывая ему на Роксану*).

Несите прочь ее, пока
Я буду заряжать! Скорей!

РОКСАНА (*целуя письмо, слабым голосом*).

О! Эти слезы!

И эта дорогая кровь!
Прости... прости, моя любовь!..
(*Падает в обморок.*)

РАГНО (*спрыгивая с кареты*).

Она лишилась чувств!

ДЕ ГИШ (*на валу, гвардейцам, в бешенстве*).

Держитесь!

ГОЛОСА ИСПАНЦЕВ.

Что? Угрозы?

Сдавайтесь!

ГОЛОСА ГВАРДЕЙЦЕВ.

Ни за что!

СИРАНО (*де Гишу*).

Вы доказали нам,
Что храбры вы, — теперь бегите
(*указывая на Роксану*),
Чтобы спасти ее.

ДЕ ГИШ.

Сказать я должен вам,
Что вы, сдержав врага, победу нам дадите!
(*Поднимает Роксану и уносит ее с помощью Рагно.*)

СИРАНО.

Умрем! Но Францию сумеем мы спасти!
(*Кричит вслед уходящим.*)
Роксана, милая, прости!..

Шум. Крики. Многие гвардейцы появляются раненые и падают на сцене. Сирано, бросаясь в бой, сталкивается на гребне откоса с Карбоном, истекающим кровью.

КАРБОН.

На помощь, Сирано! На помощь! Мы слабеем!
Я ранен в голову ударом бердыша!

СИРАНО.

Не бойтесь, мы ответить им сумеем;
Недаром мести требует душа:
Я должен отомстить за Кристиана
И... и за счастье погибшее мое!
(Кричит гвардейцам.)
Вперед! Смелей! На помощь мне, Роксана!
(Втыкает в землю пiku с платком Роксаны.)
Вот знамя с шифром дорогим ее!
Гордись же им, счастливое копьё!
Вперед, друзья! Смелее!
Играй нам, Берtrandу! Так будет смерть милее!

Старый музыкант играет. Раненые гвардейцы поднимаются. Другие, сбегаая с насыпи, собираются вокруг Сирано и его знамени. Карета наполняется людьми с аркебузами. Некоторые влезают на крышу, превращая карету в редут.

ПЕРВЫЙ ГВАРДЕЕЦ *(показываясь, спиной к зрителям, на гребне откоса и продолжая сражаться, кричит).*

Они идут сюда!
(Падает мертвым.)

СИРАНО.

Ага! Пришли!
Мы их салютом встретим!

Откос мгновенно покрывается массой испанских солдат. Они разворачивают свои знамена.

Вперед! Смелей! Пли!

Залп.

ИСПАНСКИЙ ОФИЦЕР.

Пли!

Гвардейцы падают.

(Снимая шляпу.)

Что это за отряд? Солдат, подобных этим,
Я не встречал: здесь каждый смерти рад.
Кто может мне сказать, что это за отряд?

СИРАНО *(под свист пуль).*

Дорогу гвардейцам гасконским!

Мы дети одной стороны,

И нашим коронам баронским

И нашим мечам мы верны!

(Бросается в сопровождении нескольких оставшихся в живых гвардейцев вперед.)

Дорогу, дорогу гасконцам!..

Шум битвы заглушает его слова.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

«ГАЗЕТА СИРАНО»

Пятнадцать лет спустя, в 1655 году. Парк монастыря сестер Святого Креста в Париже. Великолепные тенистые деревья. Налево дом; широкая терраса, на которую выходит несколько дверей. Посреди сцены огромное дерево, в стороне от других. Направо, на первом плане, среди высоких кустов, полукруглая каменная скамья.

Вся глубина сцены занята каштановой аллеей; аллея тянется слева направо и заканчивается совсем в глубине, у церкви, которая виднеется между ветвями. Сквозь листву двух рядов деревьев аллеи видна вся глубина парка — другие аллеи, лужайка, боскеты, небо. За боковой дверью церкви колоннада, обвитая спелым виноградом. Осень. Над зелеными еще лужайками листва деревьев, вся золотая, местами темные пятна зеленых тисов и самшитов. Под каждым деревом — груды желтых листьев. Эти листья устилают всю сцену, шуршат под

ногами в аллеях, наполовину покрывают крыльцо и скамьи. Направо, между скамьей и деревом, — большие пальцы с подставленным к ним маленьким стулом. Корзина, полная клубков и мотков. Начатая вышивка.

При поднятии занавеса монахини в белом прохаживаются по парку. Некоторые сидят на скамье, рядом с пожилой монахиней. Падают листья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мать Маргарита, сестра Мария, сестра Беата,
монахини.

БЕАТА (*Маргарите*).

Да, матушка, сестра Мария
Смотрелась в зеркальце вчера...

МАРГАРИТА (*Марии*).

Замашки скверные какие!

МАРИЯ.

Ну, ей бы помолчать пора!
Быть может, я и виновата,
Но, матушка, сестра Беата
Взяла сегодня пирожок второй.

МАРГАРИТА (*Беате*).

О боже правый! Грех какой!

БЕАТА.

Один лишь пирожок...

МАРИЯ.

Два беглых взгляда...

МАРГАРИТА.

Вас наказать не мудрено:
Сегодня расскажу все это Сирано.

Эдмон РОСТАН

МАРИЯ (*испугана*).

Мать Маргарита! Нет!

БЕАТА.

Пожалуйста, не надо!

Он насмеяться будет без конца!

(*Глядя на Марию.*)

Его остроты все так метки;

Он скажет, что монахини — кокетки!

МАРИЯ (*глядя на Беату*).

И лакомки!

МАРГАРИТА (*улыбаясь*).

И добрые сердца!

Эх, детки, детки!..

МАРИЯ.

Не правда ль, матушка, ведь скоро десять лет,
Как посещает нас он каждую субботу?

МАРГАРИТА.

Пожалуй, более, по моему расчету, —
С тех пор, как, навсегда покинув шумный свет,
Его кухня поселилась с нами.
Скрывает здесь она, за мирными стенами,
Свою глубокую печаль.

БЕАТА.

Одежда черная и траурный вуаль
Средь нас ее так выделяют странно;
И кажется она, представьте, постоянно
Мне черным лебедем меж белых лебедей.

МАРИЯ.

Один ее кузен веселостью своей
Как будто уменьшает горе,
Что словно замерло в ее печальном взоре.

МОНАХИНИ.

Ах, он такой смешной! — Он дразнит нас всегда!
— Мы любим все, когда приходит он сюда.
— Ему готовим мы любимое варенье.

МАРИЯ (*качая головой*).

Но он не набожен!

БЕАТА.

Его мы просветим!

МОНАХИНИ.

Да! Да! Его мы в веру обратим!

МАРГАРИТА.

Нет, дети, нет! Все ваши наставленья
Не сделают его другим.
Не мучайте его; покой да будет с ним.

БЕАТА.

Но... бог...

МАРГАРИТА.

Поверьте мне, что он угоден богу:
Он в жизни избирал прямую лишь дорогу.

БЕАТА.

Однако он всегда мне говорит: «Сестра!
Я и не думал ведь поститься-то вчера!»
И с гордостью слова он произносит эти.

МАРГАРИТА.

Он это говорит? Так слушайте меня:
В последний раз не ел он ничего два дня,
Когда он к нам пришел.

ЭДМОН РОСТАН

БЕАТА.

О матушка!

МАРГАРИТА.

Да, дети.

Он страшно беден.

БЕАТА.

О! Кто это вам сказал?

МАРГАРИТА.

Мосье Ле Бре.

БЕАТА.

Ему никто не помогает?

МАРГАРИТА.

Он помощи ни от кого б не взял;
Он рассердился бы.

В одной из аллей, в глубине, показывается Роксана, вся в черном, в траурной вуали и вдовьем чепце. Рядом с нею де Гиш, по-прежнему блестящий, но постаревший.

МАРГАРИТА.

А! Вот она гуляет.

Явился посетитель к ней.

Пойдемте же домой скорей.

(Встает).

БЕАТА *(Марии, тихо).*

Мне кажется, что это маршал...

МАРИЯ.

Что ты?

Да, вижу! Это герцог де Грамон.

Однако здесь давно уж не был он...

МОНАХИНИ.

Он занят. Войны, двор...

БЕАТА (*вздыхая*).

Житейские заботы...

Монахини уходят. Де Гиш и Роксана останавливаются у
пальцев. Пауза.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Роксана, герцог де Грамон, бывший де Гиш, потом
Ле Бре и Рагно.

ДЕ ГИШ.

Итак, останетесь среди этой тишины
Вы вечно в трауре своем глубоком?

РОКСАНА.

Вечно.

ДЕ ГИШ.

Ужели, красоты и прелести полны,
Вы тени будете по-прежнему верны
Всегда, упорно?..

РОКСАНА.

Бесконечно.

ДЕ ГИШ (*после паузы*).

Меня простили вы?

РОКСАНА.

Вы видите — я здесь.

Пауза.

ДЕ ГИШ.

Так он действительно...

РОКСАНА.

О! Вы его не знали,
Вы в нем лишь красоту наружную видали;
Но душу всю его, весь ум и гений весь —
Их надо было знать!

ДЕ ГИШ.

Я знал их слишком мало.
Его письмо на сердце все у вас?..

РОКСАНА.

Оно меня еще не покидало;
Со мною будет и в последний час.
О! Дорогого талисмана
Я не сниму уж никогда.
Он на груди моей, вот здесь со мной всегда.
(Показывает на бархатную ладанку на груди.)

ДЕ ГИШ.

Его и мертвого вы любите, Роксана?

РОКСАНА.

Он для меня не умер! Он — со мной!
Он говорит со мной в тиши ночной,
И, надо мной таинственно витая,
Жива, жива любовь его святая!

ДЕ ГИШ (после паузы).

А Сирано? Он посещает вас?

РОКСАНА.

Да, очень часто.

ДЕ ГИШ.

А!

РОКСАНА.

В неделю раз!

Мой добрый, старый друг!.. Ценю я дружбу эту.

Он заменяет мне газету...

(Смеется.)

Он появляется всегда в известный час,

В известный день. Так, каждую субботу

Здесь жду его я, в руки взяв работу.

В хороший день

Ему сюда выносят кресло в тень.

Часы пробьют — с последним их ударом

Стучит тяжелая уж на террасе трость.

Я даже не смотрю — я знаю, кто мой гость.

Его газетою я назвала недаром:

Садится он сюда, немножко в стороне,

Над вышивкой моей пошутит неизбежно,

И новости потом рассказывает мне.

Так час проходит безмятежно.

Ле Бре появляется на террасе.

Ах, здравствуйте, Ле Бре! Ну, как живет наш друг?

ЛЕ БРЕ.

Как он живет? Да очень скверно.

ДЕ ГИШ.

Что с ним?

РОКСАНА *(герцогу)*.

Напрасен ваш испуг:

Преувеличил наш Ле Бре, наверно.

ЛЕ БРЕ.

Все, что предсказывал когда-то я ему,

Сбылось, к большому горю моему.

Теперь он в нищете, все от него далеки,

И плакать я над ним готов.

Да, слишком смело уж бичует он пороки

И этим создает везде себе врагов.

РОКСАНА.

Но меч его, как прежде, всех пугает,
И справиться никто не мог бы с ним.

ДЕ ГИШ *(качая головой)*.

Кто знает!..

ЛЕ БРЕ.

Нет! Для него я не врагов боюсь,
Не нападений, вам я признаюсь...
Но одиночество, тоска, декабрьский холод,
Что крадется в его убогое жильё,
Да темнота вокруг, да голод —
Их опасается предчувствие мое.
Вот те враги, что для него опасны;
Бледнеет он, худеет с каждым днем,
Так жалок в стареньком кафтанчике своем...

ДЕ ГИШ.

Да! Неудачник он! А все-таки напрасно
О нем жалеть.

ЛЕ БРЕ *(с горькой улыбкой)*.

О маршал!

ДЕ ГИШ.

Да, да, да.

Душа его всегда была горда.
Он жил не кланаясь, он думал что угодно,
И действовал, как мыслил он, — свободно.

ЛЕ БРЕ *(так же)*.

Но, герцог...

ДЕ ГИШ *(высокомерно)*.

Знаю я, что скажете вы мне:
Что у меня есть все, а он бедняк вполне...

Но все же я б пожал ему охотно руку.

(Кланяясь Роксане.)

Позвольте мне проститься...

РОКСАНА.

Как, уже?

Герцог кланяется Ле Бре, Роксана провожает герцога до крыльца.

ДЕ ГИШ *(пропуская ее вперед, когда она подходит к ступенькам крыльца).*

Да, стоя уж на рубеже
Грозящей старости, предчувствуя разлуку
Со всем, что я любил, чем жил, —
Я позавидовать готов ему порою.
На что истратил я цвет жизни лучших сил?
Во многом упрекнуть могу себя, не скрою,
Немало низостей, и фальши, и измен
Мой титул тащит за собою,
Как листья желтые влачит ваш черный трен.

РОКСАНА *(насмешливо).*

Какая лирика!

ДЕ ГИШ.

Бывает и со мною.

(Собирается уйти, затем вдруг, с живостью.)

Мосье Ле Бре!

(Роксане.)

Позвольте? Пару слов...

(Подходит к Ле Бре и говорит ему вполголоса.)

Вы были правы: из врагов

Никто не нападет на Сирано открыто.

Но кто-то мне вчера сказал, что Сирано,

Быть может, умереть... случайно... суждено.

ЛЕ БРЕ.

Как!

ДЕ ГИШ.

Так сказали мне... Но вы-то,
Вы понимаете, что это значит? Да,
Так пусть он будет осторожен
И не выходит часто.

ЛЕ БРЕ (*поднимая руки к небу*).

Осторожен!
Ему скажу я... Он придет сюда...
Но для него совет подобный невозможен.

РОКСАНА (*стоя на террасе, монахине, которая к ней
подходит*).

Кто там?

МОНАХИНЯ.

Пришел Рагно.

РОКСАНА.

Пусть он сюда войдет.
(*Де Гишу и Ле Бре*).
Рагно пришел ко мне. Я знаю наперед,
В чем дело: помощи просить он будет, верно;
Он был уж автором...

ЛЕ БРЕ.

Цирюльником...

РОКСАНА.

Писцом...

ЛЕ БРЕ.

Церковным сторожем...

РОКСАНА.

Актером...

ЛЕ БРЕ.

Столяром...

РОКСАНА.

Рассыльным...

ЛЕ БРЕ.

Банщиком...

РОКСАНА.

Певцом...

ЛЕ БРЕ.

Неимоверно!

РОКСАНА.

Но кем сегодня явится он к нам?
(*Смеется.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Рагно.

РАГНО (*вбегая*).

Сударыня!
(*Заметив Ле Бре.*)

Вы здесь?

Сейчас вернусь я к вам.

РОКСАНА (*улыбаясь*).

А вы пока с Ле Бре поговорите,
Про ваши бедствия ему вы расскажите.

РАГНО.

Но я, сударыня...

Роксана, не слушая, уходит с де Гишем, Рагно возвращается к Ле Бре.

А впрочем, пусть она
Не знает ничего. Так лучше.

ЭДМОН РОСТАН

ЛЕ БРЕ.

Что случилось?

РАГНО.

Она бы слишком огорчилась:
Ведь с ним она действительно дружна!

ЛЕ БРЕ.

Да говори же толком, что такое?

РАГНО.

Несчастье большое!..

ЛЕ БРЕ.

С кем?

РАГНО.

С Сирано!

ЛЕ БРЕ.

О боже! С Сирано?

РАГНО.

Я шел к нему; он в это время вышел
Из дома своего. Вдруг хлопнуло окно,
И тут я страшный крик услышал.
Я улицу едва перебежал —
Передо мной он весь в крови лежал.

ЛЕ БРЕ.

О подлецы! Но что же это было?

РАГНО.

Должно быть, случай. Страшное бревно
Упало вдруг с окна и голову разбило
Там проходившему случайно Сирано.

ЛЕ БРЕ.

Случайно? Подлецы! Он жив еще?

РАГНО.

Он дышит.

Я перенес его домой.

ЛЕ БРЕ.

Страдает сильно он? О друг несчастный мой!

РАГНО.

Он ничего не чувствует, не слышит.
Как у него там холодно, темно!..

ЛЕ БРЕ.

Ты доктора позвал?

РАГНО.

Из сострадания
Пришел один.

ЛЕ БРЕ.

Мой бедный Сирано!
Но доктор облегчил его страдания?

РАГНО.

Куда там! Но идем — с ним нету никого;
Ведь я его оставил одного.
Он забинтован весь, наложены повязки.
Врач говорит: горячка, менингит —
Все может быть. Он там один лежит.
И если встанет он, не миновать развязки!

ЛЕ БРЕ (*увлекая его направо*).

Идем скорей, идем — часовней ближе путь!
Его успеем к жизни мы вернуть.

РОКСАНА (*появляясь на террасе, видит Ле Бре, бегущего
вдоль колоннады к боковой двери церкви*).

Мосье Ле Бре!

Ле Бре и Рагно убегают.

Ле Бре уходит без ответа?
Должно быть, новая история Рагно!
Однако вот и час визита Сирано.
(Спускается с террасы.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Роксана одна, потом, на минуту, две монахини.

РОКСАНА.

Сентябрьский этот день не хуже лета.
Синеют небеса. Осенний воздух чист.
На землю с шелестом ложится желтый лист.
Не так уж зной томит, не так уж ярки краски,
И мягкой осени задумчивые ласки
Не оскорбляют сердца моего.
(Подсаживается к пальцам, задумчиво.)
О! Если б прошлое хотя на миг воскресло!..

Две монахини выходят из дома; они выносят большое кресло и ставят его под деревом.

А! Вот и Сирано классическое кресло!

БЕАТА.

Во всей приемной нет удобнее его.

РОКСАНА.

Благодарю, сестра Беата.

Монахини удаляются.

Как хорошо вокруг!
Все тишины полно и аромата.
Сейчас придет мой добрый старый друг,
Свидетель радостей, ушедших без возврата...

Бьют часы.

Вот бьют часы... Но где ж мой шелк? А, вот...
Как? Пробили часы, а он все не идет?

Что б это значило? Ужель он опоздает?
Сегодня в первый раз! Нет, нет, — наверно, с ним
Сестра привратница о небе рассуждает,
Его покаяться усердно убеждает...

Пауза.

Да, да, наверно так. Он всеми здесь любим.
Ах, где наперсток мой?.. Он опоздать не может.
Повсюду желтый лист!
(Отбрасывает упавший на пальцы желтый лист.)
Здесь желтый шелк... вот так...
(Работает.)
Нет, это, наконец, меня тревожит...
Придумать не могу...

МОНАХИНЯ *(с террасы)*.

Мосье де Бержерак!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Роксана, Сирано, на минуту сестра Беата.

РОКСАНА *(не глядя)*.

Ну да, конечно, он!
(Продолжает вышивать.)

Сирано входит, страшно бледный; его шляпа низко надвинута на глаза; монахиня, провожавшая его, скрывается. Он медленно, с усилием спускается с террасы, тяжело опираясь на свою трость.

(Вышивает.)

Без палевого цвета

Никак не обойтись.

(К Сирано, тоном ласкового упрека.)

Ну, что ж моя газета

Сегодня запоздала — в первый раз

За десять лет? И вам не стыдно?

СИРАНО (*с трудом добравшись до кресла, веселым голосом, резко контрастирующим со страдальческим выражением лица*).

Еще бы! От стыда поднять не смею глаз.
Я был задержан. Так обидно!

РОКСАНА.

Кем это?

СИРАНО.

Посещение одно,
Совсем некстати...

РОКСАНА.

Что такое?
Нежданный гость?

СИРАНО (*в сторону*).

О!.. Смерть!
(*Роксане.*)

Нет, гостья...

РОКСАНА (*с шутливым упреком*).

Сирано!

СИРАНО.

Но ей велел себя оставить я в покое.
«Сударыня, — сказал я ей, —
Суббота нынче, вы забыли;
И удержать меня вы... даже вы не в силе,
А потому зайдите-ка позднеей».

РОКСАНА (*небрежно*).

О! Подождать сегодня ей придется:
До вечера я вас не отпущу домой.

СИРАНО (*с нежностью в голосе*).

Нет... может быть, уйду пораньше я, друг мой.
(*Закрывает глаза и умолкает.*)

Сестра Беата проходит от часовни к террасе. Роксана замечает ее и делает знак подойти.

РОКСАНА.

Что значит это, а? Он с вами не смеется.
Вы не поссорились?

СИРАНО (*быстро открывая глаза*).

С сестрой Беатой? Я?

Да что вы! Никогда!
(*Нарочито грубоватым тоном.*)

Сестра моя,
Приблизьтесь!

Сестра Беата подходит.

Ха-ха-ха! Потупленные глазки!

БЕАТА (*поднимая глаза, с улыбкой*).

Но...
(*Видит его лицо и вскрикивает.*)
Боже мой!

СИРАНО (*указывая на Роксану, тихо*).

Тс... тс... ни слова ей!
(*Громко, шутливым тоном.*)
Сестра!
Я и не думал ведь поститься-то вчера!

БЕАТА.

Я знаю.
(*В сторону.*)

Знаю эти сказки.
Вот почему так бледен он.
(*К Сирано, быстро и тихо.*)
Послушайте... потом придите... вас в трапезной
Горячий будет ждать бульон,
Вам это будет так полезно...
Ну, обещайте мне! Придете?

СИРАНО.

Да, да, да!

БЕАТА.

Вы рассудительней сегодня, чем всегда.

РОКСАНА (*слышит, как они шепчутся*).

Опять за проповедь, сестра? Ну что, успешно?
Он обращен уже?

БЕАТА.

И не пытаюсь я.

СИРАНО.

А, правда? Вот потешно!
Послушайте, сестра моя,
Я вас не узнаю: где ж ваши наставленья?
Что ж не пытаетесь сегодня вы вернуть
Меня на правый путь?
(*С притворным гневом.*)
О гром и молния! Так вот вам порученье...
(*Делает вид, что думает, как бы получше
пошутить, и наконец придумывает.*)
Сегодня вечером, колени преклоня,
Вы... помолитесь-ка в часовне за меня!

РОКСАНА.

Что? Что?

СИРАНО (*смеясь*).

Ха-ха! Сестра нема от удивленья!

БЕАТА (*коротко*).

Простите... Не ждала на то я позволенья.
(*Уходит.*)

СИРАНО (*Роксане, склоненной над пальцами*).

О вышивка, увы! Велением Творца
Узреть не суждено мне твоего конца!

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

РОКСАНА (*шутливо*).

А! Я ждала тебя, классическая фраза!

Падают листья.

О! Листья падают!..

(*Поднимая голову и глядя в глубину аллеи.*)

Какой чудесный тон!

Какой-то мягкой ласкою для глаза

Мне кажется их золотистый фон.

Как осыпаются они красиво!

СИРАНО.

Красиво, да... Летят... летят... легли...

Пауза.

Да! Перед тем как сгнить в пыли

Безропотно и молчаливо,

Последней красотой увядший лист блеснет, —

Его падение похоже на полет.

РОКСАНА.

Вы в меланхолии?

СИРАНО (*весело*).

Я? О, ничуть, Роксана!

РОКСАНА.

Пускай себе летят, летят листья платана.

Все умереть должно... Не все ли нам равно?

Ну, что же нового в Париже, Сирано?

СИРАНО.

Что нового?.. Да... Да...

РОКСАНА.

Я жду мою газету.

СИРАНО (*становясь все бледнее и бледнее, явно борясь с болью*).

В субботу: при дворе получен виноград.
Его величество брал десять раз подряд.
Чтоб кровь ему пустить, прибегнули к ланцету.
Ее величеством был дан парадный бал, —
Да... это было в воскресенье.
Всех поразило освещенье:
Ах, восемьсот сорок один шандал!
Трех колдунов повесили, не шутка!
Побить австрийцев собрались.
Страдала несварением желудка
Собачка госпожи д'Атис.

РОКСАНА (*смеясь*).

И что же, это все? Молчите вы, бездельник?

СИРАНО.

Позвольте же... что было в понедельник?
Мне кажется, что ничего...
Пальмира бросила Алькандра своего,
И Лизимон над ней торжествовал победу.

РОКСАНА.

О!

СИРАНО (*все с большим и большим трудом*).

Вторник — празднество в Фонтенебло.
Монгла решительно и зло
Сказала «нет» маркизу в среду,
Зато в четверг
Ответ красавицы в восторг его поверг.
Что было в пятницу? Король портрет Манчини,
Своей вновь избранной богини,
Изволил заказать. В субботу...
(*Закрывает глаза. Голова его падает. Молчание.*)

РОКСАНА (*удивленная, что не слышит больше ничего, оборачивается, смотрит и в ужасе вскрикивает*).

Сирано!

Мой бог! Что с ним?
(*Подбегает к нему.*)

СИРАНО (*открывая глаза, невнятно*).

А! Что?
(*Видит склоненную над ним Роксану и, быстро поправив шляпу на голове, откидывается в кресле.*)

О боже мой! Не бойтесь!
Пустое! Все прошло!..

РОКСАНА.

Но вы...

СИРАНО.

Не беспокойтесь!

Я говорю вам, все прошло давно.
Все эта рана... та...

РОКСАНА.

Да, друг мой бедный!

СИРАНО.

Аррасская... вот, не прошла бесследно
И раскрывается подчас.
Но все пройдет.
(*С усилием улыбается.*)

Прошло, Роксана!

РОКСАНА.

Мой бедный друг, у каждого из нас
Есть незажившая, мучительная рана.
Да, есть и у меня, — и все она жива...
(*Кладет руку на грудь.*)
Она вот здесь, здесь, под письмом заветным,
Уж пожелтевшим, где любви слова

Смешались с тем, лишь для меня заметным,
Священным следом крови дорогой
И слез его!

Смеркается.

СИРАНО.

О друг любимый мой,
Вы помните... вы мне однажды обещали
Его прочесть когда-нибудь! Нельзя ли?

РОКСАНА.

Его прочесть хотели б вы?..

СИРАНО.

Сегодня. Да... да...

Роксана дает ему ладанку с груди.

Можно? Да?

РОКСАНА.

Прочтите...

(Возвращается к пяльцам: убирает работу.)

СИРАНО *(вслух)*.

«Настал последний час. Зашла моя звезда...»

РОКСАНА *(прерывая свое занятие, с удивлением)*.

Зачем же вслух?

СИРАНО.

«Смерть ждет меня — простите.
О боже! Умереть так далеко от вас!
Но что я? Вы со мной в ужасный этот час.
Ваш образ дорогой здесь надо мной витает, —
Я слышу голос ваш...»

РОКСАНА.

Мой бог! Как он читает!

СИРАНО.

«Ужели никогда уж мне не суждено
Увидеть всю тебя, твой стан воздушный, гибкий,
Глаза лукавые, с мечтательной улыбкой?
О боже мой! Кричать хочу я!!»

РОКСАНА.

Сирано!

Темнеет.

СИРАНО.

«И я кричу: прощай — навеки покидая...»

РОКСАНА.

О! Как читает он!

СИРАНО.

«Тебя, о жизнь моя...»

РОКСАНА.

Но этот голос...

СИРАНО.

«Вечно дорогая,
Любимая...»

РОКСАНА.

Но этот голос я
Не в первый раз сегодня слышу... Боже!
*(Пораженная, приближается тихонько, незаметно
для Сирано, проходит за его креслом, бесшумно
наклоняется, смотрит на письмо.)*

Мрак сгущается.

СИРАНО.

«Ты для меня была всего дороже, —
Тебе, о милая, теперь я отдаю
Последний поцелуй, последнее дыханье
И мысль последнюю мою.
Прости, нет, не прости, о друг мой, — до свиданья
Там, в небесах за гробом!..»

РОКСАНА (*кладя ему руку на плечо*).

Сирано!

Как вы читаете? Теперь совсем темно!

Сирано вздрагивает, оборачивается, видит ее совсем близко,
откидывается в ужасе и опускает голову. Долгая пауза.

(*Медленно говорит, сложив руки.*)

Пятнадцать лет вы эту роль играли?..

СИРАНО.

Роксана!..

РОКСАНА.

Это были вы.

СИРАНО.

Нет, нет, Роксана, нет!

РОКСАНА.

Мой бедный друг! Увы!
Вы счастье у себя украли!..

СИРАНО.

Нет! Вы ошиблись, нет!

РОКСАНА.

Тяжка моя вина...
Я отгадать была должна.
Теперь я поняла весь ужас этой муки!
Все письма дивные — писали вы...

СИРАНО.

Нет! Нет!

РОКСАНА.

Те страстные слова, что жгли меня в разлуке,
Принадлежали вам!

СИРАНО.

Нет!

РОКСАНА.

И тот милый бред,
Что приводил меня в такое упоенье, —
Он вам принадлежал!

СИРАНО.

Нет! Нет!

РОКСАНА.

Душа и гений

Все это были вы!

СИРАНО.

Нет, нет!

РОКСАНА.

И в эту ночь,
Там у окна тогда... я говорила с вами...
Вы увлекли меня волшебными словами!..

СИРАНО.

Нет! Эту мысль гоните прочь!
Нет! Я вас не любил!

РОКСАНА.

Нет, вы меня любили.

Эдмон РОСТАН

СИРАНО.

Нет... Я вас не любил...

РОКСАНА.

Я знаю, что, любя,
Вы так великодушны были!

СИРАНО.

Нет! Нет! Любовь моя, я не любил тебя!

РОКСАНА.

О боже! Сколько вдруг бессильных сожалений,
Пролитых даром слез, умчавшихся волнений!
Зачем молчали вы пятнадцать долгих лет?
Зачем скрывали вы так гордо ваш секрет?
Зачем в душе таили счастья грезы?
Письмо, что столько лет питало мне любовь, —
Принадлежали вам его слова и слезы!

СИРАНО.

(Отдавая письмо.)

Да... но не мне принадлежала кровь.

РОКСАНА.

Так почему же вы сегодня вдруг решились
Сломать секрета своего печать?
И почему вы не могли молчать?

СИРАНО.

О!.. Почему?

Вбегают Ле Бре и Рагно.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Ле Бре и Рагно.

ЛЕ БРЕ.

Как!

РАГНО.

Вы сюда явились?

ЛЕ БРЕ.

Безумие! Я был уверен в том!

СИРАНО *(улыбаясь и выпрямляясь)*.

Ну, не ворчи! Смотри, я молодцом!

ЛЕ БРЕ.

Себя убил он, встав с постели!

РОКСАНА.

Так этот обморок... О боже! Неужели?

СИРАНО.

Да, правда, сил не стало у меня
Докончить вам мою газету;
Простите мне оплошность эту.
«В субботу, сентября шестнадцатого дня,
Поэт де Бержерак убит рукой злодея».
(Снимает шляпу; видно, что голова его обвязана.)

РОКСАНА.

Что это? Сирано! – Он бредит! Боже мой...

СИРАНО.

Нет, нет. Вполне в своем уме я.
О, как обманут я насмешницей судьбой!
Я умереть мечтал на поле чести,
Сражен врага достойного рукой.
И что же? Стал я жертвой низкой мести.
Я смерти не хотел такой!
Убийца мой – лакей наемный.
Всю жизнь я был бедняк бездомный,
Всю жизнь терпел лишения я.
Мне все не удалось – и даже смерть моя!

Эдмон РОСТАН

РАГНО.

О сударь!

СИРАНО.

Ну, не плачь! Во всем должна быть мера.
(Протягивает ему руку.)
Кем служишь ты теперь, любезный мой собрат?

РАГНО (сквозь слезы).

Я... я... ламповщиком служу я... у... Мольера.

СИРАНО.

Мольер! А! Он талантлив, говорят!

РАГНО.

Да, но я возмущен и ухожу. «Скапена»
Давали там вчера — и что ж я нахожу?
Там целая у вас заимствована сцена!

ЛЕ БРЕ.

Да! Сцену он украл.

РАГНО.

И вот я ухожу.

ЛЕ БРЕ.

Поступок...

СИРАНО.

Тс... молчи! Не гневайся напрасно:
Он поступил прекрасно.
И эта сцена — что ж, имела ведь успех?

РАГНО (рыдая).

Да, сударь, да! Был общий... общий смех!

СИРАНО.

Да, это жизнь моя, мое предназначенье —
Суфлировать... и получать... забвенье!
(*Роксане.*)

Вы помните ту ночь? Вот так — вся жизнь моя.
В тени стоял смиренно, робко я,
Другие же наверх взбирались гордо
За поцелуем славы иль любви.

РОКСАНА.

Нет! Будешь счастлив ты еще! Я верю твердо,
Мой добрый, нежный друг! Живи!

В церкви начинают звонить в колокол, и монахини устремляются на молитву.

СИРАНО.

Пусть за меня они помолятся сегодня.

РОКСАНА (*встает, чтобы позвать монахиню.*)

Сестра моя! Сестра!

РАГНО (*рыдая.*)

О власть Господня!

СИРАНО (*удерживая Роксану.*)

Не надо никого... Не уходите... Нет...
Когда вернетесь вы, меня уж здесь не будет.
Пусть я останусь так... Там Бог меня рассудит.

Монахини вошли в церковь. Звуки органа. Луна.

Какое счастье!.. Вот и лунный свет.
Что это? Звуки сладкие органа?
И аромат цветов вокруг?
О, как мне хорошо! Как счастлив я, Роксана!

Эдмон РОСТАН

РОКСАНА.

Но я люблю тебя! Живи, мой друг, мой друг!

СИРАНО.

Нет, нет, моя любовь! Я счастлив этой лаской, —
И жизнь мне кажется теперь волшебной
сказкой.

Ведь только в сказках и найдешь,
Что вдруг сбываются несбыточные грезы,
Что бедный принц-урод становится хорош...
А мы живем ведь в мире скучной прозы.

РОКСАНА.

Мой друг!

СИРАНО.

Благодарю! О, я теперь живу!
Ты сладкий сон даешь мне видеть наяву.
(Улыбаясь луне.)
Луна! И ты, мой друг! С тобой я умираю!

РОКСАНА.

О боже! Я всю жизнь любила одного,
И дорогое это существо
Теперь вторично я теряю!

СИРАНО.

Ле Бре! Вот наконец взлечу я на луну.
Теперь изобретать не надо мне машины.
Там посреди опаловой равнины
Иную жизнь с восторгом я начну.

РОКСАНА.

Что? Что ты говоришь?

СИРАНО.

Что говорю я?

Луна, луна, всегда меня чаруя,
Была близка, была понятна мне.
Я верю, что мой рай найду я на луне, —
Всегда туда душой стремился я тревожной.
Там много есть мне дорогих теней!
Там, верно, и Сократ! И мудрый Галилей!

ЛЕ БРЕ (*возмущен*).

Нет! Нет! Чудовищно! Нелепо! Невозможно!
Поэт такой, такой талант убит!
Такой великий ум погиб — и невозвратно!
Смерть! Это для меня ужасно, непонятно!..
Так умереть!

СИРАНО.

Ле Бре опять ворчит!

ЛЕ БРЕ (*рыдая*).

Мой друг!

СИРАНО (*приподнимаясь, с блуждающим взором*).

Дорогу, дорогу гасконцам!
Мы родины общей сыны...
Мы все под полуденным солнцем...
В первичном веществе... да... вы понять
должны!..

ЛЕ БРЕ.

В бреду его преследует наука.

СИРАНО.

Коперник говорит...

РОКСАНА.

Мой бог! Какая мука!

СИРАНО.

Да? Но зачем явился он на свет?
Зачем попал на эту он галеру?
Зачем всю жизнь любил свою химеру?
Зачем он был поэт?
А!.. Здесь похоронен поэт, бретер, философ,
Не разрешивший жизненных вопросов;
Воздухоплаватель и физик, музыкант,
Непризнанный талант,
Всю жизнь судьбой гонимый злобной;
Любовник неудачный и бедняк —
Ну, словом, Сирано де Бержерак.
Почтим его мы надписью надгробной:
Он интересен тем,
Что всем он был — и не был он ничем!..
Но мне пора... простите... вот... с луною
Я должен уходить... Она пришла за мною...
(Падает в кресло. Слезы Роксаны возвращают его к действительности; он смотрит на нее и кончиками пальцев берет край ее покрывала.)
Нет! Кристиан был добр... прекрасен и умен!
Клянусь, что вашей был любви достоин он.
Любите же его... Но только пусть немного
Ваш траур и ко мне относится теперь.

РОКСАНА.

Клянусь тебе, — мой дорогой, поверь, —
Что я люблю тебя!

СИРАНО *(вздрагивает и быстро поднимается)*.

Не здесь! Нет! Ради бога!

Его поддерживают.

Один... не надо никого.
Она идет ко мне! Да, да, я холодею!..
(Прислоняется к дереву.)

Лицом к лицу я встречу с нею,
Со шпагою в руке...

РОКСАНА (*ломая руки*).

Спасти! Спасти его!

Сирано хватает шпагу. Все отступают.

СИРАНО.

А, смерть курносая!.. Смеешься надо мною?..
Ты смотришь на мой нос!.. Тебя я проучу!..
(*Поднимает шпагу.*)

Почтенье к моему мечу!..

— Что говорите вы? Считаете смешною,
Ненужной выходку мою?

И сам я признаю,

Что в бой вступать со смертью бесполезно.

Передо мной уже раскрылась бездна.

Но на врага идти, когда в руках успех, —

Достойно труса лишь. Но кто передо мною?

Вас сотни? Тысячи? Стоите вы стеною?

Ага! Я узнаю вас всех!

Вы, старые враги! Ты, ложь!

(*Поражает шпагой воздух.*)

Вы, предрассудки!..

Ты, подлость! Вот тебе!.. А, змеи клеветы!

Вот вам!

(*Снова поражает воздух.*)

Чтоб я вам уступил? Оставьте шутки!

А, глупость, страшный враг, вот, наконец, и ты!

Я знаю, что меня сломает ваша сила,

Я знаю, что меня ждет страшная могила,

Вы одолеете меня, я сознаюсь.

Но все-таки я бьюсь, я бьюсь, я бьюсь!

(*Со страшной силой поражает шпагою воздух, пока, наконец, задохнувшись, не останавливается.*)

А! Вы всё отняли! Вы все разбили грезы!

Вы взяли лавры, взяли розы!

Берите всё! Всё! Всё! Но все-таки с собой

Кой-что я уношу, как прежде, горделивым,

И незапятнанным, и чистым, и красивым, —

Кой-что оставлено и мне еще судьбой.
Сегодня вечером, да, да, в гостях у Бога
Я у лазурного остановлюсь порога
И покажу ему тот знак, что был мне дан...
*(Шпага выскользывает из его рук, он шатается и
падает в объятия Ле Бре и Рагно.)*

РОКСАНА *(склонясь над ним и целуя его в лоб).*

Что ж это, милый мой?

СИРАНО *(открывает глаза, узнает ее и счастливо
улыбается).*

Мой рыцарский султан.

Занавес

ОРЛЕНОК

ДРАМА В ШЕСТИ АКТАХ
В СТИХАХ

Нельзя себе и вообразить впечатления, произведенного смертью молодого Наполеона. Я видел, как плакали даже юные республиканцы.

Генрих Гейне

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Франц, герцог Рейхштадтский.
Серафим Фламбо.
Князь Меттерних.
Император Франц I, австрийский.
Маршал Мармон.
Портной.
Фридрих фон Гентц.
Секретарь французского посольства (офицер).
Кавалер фон Прокеш-Остен.
Тибурций де Лорже.
Граф Дитрихштейн, наставник герцога.
Барон фон Обенаус.
Граф де Бомбелль.
Генерал Гартман.
Доктор.
Граф Седлинский, шеф полиции.
Гвардеец.
Лорд Ковлей, английский посол.
Тальберг.
Фюрстенберг.
Монтенегро.
Сержант полка герцога Рейхштадтского.
Капитан Форести.
Старый крестьянин.
Виконт Отрантский.
Сандор.
Скарампи.
Пионне.
Губо.
Моршен.
Бороковский.

Камердинер герцога.

Швейцар.

Горец.

Тиролоец.

Фермер.

Прелат.

Мария-Луиза, герцогиня Пармская.

Графиня Камерата.

Тереза де Лорже, сестра Тибурция.

Эрцгерцогиня.

Фанни Эльслер.

Гофмейстерина.

Княгиня Гразалькович.

1-я, 2-я, 3-я и 4-я придворные красавицы.

Леди Ковлей.

Старая крестьянка.

Императорская семья.

Штаб герцога Рейхштадтского.

Гвардия императора: стрелки, гвардейцы и пр.

Маски и домино: полишинели, пастушки и пр.

Крестьяне и крестьянки.

Полк герцога Рейхштадтского.

ПЕРВЫЙ АКТ

КРЫЛЬЯ КРЕПНУТ

Действие происходит в Бадене, близ Вены, в 1830 году.

Салон виллы, которую занимает Мария-Луиза. Большая комната. С потолка спускается большой хрустальный шар люстры, в стиле Империи. Светлая отделка. Стены зеленого (помпейского) цвета, расписанные фресками. Вокруг потолка фриз из сфинксов.

Налево две двери: на первом плане — ведущая в покои Марии-Луизы; на втором — в апартаменты фрейлин. Направо, на первом плане, другая дверь; на втором, в нише — огромная фаянсовая печь с тяжеловесными узорами. В глубине, между двумя окнами, большая дверь-окно, в которую видны балюстрады перрона, образующего балкон и спускающегося в сад. Вид — на Баденский парк: липы, сосны, глубокие аллеи, фонарики, привешенные на столбах в виде арки. Великолепный день в первых числах сентября. В эту банальную наемную

виллу привезена драгоценная меблировка. Налево у окна — зеркало (псише) из лимонного дерева с бронзовыми украшениями. На первом плане — большой стол красного дерева, заваленный бумагами. У стены — стоячая лакированная этажерка с книгами. Направо, в глубине, маленький эраровский клавесин (той эпохи). Арфа. Ниже кушетка-рекамье и стол рядом. Кресла и табуретки в форме икса. Много цветов в вазах на столах, гравюры, портреты царствующего австрийского дома. Портреты императора Франца, герцога Рейхштадтского, — ребенком и т.п.

1. Тереза, Тибурций, Бомбелль, Мария-Луиза, фрейлина.

(При поднятии занавеса в глубине салона группа очень элегантных женщин. Две — у клавесина, спиной к зрителям, играют в четыре руки; одна сидит за арфой. Они разбирают, прерывая игру смехом, ошибаясь и т.д. Лакей вводит с перрона молодую, скромно одетую девушку, которую сопровождает офицер (австрийской кавалерии, великолепный гусар; голубой с серебром). Двое новоприбывших, видя, что их не замечают, останавливаются скромно в углу салона. В это время из правой двери, привлеченный музыкой, показывается граф де Бомбелль. Он направляется к клавесину, отбивая такт, но по дороге замечает молодую девушку, останавливается, улыбается и быстро идет к ней.)

ДАМЫ У КЛАВЕСИНА *(говорят все разом, смеясь, как безумные).*

- Ни одного бемоля вы не взяли.
- Я бас держу. — Внимательней нельзя ли?
- Ну, что же арфа?.. — Здесь ля, ля... Бемоль...

БОМБЕЛЛЬ *(к Терезе).*

Вы здесь?

ТЕРЕЗА.

Граф, здравствуйте.

ДАМА *(у клавесина).*

Не брать педали!

ТЕРЕЗА.

Я принята лектрисою.

ДАМА (*у клавесина*).

Ми... соль...

ТЕРЕЗА.

И этим — вам обязана всецело.
Благодарю...

БОМБЕЛЛЬ.

О, здесь простое дело:
Благодарить вам не за что меня.
Ведь вы француженка — и мне родня.

ТЕРЕЗА (*представляя ему офицера*).

Позвольте вам напомнить, граф... Мой брат...
Тибурций.

БОМБЕЛЛЬ.

А, ваш брат... (*жмет ему руку*).
Я очень рад.
Садитесь. (*Показывает ей на кресло*).

ТЕРЕЗА.

Я взволнована ужасно...

БОМБЕЛЛЬ (*улыбаясь*).

Но чем, мой Бог? Смущение напрасно.

ТЕРЕЗА.

Одна лишь мысль — приблизиться к тому,
Что на земле от гения осталось.

БОМБЕЛЛЬ (*подсаживаясь*).

Вот почему сердечко ваше сжалось?..

ТИБУРЦИЙ (*раздраженно*).

Я чувств твоих, как хочешь, не пойму.
Мы все *его* умели ненавидеть,
Все де Лорже... И это ли забыть? (*Пауза.*)

ТЕРЕЗА.

Я знаю... да... но все-таки увидеть...

ТИБУРЦИЙ.

Его вдову?..

ТЕРЕЗА.

И сына, может быть!

БОМБЕЛЛЬ.

Конечно, да...

ТЕРЕЗА.

Права ли я — не знаю,
Но в этот миг, когда я вспоминаю,
Что пред собой увижу их сейчас...
Я чувствую и трепет и волнение,
И если б их не чувствовала я,
То позабыть тогда была б должна я
О том, что мне теперь 17 лет,
Что Франция — страна моя родная
И что живая у меня душа.
Она... Скажите... очень хороша?

БОМБЕЛЛЬ.

Кто?

ТЕРЕЗА.

Герцогиня Пармская...

БОМБЕЛЛЬ (*удивленно*).

Но разве...

ЭДМОН РОСТАН

ТЕРЕЗА. *(живо)*.

Она несчастна — в этом красота,
Она печальна — в этом обаянье!

БОМБЕЛЛЬ.

Я не пойму... Вы видели ее?..

ТЕРЕЗА.

О нет.

ТИБУРЦИЙ.

Сюда нас только что ввели...

БОМБЕЛЛЬ.

Да, но...

ТИБУРЦИЙ *(лорнируя клавесин)*.

А мы боялись помешать
Расспросами прекрасным этим дамам,
И их игре, и смеха звонким гаммам.

ТЕРЕЗА.

И в этом уголке я жду прихода
Ее величества...

БОМБЕЛЛЬ *(вставая)*.

Как?.. Да она вот здесь!
В басу играет.

ТЕРЕЗА *(вставая в волнении)*.

Как? Императрица?..

БОМБЕЛЛЬ.

Ее сейчас же я предупрежу. *(Идет к клавесину
и тихо говорит с одной из играющих дам.)*

МАРИЯ-ЛУИЗА (*оборачиваясь*).

А? Эта крошка?.. Помню, помню... как же...
Ах, это было трогательно очень.
Вы говорили мне... Какой-то брат...

БОМБЕЛЛЬ.

Сын эмигранта... Он остался здесь.

ТИБУРЦИЙ (*выступая, развязно*).

Мундир австрийский очень мне по вкусу.
К тому ж здесь есть охота на лисиц,
Которую я прямо обожаю.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*к Терезе*).

Так этот-то повеса прожигает
Последние остатки состоянья?..

ТЕРЕЗА (*как бы извиняя брата*).

О нет! Мой брат...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Бездельник, знаю я.
Он разорил вас. Но его готовы
Вы извинять — и это хорошо.
Послушайте, Тереза де Лорже,
Я нахожу, что вы прелестны...

(Смеется, берет ее за руки и усаживает рядом с собой на кушетку. Бомбелль и Тибурций удаляются в глубину, разговаривая.)

Значит,
Отныне вы останетесь при мне.
Надеюсь, я понравлюсь вам? Я, право,
Добра... хотя немного и грустна
С тех пор, как...
(вздыхает) Ах!.. *(Пауза.)*

ТЕРЕЗА (*взволнованная*).

Я тронута... до слез.

МАРИЯ-ЛУИЗА *(утирая глаза)*.

О да... Потеря страшная. Поверьте,
Немногие могли себе представить,
Что это был за человек.

ТЕРЕЗА *(дрожа)*.

О да...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(оборачиваясь к графу)*.

Вы знаете, Бомбель, я написала,
Чтоб мне оставили его коня. *(К Терезе.)*
И, право, нет веселья для меня
Со времени кончины генерала.

ТЕРЕЗА *(удивленная)*.

Как генерала?..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(утирая глаза)*.

Сохранял всегда
Он этот титул.

ТЕРЕЗА.

Понимаю... Да...

МАРИЯ-ЛУИЗА

С тех пор я плачу постоянно. Право!..

ТЕРЕЗА *(с чувством)*.

И в этом титуле — какая слава!..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Свет для меня уныл, и пуст, и сер
С тех пор, как умер генерал Нейпер.

ТЕРЕЗА *(изумленная)*.

Нейпер?..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Вот, доктора меня послали
 Сюда развлечься от моей печали.
 Но чем забыться... от таких потерь?
 Здесь хорошо. Лишь час езды до Вены.
 Для нервов, правда, нужны перемены...
 Я похудела, говорят... Теперь,
 Витроль сказал, я становлюсь похожей
 На герцогиню де Берри. Что, да?..
 С тех пор ношу прическу я всегда
 Как у нее... Ах... Свет не мил мне божий.
 Зачем Господь меня не отозвал?..
 У нас уютно... зал немного мал,
 Но правда ведь — хорошенькая вилла?
 Здесь Меттерних. Его я пригласила...
 Он уезжает вечером. Нет, нам
 Не скучно, иногда по вечерам
 Играет Гальберг нам на фортепьяно,
 Рычит могучим голосом Фонтана...
 Какой певец! Любимец он у нас.
 А Монтенегро... У него запас
 Испанских всевозможных песен:
 Никто их не умеет петь чудесней!
 С женой английского посла
 Эрцгерцогиня часто здесь бывает,
 Кататься ездим мы... Но жизнь мне не мила...
 Меня ничто не развлекает.
 Ах!.. Если б этот бедный генерал...
 Ах, вот что: вы поедете на бал?

ТЕРЕЗА (*смотря на нее с возрастающим изумлением*).

Но я...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

У Мейндорф. Штраус приезжает.
 Из Вены, Штраус сам! Бомбелль, Бомбелль,
 Она должна поехать!..

ТЕРЕЗА.

Я осмелюсь
 У вашего величества спросить,
 Как герцог чувствует себя?

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Прекрасно!
Он кашляет, но это не опасно.
Здесь в Бадене так дышится легко.
Он взрослый юноша! Уже недалеко
От самой важной он минуты:
И скоро в свете ждут его дебюты.
Он лейтенант, полковник! Боже мой!
Как время мчится, да... летит стрелой,
Но для меня нет горя больше в мире,
Что я его еще не видела в мундире...

(Входят два господина, неся длинные зеленые ящики. У нее вырывается крик радости.)

Ах!.. Это для него, смотрите!..

2. Те же, доктор и его сын *(неся в руках длинные ящики со стеклами)*, потом Меттерних.

ДОКТОР *(кланяясь)*.

Да,
Коллекции...

МАРИЯ-ЛУИЗА

Поставьте здесь их, доктор.

БОМБЕЛЛЬ.

Что здесь такое?

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Бабочки?..

БОМБЕЛЛЬ.

Да? Вот как!..
Откуда бабочки?..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Я у него была,
У доктора милейшего, и там
Увидела, как сын его возился

Над этими коллекциями. Мне
Так стало вдруг завидно. Я вздохнула:
«Что, если б мой заняться этим мог?
Увы! его ничто не занимает».

ДОКТОР.

А я ее величеству ответил:
«Как знать? Быть может, мы его зайдем,
Попробуем». И вот сюда принес
Я бабочек ему для развлечения.

ТЕРЕЗА *(в сторону)*.

О, бабочек...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(вдыхая, к доктору)*.

Он вечно одинок,
Бежит людей, своих друзей, знакомых...
Ах, если бы на миг его развлек
Хотя бы вид вот этих...

ДОКТОР.

Насекомых?

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Оставьте нам коллекцию пока,
Потом вернитесь... Герцога нет дома.

(Доктор и его сын выходят, уложив коллекцию на стол.)

МАРИЯ-ЛУИЗА *(обращается к Терезе)*.

Пойдем со мной, пойдем — я вас представлю
Гофмейстерине... *(Увидя Меттерниха.)*

А! Любезный князь!

Я уступаю вам салон — он ваш.

МЕТТЕРНИХ.

Да, я воспользуюсь... Принять я должен
Секретаря французского посла,
И Гентца, и депеши...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Знаю, знаю.

МЕТТЕРНИХ *(лакею, который пришел на его звонок и остановился в дверях балкона).*

Советника фон Гентца попросите...

(К Марии-Луизе.)

Вы позволяете?...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Прошу вас, князь.

(Она выходит с Терезой; Бомбелль и Тибурций следуют за ними. Гентц показывается в глубине, его вводит лакей. Очень элегантен. Лицо старого, уставшего вивера. Карманы у него полны бонбоньерок и флакончиков. Он постоянно то грызет конфету, то нюхает духи).

3. Меттерних, Гентц, потом офицер от французского посольства.

МЕТТЕРНИХ.

Гентц, здравствуйте! *(Садится у стола направо и во время разговора подписывает бумаги, которые Гентц вынимает из большого портфеля).*

Вы знаете, я еду
Сегодня в Вену. Император снова
Зовет меня.

ГЕНТЦ.

А!..

МЕТТЕРНИХ.

Скука-то какая!
Подумайте, ведь Вена в это время
Пуста...

ГЕНТЦ.

Пуста, как мой карман?

МЕТТЕРНИХ.

Положим,
Последнее неверно: уж должно быть,
Вам русское правительство опять...

(Делает пальцами жест, изображающий, как передают деньги.)

ГЕНТЦ *(с комическим негодованием)*.

Как? Мне?..

МЕТТЕРНИХ.

Ну, раз сознайтесь откровенно:
Вы продались опять, ага?

ГЕНТЦ *(очень спокойно, грызя конфеты)*.

Тому,
Кто больше дал.

МЕТТЕРНИХ.

На что вам столько денег?

ГЕНТЦ *(нюхая духи)*.

А на разврат.

МЕТТЕРНИХ.

И это вас, советник,
Зовут моею правою рукой?..

ГЕНТЦ.

О! Сказано: пусть левая рука
Не ведает, что правая творит.

МЕТТЕРНИХ.

Духи!.. Конфеты!.. О!..

ГЕНТЦ.

Само собою:
Есть деньги у меня? Духи, конфеты!

Я обожаю их! Да, да!.. Я старый,
Испорченный ребенок.

МЕТТЕРНИХ (*пожимая плечами*).

Фат!.. Хвались
Презрением к себе же самому! (*Быстро.*)
А Фанни?

ГЕНТЦ.

Эльслер?.. Ах!.. Она меня не любит.
Но этим не кончается несчастье...
Она безумно им увлечена
(*показывает на портрет герцога*).
Да... герцог — вот кто дорог ей. Я — ширма;
Страдаю, и одна лишь мысль меня
Утешила от женского коварства:
Сознание — что в пользе государства,
Чтоб герцог наш был увлечен. И вот —
Пред ними дурачка изображаю,
Ее к нему повсюду провожаю.
И вечером она меня уж ждет,
Чтоб я ее сюда отвез. Обидно —
А делать нечего.

МЕТТЕРНИХ (*все подписывая*).

И вам не стыдно?

ГЕНТЦ.

Сегодня мать танцует на балу
И не вернется ранее рассвета.
(*Протягивает письмо.*)
Теперь прочтите. Вот письмо. От сына
Фуше... Он снова предлагает нам
Из герцога Наполеона сделать.
Второго, правда...

МЕТТЕРНИХ (*улыбаясь*).

А! Виконт добрейший!
А имена участников?

ОРЛЕНОК

ГЕНТЦ.

Все есть.

МЕТТЕРНИХ.

Их надо помнить *(отдает ему письмо)*.

ГЕНТЦ.

Что ж... отказ?

МЕТТЕРНИХ.

Отказ...

Но так, чтоб в них не убивать надежды.
Ах, как он помогает мне держать
Всю Францию в руках, он и не знает,
Мой маленький полковник! Стоит ей
Забуть немного Меттерниха... *раз* —
Его я вынимаю из коробки,
А только все пришло в порядок — *два!* —
Его опять в коробочку я прячу...

ГЕНТЦ *(развеселившись)*.

Когда же действие пружинки можно
Увидеть?..

МЕТТЕРНИХ.

Хоть сейчас! *(Звонит лакею.)*
Просить сюда
Посла от генерала Беллиара.

(Лакей вводит французского офицера в парадной форме.)

Привет мой, сударь! Вот бумаги вам.
Мы в принципе согласны королем
Признать Людовика-Филиппа. Но...
Советую блюсти вам осторожность,
Иначе мы скорлупку разобьем
И нового птенца, пожалуй, пустим...

ОФИЦЕР *(испуганно)*.

Намек на принца Франсуа?...

МЕТТЕРНИХ (*поправляя*).

О нет —
На герцога Рейхштадтского намек.
Он принцем быть не может, ибо *мы*
Не признаем, что царствовал когда-то
Его отец.

ОФИЦЕР (*иронически-благородно*).

Мы это признаем...

МЕТТЕРНИХ.

Итак, для герцога я ничего
Не сделаю, конечно... Но...

ОФИЦЕР.

Но?

МЕТТЕРНИХ (*откидываясь в кресле*).

Если
У вас свобода слишком власть свою
Расширит; если слишком часто будет
Руайе-Коллар являться к королю
И с ним вдвоем вести беседы; если
Монархия захочет вдруг у вас
Республикой прикинуться... Тогда,
Не отличаясь кротостию агнца,
Мы можем вспомнить то, что Франц наш внук.

ОФИЦЕР (*живо*).

Поверьте, нашим лилиям краснеть
Мы не дадим...

МЕТТЕРНИХ (*любезно*).

Прекрасных ваших лилий
Нетронутою будет белизна,
Пока тайком не залетят к ним *пчелы!*

ОФИЦЕР (*приближаясь и говоря тихо*).

Есть опасенье, что помимо вас
У герцога пробудится надежда.

МЕТТЕРНИХ.

Нет!..

ОФИЦЕР.

Но... события... Значит, он не знает,
Что Франция избрала короля?..

МЕТТЕРНИХ.

Нет, ни одна подробность не известна
Ему... Что снова воцарилось знамя
Трехцветное... Я медлю сообщеньем...

ОФИЦЕР (*в легком беспокойстве*).

Да... это взволновать его могло бы.

МЕТТЕРНИХ.

О, герцог волноваться не умеет!..

ОФИЦЕР.

Но все-таки... Я нахожу, что здесь
Надзор за ним совсем не очень строгий.

МЕТТЕРНИХ (*спокойно*).

Здесь — безопасно. Здесь с ним рядом — мать.

ОФИЦЕР.

Как?..

МЕТТЕРНИХ.

Ей всего важнее охранять
Спокойствие и сына, и свое.

ОФИЦЕР.

Спокойствие быть может лишь наружным;
В душе у ней, под маскою бесстрастья,
Таиться может страстная мечта:
Ее орленок, царственный орленок...

*(Дверь из комнаты Марии-Луизы отворяется. Мария-Луиза
вбегает как безумная, с криком отчаяния.)*

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Мой попугай! Мой бедный попугай!..

4. Те же, на минуту Мария-Луиза, за ней растерянные
фрейлины, потом Бомбелль и Тибурций.

ОФИЦЕР.

Что это значит?..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(к Меттерниху)*.

Князь! Он улетел!

МЕТТЕРНИХ *(в отчаянии)*.

О!..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Мой любимый попугай!.. *(Выходит на балкон.
Фрейлины разбегаются по парку, ища птицу.)*

МЕТТЕРНИХ *(холодно офицеру, смотрящему на него
с изумлением)*.

Вот вам!

ОФИЦЕР *(подходя к Марии-Луизе, стараясь угодить)*.

Позвольте в этих поисках мне, Ваше
Высочество, принять участие...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(останавливается, измеряя его взглядом,
сухо)*.

Нет!

(Хлопая дверью, уходит к себе.)

ОФИЦЕР *(в недоумении).*

Что это значит?

МЕТТЕРНИХ *(скрывая улыбку).*

Вы сейчас сказали

«Высочество» — ошиблись вы случайно...

«Величество» вам надо бы сказать.

ОФИЦЕР.

Но если, как сказали сами вы,
Не царствовал покойный император,
То герцогине не принадлежит
Такое наименование...

МЕТТЕРНИХ.

Нет,

Именованье только ей осталось.

ОФИЦЕР.

Так, значит, взгляд, блестящий гневом, — это...

МЕТТЕРНИХ.

О!.. Лишь вопрос пустого этикета.

ОФИЦЕР *(откланивается).*

Итак, посольство с нынешнего дня

Носить трехцветную кокарду может?

МЕТТЕРНИХ *(со вздохом).*

Ну, да...

*(Офицер молча срывает белую кокарду с фуражки
и заменяет ее трехцветной, которую вынул из кармана.)*

МЕТТЕРНИХ *(встает со словами).*

О!.. Не терпя ни секунды?...

(Слышны колокольчики.)

Что там?

ГЕНТЦ *(который был на балконе).*

Эрцгерцогиня, с ней Мейндорф,
Ковлей и Тальберг...

БОМБЕЛЛЬ *(при звоне колокольчика быстро вошедший
с Тибурцием из левой двери).*

Надо встретить их...

(В ту минуту, когда он бросается к дверям, на балкон входит Эрцгерцогиня, окруженная толпою элегантных дам и кавалеров в летних костюмах — курортных. Светлые платья. Зонтики. Большие шляпы. Маленький эрцгерцог от 5 до 6 лет, в гусарском мундире, крохотный ментик на плече. Две маленькие эрцгерцогини в необыкновенных платьицах — детей той эпохи. Шум, голоса, смех — целый вихрь легкомыслия.)

5. Те же, Эрцгерцогиня, придворные красавицы и кавалеры, лорд и леди Ковлей, Тальберг, Сандор, Монтенегро и т.д., затем Тереза, фрейлины.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(обращаясь к Бомбеллю, Меттерниху,
Гентцу и Тибурцию, которые церемонно приближаются
к ней).*

Нет, нет! Без церемоний, наконец,
Здесь просто вилла, это не дворец.

(Салон заполнен. К Тальбергу.)

Скорее, Тальберг, нашу тарантеллу...

(Тальберг садится и играет. К Меттерниху весело.)

А где Мари-Луиза?

1-Я ДАМА.

Мы за ней!

2-Я ДАМА.

Да, мы приехали ее похитить...
Мы в шарабане! Сандор правит.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (*продолжая начатую беседу*).

Надо
Обратно в кратер лаву возвратить.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*к группе разговаривающих*).

О, будет вам об этом говорить.

(*К Меттерниху, смеясь.*)

Толкуют о каком-то все вулкане.

БОМБЕЛЛЬ.

Какой вулкан?

1-Я ДАМА (*2-й, продолжая разговаривать*).

Но эту зиму
Барашек будет в моде, ангел мой.
(*Шепчутся.*)

САНДОР (*отвечая Бомбеллю*).

Либерализм.

БОМБЕЛЛЬ.

А!..

ЛОРД КОВЛЕЙ.

Франция скорее!

МЕТТЕРНИХ (*французскому офицеру, сурово*).

Вы слышите?..

1-Я ДАМА (*Монтенегро, которого она тащит к клавесину*).

Ну, спойте, Монтенегро.

МОНТЕНЕГРО (*которому Тальберг аккомпанирует, поет совсем тихо «Согазон»*).

2-Я ДАМА (*Гентцу*).

А!.. Гентц (*роется в своем ридикюле*),
Я привезла для вас конфет!

ГЕНТЦ *(беря у ней бонбоньерку).*

Вы — ангел...

3-Я ДАМА *(та же игра).*

Вот духи вам... Из Парижа...

(Вытаскивает флакон духов и отдает ему.)

МЕТТЕРНИХ *(увидевший флакон, быстро Гентцу).*

Скорей, скорей... сорвите ярлычок...

«Рейхштадтский герцог»...

ГЕНТЦ *(нюхая).*

И фиалкой пахнет.

МЕТТЕРНИХ *(вырывая флакон и сцарапывая с него ножницами ярлычок).*

Что, если б герцог вдруг вошел сюда,

Он ясно увидал бы, что в Париже...

МУЖСКОЙ ГОЛОС *(в группе в глубине).*

Но гидра страшная еще жива,

Пока цела одна хоть голова!

ЛЕДИ КОВЛЕЙ.

О гидре уж теперь заговорили...

ЛОРД КОВЛЕЙ.

Ее убить необходимо или...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(смеясь).*

Не разберешь... То гидра, то вулкан...

ФРЕЙЛИНА *(за ней лакей с подносом, на котором большие стаканы замороженного кофе).*

Вот кофе со льдом!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Дайте мне стакан.

(Другой лакей ставит на стол поднос с прохладительным – шампанским, пивом и т.д. Все принимают за бокалы, стаканы и т.д.)

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(сидя, к молодой женщине)*.

Скажи стихи нам, Ольга.

ВСЕ.

Да, да, да!

ГЕНТЦ.

Из Гейне что-нибудь.

ВСЕ.

Да, да, из Гейне!

ОЛЬГА *(вставая)*.

Что ж вам прочесть?.. Ну, вот: «Два гренадера».

МЕТТЕРНИХ *(живо)*.

Нет... нет... не это... это не читайте.

СКАРАМПИ *(появляясь из покоев Марии-Луизы)*.

Сейчас Ее Величество придет.

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ.

А, а! Скарампи... Здравствуйте, Скарампи!..

(Приветствия, смех, разговор, шуршанье юбок.)

ГОЛОС САНДОРА *(в глубине из группы)*.

Мы все сейчас поедem в Крайнерхютте,
И дамы будут на траве резвиться.

МЕТТЕРНИХ *(Гентцу, который читает)*.

Что ты читаешь там, в своем углу?

ЭДМОН РОСТАН

ГЕНТЦ.

Французскую газету.

ЛОРД КОВЛЕЙ (*небрежно*).

А... Конечно,
Политику?..

ГЕНТЦ.

Театры.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Как всегда,
Все легкомыслие...

ГЕНТЦ.

А знаете ли вы,
Что в «Водевилье» ставят?

МЕТТЕРНИХ (*отрицательно качает головой*).

ГЕНТЦ.

«Бонапарта».

МЕТТЕРНИХ (*небрежно*).

А!

ГЕНТЦ.

А в «Театре новостей»?

МЕТТЕРНИХ (*пожимая плечами*).

Не знаю.

ГЕНТЦ.

Да «Бонапарта». В «Варьете» дают
«Наполеона». «Люксембург» поставил
«15 лет из жизни Бонапарта».
В «Жимназе» — «Возвращенье из России».
«Театр Веселья»... Что-то он поставит?

Уж там-то, верно, не найдут... Гм... «Кучер Наполеона... Мальмезон». Вот как!
Гм... Юный драматург окончил пьесу,
Название: «На Святой Елене».

ЛОРД КОВЛЕЙ (*взбешенный*).

Мода.

ТИБУРЦИЙ (*пожимая плечами*).

Безумье.

ГЕНТЦ.

В «Амбигю» дают «Мюрата».
И в цирке «Императора» готовят.

САНДОР (*недовольно*).

Конечно, мода.

БОМБЕЛЛЬ (*пренебрежительно*).

Мода!

ГЕНТЦ.

Эту моду,
Я думаю, французскому народу
Переживать придется иногда,
Он будет возвращаться к ней порою
И удивляться своему герою.

1-я ДАМА (*читая газету, из-за плеча, в лорнетку*).

Они хотят вернуть в Париж останки
Наполеона.

МЕТТЕРНИХ.

Пепел! Прах! Из пепла
Родиться может феникс — не орел.

ТИБУРЦИЙ.

Да... будущее Франции — загадка.

ЭДМОН РОСТАН

МЕТТЕРНИХ *(величественно)*.

Но, юноша, разгадка мне известна.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(делая жест, что кадит ему)*.

Его вещанья вылиты из бронзы.

ГЕНТЦ *(сквозь зубы, в сторону)*.

Скорей из цинка.

ЛОРД КОВЛЕЙ.

Ну-с, итак, мы ждем.

Кто ж Францию спасет?

МЕТТЕРНИХ.

Кто? Генрих Пятый.

(С пренебрежительным жестом.)

Все остальное — мода, только мода.

ТЕРЕЗА *(стоя в углу, тихонько)*.

Да, иногда — к чему скрывать? —

Удобно славу модой называть.

МЕТТЕРНИХ *(наливая себе шампанского)*.

Последствия не страшны — не ужасны,

Пока кричат «Жимназ» и «Одеон»,

Старанья их нисколько не опасны.

Я не...

ГОЛОС *(из-за сцены, громко)*.

Да здравствует Наполеон!

(Все встают. Паника. Лорд Ковлей чуть не давится своим кофе. Дамы бегут взад и вперед растерянные.)

ВСЕ *(готовые разбежаться)*.

Как? В Бадене?.. Что?.. Здесь?..

МЕТТЕРНИХ.

Смешно! Не бойтесь...

ЛОРД КОВЛЕЙ.

Вас имя напугало так? Смешно!
Опомнитесь, садитесь, успокойтесь...
Безумны вы!

ГЕНТЦ (*кричит торжественно*).

Он умер уж давно!

(*Все успокаиваются.*)

ТИБУРЦИЙ (*который уходил на балкон, возвращаясь*).

Все пустяки.

МЕТТЕРНИХ.

Но что же это было?

ТИБУРЦИЙ.

Солдат австрийский.

МЕТТЕРНИХ (*пораженный*).

Как?..

ТИБУРЦИЙ.

И даже двое.

Я видел сам.

МЕТТЕРНИХ.

Австрийский... очень жаль!

(*Отворяется левая дверь, показывается Мария-Луиза,
бледная как смерть.*)

6. Те же, Мария-Луиза, потом австрийский
солдат.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Вы слышали?.. О Боже! Что за ужас?!
Я вспоминаю... Так однажды в Парме
Столпились люди у моей коляски,

И все кричали это... *(Падают на кушетку.)*
О мой Бог!
Они хотят лишить меня покоя.
За жизнь свою бояться я должна.

МЕТТЕРНИХ *(нервно к Тибурцию).*

Но что же значит этот крик, скажите?

ТИБУРЦИЙ

Там два солдата проходили мимо,
Из герцога Рейхштадтского полка,
Он возвращался — мимо них — верхом.
Вы знаете, что здесь ведет канава
Вдоль улицы, ее затеял герцог
Перескочить, а лошадь на дыбы
И чуть его не сбросила, но он
Хлестнул ее — и пролетел как птица
Через канаву. Ну, тогда они
И крикнули... приветствуя его...

МЕТТЕРНИХ.

Скорей сюда мне одного из них.

(Тибурций идет к балкону и подзывает солдата.)

МАРИЯ-ЛУИЗА *(нюхая соли).*

Я знаю, смерти ждут они моей.

(Входит сержант из полка герцога и неловко кланяется, оробев при виде всего этого блестящего общества.)

МЕТТЕРНИХ *(с возмущением).*

Сержант, скажите, что случилось с вами
И почему вы крикнули?

СЕРЖАНТ.

Не знаю.

МЕТТЕРНИХ.

Не знаешь?..

СЕРЖАНТ.

И капрал, с которым я
Кричал внизу... не знает тоже. Так,
С чего — не знаем. Принц наш... на коне...
Молоденький да тоненький такой...
И все-таки ведь лестно, что у нас
Полковник — сын...

МЕТТЕРНИХ.

Довольно, хорошо.

СЕРЖАНТ.

Так смело он, спокойно взял барьер.
Сам белокурый, как святой Георгий...
И что-то сжало горло нам... Не знаем,
Восторг ли, жалость ли, но оба разом
Мы крикнули: «Да здравствует...»

МЕТТЕРНИХ *(быстро)*.

Довольно!..
Но, значит... Что ж, по-твоему, труднее
Кричать: «Да здравствует Рейхштадтский герцог!»?
Тройной дурак!..

СЕРЖАНТ.

По-моему, труднее.

МЕТТЕРНИХ.

А?... Что?..

СЕРЖАНТ *(пробуя)*.

«Да здравствует Рейхштадтский герцог!» *(Наивно.)*
Куда труднее и куда длиннее,
А то «да здравствует»...

МЕТТЕРНИХ *(прерывая, вне себя и отпуская его)*.

Молчи, молчи!
Ступай... Да не кричите ничего.

ТИБУРЦИЙ (*солдату, когда он проходит мимо него*).

Эх, идиот!

7. Те же без сержанта и Дитрихштейн, вошедший мину-
ту назад.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*дамам*).

Благодарю... Мне лучше.

ТЕРЕЗА (*печально глядя на нее, тихо*).

Императрица...

МАРИЯ-ЛУИЗА (*Дитрихштейну*).

А, фон Дитрихштейн!..

А это новая моя лектриса.

Наставник герцога. Ах, я забыла...

Вы хорошо читаете?..

ТИБУРЦИЙ (*отвечая за нее*).

Прекрасно!

ТЕРЕЗА (*скромно*).

Не знаю, право.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*указывая на этажерку*).

Так... возьмите здесь

Одну из книжек Франца — наудачу

Откройте — и читайте...

ТЕРЕЗА (*беря книгу*).

«Андромаха».

(*Воцаряется полное молчание. Все усаживаются, чтоб лучше
слушать. Она читает.*)

«Какой же боязни еще полно их смущенное
сердце?..

Ненависть к Гектору в них еще не угасла, они
Сына боятся его. (*Все переглядываются холодно.*)
Достойный предмет их боязни...

Только младенец несчастный, который не
ведает даже,
Что властелин его — Пирр и что он Гектора
сын»...

(Общий шепот и замешательство.)

ВСЕ.

Гм... гм...

ГЕНТЦ.

Какой прелестный голосок!..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(обмахиваясь веером, нервно)*.

Теперь откройте на другой странице...

ТЕРЕЗА *(открывая книгу наудачу)*.

«Помню, увы, я тот день, когда его смелость
толкнула
Не за Ахиллом — за смертью скорее в погоню —
Сына потребовал он... *(Лица вытягиваются.)*
На руки взявши младенца,
Слезы мои утирая, мне он сказал: о, супруга,
Милая сердцу! Не знаю, что мне готовит судьба,
Сына тебе оставляю!..»

(Общее замешательство.)

ВСЕ.

Гм... Да...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(смущенно)*.

Возьмите вы другую книгу!..

ТЕРЕЗА *(исполняя это)*.

Стихотворенья Ламартина.

МАРИЯ-ЛУИЗА *(успокоенная)*.

А...

Я знаю автора. О, он не страшен.

Обедал он у нас... *(К Скарампи, с восхищением.)*

Он секретарь

Посольства, светский человек вполне.

ТЕРЕЗА *(читая).*

«О, никогда еще так дивно не звучали

Напевы ангелов, исполнены печали;

Смелее, гения божественного сын,

Несчастное дитя великого народа...»

(В то время, когда она читает этот стих, герцог показывается в среднюю дверь. Тереза чувствует, что кто-то вошел, отрывает взгляд от книги, видит бледного и неподвижного герцога и, потрясенная, встает. При движении, которое она делает, все оборачиваются и встают.)

8. Те же и Герцог.

ГЕРЦОГ.

Простит ли мне бессмертный Ламартин?

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Как прогулялся?..

ГЕРЦОГ *(целует ее руку; он в костюме для верховой езды, с хлыстиком в руке, очень элегантен, с цветком в петлице. Никогда не улыбается).*

Чудная погода!

Но я вам помешал? *(Оборачиваясь к Терезе.)*

Мне очень жаль.

Нельзя ли продолжать при мне? Прошу вас...

ТЕРЕЗА *(колеблется, потом, смотря на герцога, с глубоким волнением).*

«Смелее, гения божественного сын,

Несчастное дитя великого народа,

О, на твоём челе есть надпись «властелин».

И, на тебя взглянув...»

МАРИЯ-ЛУИЗА (*сухо, вставая*).

Довольно... Вы читаете прекрасно.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*детям*).

Идите поздороваться с кузеном.

(*Дети приближаются к герцогу, который сел, окружают его, взбираются к нему на колени.*)

СКАРАМПИ (*тихо, гневно, Терезе*).

Фи, стыдно!

ТЕРЕЗА.

Что? Я вас не понимаю.

1-Я ДАМА (*глядя на герцога*).

Как бледен он...

2-Я ДАМА (*также*).

Совсем мертвец... О, страшно...

СКАРАМПИ (*Терезе*).

Какие вы страницы выбирали?

ТЕРЕЗА.

О, разве я посмела б выбирать?

Я открывала там, где открывалось.

(*Скарампи, пожимая плечами, уходит.*)

ГЕНТЦ (*все слышавший, покачивает головой*).

А!.. Книга открывается сама

На читанных и загнутых страницах...

ТЕРЕЗА (*в сторону, меланхолично смотря на герцога*).

Австрийцы — на коленях у него!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*герцогу, наклонясь из-за спинки его кресла*).

Я рада повидать тебя, мой Франц.
Я друг тебе! (*Протягивает ему руку*.)

ГЕРЦОГ (*целуя ее руку*).

Я это знаю, тетя.

ГЕНТЦ (*Терезе, не спускающей с герцога глаз*).

Вам нравится наш юный херувим
С невинным выражением своим,
Но выдающий нежных глаз загадкой,
Что «Вертера» читает он украдкой?

(*Дети возле герцога любят его элегантностью, играют с его цепочкой, брелоками, смотрят на его галстук*.)

ДЕВОЧКА.

Какие у тебя воротники
Красивые всегда, кузен!..

ГЕРЦОГ (*кланяясь*).

О, Ваше
Высочество, как вы добры ко мне.

ТЕРЕЗА (*в сторону, с грустной улыбкой*).

Воротники!

МАЛЬЧИК (*играя хлыстом*).

А хлыстики твои...
Ни у кого нет лучше!

ГЕРЦОГ (*важно*).

Это правда.

ТЕРЕЗА (*та же игра*).

О... хлыстики!..

ДРУГАЯ ДЕВОЧКА.

Ах, а перчатки? Прелесть!..

ГЕРЦОГ.

Да, прелесть, милочка.

ДЕВОЧКА (*трогая материю на жилете*).

А твой жилет,
Он из чего?..

ГЕРЦОГ.

Он — из «пондишери».

ТЕРЕЗА (*близкая к слезам*).

О Боже мой!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*трогая розу в петличке герцога*).

Ты по последней моде
Цветок свой носишь...

ГЕРЦОГ (*с принужденной, горькой беспечностью*).

Да, заметьте — в третьей
Петличке.

(*Тереза раздражается рыданиями.*)

ДАМЫ (*вокруг нее*).

Ах, что с нею, что такое?

ТЕРЕЗА (*рыдая*).

Простите... Я не знаю... это нервы...
Одна... здесь... далеко от близких... вдруг...

МАРИЯ-ЛУИЗА (*приблизившись, с шумной нежностью*).

О, бедный мой котенок...

ТЕРЕЗА.

Слишком долго
Я сдерживала сердце...

МАРИЯ-ЛУИЗА (*целуя ее*).

И теперь
Откройте мне его, мое дитя.

ГЕРЦОГ (*который сделал несколько шагов, как бы не видя этих слез, останавливается, наступив на ковре на что-то такое*).

Что это здесь? А, белая кокарда.

(*Наклоняется и поднимает ее.*)

МЕТТЕРНИХ (*приближаясь, в затруднении*).

Гм...

ГЕРЦОГ (*обводя присутствующих глазами и заметив французского офицера*).

Это ваша, сударь? С вашей шляпы?

(*Офицер показывает ему свою шляпу. Герцог замечает трехцветную кокарду.*)

А... (*К Меттерниху.*)

Я не знал... Так, значит, знамя тоже?

МЕТТЕРНИХ.

Да... Это не имеет ведь значенья.

ГЕРЦОГ (*флегматично*).

О, никакого!

(*Входит доктор.*)

МЕТТЕРНИХ.

Весь вопрос здесь в цвете...

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

В оттенке... *(Взял шляпу офицера и прикладывает обе кокарды к черному фетру, сравнивая их, как художник, отдаляя шляпу и склонив голову.)*

И... взгляните-ка вы сами...

Я думаю, решительно... что эта *(показывает трехцветную)*

Гораздо лучше. *(Бросает белую и небрежно проходит. Мать берет его под руку и подводит к ящикам с бабочками, которые доктор, за минуту вошедший, разложил на большом столе.)*

ГЕРЦОГ.

Бабочки?..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(стараясь его заинтересовать).*

Смотри,
Как эта черная красива.

ГЕРЦОГ.

Очень.

ДОКТОР.

Она родится на зонтообразных...

ГЕРЦОГ.

Как эти крылья смотрят на меня!

ДОКТОР *(улыбаясь).*

Вот эти глазки? Мы зовем их — лунки.

ГЕРЦОГ.

Тем лучше.

ДОКТОР.

А вы смотрите, я вижу,
На эту голубую с серым?

ГЕРЦОГ.

Нет.

ДОКТОР.

На что же вы смотрите?

ГЕРЦОГ.

На булавку,
Убившую ее! *(Отходит.)*

ДОКТОР *(в отчаянии, к Марии-Луизе).*

Что делать нам?
Ничто ему не мило!

МАРИЯ-ЛУИЗА *(к Скарампи).*

Подождите!
Рассчитываю я...

СКАРАМПИ *(таинственно).*

На наш сюрприз.

ГЕНТЦ *(приближаясь к герцогу, предлагает ему конфетку).*

Конфетку?

ГЕРЦОГ *(беря конфетку и пробуя).*

А! Чудесный вкус. Постойте...
Здесь груша... и вервена... и...

ГЕНТЦ.

Не стоит!

ГЕРЦОГ.

Не стоит — что?

ГЕНТЦ.

Со мною притворяться,
Я вижу все. Хотите шоколадку?

ГЕРЦОГ (*высокомерно*).

Что можете вы видеть?

ГЕНТЦ.

Вижу я
Кого-то, кто страдает и тоскует
И примириться с участью своей —
Балованного, молодого принца —
Не может и не хочет. Вижу я,
Что в вас еще не умерла душа,
Она живет, волнуется, трепещет...
Ее хотят любовью усыпить
И музыкой небесной убаюкать.
И у меня была душа когда-то,
Но... пфф!.. И я сумел о ней забыть,
И стареюсь в красивенькой грязи,
И жду, покуда не придет ко мне
Какой-нибудь студент, безумец юный, —
И за свободу мне он отомстит,
Среди моих конфет, духов и жизни,
Убив меня рукою смелой мести,
Как Занд убил когда-то Коцебу.
Я знаю хорошо свою судьбу.
Да, юношей боюсь... Еще конфетку?
Один из них меня убьет.

ГЕРЦОГ (*спокойно беря конфетку*).

Вы правы.

ГЕНТЦ (*отскакивая*).

Как?.. Вы... Но...

ГЕРЦОГ.

Да... Вас юноша убьет.

ГЕНТЦ.

Но...

ГЕРЦОГ.

И его вы знаете прекрасно.

ГЕНТЦ (*изумленный*).

Но... герцог...

ГЕРЦОГ.

Фридрих — юношу зовут;
То юноша, которым были вы,
И если он теперь воскрес, и если
Вы тайный голос слышите его —
То кончено: он вас не пощадит!

ГЕНТЦ (*бледнея*).

Я чувствую, исчезнувшая юность
Кинжал свой на меня же обращает...
Ах... Этот взгляд... Его я узнаю:
Империю при нем я вспоминаю!

ГЕРЦОГ.

Но, сударь мой... Я вас не понимаю. (*Отходит.*)

МЕТТЕРНИХ (*приближается к Гентцу, улыбаясь*).

Ты говорил с ним?

ГЕНТЦ.

Да.

МЕТТЕРНИХ.

Он мил?

ГЕНТЦ.

Да, мил.

МЕТТЕРНИХ.

О, я его вполне держу в руках...

ГЕНТЦ.

Вполне, вполне, конечно, милый друг!

ГЕРЦОГ (*подходит к Терезе, которая в уголке у стола перелистывает книгу. Он смотрит на нее с минуту, потом вполголоса*).

О чем вы плакали?...

ТЕРЕЗА (*не видевшая, как он подошел, возражает и встает, взволнованная*).

Я... нервы...

ГЕРЦОГ.

Нет!..

ТЕРЕЗА (*смущенно*).

Но, Ваше
Высочество...

ГЕРЦОГ.

Я знаю, почему
Вы плакали... Не плачьте!

(*Быстро отходит. В это время Меттерних берет шляпу и перчатки.*)

МЕТТЕРНИХ (*кланяясь герцогу*).

Герцог, я
Откланяюсь. Позвольте удалиться?

ГЕРЦОГ (*отпускает его наклоном головы. К Марии-Луизе и Дитрихштейну*).

Читаете мое вы сочиненье?...

ДИТРИХШТЕЙН.

Оно прелестно, в этом нет сомненья,
Но почему ошибок столько здесь?
Немецким вы владеете отлично...
Все шалости...

МАРИЯ-ЛУИЗА (*в негодовании*).

Шалить — и в ваши годы...
Мой сын!

ЭДМОН РОСТАН

ГЕРЦОГ.

Что ж делать мне — я не орел!

ДИТРИХШТЕЙН (*подчеркивая ногтем ошибку*).

А вот еще ошибку я нашел:
Вы написали Frankreich в женском роде.

ГЕРЦОГ.

Ах, не пойму я ваших der, die, das.

ДИТРИХШТЕЙН.

Но средний род здесь нужен был для нас.

ГЕРЦОГ.

Нет, средний род для Франции нейдет.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*прерывая Тальберга, который
присаживается к клавесину*).

Сын не выносит музыки!

ГЕРЦОГ.

Да, правда,
Не выношу.

ЛОРД КОВЛЕЙ (*приближаясь к герцогу*).

Позвольте мне...

ДИТРИХШТЕЙН (*тихо герцогу*).

Прошу вас,
Любезней будьте.

ГЕРЦОГ.

А?..

ДИТРИХШТЕЙН (*тихо*).

Посол английский.

ОРЛЕНОК

ЛОРД КОВЛЕЙ.

Могу ль спросить, откуда возвращались
Таким галопом вы?..

ГЕРЦОГ.

С Святой Елены!

ЛОРД КОВЛЕЙ *(ему)*.

Как?..

ГЕРЦОГ.

Это чудный уголок, тенистый,
Зеленый и веселый. Вечерами
Особенно там хорошо бывает.
Хотел бы там увидеть я и вас.

(Кланяется и отходит.)

ГЕНТЦ *(живо послу английскому во время, когда герцог удаляется)*.

Святой Еленюю зовут деревню
В Еленинской долине — по соседству, —
Прелестные места...

ЛОРД КОВЛЕЙ.

Ага, вот что...

Но кажется, что камень бросил он
В мой огород?..

ГЕНТЦ.

Не камень — прямо гору!

ГОЛОСА *(в глубине)*.

Пора, пора...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Луиза, ты поедешь?

ЭДМОН РОСТАН
МАРИЯ-ЛУИЗА.

Я? Нет, о нет...

КРИКИ.

Садитесь в экипажи!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*герцогу*).

Ты с нами, Франц?

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Нет. Сын мой ненавидит
Природу (*с жалостью*). Он в Еленинской долине
Пускает лошадь вскачь, в галоп!

ГЕРЦОГ (*мрачно*).

В галоп!

МАРИЯ-ЛУИЗА.

О да, мой друг, ты несентиментален.

(*Шум, прощания, поклоны. С говором и смехом все общество
расходится.*)

МОНТЕНЕГРО (*с балкона*).

Я знаю тут одно местечко, где
Позавтракать чудесно можно. (*Голос его теряется*).

ГЕНТЦ (*с балкона кричит*).

Просят
Не говорить о гидре...

ГОЛОСА И СМЕХ.

До свиданья!.. (*Бубенчики удаляются*).

ТЕРЕЗА (*Тибурцию, который прощается*).

Прощай, мой милый брат.

ТИБУРЦИЙ (*целуя ее в лоб*).

Прощай, сестра.

(*Кланяется Марии-Луизе и выходит с Бомбеллем.*)

МАРИЯ-ЛУИЗА (*к фрейлинам, поручая им Терезу*).

Теперь ее к себе вы отведите.

(*Тереза уходит с фрейлинами. Герцог сел, перелистывает рассеянно книги на столе. Мария-Луиза, улыбаясь, делает знак Скарампи, остававшейся здесь, потом приближается к герцогу.*)

9. Герцог, Мария-Луиза, Скарампи, потом портной и модистка.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*герцогу*).

Франц!.. (*Он оборачивается.*)

Франц, я вас развеселю сейчас.

(*Герцог вопросительно глядит на нее.*)

Я заговор устроила для вас.

ГЕРЦОГ (*с зажегшимся взглядом*).

Как?.. Заговор?..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Да, да, невероятный...

Пошла на все, чтоб быть для вас приятной.

Тсс... Слушайте. Ведь нам уже давно

Французское все, все запрещено...

Но я — представь — не побоялась риска.

И из Парижа выписаны мной,

Из лучших двух домов, для нас — модистка

(*треплет его по щеке*).

А для тебя — ну, улыбнись... Портной!

Ну, как находишь ты мою идею?..

ГЕРЦОГ (*ледяным тоном*).

Поистине я восхищаюсь ею.

СКАРАМПИ (*открывает дверь, ведущую в апартаменты Марии-Луизы*).

Войдите...

(Входит барышня, элегантная, как может быть примерщица, в руках у нее большие коробки с платьями и шляпами; потом молодой человек, одетый, как модная картинка 1830 года, нагруженный коробками и платьями. Портной подходит к герцогу, а модистка в глубине, на диване, раскладывает платья. После глубокого поклона портной быстро становится на колени, открывая ящики, разворачивая пакеты, встряхивая галстуки, развертывая костюмы.)

ПОРТНОЙ.

Удостоите взглянуть?..
 Быть может, выбрать что-нибудь?..
 Здесь фраки, галстуки, жилеты,
 Плащи, и брюки, и колеты..
 Сейчас я все вам разложу.
 В Париже верят мне всецело:
 Могу сказать, я знаю дело.
 На вкус мой положитесь смело,
 Я вам, надеюсь, угожу!
 Вот галстуки... вот шарфы, шали..
 Чего бы вы ни пожелали.
 Фиалок нежных томный цвет..
 Серьезный синий... Тоже нет?..
 Фуляры в моде повсеместно.
(Смотря на галстуки герцога.)
 О, герцог носит бант прелестно!
 Чтоб завязать подобный бант,
 Клянусь, необходим талант.
(Показывая еще модели.)
 Рисунок новенький... спиралью..
(Опять смотрит на галстук герцога.)
 Да, в банте благородство есть..
 Поверьте мне, что здесь не лезть..
 А вот жилет новейший — шалью..
 Как смело брошены цветы..
 Как вы нашли его?

ГЕРЦОГ *(спокойно)*.

Ужасным.

ПОРТНОЙ *(продолжая показывать)*.

Вы не останетесь бесстрастным
 Пред этим чудом красоты?
 Вот козий пух. А цвет? Прелестный!
 А здесь — ткань из коры древесной.
 Сюртук... зеленый, нильский цвет,
 Обшлаг обтянут, как корсет,
 Взгляните, как высокомерно!
 А вот... в шесть пуговиц жилет.
 Он вам понравится наверно.
 Вот фрак... взгляните, голубой
 И белые к нему вот брюки.
 Воздушно — взять извольте в руки.
 Напоминают нам собой
 Изящность гвардии французской.
 А вот — еще... с жилеткой узкой.
 Вот — полонез... Но он тяжел:
 К Фальстафу он еще бы шел,
 Но уж не к бледному Гамлету.
 Плащи! А как к такому цвету
 Вы отнесетесь, например?
 Вот — плащ из клетчатого пледа.
 А вот еще а-ля Рульер.
 В таком плаще вас ждет победа:
 Испанцем веет от него...

(Накидывает на себя плащ и гордо прохаживается.)

В нем делать донье Соль визиты...
 Покрой... Взгляните, какво?..
 По правде, моды торжество! *(Распахивает.)*
 Вот... полы соболем подбиты.
 Прошу внимания к нему:
 Он прост на вид, но я не скрою,
 Неважен материал порою,
 Так внешность не важна герою,
 И платье судят по покрою —
 Как человека — по уму.

МАРИЯ-ЛУИЗА *(стоявшая рядом с герцогом, видит, что он, совершенно бледный, смотрит в одну точку, — к портному)*.

Вы утомили вашей болтовнею!..

ГЕРЦОГ (*очнувшись*).

Нисколько... нет... задумался я просто...
Когда приходит мой портной из Вены
С серьезной, важной миною своей,
Не слышу я таких живых речей,
И ярких слов, и настроений смены...
То, что для вас простая болтовня,
То для меня... то мне... то для меня...
(*Глаза его наполняются слезами; быстро.*)
Нет, ничего, оставьте! Все пустое!..

МАРИЯ-ЛУИЗА (*подходя к Скарампи и модистке*).

Посмотрим-ка, что здесь для нас такое.
Как?.. Рукава все пышные?

МОДИСТКА.

Да, да.

ПОРТНОЙ (*показывая герцогу образчики сукна на листе картона*).

Вот сукна... «Маренго»...

ГЕРЦОГ.

Как «Маренго»?

ПОРТНОЙ.

Сукно чудесное и так уж прочно —
Хоть разорвать попробуйте нарочно...
(*Щупает образчик.*)

ГЕРЦОГ.

Да, знаю я... что прочно «Маренго».

ПОРТНОЙ.

Что ж заказать изволите вы нам?

ГЕРЦОГ.

Я? Ничего. Мне ничего не надо.

ОРЛЕНОК

ПОРТНОЙ.

Хороший фрак ведь никогда не лишний...

ГЕРЦОГ.

Хотел бы я фасон придумать сам.

ПОРТНОЙ.

Фантазию свою доверьте нам.

Схватить намек ваш, право, мы сумеем...

От ремесла к искусству — в этом шаг.

Ведь наш заказчик — Теофиль Готье.

ГЕРЦОГ *(делая вид, что соображает)*.

Постойте...

МОДИСТКА. *(В глубине, вытаскивает огромные шляпы перед зеркалом. Мария-Луиза примеряет их.)*

Эта — рисовой соломки,

Покрыта блондой... Не у всех найдешь

Такую шляпу...

ГЕРЦОГ *(мечтательно)*.

Можете вы сделать...

ПОРТНОЙ *(стремительно)*.

Все, что угодно!..

ГЕРЦОГ.

Фрак...

ПОРТНОЙ.

Какой угодно?..

ГЕРЦОГ.

Ну... из сукна... из гладкого, положим....

ПОРТНОЙ.

Конечно...

ГЕРЦОГ.

Цвет... зеленый... Что на это
Вы скажете?

ПОРТНОЙ.

Прекрасная идея!

ГЕРЦОГ (*мечтательно*)

Короткий фрак... зеленый... Может быть,
Чтоб виден был жилет?..

ПОРТНОЙ (*записывая*).

Открытый — очень.

ГЕРЦОГ.

Чтоб оживить его, что, если мы
Прибавим... красный кант?

ПОРТНОЙ (*на минуту удивлен*).

Как?.. Красный кант?
Очаровательно! Прелестно.

ГЕРЦОГ.

Так...

Ну, а жилет, по-вашему, какой?..

ПОРТНОЙ.

Не сделать ли нам...

ГЕРЦОГ.

Белый?

ПОРТНОЙ.

Превосходно!
У герцога, я вижу, тонкий вкус.

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

К нему рейтузы...

ПОРТНОЙ.

А какого цвета?

ГЕРЦОГ.

Из белого, пожалуй, казимира.

ПОРТНОЙ.

О, белый цвет всегда всего красивей!

ГЕРЦОГ.

На пуговицах вырезать хочу я...

ПОРТНОЙ.

Не в моде это – вырезать что-либо!

ГЕРЦОГ.

О, пустячок... так... маленьких орлов.

ПОРТНОЙ *(вдруг, поняв, что это за маленький фрак, который себе заказывает герцог, вздрагивает и заглушенным голосом)*.

Орлов?..

ГЕРЦОГ *(переменив тон, быстро)*.

Ну, что ж? Чего ты испугался?

Ты весь дрожишь? Не хвалишься ты больше,

Что угодить сумеешь мне, портной?

Что ж странного в моем заказе было?

МОДИСТКА *(в глубине)*.

Кабриолет – с отделкою из мака?

ГЕРЦОГ *(вставая)*.

Так убери образчики, портной,

И моды все с их пошлой новизной.

Знай, что другого мне не надо фрака!

ЭДМОН РОСТАН

ПОРТНОЙ (*приближаясь*).

Но я...

ГЕРЦОГ.

Ступай... навязчивым не будь...

ПОРТНОЙ.

Но я...

ГЕРЦОГ.

Ступай — и мой заказ забудь...

(*С меланхолическим жестом.*)

И без тебя, увы, я слишком знаю,

Что этот фрак к лицу мне не пойдет.

Я это знаю сам.

ПОРТНОЙ (*другим тоном*).

Наоборот!

ГЕРЦОГ (*оборачиваясь, высокомерно*).

Что там еще?

ПОРТНОЙ (*спокойно*).

Он очень к вам пойдет.

ГЕРЦОГ.

Ты очень смел!

ПОРТНОЙ (*кланяясь*).

Заказ я принимаю,

Принять его даны мне все права.

ГЕРЦОГ.

Так вот что...

ПОРТНОЙ.

Да! (*Пауза. Они глядят друг другу в глаза.*)

МОДИСТКА *(в глубине, надевая манто на Марию-Луизу, смотрящуюся в зеркало).*

Спадают рукава;
На отворотах всюду кружева
И золотом расшитые узоры.

ГЕРЦОГ *(с легкой иронией).*

А, значит, вы пустились в заговоры?
Теперь меня уже не удивят
Изысканность остроумия и блеск цитат...

ПОРТНОЙ *(быстро, шепотом, показывает ему один из сюртуков).*

Оливковый сюртук себе оставьте:
Здесь имена найдете за подкладкой,
Пэр... маршал... школы... депутаты!

МОДИСТКА.

Спенсер
Из жаконаса, с юбкою атласной,

ПОРТНОЙ.

Хотят помочь бежать вам.

ГЕРЦОГ *(холодно).*

Превосходно.
Но вот беда... Сперва пойти мне надо
У Меттерниха, друга моего,
Совета попросить: бежать или нет?..

ПОРТНОЙ *(улыбаясь).*

Вы будете доверчивей, когда
Узнаете, что с нами заодно
Кузина ваша...

ГЕРЦОГ.

Что? Моя кузина?

ПОРТНОЙ.

Графиня Камерата, дочь...

ГЕРЦОГ.

Элизы?..

Я знаю, да.

ПОРТНОЙ.

Графиня Камерата,
Чья жизнь была фантазией богата.
В чертах ее прекрасного лица
Легко узнать всю смелость расы гордой;
Держать эфес своей рукою твердой
Иль укротить лихого жеребца –
Все нипочем ей, как Пентезилее,
И быть нельзя прелестней и смелее.

МОДИСТКА *(в глубине)*.

Вот тюлевый канзу – сама весна!

ПОРТНОЙ.

Так если я скажу вам, что она...

МОДИСТКА.

Смотрите, как легко и как воздушно...

ПОРТНОЙ.

Мы ей лишь повинемся послушно,
Весь заговор ведет она...

ГЕРЦОГ *(колеблясь)*.

Мой Бог,
Как мне узнать, что правда это все?

ПОРТНОЙ.

А поверните голову немного,
Взгляните потихоньку... на модистку,
Что на коленях разбирает платье...

ГЕРЦОГ (*поворачивает голову и встречается глазами с глазами модистки, потихоньку смотрящей на него*).

Она, она... Узнал я этот взгляд!
 Раз вечером ее я встретил в Вене,
 Она накидку сбросила свою,
 Схватила за руку меня — и вдруг
 Горячий поцелуй обжег мне руку.
 Потом она исчезла, крикнув громко:
 «Наполеон! Приветствую тебя!» (*Смотрит на нее.*)
 Да, Бонапартов кровь видна в ней ясно...
 И мы похожи с ней... Я это вижу...
 Но золота предательского нет
 В кудрях ее, они темны, как смоль.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*направляясь к своим апартаментам, модистке*).

Пойдем со мною, милочка. Мы там
 Все, все померяем (*с энтузиазмом*).
 Ах, милый Франц,
 В Париже только одевать умеют!

ГЕРЦОГ.

Да, матушка.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*входя в экстаз*).

Неужли не хорош
 Французский вкус? В восторг ты не придешь?
 Со мною будешь спорить ты?.. Едва ли!

ГЕРЦОГ (*важно, спокойно*).

В Париже вас прекрасно одевали.

(*Мария-Луиза, Скарампи и модистка уходят в апартаменты Марии-Луизы, унося платье.*)

10. Герцог, молодой человек, потом — на минуту — графиня Камерата.

ГЕРЦОГ (*едва дверь захлопнулась, оборачивается к молодому человеку, жадно*).

Вы... Кто же вы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Я?.. Просто аноним.
 Существованьем утомлен своим,
 Устал я жить в уныньи пошлой прозы,
 Когда кругом такой бесцветный мрак...
 Устал лежать, устал курить табак
 И рифмовать мечты свои и грезы.
 Кто я? Не знаю. В этом вся беда!
 И есть ли я? Не знаю тоже. Да.
 Люблю Гюго, его читаю «Оды»,
 Хочу любви, великих дел, свободы...
 Я это все рассказываю вам.
 Но это — юность... А моя вся мука —
 Ужасная, томительная скука...
 Чтоб не скучать — я жизнь свою отдам!
 Художник я профессией своею
 И карбонарий — коль служить вам смею.
 От скуки полюбил я красный цвет
 И целый год носил жилет пунцовый.
 Чтоб выбрать шарф, фасон придумать новый —
 Находчивей меня, пожалуй, нет.
 Так роль портного мог я взять свободно,
 Чтоб мой портрет вполне вам ясен стал,
 Прибавлю вам еще: я — либерал.
 Теперь к услугам вашим — коль угодно —
 И жизнь моя, и мой кинжал.

ГЕРЦОГ (*удивленный*).

Да... ваша смелость нравится мне, сударь...
 Но то, что говорите вы, — безумно.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*после улыбки, проше*).

По странностям меня вы не судите.
 Привык я удивлять... Не удивляйтесь,
 Но тайная болезнь меня грызет
 И заставляет жаждать искупленья,
 Забвения — в опасности искать.

ГЕРЦОГ (*мечтательно*).

Болезнь?.. Какая?..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Тайная тоска.

ГЕРЦОГ.

И тяжесть на душе...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

И жар порывов,
Вмиг остывающий...

ГЕРЦОГ.

И трепет странный,
И странное глухое беспокойство,
И злая гордость — мукою своею,
И бледностью унылого чела...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

О принц!..

ГЕРЦОГ.

Презрение ко всем, кто может
Самодовольством пошлым упиваться...
Сомнения...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

О принц! В какой же книге
Вы в ваши годы юные могли
Так изучить людского сердца тайны?
Как будто вы в душе моей читали...

ГЕРЦОГ.

Дай руку мне... Дай руку мне, мой друг.
Как молодое деревцо, когда
Его в чужую землю пересадят
И от родного леса оторвут, —
Уносит часть его в своих ветвях,
И если гибнет лес его родимый,
То и оно сочувствует и чахнет, —
Так здесь, один я чувствую в душе

Всю ту тоску, которая гнетет
Детей любимой Франции моей!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Скорее мы больны тоскою вашей...
Откуда к вам тяжелый этот гнет?
Лишенный прав священного наследства,
Лишенный славы, отнятой у детства,
Принц, бедный принц... зачем вы так бледны?..

ГЕРЦОГ.

Я сын *его*...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Вас боль о прошлом мучит.
Что делать?.. Ждем мы, кто же нас научит?..
И все по сердцу мы его сыны!

ГЕРЦОГ (*кладя ему руку на плечо*).

Вы сыновья солдат его примерных,
Сподвижников, друзей любимых, верных...
И эта мысль мне прибавляет сил...
Порой себе твержу тихонько я:
Они — его героев сыновья,
Быть может, им довольно будет сына...

(В эту минуту дверь в апартаменты Марии-Луизы отворяется, и графиня Камерата входит, делая вид, что что-то ищет.)

ГРАФИНЯ (*очень громко*).

Простите, шарфа не видали вы? (*Тихо.*)
Тсс... тише... Я отчаянно торгую.

ГЕРЦОГ (*вполголоса скоро и тихо*).

Благодарю от сердца дорогу!

ГРАФИНЯ (*также*).

Но лучше б шпаги продавала я...
Я не терплю ни кукол, ни тряпья.

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Воительница милая! Я знаю...

ГОЛОС МАРИИ-ЛУИЗЫ.

Где ж этот шарф?..

ГРАФИНЯ *(кричит)*.

Ищу, ищу везде!

ГЕРЦОГ *(беря ее за руку, тихо)*.

Я слышал, эта маленькая ручка
Справляется с хлыстом...

ГРАФИНЯ *(смеясь)*.

Да, объезжать
Люблю я лошадей.

ГЕРЦОГ *(все еще держа ее руку)*.

Владеет также
Рапирюю отлично...

ГРАФИНЯ.

Даже саблей!

ГЕРЦОГ.

На все готова?..

ГРАФИНЯ *(кричит)*.

Я везде ищу!

(Герцогу тихо и пылко.)

Для твоего величества на все!

ГЕРЦОГ.

У вас, моя кузина, сердце львицы!

ГРАФИНЯ.

И имя славное!

ГЕРЦОГ.

Скажите мне,
Какое?

ГРАФИНЯ.

Я зовусь — Наполеона!

ГОЛОС СКАРАМПИ.

Ну что, нашли вы?

ГРАФИНЯ (*громко*).

Нет.

ГОЛОС МАРИИ-ЛУИЗЫ (*нетерпеливо*).

На клавесине...

ГРАФИНЯ (*быстро молодому человеку, тихо уходя*).

Поговорите с ним о нашем плане.

(Вскрикнув, как будто нашла шарф, который она вытаскивает из-за корсажа, где он был спрятан.)

Ах, наконец!

ГОЛОС СКАРАМПИ.

Нашли?

ГРАФИНЯ.

Он был на арфе.

(Входит в комнату со словами.)

Так надо сделать складочки на шарфе...

(Дверь захлопывается.)

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*к герцогу*).

Согласны вы?..

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Но... Я не разобрал...
Сказали вы сейчас: «я — либерал».

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Республиканец.

ГЕРЦОГ.

Что ж? Каприз артиста
Вас превратил теперь в бонапартиста?..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Пожалуй, да... Вы правы, может быть.
История твердит о славе прежней,
И бьется жизнь в сердцах у нас мятежней.
Забыта кровь — нельзя побед забыть, —
Они теперь оценены, воспеты...
Нет у него солдат — но есть поэты...

ГЕРЦОГ.

Итак...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Итак... низвергнутый титан,
Ваш грустный рок... Вся пошлость в настоящем,
В сравнении с прошлым, ярким и блестящим...

ГЕРЦОГ (*прерывая*).

И сочинили вы себе — роман!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*разочарованно*).

Но... все-таки... Согласны вы, конечно?

ГЕРЦОГ.

Нет.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Нет?... Как нет?..

ГЕРЦОГ.

Благодарю сердечно.
 Я слушал вас, экстаз ваш очень мил,
 И он во мне артиста восхитил,
 Но понял я: не моего народа
 Звучали здесь призывные слова,
 А возвращала мне мои права
 Литература и... немножко – мода...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Вас убедить не мог, конечно, я,
 Но если б здесь была со мной графиня...

ГЕРЦОГ.

О нет, она прелестна, героиня,
 Но... и она не Франция моя!
 В ней говорит со мной моя семья.
 Когда-нибудь... когда опять... корону
 Вы захотите мне вручить, друзья,
 Пускай тогда меня толкает к трону
 Иная речь, иные голоса,
 Где, мощная, слышна душа народа.
 Но... вдохновенный Байроном поэт,
 Подобный мне, мечтатель утонченный,
 Сегодня я тебе отвечу: нет!
 Брось этот вид печально-огорченный,
 Не сожалей, не трать напрасно слов.
 Знай: к этому еще я не готов.

11. Те же, графиня, потом Дитрихштейн.

ГРАФИНЯ *(выходя от Марии-Луизы, слышит эти слова, пораженная).*

Вы... не готовы?..

(Оборачивается и живо говорит в полуотворенную дверь, обращаясь к Марии-Луизе и Скарампи, невидимым.)

Не трудитесь, что вы!
 Я поняла, цветы я наколю
 И к балу не лиловое пришлю,
 А белое. Бегу. *(К нему, затворяя дверь.)*

Вы не готовы...
Что ж нужно вам?..

ГЕРЦОГ.

Год страшного труда,
Мышления...

ГРАФИНЯ.

Теперь иль никогда!

ГЕРЦОГ.

Нет, нет! Я не готов еще для трона.

ГРАФИНЯ.

Идем, тебя я царствовать зову:
Ты чудный сон увидишь наяву!
Зачем года? Их даст тебе корона!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Ведь случай...

ГЕРЦОГ (*оборачиваясь, высокомерно*).

«Случай?»... Как? Со мной
Опять, я вижу, говорит портной?..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Но...

ГЕРЦОГ (*твердо*).

Нет — и ни за что! Пусть я не гений,
Но совестью я гений заменю.
Я год еще прошу у вас мне дать...
Да, год труда, бессонницы и мыслей.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*в отчаянии*).

Но ваш отказ все слухи подтвердит.

Эдмон РОСТАН

ГРАФИНЯ.

Все говорят и так, что ты не наш.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Вы — молодая Франция, а нас
Считают старой Австрией...

ГРАФИНЯ.

Повсюду
Твердят, что ум твой ослабляют здесь!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Что представляют вам в неверном свете
События истории родной...

ГРАФИНЯ.

Что ты не знаешь подвигов отца!..

ГЕРЦОГ *(в бешенстве)*.

Как?.. Это говорят?..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

Что мы ответим?..

ГЕРЦОГ *(жестоко)*.

Ответьте им, что я...

(В эту минуту отворяется дверь. Дитрихштейн показывается. Герцог обращается к нему и очень естественным тоном спрашивает.)

Любезный граф?..

ДИТРИХШТЕЙН.

Там Обенаус...

ГЕРЦОГ.

Да, у нас урок
Истории... Пусть он войдет, прошу вас.

(Дитрихштейн выходит. Герцог показывает молодому человеку и графине разбросанные платья.)

Укладывайте все как можно дальше,
Пусть вас забудут в нашем уголке.

(Видя входящего Дитрихштейна и Обенауса, к последнему.)

А, здравствуйте, любезный мой барон...

(Небрежно к молодому человеку и графине, показывая на ширму.)

Вы можете все это уложить. *(К Обенаусу.)*
Здесь мой портной с модисткой герцогини.

ОБЕНАУС.

Ага.

ГЕРЦОГ.

Они мешают вам?

ОБЕНАУС.

Нисколько.

(Уселся за стол с Дитрихштейном.)

12. Герцог, Дитрихштейн, Обенаус.

(За ширмами молодой человек и графиня, которые, уязывая вещи, внимательно слушают.)

ГЕРЦОГ *(сидясь против учителей).*

Так, господа... Теперь вполне я ваш.
Я только очиню мой карандаш,
Мысль занести... или число отметить.
Ведь интересный факт мы можем встретить.

ОБЕНАУС.

Итак, я приступаю. Мы начнем
С того сегодняшний урок, на чем
Остановились прошлый раз.

ГЕРЦОГ.

Понятно.

Эдмон РОСТАН

ОБЕНАУС.

До 1806-го мы дошли...

ГЕРЦОГ.

И никаких событий не нашли
Мы в том году?

ОБЕНАУС.

В каком?..

ГЕРЦОГ (*сдувая пыль от карандаша с бумаги*).

А в предыдущем?..

ОБЕНАУС.

Простите... я... Вот видите ль, судьба
Бывает иногда несправедлива...
На те... увы... печальные года...
Мы бросим с вами только беглый взгляд.

(*Прячась за громкую фразу.*)

Поднявшись на бессмертные высоты
Истории, мыслители должны...

ГЕРЦОГ.

Так, значит... ничего не совершилось
В тот год?

ОБЕНАУС.

Простите, чуть не позабыл...
О, важный факт случился: изменение
Старинного календаря. Затем
Испания, задевши Альбион...

ГЕРЦОГ (*тихо*).

А император...

ОБЕНАУС.

Что?

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Наполеон?

ОБЕНАУС (*уклончиво*).

Он...

ГЕРЦОГ.

Значит, он не покидал Булони?

ОБЕНАУС.

О, как же...

ГЕРЦОГ.

Где ж он был?

ОБЕНАУС.

А... здесь как раз.

ДИТРИХШТЕЙН.

Баварией он занимался.

ГЕРЦОГ (*с удивленным видом*).

А! Вот как...

ОБЕНАУС (*желая продолжать*).

При заключении договора...

В Пресбурге... гм... покойный ваш отец

В желаниях с Габсбургами сошелся.

ГЕРЦОГ.

А это что за договор в Пресбурге?

ОБЕНАУС (*докторским тоном*).

А это соглашение, которым

Кончается период целый.

Эдмон РОСТАН

ГЕРЦОГ.

Ах!..

Я карандаш нечаянно сломал...

ОБЕНАУС.

Ну-с, в 1807-м...

ГЕРЦОГ.

Уже?..

(Он спокойно очинил свой карандаш.)

Вот, все теперь в исправности. Однако

Какая это странная эпоха...

Нигде не происходит ничего!

ОБЕНАУС.

Как ничего? Возьмем Браганский дом:

Король...

ГЕРЦОГ.

Но император, император?

ОБЕНАУС.

Какой?..

ГЕРЦОГ.

Отец мой...

ОБЕНАУС.

А... Да ничего —

До 1808-го. Надо

Отметить по пути Тильзитский мир.

Тот договор...

ГЕРЦОГ.

Все только договоры?..

ОРЛЕНОК
ОБЕНАУС.

Европа...

ГЕРЦОГ.

А... хотите обобщить вы?
Я понимаю.

ОБЕНАУС.

Да, я... обобщаю.
В подробности я лишь тогда вдаюсь,
Когда...

ГЕРЦОГ.

Так было что-нибудь еще?

ОБЕНАУС.

Но...

ГЕРЦОГ.

Что же?..

ОБЕНАУС.

Я...

ГЕРЦОГ.

Да, что происходило?
Я знать хочу.

ОБЕНАУС (*бормоча*).

Но... я не знаю... Ваше
Высочество смеетесь надо мной?

ГЕРЦОГ.

Не знаете?.. Вот как! Зато я знаю
И все, что было, вам я расскажу. (*Встает.*)
Итак, шестого октября...

ДИТРИХШТЕЙН И ОБЕНАУС (*встают*).

Что значит?

ГЕРЦОГ.

Тогда безмятежная Вена
Предвидеть грозы не могла;
Твердила, следя равнодушно
За мощным полетом орла:
«На Лондон несут его крылья...»
На Лондон? Напрасный покой.
Уж близился к ней император...
Вы знаете, верно, какой?..

ДИТРИХШТЕЙН.

Но, герцог...

ГЕРЦОГ.

Он Страсбург покинул,
У Кельна он Рейн перешел...
И смело над Австрией сонной
Спустился могучий орел...
Австрийцам он дал серенаду...
О, это был чудный парад:
Султ бил в барабан с увлечением,
И трубы вел смелый Мюрат!
Свой славный маневр продолжая,
Он Вертинген взял по пути,
Был в Ульме...

ДИТРИХШТЕЙН (*в испуге*).

Что значит?.. Откуда?..

ГЕРЦОГ (*продолжая все сильнее*).

С коня не успевши сойти,
Взять Эсслинген Нею велит он.
Его знаменитый приказ
Как гром — и веселый, и грозный:
«Готовить осаду сейчас!»
И он торжествует победу
В 17-й день октября...

ДИТРИХШТЕЙН И ОБЕНАУС.

Но герцог... О, Боже великий...

ГЕРЦОГ.

На пленных австрийцев смотря!

ДИТРИХШТЕЙН.

Но вы...

ГЕРЦОГ.

В ноябре он был в Вене,
В Шенбрунне спустился орел.
В Шенбрунне... Где я прозябаю...
Там ночь во дворце он провел.

ОБЕНАУС.

Но, герцог...

ГЕРЦОГ.

Следит за врагом он,
Свой умысел смелый тая...
Однажды он войску кидает:
«Назавтра, назавтра, друзья!..»
Наутро он мчится галопом,
Летит перед войском своим:
«Солдаты! Покончим сегодня
Ударом одним громовым!»
Средь огненно-красных мундиров,
Пылающих ярко вокруг,
Мелькает его треуголка
И серый походный сюртук.
Войска необъятны, как море.
Но солнца в том море он ждет.
И вот уж пылает восход...
И солнце в улыбке, все солнце
Истории он отдает...

ОБЕНАУС (*глядя на Дитрихштейна*).

А?! Дитрихштейн?..

ГЕРЦОГ.

Да... вот как!..

ДИТРИХШТЕЙН.

Обенаус?

ГЕРЦОГ. (*Ходя назад и вперед. С возрастающей горячностью.*)

Смерть! Стоны!.. Ужас! Двадцать тысяч
пленных.

ОБЕНАУС (*бегая за ним*).

Я вас молю...

ДИТРИХШТЕЙН (*также*).

Подумайте! Что, если...

ГЕРЦОГ.

Окончена блестящая война.
Мой дед к отцу идет на бивуак.
Свиданье происходит...

ДИТРИХШТЕЙН.

Герцог, герцог...

ГЕРЦОГ (*скандируя безжалостно*).

На би-ву-аке...

ОБЕНАУС.

Боже!.. Замолчите...

ГЕРЦОГ.

И мира просит дед мой у отца,
И мой отец согласие дает.

ДИТРИХШТЕЙН.

Что, если кто-нибудь услышит вас?

Потом раздача отнятых знамен...

Считайте: восемь в ратушу...

(Графиня и молодой человек мало-помалу вышли из-за ширмы, бледные и трепещущие. Они уложили все свои пакеты и пробуют на цыпочках пробраться к выходу, все еще слушая герцога. В своем волнении они роняют картонки, и те падают со страшным шумом.)

ОБЕНАУС *(оборачивается и видит их)*.

Что это?

ГЕРЦОГ.

И пятьдесят в Сенат!

ОБЕНАУС.

Здесь эти люди...

ДИТРИХШТЕЙН *(бросаясь к ним)*.

Ступайте прочь!

ГЕРЦОГ *(громовым голосом)*.

И пятьдесят в собор...

Везде знамена!! *(Жест, как будто распределяет знамена, — вне себя.)*

ОБЕНАУС.

О, какой позор!

ДИТРИХШТЕЙН *(торопя графиню и молодого человека, которые собирают вещи)*.

Скорее... Вот еще вам два картона...

Вот шляпы... ну...

ГЕРЦОГ *(падая в изнеможении на кресло)*.

Знамена... Все знамена...

(Графиня и молодой человек выходят.)

ЭДМОН РОСТАН
ДИТРИХШТЕЙН.

При них!

ГЕРЦОГ (*в припадке кашля*).

Знамена!..

ДИТРИХШТЕЙН.

Что ж нам делать?.. Герцог...

ГЕРЦОГ.

Молчу, молчу...

ДИТРИХШТЕЙН.

Теперь молчать уж поздно.

Что скажет Меттерних?.. При этих людях...

ГЕРЦОГ (*вытирая свой лоб*).

К тому же все равно... Я на сегодня

Не знаю больше (*кашляет*), господин профессор!

ДИТРИХШТЕЙН (*наливая ему воду*).

Воды, скорей... Опять вас мучит кашель.

ГЕРЦОГ (*отпив воды*).

Не правда ли... успехи сделал я?

ДИТРИХШТЕЙН.

Однако книги все известны мне,

Все на счету...

ОБЕНАУС.

Что Меттерних нам скажет?..

ГЕРЦОГ (*холодно*).

Вы ничего не скажете ему,

Иначе вам же будет худо.

ДИТРИХШТЕЙН *(тихо, к Обенаусу).*

Правда,
Нам с вами будет лучше умолчать.
Нам здесь поможет герцогиня-мать.

(Стучит в дверь Марии-Луизы.)

Могу ль войти?..

СКАРАМПИ *(показываясь).*

Войдите.

*(Дитрихштейн входит к Марии-Луизе. Спускается ночь.
Лакей ставит лампу на стол.)*

ГЕРЦОГ *(к Обенаусу).*

Я надеюсь,
Вы кончили... придворный ваш урок?..

ОБЕНАУС *(поднимая руки к небу).*

Как вы узнали?.. Кто понять бы мог?..

13. Герцог, Мария-Луиза.

МАРИЯ-ЛУИЗА. *(Входит, очень взволнованная, в роскошном бальном туалете, длинная накидка на плечах. Обенаус и Дитрихштейн ступенькаются.)*

Ах, Боже мой! Что тут еще случилось?..
Что мне сказали?.. Объясните мне.

ГЕРЦОГ *(показывая матери в открытое окно на сумерки).*

Взгляните, мать моя, как вечер тих,
Как день дарит земле, прощаясь, ласки,
И выцветают небосклона краски,
И птицы спят в тени ветвей густых...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(удивленная, останавливается).*

Как?.. Ты природу понимаешь, Франц?

ГЕРЦОГ.

А... может быть!..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(желая быть строгой)*.

Но объясните мне...

ГЕРЦОГ.

Дышите вольно. Что за аромат...
С ним в комнату влилось цветов дыханье,
И ночи свежесть, и заснувший сад,
И леса ближнего благоуханье...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Но говорю вам.... объясните мне...

ГЕРЦОГ *(продолжая кротко)*.

Вы помните, как это у Шекспира:
На Макбета идет Бирнамский лес...
Но чудо здесь, прекрасней всех чудес,
Лес не идет – летит в струях эфира!

МАРИЯ-ЛУИЗА *(смотря на него с изумлением)*.

Ты, кажется, и поэтичным стал?

ГЕРЦОГ.

Да, кажется... *(Доносится отдаленная музыка.)*
Вы слышите ли, вальс?
Вальс отдаленный, может быть, банальный,
Но издали он сладок и красив.
Иль, может быть, случайно навестив
Вот эти рощи, где бродил Бетховен,
С его душой он встретился в пути.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

И к музыке ты был так хладнокровен...
Ее ты любишь?..

ГЕРЦОГ.

Да, люблю... почти...
Я не хочу любить ее. И звуки
Меня пугают тайной сладкой муки.
И вот в такой волшебной тишине

Я чувствую с невольною тоскою,
Как властно пробуждается во мне
Немецкая мечтательность порою.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Немецкая мечтательность твоя,
Дитя мое, пойми, ведь это — я...

ГЕРЦОГ.

Не думаю.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

И ты ее не любишь...

ГЕРЦОГ.

Вас я люблю.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Подумай же тогда.
Какие ты приносишь мне заботы...
Отец и Меттерних так с нами милы!
Так, например, когда ты должен был
Стать графом по декрету, я сказала:
— Граф? Ни за что, о нет... Нам графа мало...
И герцогом Рейхштадтским сделан ты!

ГЕРЦОГ *(отвечая наизусть)*.

Владельцем Тирнована, Гросс-Боэна,
И Буштерада, и Крон-Портнитц... шена.

(Представляясь, что произносит с трудом, как французы.)

Простите мне мое произношенье...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(раздраженно)*.

Как трудно было им установить
Ваш титул и в декрете сохранить
Любезность, точность, осторожность вместе.
Но вспомните, какой у них был такт:

Ни разу имя вашего отца
Там не встречалось.

ГЕРЦОГ.

Да, я удивляюсь,
Зачем они не написали прямо:
Рожден от неизвестного отца!

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Ты можешь быть — с доходами твоими —
Богатым самым принцем, самым милым
Любимцем Австрии...

ГЕРЦОГ.

Богатым самым...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

И самым милым...

ГЕРЦОГ.

В Австрии...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

И ты
Понять не хочешь счастья своего!
Ведь после всех эрцгерцогов — ты первый.
Ты можешь в жены взять себе графиню...
Княгиню... герцогиню... или даже...

ГЕРЦОГ (*глубоким голосом*).

О!.. Вечно пред глазами у меня —
Таким, каким его я видел в детстве,
Его простой, его священный трон.
Я вижу, как сейчас: он с круглой спинкой
И посреди ее блестит так ярко
Простая буква... маленькое «Н»
И времени кидает гордо — не т!

МАРИЯ-ЛУИЗА (*смущенно*).

Но...

ГЕРЦОГ (*жестко*).

Вижу я ту букву «Н», которой
Клеймил он плечи королей...

МАРИЯ-ЛУИЗА (*выпрямляясь*).

Тех самых,
Чья кровь в тебе от матери течет!

ГЕРЦОГ.

На что мне кровь их?..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Как?.. Наследство это...

ГЕРЦОГ.

Мне кажется ничтожным!

МАРИЯ-ЛУИЗА (*в негодовании*).

Ты, мой сын,
Ты не гордишься, что в тебе течет
Кровь Карла Пятого?..

ГЕРЦОГ.

О нет, нисколько!
У многих в жилах эта кровь течет.
Но стоит вспомнить, что в моих лишь жилах
Кровь Корсиканца-воина осталась...
И плачу я, и не могу смотреть
(*смотрит на свою фуку*)
На эту синих тонких жилок сеть.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Франц!

ГЕРЦОГ.

Этой крови старая мешает,
Кровь королей... Она мне не нужна!

Эдмон РОСТАН
МАРИЯ-ЛУИЗА.

Молчите...

ГЕРЦОГ.

Да ее и не осталось:
Во мне вели две крови смертный бой,
И — как всегда — та победила вашу.

МАРИЯ-ЛУИЗА (*вне себя*).

Молчи, Рейхштадтский герцог...

ГЕРЦОГ.

Ха-ха-ха!!
И Меттерних воображает дерзко,
Что написал на всей моей он жизни
«Рейхштадтский герцог»?.. Но ошибся он:
Когда на свет страницу поглядите —
Прочтете надпись там — «Наполеон»!

МАРИЯ-ЛУИЗА (*отступая в ужасе*).

Мой сын...

ГЕРЦОГ (*наступая на нее*).

Рейхштадтский герцог, вы сказали?
Нет, нет, нет, нет, меня не так зовут!
На Пратере толпа мне шепчет вслед
Другое имя: «Бонапарт»! Я слышу...
Я сын его... Мне этого довольно!

(*Хватает ее за руки и трясет.*)

Я сын его!

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Ты делаешь мне больно...

ГЕРЦОГ (*отпуская ее руки и сжимая ее в объятиях.*)

О мать моя, прости меня, прости...

(*Вдалеке оркестр.*)

(С нежной и горькой жалостью.)

Ступайте же на бал... Я просто бредил.
Вам Меттерниху даже и не надо
Об этом говорить...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(уже немного успокоившаяся).*

Не надо, нет...

ГЕРЦОГ.

Вот, снова вальс вдаль звучит призывно...
Нет, ничего ему не говорите,
И это вас избавит от забот.
Забудьте все... Ты забывать умеешь.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Но я должна.

ГЕРЦОГ *(говоря с ней, как с ребенком, и незаметно толкая ее к двери).*

Ну, вспомни ты о Парме,
О жизни, и блестящей и счастливой...
Твое чело не создано для горя.
О, я тебя люблю сильнее и глубже,
Чем можешь думать ты. Ступай, ступай.
Будь весела, забудь ты обо всем.
И даже... да... о верности забудь,
Я верен за двоих. Спокойна будь.
Ступайте же... танцуйте, веселитесь...
Не промочите ножки, берегитесь, —
Трава мокра.

(Целует в лоб ее.)

Ну, вот и снят весь гнет...
А как прическа эта к вам идет!

МАРИЯ-ЛУИЗА *(живо).*

Действительно?.. Хотя немножко смело...

ГЕРЦОГ.

Как ночь тепла, светла... Вон у ворот
Давно уж вас коляска ваша ждет.

(Мария-Луиза выходит. Он, шатаясь, подходит к столу и падает на стул, положив голову на руки.)

О, мать несчастная моя!..

(Переменяет тон, берет книги и кладет их к свету лампы.)

За дело!

14. Герцог, потом Фанни Эльслер и, на минуту,
Гентц.

(Слышен шум отъезжающей коляски. Дверь в глубине таинственно приотворяется, и показывается Гентц, вводя закутанную даму.)

ГЕНТЦ *(прислушиваясь)*.

Коляска уж далеко. *(Зовет герцога.)*
Принц!

ГЕРЦОГ *(оборачиваясь и замечая ее)*.

Ах, Фанни!

Фанни Эльслер *(сбрасывая плащ, который она поспешно набросила на свой театральный костюм, показывается, великолепная, вся розовая, в наряде танцовщицы и, стоя на пуантах, открывает объятия)*.

ГЕНТЦ *(в сторону, удаляясь)*.

Теперь — прощайте грезы о короне:
Империя — побеждена любовью,
И в этот миг он про нее забыл!

ФАННИ *(в объятиях герцога)*.

Франц!..

ГЕНТЦ *(уходя)*.

Превосходно...

ГЕРЦОГ (*держа Фанни в объятиях*).

Фанни!

ФАННИ (*влюбленно*).

Ах, мой Франц!..

Ах!..

(*Дверь заперлась за Гентцем, Фанни, быстро удаляясь от герцога и делая ему реверанс, почтительно.*)

Герцог...

ГЕРЦОГ (*убедившись, что Гентц ушел*).

Он ушел. Ну, за работу.

ФАННИ (*легким движением танцовщицы с пируэтом взлетает на рабочий стол принца*).

Сегодня много выучила я...

ГЕРЦОГ (*сидя у стола, нетерпеливо*).

Я жду...

ФАННИ (*кладет ручку на голову герцога и медленно, морща свои хорошенькие брови, чтобы вспомнить трудные вещи, начинает тоном ученицы, отвечающей наизусть*).

Итак, покамест маршал Ней

Всю ночь шел с войском, генерал Газан...

ГЕРЦОГ (*повторяя страстно, чтобы запечатлеть эти имена в душе своей*).

Газан...

ФАННИ.

Газан и с ним Сюше...

ГЕРЦОГ.

Сюше?..

ФАННИ.

Все интервалы пушками успели
Занять...

Эдмон РОСТАН

ГЕРЦОГ.

Успели пушками занять...

ФАННИ.

И гвардия имперская с рассвета...

Занавес

ВТОРОЙ АКТ

КРЫЛЬЯ ВСТРЕПЕНУЛИСЬ

Год спустя. Действие происходит в Шенбрунском дворце.
«Лаковая гостиная».

Все стены покрыты черными лакированными панно, на которых нарисованы маленькие пейзажи, киоски, птички и чело-вечки — золотом. Их окружает золоченая резьба тяжелого немецкого вкуса. Карниз, потолок из маленьких кусков лакированного дерева. Лакированные двери и трюмо.

В глубине — высокое окно с лакированной амбразурой. Виден его балкончик, который вырисовывает на светлом фоне парка черного двуглавого орла из железа.

Виден Шенбрунский парк.

Между двумя стенами подстриженных деревьев, окаймленными статуями, простираются уютные клумбы сада, на французский образец. Дальше, в конце цветника, дальше фонтана, по дерновой возвышенности, выделяясь на голубом небе своей белизной, возвышается Глориетт. Две двери направо, две двери налево. Между дверьми, визави, две тяжелые консоли. Над консолями, наверху, горделивые портреты предков в золоченых рамах с императорской короной. Это гостиная герцога Рейхштадтского. Левые двери ведут в спальню, в которой когда-то ночевал Наполеон, когда он два раза жил в Шенбрунне. Правые двери ведут в анфиладу зал. Здесь принц работает. Стол покрыт книгами, бумагами и планами. Огромная, наполовину развернутая карта Европы. Кресла из соседней Gobelin-Zimmer: тяжелое золотое дерево, покрытое чудной обивкой. На правом плане, налево, стоячее зеркало (псише), у которого видна только спинка черного лакированного дерева. На левой консоли аккуратно разложенные гренадерская французская шапка, красные эполеты, лядунка, сабля

и проч. У стены, рядом с консолью, старое ружье с белой перевязью и со штыком. На другой консоли — ничего. В углу огромный ящик. Повсюду книги, хлысты, кнуты, роскошное оружие и проч.

* * *

1. Седлинский, лакеи, привратник.

При поднятии занавеса десяток лакеев выстроился в один ряд перед графом Седлинским. Он их допрашивает. Подле него стоит привратник.

СЕДЛИНСКИЙ (*сидя в кресле*).

И это все?

1-Й ЛАКЕЙ.

Все.

СЕДЛИНСКИЙ.

Значит, все спокойно?

2-Й ЛАКЕЙ.

Все — как всегда.

3-Й ЛАКЕЙ.

Почти совсем не ест...

4-Й ЛАКЕЙ.

Читает много...

5-Й ЛАКЕЙ.

Очень плохо спит...

СЕДЛИНСКИЙ (*привратнику*).

Уверен ли в лакеях этих ты?

ПРИВРАТНИК.

Вполне. Все это молодые люди
С блестящею карьерой впереди.

ЭДМОН РОСТАН
СЕДЛИНСКИЙ.

Благодарю (*вставая*). Однако я боюсь,
Чтоб герцог не застал меня врасплох.

1-Й ЛАКЕЙ.

Нет, герцога нет дома.

2-Й ЛАКЕЙ.

Он уехал...

3-Й ЛАКЕЙ.

В мундире...

4-Й ЛАКЕЙ.

Офицеры с ним...

5-Й ЛАКЕЙ.

Маневры...

СЕДЛИНСКИЙ.

Итак, смотрите: такт и осторожность!
Следите так за ним, чтоб и заметить
Он этого не мог.

ПРИВРАТНИК (*улыбаясь*).

Я понимаю...

СЕДЛИНСКИЙ.

Не слишком уж старайтесь. Я дрожу,
Когда излишнее усердье вижу.
Не слушайте все разом у дверей.

ПРИВРАТНИК.

Я поручаю это одному.

СЕДЛИНСКИЙ.

Кому?

ПРИВРАТНИК.

Пьемонтцу.

СЕДЛИНСКИЙ.

Да, он умный малый.

ПРИВРАТНИК.

Сюда приходит на ночь он, как только
Пройдет его высочество к себе.

(Показывает на левую дверь, в комнату герцога.)

СЕДЛИНСКИЙ.

Он там?

ПРИВРАТНИК.

Нет. Ночью — не смыкая глаз,
Днем отдыхает он обыкновенно,
Когда выходит герцог, но как только
Вернется он — Пьемонтец будет здесь.

СЕДЛИНСКИЙ.

Пусть бодрствует.

ПРИВРАТНИК.

Я понял.

СЕДЛИНСКИЙ *(бросая взгляд на стол)*.

А бумаги?..

ПРИВРАТНИК *(улыбаясь)*.

Просмотрены.

СЕДЛИНСКИЙ *(нагибаясь, чтобы посмотреть под стол)*.

Корзина... А... Ключки...

(Быстро становится на колени, увидя клочки бумаги на ковре возле корзины, старается их сложить.)

Письмо, должно быть... От кого бы это?..

(Увлеченный профессиональным любопытством, он залез совсем под стол, поднимая клочки и стараясь прочесть. В эту минуту дверь направо отворяется, входит герцог, за ним его штаб: генерал Гартман, капитан Форести и т.д. Лакее быстро становятся в ряд. Герцог в мундире: белый мундир, застегнутый на все пуговицы, с зеленым воротником. На рукавах серебряная вышивка, белый плащ на плечах. Черная двуголка, к которой прикреплен зеленый дубовый лист. На груди два ордена – Марии-Терезии и Св. Стефана. Смешиваясь с поясом от сабли, идет шелковый пояс, желтый с черным, с большими кистями. Высокие сапоги).

2. Герцог, Седлинский, Эрцгерцогиня, доктор, Форести, Дитрихштейн.

ГЕРЦОГ *(очень естественно, взглянув на виднеющуюся из-под стола ноги).*

А!.. Как здоровье, господин Седлинский?..

СЕДЛИНСКИЙ *(на четвереньках, изумлен).*

Как?.. Герцог?..

ГЕРЦОГ.

Извините, я вернулся.

СЕДЛИНСКИЙ *(вставая).*

Меня узнали вы?.. Но я ведь был...

ГЕРЦОГ.

Ко мне спиной?.. Узнал сию минуту.

(Быстро входит Эрцгерцогиня. Она в летнем костюме, большая соломенная шляпа. В руках роскошно переплетенный альбом, который она вместе с зонтиком кладет на стол. У нее беспокойный вид. Герцог нервно, при виде ее.)

Вас потревожили...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Франц... Мне сказали...

ГЕРЦОГ.

О, пустяки!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(беря его руку)*.

Однако...

ГЕРЦОГ *(видя Дитфрихштейна, который входит с озабоченным видом, ведя с собой доктора)*.

Как? И доктор?..

Да я совсем не болен! *(Эрцгерцогине.)* Все пустое:

Жара... усталость... бросил я парад.

Я слишком много там кричал.

(К доктору, который щупает ему пульс.)

Ах, доктор,

Вы мне безбожно надоели, право...

(К Седлинскому, который пользуется общим смятением, чтобы ускользнуть.)

Как это мило с вашей стороны,

Уборкою моих бумаг заняться...

Нет, вы меня балуете, Седлинский.

И так уж вы, из нежности ко мне,

Своих друзей приставили в лакеи.

СЕДЛИНСКИЙ *(смущенно)*.

Как можете вы это думать, Ваше

Высочество!..

ГЕРЦОГ *(небрежно)*.

Я был бы очень рад,

Но если бы они служили лучше...

Меня теперь ужасно одевают!

И должен вам заметить, милый граф,

Раз вы уж это взяли на себя,

Что сапоги мне очень плохо чистят.

(Он сел, снимая перчатки, – отдал шляпу и шпагу денщику, который их уносит. Лакей поставил на стол поднос с прохладительным.)

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(предлагая герцогу).*

Франц...

ГЕРЦОГ *(к Седлинскому, который опять сделал движение к двери).*

Не угодно ль вам чего-нибудь?

СЕДЛИНСКИЙ.

Благодарю вас... я уж скушал...

ДОКТОР.

Гриб.

ГЕРЦОГ *(к офицеру).*

Форести...

ФОРЕСТИ *(приближаясь и кланяясь).*

Здесь, полковник!..

ГЕРЦОГ.

Послезавтра

Маневры. На заре прибыть в Гроссхофен..

Ступай. Ты понял?

ФОРЕСТИ.

Слушаю, полковник!

ГЕРЦОГ *(к штабу).*

Вы можете идти – и до свиданья.

(Штаб удаляется. Седлинский идет за ним.

Герцог подзывает.)

Мой милый граф...

(Седлинский возвращается. Герцог протягивает ему кончиком пальцев письмо, которое вытаскивает из кармана.)

Вот этого еще
Вы не читали...

(Седлинский кладет с оскорбленным видом письмо на стол и уходит.)

ДИТРИХШТЕЙН *(к герцогу)*.

Как вы строги с ним...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(к Дитрихштейну)*.

Но разве герцог не вполне свободен?..

ДИТРИХШТЕЙН.

О, принц не пленник, но...

ГЕРЦОГ.

А, превосходно!
Я, право, восхищаюсь вашим «но»...
О Боже мой, не пленник я, но... но...
Не пленник... но! вот формула, вот термин.
Не пленник я, но — вечно окружен
Ненужными, несносными людьми...
Не пленник я, но — если мне угодно
Ступить хоть шаг в аллеях дальних парка —
Из каждого листа глядит уж глаз...
Не пленник я, но — если кто захочет
Со мною говорить — сию минуту
У скважины замочной чье-то ухо
Является. Не пленник я, о нет!
Но стоит мне верхом поехать — всюду
Надзор незримый следует за мной.
Не пленник я, но — письма я свои
Вторым читаю. Но... к моим дверям
Лакея каждой ночью приставляют!

*(Показывает на большого седоволосого лакея, пришедшего
взять поднос и теперь уносящего его.)*

Вот он как раз... Конечно, я не пленник.
Рейхштадтский герцог — пленник вдруг? Смешно...
О, я не пленник, я «не — пленник — но»!

ДИТРИХШТЕЙН *(немного колко).*

Я редко вижу вас таким веселым.

ГЕРЦОГ.

Вы правы, очень редко я так весел.

ДИТРИХШТЕЙН *(кланяясь).*

Я оставляю вас.
(Уходит.)

3. Герцог, эрцгерцогиня.

ГЕРЦОГ *(бросается в кресло с горьким смехом).*

А, превосходно!
Но... будет!.. *(Смотрит на ее альбом.)*
Что это у вас, скажите?

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Гербарий императора.

ГЕРЦОГ.

Ого!
Гербарий деда! *(Рассматривает.)*

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Он его мне дал.

ГЕРЦОГ *(рассматривая).*

Красиво!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(показывая страничку).*

Франц, ты по-латыни знаешь:
Что это за чудовище такое,
Сухое, черное...

ГЕРЦОГ.

А, это? Роза.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Мой милый Франц... вы с некоторых пор
Ужасно изменились...

ГЕРЦОГ (*читая*).

«Bengalensis».

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Бенгальская. Я поняла.

ГЕРЦОГ (*поздравляя ее*).

Прекрасно.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Вы так нервны... Что с вами?

ГЕРЦОГ.

Ничего.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Я знаю, что... Ваш друг, ваш пылкий Прокеш,
Наперсник ваших планов и надежд,
Которых здесь боятся, он... в изгнании.

ГЕРЦОГ.

Зато, ко мне приставленный в друзья,
Здесь маршал Мармон... Презренный всеми
Во Франции, приехавший сюда
Сбирать и похвалы и поздравленья
За то, что изменил Наполеону...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Тсс... тсс... молчи!..

ГЕРЦОГ.

И этот человек
Стремится в сердце сына тень набросить
На память незабвенную отца. (*С жестоким
движением.*)

О, я готов... *(Немедленно сдерживается, взглядывает в гербарий, улыбаясь.)*
Вот это — «Волюбились».

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Послушайте... Дав обещанье мне,
Исполнить обещанье вы б решились?

ГЕРЦОГ *(целуя ей руку).*

О, для тебя на все, всегда, вполне!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Ведь мой подарок был тебе приятен?..

ГЕРЦОГ *(вставая и указывая на предметы, лежащие на консоли).*

Священные воспоминанья эти,
Что для меня вы взяли из трофеев
Эрцгерцога?.. *(Трогает один за другим.)*
Тесак... Медвежья шапка...
И старое ружье...

(Эрцгерцогиня возражает.)

О нет, не бойтесь,
Не заряжал я... и потом...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(живо).*

Молчи!..

ГЕРЦОГ *(таинственно).*

Потом та вещь... что я далеко спрятал...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(улыбаясь).*

Куда, бандит?

ГЕРЦОГ *(указывая на спальню).*

Туда, в мою берлогу.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*теперь она перелистывает гербарий*).

Так вот что. Успокой мою тревогу...
Ты знаешь кротость деда твоего...

ГЕРЦОГ.

Да, это правда. Любят все его.
Умеет он любить себя заставить.
И я его люблю.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Он для тебя
Все может сделать.

ГЕРЦОГ.

Если б захотел он...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Так обещай мне... Не решаться раньше
На бегство, прежде чем поговоришь
Ты с дедом о твоей мечте заветной
И убедить попробуешь его.

ГЕРЦОГ (*протягивая ей руку*).

Я обещаю.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*пожав его руку, с облегчением вздыхает*).

Ну, вот это мило! (*Весело.*)
Но хочешь, чтоб тебя я наградила?

ГЕРЦОГ (*улыбаясь*).

Вы, тетя?

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Что ты думаешь, мой друг...
И у меня есть капелька влиянья...

(*Смеется.*)

Я истощила, правда, весь запас
Слов, убеждений и просящих фраз,

Но я добилаь своего желанья:
Ваш верный друг, по ком вы так скучали,
Ваш Прокеш — здесь...

*(Стучит три раза зонтиком в пол, дверь отворяется,
появляется Прокеш).*

ГЕРЦОГ *(бежит к Прокешу.)*

Вы, друг мой! Наконец!..

(Эрцгерцогиня скромно исчезает, пока друзья обнимаются.)

4. Герцог, Прокеш.

ПРОКЕШ *(вполголоса, оглядываясь).*

Нас могут слушать?..

ГЕРЦОГ *(спокойно, громко).*

Слушают всегда,
Но ничего не повторяют...

ПРОКЕШ.

Как?

ГЕРЦОГ.

Да. Я нарочно, в виде испытанья,
Здесь говорил безумные слова.
Об этом никогда не доносили.

ПРОКЕШ.

Как странно?..

ГЕРЦОГ.

Да, должно быть, мой шпион
С полиции лишь даром тянет деньги,
И, верно, глух на оба уха он.

ПРОКЕШ *(живо).*

Ну, что графиня?.. Каковы известья?
Что нового?

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Нет ничего!

ПРОКЕШ.

Неужли?..

ГЕРЦОГ (*с отчаянием*).

Нет ничего. Она меня забыла,
А может быть... ее арестовали...
А может быть... О, я безумцем был,
Что год назад не убежал. Но нет...
Зато теперь я к этому готов,
Но там меня забыли...

ПРОКЕШ.

Тише, тише...

(*Оглядывается.*)

Так вот где ваш рабочий уголок.
Как мило здесь.

ГЕРЦОГ.

Да, мило — по-китайски...
О, эти золотые птицы! Эти
Китайские болванчики по стенам,
С улыбками, достойными пощечин!..
Меня нарочно поместили здесь,
Чтобы на фоне этих черных стен
Мундир мой белый ярче выделялся.

ПРОКЕШ.

Принц...

ГЕРЦОГ (*ходя взад и вперед в волнении*).

Я глупцами окружен одними.

ПРОКЕШ.

Что вы полгода делаете здесь?

Эдмон РОСТАН

ГЕРЦОГ.

Бешусь!

ПРОКЕШ.

Не знал Шенбрунна я.

ГЕРЦОГ.

Могила!

ПРОКЕШ (*смотря с балкона*).

Фонтан и «Славы Храм»... Как он красиво
Белеется на синем фоне неба...

ГЕРЦОГ.

Да, «Славы Храм»... Когда мое все сердце
Горит и жаждет настоящей славы!

ПРОКЕШ (*спускаясь*).

Весь парк к услугам вашим, чтобы ездить
Верхом...

ГЕРЦОГ.

О, парка этого мне мало!

ПРОКЕШ.

И вся долина, если тесен парк.

ГЕРЦОГ.

Она мала для моего галопа.

ПРОКЕШ.

Что ж нужно для прогулок вам?

ГЕРЦОГ.

Европа!

ПРОКЕШ (*желая его успокоить*).

Молчите...

ГЕРЦОГ.

Ах, поймите вы, что в миг,
 Когда еще весь ослепленный славой,
 Я отрываюсь от любимых книг,
 От прошлого картины величавой,
 Когда бросаю Цезаря ладью
 И гениев бесстрашную семью
 И закрываю, весь в слезах, Плутарха —
 Передо мною тень отца-монарха,
 И Александр, и славный Ганнибал...

ЛАКЕЙ (*появляясь у левой двери*).

Что вы надеть изволите на бал?

ГЕРЦОГ (*Прокешу*).

Вот!

(*Лакею жестко.*)

Никуда сегодня я не еду.

(*Лакей исчезает.*)

ПРОКЕШ (*просматривавший книги на столе*).

Вам все теперь читать разрешено.

ГЕРЦОГ.

Да, наконец я одержал победу!
 Те времена умчались прочь давно,
 Когда, ведя меня на поле брани,
 Истории меня учила Фанни,
 Потом мне стали книги приносить...

ПРОКЕШ.

Эрцгерцогиня добрая, конечно?

ГЕРЦОГ.

Кого ж еще я мог о том просить?..
 Она одна мне предана сердечно.
 И я читал все ночи напролет...
 Потом — лишь только луч дневной блеснет,

Я прятал книги наверху... на полог...
 И так я спал под куполом из книг...
 О, как я всю их красоту постиг!
 Как до ночи казался день мне долог!
 Историю читал я, как роман.
 Я был от счастья, от восторга — пьян.
 Днем — на верху далеком балдахина
 Дремали книги мирно, в вышине,
 Но ночью пробуждались оне,
 И за картиной грезилась картина.
 Я засыпал, и тайной властью сна
 Являлася крылатая война:
 Сражений шум я слышал в мраке ночи,
 Лавровый дождь мне упал на очи,
 Мне виделся все он, все он, все он!..
 Великие победы, с шумом, с блеском,
 Скользили вокруг меня по занавескам
 И наполняли мой мятежный сон...
 Однажды Меттерних с серьезной миной
 По-своему вел об отце рассказ,
 А я старался выраженью глаз
 Придать всю глупость кротости невинной.
 Вдруг — страшный треск!.. То рухнул балдахин,
 Не выдержав великой славы гнета,
 И книги, книги сыпались без счета,
 И заголовок был у всех один...
 И все страницы повторяли хором
 Одно лишь имя, что в душе живет!

ПРОКЕШ.

Что ж, Меттерних вскипел?

ГЕРЦОГ.

Наоборот,
 Взглянул слегка насмешливым укором
 И мне сказал, спокойно с кресла встав:
 «Ого! У вас высоко книжный шкаф».
 С тех пор я все читаю, что угодно.

ПРОКЕШ (*показывая на книгу*).

И даже это?.. «Сын его»?..

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

О да!

ПРОКЕШ.

Но то, что пишут здесь, — неблагоприятно.

ГЕРЦОГ.

Несправедливой может быть вражда...
К тому ж нападки этой книги — пусты.
Здесь говорят о яде злой Локусты,
О том, что у меня враги вокруг,
О том, что я от яду умираю,
Но я б хотел сказать родному краю,
Что далеко прекрасней мой недуг.
Не мелодрама здесь, и не отравой
Рейхштадтский герцог здесь томим...
Я болен — болен именем своим,
Звучащим грозной и могучей славой!
В нем пушек гром, в нем звон колоколов,
Оно звучит и шлет укор упорный
Ничтожеству и слабости позорной
Души моей — и я рыдать готов. *(Пошел к окну.)*
О, жажда новых прибавить главы
К истории его побед и славы...
И лишь мечтать о том, что так светло,
Прижав к стеклу горящее чело!
(Подходит к Прокешу.)
Я иногда, стараясь позабыться,
В леса, поля лечу я на коне...
Я ветер лью, я мчусь быстрее ветра,
Чтобы убить безумную мечту.
Я мчусь, я мчусь, я забываю все:
Что я, кто я, о чем мне думать больно...
Вдыхаю пряный запах кожи, пыли,
Травы помятой... Наконец, усталый,
Разбитый, опьяненный и счастливый,
Остановлю коня на всем скаку,
Взгляну на небо, и в лазури ясной
Орла... орла я вижу мощный лет!

(Почти падает на кресло, сидит с минуту неподвижно, опустив голову на руки, потом глуше.)

О, если бы в себя я мог поверить...

(С тоской смотрит на Прокеша.)

Скажите, друг, вы знаете меня,
Что, если я — как часто ведь бывает —
Сын гения — ничтожество и только?
О... Меттерних меня в том уверяет.
Он прав, и как австриец он не может
Иначе поступать, но я дрожу,
Когда свои слова он преподносит,
Как Гентц мне леденцы из бонбоньерки.
Скажите мне, чего я стою, друг мой?
Могу ли императором я быть?
О Господи, ты знаешь все и видишь!
(С отчаянием.)
Но если бледность этого чела
Не бледность гордая Наполеона,
Так сделай так, чтоб Франции корона,
Увы, его коснуться не могла!

ПРОКЕШ *(тронутый)*.

Но, принц...

ГЕРЦОГ.

О, друг мой, отвечайте мне...
Неужли презирать себя я должен?
Скажите откровенно мне, кто я?
Чтоб царствовать... Я знаю, у меня
И низок лоб, и руки слишком слабы...
Ответьте мне...

ПРОКЕШ *(важно, беря его за обе руки)*.

Мой милый принц, когда бы
Перед короной царственной своей
Все принцы так же сильно испытали
Боязни и сомнения печали —
То мы плохих не знали б королей!

ГЕРЦОГ (*с криком радости обнимая его*).

Благодарю... Вы придали мне силы...
Теперь — работать, друг мой, милый друг!..

5. Герцог, Прокеш, потом Тереза.

(*Входит лакей, ставит на стол поднос с письмами и выходит. Это тот самый, которого привратник называл Пьемонтцем.*)

ПРОКЕШ.

Вам почту принесли. Как много писем!

ГЕРЦОГ.

От женщин... Эти до меня доходят.

ПРОКЕШ.

Какой успех...

ГЕРЦОГ (*берет письмо, которое Прокеш передает распечатанное*).

«Я видела вчера.
Ваш взгляд печальный...»
Я разрываю (*рвет и берет другое*).
«На челе твоём...»
Я разрываю (*та же игра*).
«Вчера вы мимо ехали верхом...
На Пратере...» Я разрываю (*та же игра*).

ПРОКЕШ.

Тоже?..

ГЕРЦОГ (*беря еще письмо*).

«Вы молоды, но ваш печальный рок...»
От канониссы... О великий Боже!..
Я разрываю...

(*Тереза стучит и потом появляется.*)

ТЕРЕЗА (*робко*).

Можно?..

ГЕРЦОГ (*оборачиваясь*).

Ручеек!
Вы здесь?..

ТЕРЕЗА.

Опять название это, герцог?..

ГЕРЦОГ.

В нем чистота, в нем сладость, к вам оно,
По-моему, подходит несравненно!

ТЕРЕЗА.

Его с собой я в Парму увезу.
Мы завтра едем.

ГЕРЦОГ (*с насильственной улыбкой*).

О! Смахнем слезу...

ТЕРЕЗА (*печально*).

Мы едем в Парму...

ГЕРЦОГ.

Да, в страну фиалок.
Быть может, мать моя о них забыла,
Напомните ей это...

ТЕРЕЗА.

Да. Прощайте... (*Хочет уйти.*)

ГЕРЦОГ.

Беги вперед, кристальный ручеек...

ТЕРЕЗА.

Но почему я «ручеек», скажите?..

ГЕРЦОГ.

Не раз душа усталая моя
В вас черпала забвенья и отраду,

Вы ей несли целебную прохладу,
 Как в летний день холодная струя.
 В глазах у вас таится глубь речная,
 А в голосе — журчанье серебра...
 Ваш взгляд и голос нежно вспоминая,
 Мой ручеек, я вижу грезы мая...
 Мой ручеек. Прощайте — вам пора!

ТЕРЕЗА (*уходит; на пороге, словно ожидая чего-то*).

Вам больше нечего сказать мне?..

ГЕРЦОГ.

Нет.

ТЕРЕЗА.

Да... ну... Прощайте, принц (*уходит*).

ГЕРЦОГ.

Я разрываю!..

6. Герцог, Прокеш.

ПРОКЕШ.

Я это вижу, герцог.

ГЕРЦОГ (*мечтательно*).

Я любим,
 И я бы мог (*переменяя тон*).
 Но нет, долой романы,
 История важнее нам теперь!..
 Итак, опять за тактику возьмемся!

ПРОКЕШ (*раскладывая на стол принесенную им карту*).

Ну, вот вам план, его вы разберите.

ГЕРЦОГ (*освобождая большой стол от книг и бумаг, чтобы устроить поле битвы*).

Постой... Дай мне сначала этот ящик,
 Там все мои солдаты. С ними нам
 Удобней будет разобрать весь план.

ПРОКЕШ (*принося герцогу ящик с солдатами*).

Я должен вам сказать, что этот план
Весьма рискован. Ну-с, я жду. Начнемте.

ГЕРЦОГ (*кладя руку на ящик, с приливом меланхолии*).

Так вот они, войска Наполеона
Второго...

ПРОКЕШ (*с упреком*).

Принц!..

ГЕРЦОГ.

Надзор такой устроен,
Что даже деревянные солдаты
В моих войсках — и те... и те австрийцы!
Дай одного мне. Левый фланг вот здесь...

(Он берет солдата не смотря, ищет взглядом место его на карте, ставит солдатика и вдруг, взглянув на него, вскрикивает.)

Что это значит?..

ПРОКЕШ.

Что там?..

ГЕРЦОГ (*с изумлением, беря опять солдатика и рассматривая*).

Гренадер...

(Берет другого.)

Ах!.. Ратник... кирасир... кавалерист...
Французами мои солдаты стали!
Подумай, друг мой, кто-то перекрасил
Всех деревянных воинов моих!

(Он бросается к ящику и сам их вынимает, одного за другим, с возрастающим восхищением.)

Француз!.. Француз!.. Француз!..

ПРОКЕШ.

Но что за чудо?..

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Их перекрасил кто-то, говорю я.

ПРОКЕШ.

Но кто?

ГЕРЦОГ.

Солдат!..

ПРОКЕШ.

Но почему солдат?..

ГЕРЦОГ (*показывая ему маленьких солдат*).

Смотри, как точно все до мелочей:
Все выпушки, нашивки, канты...
Кто б ни был ты, благодарю тебя,
Безвестный мой солдат, благодарю,
Что средство ты нашел в мою темницу
Хоть это войско привести ко мне!
Кто тот герой, герой по-детски добрый,
Заставивший вас всех мне улыбаться
Блестящей амуницией своей?..
Как он от глаз надсмотрщиков укрылся?..
Чья кисть была тонка и так нежна,
Чтоб всем им усики нарисовать
И золотом обвести шнуры и трубы?

(*Приходя все в больший восторг.*)

О, вынем всех! Весь стол покрыт уж ими!
Ах, вот стрелки в зеленых эполетах!
Застрельщики, разведчики, все здесь...
О, вынем всех их, крошечных героев!
Смотри, смотри, здесь заперта была
Вся армия великая!.. О, друг мой,
Вот мамелюки. Ах, я узнаю
Уланов польских — красные жилеты!
Вот гренадеров длинные султаны,
Вот егеря... (*Вдыхая.*)
Я, как несчастный узник,
Что целый лес построил бы себе

По деревцу из стружек. По игрушке...
Так я по этим маленьким солдатам
Всю эпопею ясно представляю!

(Удаляется от стола, отступая лицом к солдатам.)

Но, правда, я не вижу деревянных
Подставок больше... Кажется мне, знаешь,
Что потому так малы все они,
Что я смотрю на них издалека!

*(Быстро приближается к ним, одним скачком,
и лихорадочно расставляет маленькие войска.)*

Сравнием их... Расставим по полкам,
И повторим Эйлау и Ваграм.

*(Схватывает саблю с консоли и кладет ее поперек поля
битвы.)*

Пусть будет этот ятаган — Дунаем.

(Указывает определенные воображаемые пункты.)

Эсслинг... Асперн — сюда мы помещаем.
(К Прокешу.)

Бумажный мост на эту сталь клади...

Дай гренадера мне сюда скорее...

Возвышенность нужна нам впереди...

«Мемориал» давай сюда, — правее...

Вот здесь — Сен-Сир. Здесь будет Молитор,

Бельгардский победитель... А вот здесь

Мост переходит...

(С некоторой минуты вошел Меттерних и стоит сзади герцога, который, в пылу занятия, опустился на колени, чтобы лучше установить солдат, и следит за маневрами.)

7. Те же, Меттерних, потом лакей.

МЕТТЕРНИХ.

Переходит мост...

Кто?..

ГЕРЦОГ *(вздрагивает и оборачивается).*

Гвардия.

МЕТТЕРНИХ *(глядя в лорнет)*.

Французские войска...
А где ж австрийцы?..

ГЕРЦОГ.

Обратились в бегство!

МЕТТЕРНИХ.

Вот как! *(Берет одного из солдатиков.)*
А кто же вам их перекрасил?..

ГЕРЦОГ *(сухо)*.

Некто!

МЕТТЕРНИХ.

Вы сами, значит. Что же это?..
Вы портите свои игрушки?

ГЕРЦОГ *(бледнея)*.

Сударь...

(Меттерних звонит, приходит лакей – тот же, что и раньше.)

МЕТТЕРНИХ *(лакею, показывая на солдатиков)*.

Возьмите это все и бросьте прочь.
Вам новых принесут.

ГЕРЦОГ.

Я не хочу.
Уж если обречен я на игрушки,
То пусть они эпическими будут.

МЕТТЕРНИХ.

Какая муха... иль, верней, какая
Пчела сегодня укусила вас?

ГЕРЦОГ *(идя к нему со сжатыми кулаками)*.

Ирония не нравится мне, сударь...

ЛАКЕЙ (*унося солдат, проходя сзади герцога, быстро и тихо*).

Молчите, принц, я вам их перекарашу.

МЕТТЕРНИХ (*уходивший, оборачивается на его угрозу*).

Как, герцог, мне понять угрозу вашу?

ГЕРЦОГ (*внезапно успокаиваясь, с принужденным смирением*).

Простите мне... минутной вспышки гнев.

(*В сторону.*)

Я не один, теперь молчать могу я.

МЕТТЕРНИХ.

А я как раз пришел к вам с вашим другом.

ГЕРЦОГ.

С каким же другом?..

МЕТТЕРНИХ.

С маршалом Мармоном.

ПРОКЕШ (*со сдержанным негодованием*).

Мармон! Он здесь?..

МЕТТЕРНИХ (*глядя на Прокеша*).

Мармон один из тех,
Кого мне здесь приятно видеть.

ПРОКЕШ (*сквозь зубы*).

Знаю.

МЕТТЕРНИХ.

Он здесь.

ГЕРЦОГ.

Прошу... Его я видеть рад.

(Меттерних выходит. Едва за ним заперлась дверь, герцог бросается в кресло и с отчаянием бьется головой о стол.)

О мой отец!.. О, царственная слава!
Имперский трон, порфира и орлы!

(Дверь открывается, он встает совершенно спокойный, улыбающийся очень естественно. К Мармону.)

Я очень рад вас видеть у себя.

МЕТТЕРНИХ *(уводя Прокеша).*

Хотите посмотреть со мной покой
Его высочества?... Я покажу вам...

(Берет его под руку и уводит. Герцог и Мармон остаются вдвоем.)

8. Герцог, Мармон, на минуту — Меттерних и Прокеш.

МАРШАЛ.

Сегодня, принц, последний мой визит,
О нем мне больше нечего поведать...

ГЕРЦОГ.

Как жаль! Вы хорошо так говорили...

МАРШАЛ.

Я Вашему Высочеству старался
Портрет дать верный...

ГЕРЦОГ.

Верный! Ну, итак,
Уж больше нечего?

МАРШАЛ.

Да, ничего!

ГЕРЦОГ.

Воспоминаний юности его
Уж больше не осталось?...

ЭДМОН РОСТАН

МАРШАЛ.

Никаких.

ГЕРЦОГ.

Итак... попробуем составить вывод:
Он был велик?

МАРШАЛ.

Велик.

ГЕРЦОГ.

Но, может быть,
Без вас он часто...

МАРШАЛ.

Я мешал нередко...

ГЕРЦОГ.

Несчастью?..

МАРШАЛ *(ободренный)*.

Да, слишком верил он...

ГЕРЦОГ.

В свою звезду!

МАРШАЛ.

Мы в заключениях сошлись, я вижу...

ГЕРЦОГ.

И именно вот так все это было?..

МАРШАЛ *(совсем доверчиво)*.

Он был, конечно, славный генерал,
Но все-таки нельзя сказать...

ГЕРЦОГ.

Презренный!

МАРШАЛ (*вставая*).

Что значит?..

ГЕРЦОГ.

Да! Сегодня, наконец,
Я взял от вас последнее, что было
Невольно в вас прекрасного... Я взял
Все чудные воспоминанья ваши.
Теперь вы пусты — я бросаю вас!

МАРШАЛ (*бледный*).

Но я...

ГЕРЦОГ.

И ты мог изменить ему,
Рагузский герцог? Ты? Да, да, я знаю,
Вы все ему завидовали, все...
Товарища на царском троне видя,
Твердили тихо: отчего не я?..
Но ты!.. Тебя любил он с первых дней,
Тебя любил он, до того, что даже
Его солдаты на тебя роптали...
Тебя любил он, в тридцать лет тебя
Он маршалом уж сделал...

МАРШАЛ (*сухо поправляя*).

В тридцать пять.

ГЕРЦОГ.

И ты — изменник... Именем твоим
Изменников зовет народ французский!..

(*Встает вдруг и подходит к нему.*)

Что ж вы молчите? Жду я объяснения.
Ответьте мне. Не герцог Франц Рейхштадтский,
Наполеон второй стоит пред вами!..

МАРШАЛ (*отступает, потрясенный*).

Тсс... Меттерних... Его я голос слышу.

ГЕРЦОГ (*показывая ему на открывающуюся дверь, гордо*).

Что ж, измените нам вторично, маршал.

(*Со скрещенными руками на груди он выдерживает его взгляд. Молчание. Меттерних показывается с Прокешем.*)

МЕТТЕРНИХ (*проходя в глубину с Прокешем*).

Беседуйте, прошу. Не беспокойтесь...
Мы в парк идем смотреть «Руины», где
Сегодня бал. Я истый представитель
Народа, обреченного на гибель.
Как говорят, невольно я люблю,
Чтоб танцевали именно в руинах...
До вечера! (*Выходят. Пауза.*)

МАРШАЛ.

Принц... Я смолчал.

ГЕРЦОГ.

Да, герцог
Рагузский, я был очень удивлен!..

МАРШАЛ.

Что ж... продолжайте... Я сажусь.

ГЕРЦОГ.

Что значит?..

МАРШАЛ.

Я позволяю оскорблять себя:
Сейчас вы были прямо несравненны!

ГЕРЦОГ.

Как...

МАРШАЛ.

Да. Я императора бранил...
15 лет нарочно и насильно.
Поймите, что Рагузский герцог жаждал
Себе же оправдание найти,

Но дело в том... что я его не видел.
 О, если б с ним я встретился опять,
 Опять бы я к нему вернулся, знаю.
 И многие ему так изменили —
 В желаньи пылком родину спасти.
 Но кто его еще хоть раз увидел,
 От чар его уже не мог уйти.
 Один лишь я его не увидал...
 Но вечером сегодня я опять
 Им покорен — навек и безвозвратно.

ГЕРЦОГ.

Что это значит?..

МАРШАЛ (*с грубой пылкостью*).

Я его увидел!

ГЕРЦОГ (*почти с криком радости*).

Как?..

МАРШАЛ (*протягивая ему руку*).

В складке лба, в блестящем этом взгляде,
 В движеньи властном... Да, я остаюсь
 И все снесу с терпеньем оскорбленья.

ГЕРЦОГ.

А! Если б только это было правдой,
 Тогда бы ты своим волненьем спас
 Меня от ежечасного сомненья,
 Которым здесь так пользуются все.
 Так, несмотря на этот низкий лоб
 И плечи узкие...

МАРШАЛ.

Его я видел...

ГЕРЦОГ.

Опять во мне надежда загорелась.
 Простить хотел бы я тебе... Зачем,
 Зачем ты изменил ему!

МАРШАЛ.

Мой принц...

ГЕРЦОГ.

Зачем другие все?..

МАРШАЛ (*с отчаянным жестом*).

Мой Бог... Усталость!..

(С некоторого времени дверь, в глубине направо, отворилась, в углублении виден тот самый лакей, что уносил солдатиков. Он слушает. При слове «усталость» он входит и тихо затворяет за собой дверь. Мармон продолжает в приливе откровенности.)

Что вы хотите? Против всей Европы!
Да, побеждать прекрасно, но и жить
Хотелось иногда — поймите это.
Берлин... и Вена... никогда — Париж...
Сначала все... Опять, опять сначала!
Безумье... Не слезая с лошадей...
Всю жизнь... И мы устали.

ЛАКЕЙ (*громовым голосом*).

Ну, а мы?..

9. Герцог, Мармон, Фламбо.

ГЕРЦОГ И МАРМОН (*оборачиваясь и видя его стоящим в глубине со скрещенными руками*).

Кто там? Кто это?

ЛАКЕЙ.

Ну, а мы, скажите,
Мы, темные, мы, маленькие люди,
Что подставляли смело наши груди,
Что шли вперед послушною толпой,
От голода, от холода страдая,
Ни герцогств, ни чинов не ожидая,
В покорности великой и слепой?
Мы шли вперед, шли безустанно, смело,
Терпели холод, мерзли не дрожа...

Труба нам пела, песнь ее звенела,
 Единственной поддержкою служа.
 И звук ее вперед нас звал с собою.
 И шли мы, шли, измучены борьбою.
 Семнадцать лет в дороге, на войне
 Два пуда мы таскали на спине...
 И только провиант наш весил мало,
 А то его и вовсе не бывало!
 Мы шли вперед, шли бодро, день за днем:
 Из Австрии в Испанию пешком...
 Мы задыхались в тропиках, а в стужу
 Лохмотья открывали грудь наружу...
 Бывало, лишь нарядный офицер
 Кричит нам громко, мчась во весь карьер:
 «Уж близок враг! В поход, в поход!» Едва ли
 Крыло воронье съесть мы успевали
 Иль, намешавши конской крови в снег,
 Доесть ее — и снова в путь и в бег!

ГЕРЦОГ *(сжимая руками ручки кресел, подавшись вперед,
 с горящими глазами).*

О, наконец!..

ЛАКЕЙ.

Когда мы уступали
 Усталости и ночью засыпали,
 Нас даже пули не страшили так,
 Как мысль — проснуться завтра... людоедом.

ГЕРЦОГ *(все ближе наклоняясь, пожирая этого человека
 глазами).*

О, наконец...

ЛАКЕЙ.

Нам сон служил обедом,
 Мы шли вперед и бились — натошак!

ГЕРЦОГ *(преображенный от радости).*

О, наконец один из них со мною!..

ЛАКЕЙ.

Мы шли вперед могучею волною,
Смывая все, что было на пути.
За четырех был должен каждый драться,
Должны мы были бодро улыбаться
И все вперед идти, идти, идти...
Толпа людей голодных, полуголых,
Худых, уставших, черных и веселых...
Мы не устали, может быть, тогда?..
Мы не устали, а?..

МАРМОН (*смущенный*).

Конечно, да.

ЛАКЕЙ.

И ничего-то мы не добивались,
Но верными лишь мы ему остались!

МАРМОН (*к герцогу*).

Но кто же этот странный ваш лакей?..

ЛАКЕЙ (*становясь во фронт*).

Я — гренадер и отставной сержант...
Жан-Пьер Фламбо, по прозвищу Фламбар, —
Отец — бретонец, пикардийка — мать, —
Вступает в полк 14-ти лет,
В 6-м году второго Жерминаля,
Крестины происходят в Маренго.
Через 6 лет — капральские нашивки,
Сержанта чин и радостные слезы.
В июле, в 1809-м,
В Шенбрунне — здесь. Да, гвардия тогда
Шенбрунн и Сан-Суси ведь занимала...
Итак — итог: на службе у Его
Величества всего 16 лет.
Кампаний всех 16, а сражений —
При Аустерлице, Эйлау, Соммо-Сьерре,
При Эсслинге, Ваграме, при Смоленске,
И проч., и проч., и проч. В сраженьи тридцать
Два раза отличился... ранен был

Неоднократно. Наконец, сражался
Не за чины и деньги — а за славу!..

МАРМОН (*герцогу*).

Так долго слушать вы его хотите?..

ГЕРЦОГ.

О нет, не так... а стоя.

МАРМОН.

Принц, однако...

ГЕРЦОГ.

В великой книге славной Эпопеи
Заглавных букв составили вы ряд,
Невольно каждый привлекая взгляд!
Но маленькие буквы — вот они,
Их тысячи, и вы бы не могли
Без армии смиренной их составить
Блестящую истории страницу. (*К Фламбо.*)
Ах, добрый мой Фламбо, подумай только,
Что я тебя уж целый месяц вижу,
И ты меня своим надзором бесишь!

ФЛАМБО (*улыбаясь*).

О нет, друг с другом больше мы знакомы.

ГЕРЦОГ.

Как?..

ФЛАМБО (*приближая свою добрую, большую голову*).

Вы меня не узнаете?

ГЕРЦОГ.

Нет...

ФЛАМБО (*настаивая*).

Да как же... Это было рано утром
 В четверг в Сен-Клу. Вы вышли на прогулку
 В тенистый парк, с кормилицей вашей, —
 Красавица, я помню как сейчас —
 С дежурной дамой, с маршалом Дюроком...
 Они смотрели, как кормили вас.
 А вас тогда султан мой красный занял,
 И вы к нему ручонкой потянулись.
 «Пооди сюда!» — мне маршал приказал.
 Я подошел. Вы улыбались мне,
 И капли молока еще текли
 По вашим пухлым, розовым губешкам...
 И вдруг, я слышу, ручкою своей
 Вы мне султан изволите трепать.
 «Оставь его величество играть...» —
 Сурово приказал мне маршал. Я
 Сейчас же на колени стал пред вами...
 Когда я поднялся, трава была
 Вся в красных перьях, а султан мой бедный
 В простой железный превратился прут.
 «Я два тебе их выдать прикажу!» —
 Сказал Дюрок. И я ушел в восторге.
 «Эге! Кем ты так хорошо ощипан?» —
 Мне крикнул строго адъютант. Я гордо
 Ему ответил: «Римским королем!»
 Вот с этих пор мы и знакомы с Вашим
 Величеством. Я нахожу, что Ваше
 Высочество порядком подросли.

ГЕРЦОГ.

Не вырос я, вот в этом вся беда:
 «Величеством» я, видишь, был тогда,
 В «высочество» теперь я обратился!

МАРМОН (*ворчливо к Фламбо*).

Что ж со времен Империи ты делал?

ФЛАМБО (*меряя его взглядом*).

Я вел себя не так, как... кое-кто.
 Знакомлюсь с Солиньяком и Фурнье,

Участвую с Дидье я в заговоре.
 Не удастся. Вижу казнь Миара,
 Ребенка по шестнадцатому году,
 И старика Давида. Горько плачу...
 Заочно к смертной казни присужден!
 Отлично... Возвращаюсь я в Париж
 Под ложным именем... Живу
 Я на 2 франка в месяц... Не теряю
 Надежды, что еще вернется он.
 Гуляю смело в шляпе Боливаром,
 Деруся на дуэли тридцать раз,
 Из-за него, не больше и не меньше,
 Участвую в Безьерском заговоре.
 Не удастся... Всех нас арестуют...
 Мне удастся убежать. Сбегаю.
 Заочно к смертной казни присужден!
 Спешу в Париж, а там уж, как нарочно,
 Есть для меня готовый заговор.
 В Америку, к Лефевру еду я.
 «Что делать, генерал?» — «Начать сначала!»
 Мы едем. Буря. Бедный генерал мой
 Погиб — как пассажир простой. Я плачу,
 А сам плыву. Умею плавать я
 Отлично. Солнце... голубые волны...
 Белеют чайки... вот плывет корабль...
 Спасен. Являюсь вовремя как раз,
 Чтобы попасть на заговор в Сомюре.
 Не удастся. Суд. Я убегаю...
 Заочно к смертной казни присужден!
 В Тулоне ждет уж комендант Каран.
 И заговор готов. Лечу туда...
 Напрасно... разболтались в кабачке.
 Не удастся. Я опять сбегаю!
 Заочно к смертной казни присужден!
 Я в Грецию спешу, расправить кости
 И здорово побить проклятых турок.
 И, наконец, — во Францию вернувшись
 Июльским утром, вижу кучи камней
 На улицах. Отлично. Бьюсь и я.
 Но вечером меняет знамя цвет:
 Из белого — трехцветным ставши снова.
 Но кой-чего ему недоставало,

Там, наверху неверного древка,
Того... из золота... и с парой крыльев.
В Романию спешу на заговор.
Не удастся. Родственница ваша...

ГЕРЦОГ (*живо*).

Кто, говори?

ФЛАМБО.

Графиня Камерата.
В Тоскане у меня берет уроки...

ГЕРЦОГ.

Я понял все!

ФЛАМБО.

Уроки фехтованья.
Фехтуем мы и заговор готовим.
Опасный пост здесь выдался. Дают
Фальшивые бумаги мне сейчас же,
И вот я здесь... Как видите — весь тут!

(Потирает руки, молча смеется и подмигивает.)

Но каждый день с графиней вижусь я.
Открыл я в парке тайную землянку,
Которую вы вырыли когда-то,
С учителем играя в Робинзона.
Два выхода есть у землянки той:
Один — в кусты шиповников колючих,
Другой — теряясь в муравьиных кучах.
Там прячусь я полуденной порой.
Она туда является с альбомом
И рисовать садится в тень ветвей...
И, пользуясь таким простым приемом,
Из-под земли беседую я с ней,
Как вам отдать Империю скорей.

ГЕРЦОГ (*после молчания, взволнованный*).

Что ж сделать я могу тебе, скажи мне,
За преданность великую твою?..

ОРЛЕНОК

ФЛАМБО.

А выдрать за ухо меня, как он.

ГЕРЦОГ.

Что?

ФЛАМБО (*весело*).

Ну, чего еще бы мог просить
Себе в награду бывший гренадер?..
«Ворчун», как называли нас тогда...

ГЕРЦОГ (*немного взволнованный солдатской простотой*).

«Ворчун»!..

ФЛАМБО.

Да, да, ну что ж... Я жду... вот так...

(*Герцог неловко дергает его за ухо, жестом помимо его воли высокомерным. Фламбо морщится.*)

Не так, не так... Вы слишком истый принц!

ГЕРЦОГ (*вздвигнув*).

Ты думаешь?..

МАРМОН (*с досадой*).

К чему сказал ты это?

ФЛАМБО.

Ну, если принц — французский принц, так это
Вину наполовину уменьшает.

ГЕРЦОГ (*боязливо*).

Но чувствуют ли там, что я французом
Остался во дворце австрийском?..

ФЛАМБО.

Да! (*Смотрит вокруг себя.*)
Нет, нет, вы не подходите сюда,
Здесь тяжело... богато и нелепо.

МАРМОН.

Откуда ты все это понимаешь?..

ФЛАМБО.

Мой брат в Париже мебельщик известный:

Работает Фонтэну и Персье.

Они хотят нам подражать! Но вот

Людовика XV кресло.

Ах, черт возьми, не тонкий я знаток,

Но вижу кое-что и понимаю.

(Берет кресло, одной рукой поднимает как перо на воздух и показывает тяжелую деревянную отделку немецкого вкуса.)

Отделка безобразная — глядите.

(Ставит на место и показывает обивку кресла.)

Но посмотрите на обивку эту.

А? Что за вкус... Смеется, и поет,

И забывает все другое к черту!

Видать, что это дело рук искусных...

А почему? Ведь это гобелены.

И как они сюда нейдут... И вы,

Вы тоже ведь французская работа...

МАРМОН.

Во Францию вернуться вы должны.

ФЛАМБО.

Во Францию! И на почетный крест

Опять нам императора поставить!..

ГЕРЦОГ.

Но кем теперь он заменен, скажи...

ФЛАМБО.

Кем? Генрихом IV. Надо было

Найти такого, кто умел сражаться.

Вы видели почетный крест?

ГЕРЦОГ (*грустно*).

В витринах.

ФЛАМБО.

Как он хорош был на сукне мундира:
Как будто капля крови вытекала
И превращалась в золото, а после
В зеленую эмаль...

ГЕРЦОГ.

Должно быть, он
Красив был на твоей груди, мой друг?

ФЛАМБО.

Нет, я его не получил.

ГЕРЦОГ.

Как? Ты?
За подвиги твои, за эту скромность?

ФЛАМБО.

Я мало сделал, чтоб его иметь.

ГЕРЦОГ.

И ты о нем не хлопотал?

ФЛАМБО.

Когда
Его нам император не давал,
То, значит, дать его он не был должен.

ГЕРЦОГ.

Так слушай! Я, без титула, без власти,
Без государства, только жалкий призрак,
Рейхштадтский герцог, грустно и печально
Под липами австрийскими бродящий,
Чертя на их коре родное имя, —

Я, чье несчастье тщетно затмевают
Чужими мне звездами, у кого
(показывает свои ордена)
Лишь два креста на место одного...
Я, изгнанный, больной, несчастный пленник —
Я не могу бросать героям звезды,
Но кажется, но чудится мне как-то,
Что, несмотря на тень и мрак забвенья,
Хоть луч звезды остался у меня...
Жан-Пьер Фламбо — его тебе дарю я!

ФЛАМБО.

Вы...

ГЕРЦОГ.

Призрак лишь креста могу я дать.

ФЛАМБО.

Тот крест хорош, что со слезами счастья
Мы принимаем. Плакал я сейчас.

МАРМОН.

А настоящим можно заменить его
В Париже!

ГЕРЦОГ.

Но чтобы туда вернуться,
В родной Париж, — что должен сделать я?

ФЛАМБО.

Ваш чемодан скорее уложить!

ГЕРЦОГ.

Увы...

ФЛАМБО (*быстро*).

Теперь вздыхать не надо больше.
Девятое сегодня. Если вы
Хотите быть тридцатого в Париже, —

То будьте на балу у Меттерниха,
Назавтра в ночь...

МАРМОН.

При мне ты открываешь
Такую тайну...

ФЛАМБО (*весело*).

Не пойдете ж вы
Рассказывать про заговор, в котором
Участвуете сами...

ГЕРЦОГ (*вздрагивая*).

Нет, не он...
Его не надо...

МАРМОН.

А наоборот,
Я с вами заодно (*к Фламбо*). Но ты, приятель,
Ты был неосторожен!

ФЛАМБО.

Может быть!
Такой мой недостаток. Я люблю
Всегда к приказам прибавлять свое,
Люблю сражаться с розою в петличке,
И этой я не изменю привычки.

МАРМОН.

Итак, графине я готов служить.

ГЕРЦОГ (*серьезно*).

Нет... нет, не он...

ФЛАМБО.

Та-та-та-та!.. Ну, дайте
Ему вину вы этим искупить.

МАРМОН (*к Фламбо*).

Есть у меня всех недовольных списки...
С послом французским мы к тому же близки.

ФЛАМБО (*живо*).

А! Он полезен очень будет нам!

ГЕРЦОГ (*с горечью*).

Как?.. Сразу сделка с совестью?.. (*С отчаянием.*)

Нет! Нет!

Я не приму услуги от него.

МАРМОН (*кланяясь*).

Я буду вам тогда повиноваться,
Когда на вас корону я увижу.
Пока к послу отправлюся сейчас (*уходит*).

ФЛАМБО.

Каналья!.. Но он прав на этот раз.

10. Герцог, Фламбо.

ГЕРЦОГ (*в волнении ходит взад и вперед*).

О, я сейчас бы полетел! Но, Боже,
Где взять мне доказательства, скажи,
Что Франция, как сирая вдовица,
Еще отца оплакивать готова?
Не умерла ли эта нежность в ней?..

ФЛАМБО (*лирически*).

Поверьте мне, любить нельзя нежней...
Без вас там жарки слезы, вздохи тяжки...
Взгляните...

*(Вытаскивает из кармана что-то длинное и трехцветное,
что он торжествующе вертит в воздухе и потом отдает
герцогу.)*

ГЕРЦОГ.

Это что, Фламбо?

ФЛАМБО (*спокойно*).

Подтяжки.

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Что ты, с ума сошел, мой друг?

ФЛАМБО.

О нет!

Взгляните хорошенько...

ГЕРЦОГ.

Мой портрет!..

ФЛАМБО.

Вот — даже у богатых это в моде,
Не говоря уж о простом народе.

ГЕРЦОГ.

Но...

ФЛАМБО (*подавая ему табакерку*).

Может быть, понюшку табаку?..

ГЕРЦОГ.

Я не...

ФЛАМБО (*показывая*).

Вот здесь, с пробором на боку,
Вам голова кудрявая знакома?..

ГЕРЦОГ.

Я! Это я!..

ФЛАМБО (*вытаскивая большой синий фуляр из кармана*).

Вот — вы и здесь, как дома,
Посередине этого платка.

ГЕРЦОГ.

Но...

ФЛАМБО *(вытаскивая чубук)*.

Вот еще — головка чубука.

ГЕРЦОГ *(узнавая себя)*.

Опять!..

ФЛАМБО *(вытаскивая разные предметы)*.

Кокарда, прямо для ареста.

На медальоне — как вы здесь у места!

А вот картинка.

ГЕРЦОГ.

Тоже я — верхом!

ФЛАМБО *(любуясь)*.

Конь — так и пляшет... *(Ему.)* Медальон. Потом,

Вот на стекле стакана... поглядите,

Чье имя?..

ГЕРЦОГ *(читая)*.

«Франсуа...»

ФЛАМБО *(вытаскивая из жилета)*.

А вот... смотрите:

Тарелка, ножик, ложка — весь прибор...

(Придвигает кресло.)

Вы можете садиться и обедать.

ГЕРЦОГ *(почти падая)*.

Фламбо...

ФЛАМБО.

На всем, все только ваш портрет!

На галстуках вы вышиты в сияньи,

В игральных картах служите тузом...

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Фламбо...

ФЛАМБО.

Я перечесть не в состоянны:
В календарях, на брошках, ну на всем...

ГЕРЦОГ (*разражаясь рыданиями*).

Мой друг...

ФЛАМБО.

Вот так? Э, что ж это такое!..

(*Дает ему фуляр, который повесил на кресло.*)

Утрите слезы Римским Королем!

(*Становится на колени возле герцога и утирает ему слезы.*)

А нам теперь скорей ковать железо...
За вас народ и маршалы за вас,
И сам король теперь, чтоб удержаться,
Бонапартистом должен притворяться.
А их петух, как ни старайся он,
Все на орла не может быть похожим.
Без славы мы дышать и жить не можем,
А груши не годятся для корон.
Уж камни мостовых затрепетали,
Везде поются песни Беранже...
И мы теперь стоим на рубеже;
Долой Шенбрунн, давно вас ждут в Версале!

ГЕРЦОГ (*вставши*).

Да, я готов...

(*Слышна военная музыка. Герцог вздрагивает.*)

ФЛАМБО.

А, кончился парад,
И во дворец вернулся император.

ГЕРЦОГ (*очнувшись*).

Мой дед... О Боже... что я обещал... (*Фламбо.*)
Нет, соглашаться я еще не должен!

ФЛАМБО.

Что это значит?

ГЕРЦОГ.

Попытаюсь я...
Я должен с ним поговорить сначала.
Но если ночью ты увидишь здесь
Кой-что... чего еще ты не видал...
То знай тогда, что я на все согласен!

ФЛАМБО.

Что ж это будет за сигнал, скажите?

ГЕРЦОГ.

Его увидишь ты.

ФЛАМБО.

Но как же...

(Дверь отворяется. Он быстро удаляется от герцога и делает вид, что убирает комнату. На пороге появляется венгерский гвардеец, в красном с серебром мундире, в желтых сапогах, со шкурой пантеры на плече и в меховой шапке с длинным большим султаном.)

11. Те же и гвардеец.

ГВАРДЕЕЦ.

Ваше
Высочество...

ФЛАМБО (*в сторону*).

О черт! Каков султан!

ГЕРЦОГ.

Что вам?

ГВАРДЕЕЦ.

Сейчас вернулся император.
Приемный день сегодня, и изволил
Сказать Его Величество с обычной
Своею добротой и простотой:
«В Шенбрунне быть хочу я только дедом,
И потому я всех моих детей
Приму в покоях дорогого внука».
Прием назначен ровно от пяти.
Дозволите ли, герцог, им войти?

ГЕРЦОГ.

Откройте и впустите всех, прошу вас.

(Офицер выходит. До конца акта музыка в парке.)

12. Герцог, Фламбо.

ГЕРЦОГ.

А это все ты хорошенько спрячь.

ФЛАМБО *(завязывая все в платок)*.

Отлично, вот — я сделал узелок.
Но что же это за сигнал, скажите?

ГЕРЦОГ.

О, ты его наверное узнаешь,
Ты слышишь — там австрийский марш играют?

ФЛАМБО.

Черт! Он не стоит нашей «Марсельезы».

ГЕРЦОГ.

Ты помнишь, говорил о «Марсельезе»
Отец мой: «У нее усы лихие».

ФЛАМБО.

У музыки австрийской — бакенбарды!

ГЕРЦОГ (*надевая узелок на тросточку*).

Ну что же? Так вот, с этим узелком
Пешком — давай во Францию пойдем?

(Весело идет, покачивая на плече синий узелок.)

ФЛАМБО (*следя за ним глазами, с грубой нежностью*).

Как вы забавны так и как вы милы!
Вы первый раз такой... вот я смотрю...

ГЕРЦОГ (*оборачивается*).

И молодость... и смех, и даже силы...
Я в первый раз такой... *(Ему, с волнением.)*
Благодарю!..

Занавес

ТРЕТИЙ АКТ

КРЫЛЬЯ РАСПУСКАЮТСЯ

Та же декорация, что и во 2-м акте. Окно в парк все еще открыто; освещение парка изменилось. Теперь это пышные краски уходящего дня. «Глорьетта» вся золотая. Стол с книгами отодвинут в сторону направо. Внесено вместо трона старое, громадное кресло, чтобы старый император казался и величественным и отечески добродушным.

* * *

1. Гвардеец, стражи, крестьяне, горожане, женщины, дети и т.д., потом император Франц.

(При поднятии занавеса только что ввели людей, которых принимает император. Они ждут его, стоя и тихо переговариваясь. Каждый держит в руке прошение. Вдовы в трауре, горожане в праздничных нарядах. Крестьяне и крестьянки со всех концов империи. Богемцы, тирольцы и т.д. Смешение пестрых национальных костюмов. У дверей направо — солдаты стоят неподвижно, похожие на церковных привратников (красные мундиры в галунах, с черным бархатом, белые брюки, высокие сапоги, двууголки, полуприкрытые султаном

из петушиных перьев. Венгерский гвардеец ходит здесь и там, красясь своим ментиком. Он осаживает всех в глубину, к окну, и влево, к запертым дверям в комнату герцога.)

ГВАРДЕЕЦ.

Тсс... Стойте смирно... Тише, ты, старик...
Ты, маленький, будь умник...
(Показывает на дверь на правом плане.)
Император
Появится из этой двери к вам,
Ему пройти свободно вы дадите...
Ты, великан, ногами не стучать!

МУЖЧИНА *(робко)*.

Он мимо нас пройдет?

ГВАРДЕЕЦ.

Да, да,
У каждого прошение отбирая.
Держите же прошение на виду.

(Все вынимают прошения.)

Не вздумайте рассказывать ему
Своих историй *(все стоят смирно, он отходит к столу, потом, вспомнив)*.
Да, при появлении
Не смейте становиться на колени:
Запрещено!..

ЖЕНЩИНА *(в сторону)*.

Пожалуй, запрещай,
Нам это все равно не помешает...

(Дверь отворяется, появляется император, все падают на колени.)

ИМПЕРАТОР *(очень просто)*.

Ну, встаньте, дети!

(Он проходит. У него длинное грустное лицо, как на портретах, но выражение большой доброты. Он одет с умышленным добродушием: в штатский, свой излюбленный, костюм)

(серый сюртук, палевый жилет, серые брюки, вправленные в сапоги). Он берет прошение, протянутое женщиной, пробегает его и передает камергеру, идущему за ним, со словами.)

Пенсию удвоить!

ЖЕНЩИНА *(падая на колени).*

О государь...

ИМПЕРАТОР *(прочитав следующее прошение, поданное ему крестьянином).*

Гм... гм... Дороговато...

Подумайте, чего он просит: пары Быков... *(Передает бумагу камергеру.)*
Исполнить!

КРЕСТЬЯНИН *(с восторгом).*

Батюшка!..

ИМПЕРАТОР *(передавая прошение крестьянки, только что прочитанное, камергеру).*

Исполнить.

КРЕСТЬЯНКА *(благословляя его).*

Отец родной наш!

ИМПЕРАТОР *(останавливаясь перед бедно одетым человеком, которого узнает).*

А, опять ты здесь!..
Ну, как живется дома?

ПРОСИТЕЛЬ *(вертя в руках шапку).*

Помаленьку...

ИМПЕРАТОР *(передав петицию камергеру, останавливается перед старой крестьянкой).*

Ну, что, старуха, что?

СТАРУХА.

Да понимаешь,
Все куры передохли...

ИМПЕРАТОР *(передавая ее прошение).*

Хорошо... Исполнить. *(Читая прошение, поданное ему тиролецем.)*

А, певец...

ТИРОЛЕЦ.

Тирольских иодлей.

ИМПЕРАТОР *(улыбаясь).*

Ах, иодлей!.. Приезжай к нам завтра в Баден,
Ты будешь петь у нас.

ТИРОЛЕЦ.

О государь!..

КАМЕРГЕР *(отмечая его прошение).*

Как ваше имя?

ТИРОЛЕЦ *(быстро).*

Шпаузер.

ИМПЕРАТОР *(остановившись перед огромного роста
молодцом с голыми коленками).*

Ты горец?

ГОРЕЦ.

Да, я живу на Голубой горе,
Что до неба вершиной достигает,
Но в Вену рвусь давно я всей душою:
В извозчики попасть моя мечта.

ИМПЕРАТОР *(пожимая плечами).*

Изволь.

*(Передает камергеру и берет из рук зажиточного фермера
прошение, которое читает вполголоса.)*

А, земледелец... просит Франца...
Вернуть ему похищенную дочь,
Чье сердце у него украл стекольщик

Богемский... *(Отдавая ему прошение.)*
Дочь свою отдай богемцу,
Которого бедняжка полюбила.

ФЕРМЕР *(в отчаянии)*.

Но...

ИМПЕРАТОР.

Я ему приданое дарю!

(Фермер расплывается в улыбке.)

КАМЕРГЕР *(отмечая прошение)*.

Как имя?

ФЕРМЕР.

Иоганн Шмоль.

(Склоняясь перед императором.)

Благодарю...

ИМПЕРАТОР *(читая прошение, взятое им из рук молодого пастуха, низко наклонившегося и закутанного в плащ)*.

«Пастух тирольский, бедный сирота,
Земли родной безжалостно лишенный —
Отца его покойного врагами, —
Хотел бы увидеть свои леса
И родины любимой небеса.
Стремясь душой...» Как трогательно это...
Поля родные снова увидеть...
Поля его — вернуть ему опять!

(Отдает прошение камергеру, который его отмечает.)

КАМЕРГЕР.

Как имя пастуха?..

ПАСТУХ *(выпрямляясь)*.

Рейхштадтский герцог,
И Франция — поля его родные!

*(Сбрасывает плащ – оказывается в белом мундире.
Движение. Испуганное молчание.)*

ИМПЕРАТОР *(отрывисто)*.

Ступайте все!

*(Офицеры быстро очищают комнату. Двери закрываются.
Дедушка и внучек остаются одни.)*

2. Император, герцог.

ИМПЕРАТОР *(голосом, дрожащим от гнева)*.

Что это означает?

ГЕРЦОГ *(неподвижно, еще держа в руках пастушью
шапочку с пером)*.

Так, значит, будь я только пастухом,
Просителем, и жалким вам и чуждым,
Вы снизошли б к моим заветным нуждам,
Меня согрехши милости лучом?..

ИМПЕРАТОР.

Но, Франц...

ГЕРЦОГ.

О да! Теперь я понимаю,
Что ваш народ отцом вас называет,
В своем несчастье прибегая к вам.
Но, государь мой, разве справедливо,
Что я, когда несчастен и убит,
К вам не могу, как сын, прийти с мольбою?

ИМПЕРАТОР.

Но, Франц... Нет, недоволен я тобою:
Зачем при них явился ты ко мне?
Ты мог со мною быть наедине...

ГЕРЦОГ.

Я вас хотел застать в тот миг, когда
Сочувствию вы открывали сердце...

ИМПЕРАТОР (*ворчливо, бросаясь в кресло*).

Гм... сердце, сердце... Знаешь ли ты, мальчик,
Что смелость очень велика твоя?

ГЕРЦОГ.

Одно лишь знаю я, что в вашей власти
Мою мечту заветную исполнить:
Что я несчастен, что не в силах больше
Терпеть я этой муки и что вы
Мой дедушка любимый!

ИМПЕРАТОР (*волнуясь*).

Но Европа?
Но Англия? Но Меттерних?..

ГЕРЦОГ.

А вы —
Мой дедушка любимый...

ИМПЕРАТОР.

Ты не знаешь,
Какие трудности...

ГЕРЦОГ.

А я ваш внук...

ИМПЕРАТОР.

Но...

ГЕРЦОГ (*приближаясь*).

Государь, имеете ж вы право
Хотя немного дедушкой быть?

ИМПЕРАТОР (*слабее*).

Но...

ГЕРЦОГ (*ближе*).

Дедушка, забудь хоть на минутку,
Что император ты...

ИМПЕРАТОР.

О... Вы всегда
Подластиться умеете, я знаю...

ГЕРЦОГ.

Я не люблю, когда вы... вот такой,
Как на портрете в зале празднеств — важный,
В порфире, при звездах... *(Приближается.)*
Зато таким
Вы, дедушка, мне нравитесь ужасно!
Серебряные волосы твои,
И добрые глаза, и твой жилет,
И твой сюртук простой... Сейчас ты только
На дедушку похож, который мог бы
Так баловать меня!..

ИМПЕРАТОР.

Гм... Баловать!..

ГЕРЦОГ *(на коленях перед старым императором).*

Неужли это так тебе приятно —
На всех французских деньгах любоваться
Гримасой глупую Луи-Филиппа?..

ИМПЕРАТОР *(не желая улыбаться).*

Тсс... тсс...

ГЕРЦОГ.

Ужели вам не надоели
Бурбоны эти толстые?..

ИМПЕРАТОР *(задумчиво глядя его волосы).*

Как мало
Ты на других эрцгерцогов похож!..

ГЕРЦОГ.

Ты думаешь?..

ИМПЕРАТОР.

Откуда у тебя
Искусство этой шаловливой шутки?

ГЕРЦОГ.

Ведь я играл ребенком в Тюильри!..

ИМПЕРАТОР (*грозя пальцем*).

Опять ты возвращаешься...

ГЕРЦОГ.

Хотел бы...

ИМПЕРАТОР (*важно и пристально смотря
на преклоненного ребенка*).

Действительно, ты это помнишь?..

ГЕРЦОГ.

Смутно...

ИМПЕРАТОР (*после минутного колебания*).

А... вашего отца?

ГЕРЦОГ.

Я помню ясно,
Как он сжимал в объятиях меня
И прижимал к груди так крепко, крепко!
А на груди его звезда была...
И плакал я от страха... Мне казалось,
Что в сердце мне впивалась та звезда.
(*Встает, гордо.*)
О, государь мой, там она осталась,
Осталась в этом сердце навсегда!

ИМПЕРАТОР (*протягивая ему руку*).

Ну, в этом я тебя не упрекаю...

ГЕРЦОГ (*пылко*).

О, дайте волю доброте души!
Когда я был ребенком, как вы нежно
Меня любили!.. Вы со мной всегда
Обедали... вы помните, вдвоем?

ИМПЕРАТОР (*мечтательно*).

Как хорошо с тобою было мне...

ГЕРЦОГ.

Я был тогда еще лишь принцем Пармским,
И локоны я длинные носил...

ИМПЕРАТОР (*улыбаясь*).

А помнишь ты, как ненавидел пони?

ГЕРЦОГ.

Раз белого, как снег, мне привели,
Но ехать не хотел я и в манеже
От бешенства ногами топал...

ИМПЕРАТОР (*смеясь*).

Да.
Не очень-то ты был тогда любезен
И все кричал...

ГЕРЦОГ.

«Хочу большую лошадь!..»

ИМПЕРАТОР (*качая головой*).

Опять «большую лошадь» просишь ты.

ГЕРЦОГ.

А как я бил моих немецких нянек...

ИМПЕРАТОР (*увлекаясь воспоминаниями*).

А как с твоим учителем весь парк
Изрыли вы...

ГЕРЦОГ.

Играя в Робинзона.

ИМПЕРАТОР (*шутливым басом*).

И уж конечно, ты был Робинзон?

ГЕРЦОГ.

В мои пещеры только я входил,
И было у меня ружье, два лука
И кирки...

ИМПЕРАТОР (*оживляясь*).

А потом еще, ты помнишь,
Как часто становился на часах
Ты у моих дверей?

ГЕРЦОГ.

В гусарской форме!

ИМПЕРАТОР.

И на прием опаздывали дамы,
Все то же извиненье приводя:
«Я целовала часового...»

ГЕРЦОГ.

Да,
Тогда меня вы, дедушка, любили...

ИМПЕРАТОР (*обнимая его*).

Я и теперь люблю тебя не меньше.

ГЕРЦОГ (*на коленях у деда*).

Так докажите это мне, молю вас...

ИМПЕРАТОР (*совсем разнежившись*).

Мой внучек, Франц...

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Скажи мне, правда ль это,
Что стоило б мне только появиться —
И королю осталось бы одно:
Исчезнуть...

ИМПЕРАТОР.

Но...

ГЕРЦОГ.

Скажи мне правду...

ИМПЕРАТОР.

Я...

ГЕРЦОГ (*кладя ему на губы пальцы*).

Не лги!..

ИМПЕРАТОР.

Быть может...

ГЕРЦОГ (*целуя его с криком радости*).

Я тебя люблю!..

ИМПЕРАТОР (*побежденный, забывая все*).

Ну да, едва бы появился ты
На Страсбургском мосту, один, без войска —
Все кончено бы было с королем!

ГЕРЦОГ (*обнимая его сильнее*).

Ах, дедушка, тебя я обожаю!..

ИМПЕРАТОР.

Но ты меня задушишь...

ГЕРЦОГ.

Нет, нет, нет!

Эдмон РОСТАН

ИМПЕРАТОР (*смеясь и отбиваясь*).

Напрасно я тебе проговорился.

ГЕРЦОГ (*серьезно*).

К тому же воздух Вены вреден мне...
Парижский климат лучше...

ИМПЕРАТОР.

Вот как?

ГЕРЦОГ.

Мягче!
Но если я в Париж поеду, где же
Остановиться там мне, кроме Лувра?

ИМПЕРАТОР.

Скажите!

ГЕРЦОГ.

Если б только захотел ты...

ИМПЕРАТОР.

Конечно, часто предлагали нам
Позволить вам бежать...

ГЕРЦОГ.

Так сделай это!

ИМПЕРАТОР.

Я сам хотел бы... но...

ГЕРЦОГ.

Ты можешь, можешь!

ИМПЕРАТОР.

Но, видишь ли, я думаю...

ГЕРЦОГ.

О Боже!
Не надо мыслей — надо только чувства.

Пускай рассудок уступает сердцу.
 Подумай же, как было бы красиво,
 Историю вверх дном перевернуть,
 Чтоб твоего побаловать ребенка.
 И знаешь ли, к тому же ведь не худо
 Иметь возможность так, с небрежным видом,
 Сказать: «Мой внук — французский император!»

ИМПЕРАТОР *(все более увлекаясь)*.

Конечно, так...

ГЕРЦОГ *(настойчиво)*.

И это скажешь ты?
 Скажи, скажи мне, что ты это скажешь.

ИМПЕРАТОР *(с последним колебанием)*.

Но...

ГЕРЦОГ *(умоляя)*.

Государь...

ИМПЕРАТОР *(не сопротивляясь больше и открывая ему объятия)*.

Да, государь...

ГЕРЦОГ *(с криком радости)*.

О Боже!..

(Они в объятиях друг друга, смеясь и плача в одно время. Дверь отворяется, является Меттерних. Он в параде: зеленый фрак, шитый золотом, короткие брюки и белые чулки. Орден Золотого Руна выделяется на галстуке. Неподвижно стоит с минуту, созерцая министерским оком эту семейную сцену.)

ИМПЕРАТОР *(замечая его, живо герцогу)*.

А, Меттерних! *(Дедушка и внук расходятся, словно застигнутые врасплох.)*

3. Император, герцог, Меттерних.

ИМПЕРАТОР *(малоспокойный, герцогу)*

Не бойся ничего.

(Он встает, кладя руку на голову принца, который остался на коленях, и говорит Меттерниху голосом, который силится сделать твердым.)

Желаю я...

ГЕРЦОГ *(в сторону)*.

Теперь погибло все!..

ИМПЕРАТОР *(с силой и величием)*.

Желаю я, чтоб внук мой получил
Принадлежащую ему корону...

МЕТТЕРНИХ *(глубоко склоняясь)*.

Я слушаю. *(Оборачиваясь к герцогу.)*

Немедленно же я

Войду в сношенья с партией вашей.

ГЕРЦОГ *(удивленный)*.

А я боялся...

ИМПЕРАТОР *(тоже немного удивленный, но гордо выпрямляясь)*.

Чья здесь власть? Чего

Ты мог бояться?..

МЕТТЕРНИХ *(отходя)*.

Я вам повинуюсь.

ИМПЕРАТОР *(герцогу, трепля его по щеке)*.

Ты будешь навещать меня тогда?

ГЕРЦОГ *(важно)*.

Да, если мне дела мои позволят.

МЕТТЕРНИХ (*неподвижно у стола направо*).

Мы спросим только несколько гарантий.

ГЕРЦОГ (*сияя*).

Все, что угодно!..

ИМПЕРАТОР (*садясь*).

Ну, доволен ты?

(*Герцог целует ему руку.*)

МЕТТЕРНИХ (*небрежно*).

Сначала сговоримся о деталях:
Кой-что вам нужно будет уничтожить...

ГЕРЦОГ (*едва слушая*).

Мой дедушка!..

МЕТТЕРНИХ.

Нам слишком надоели
С июльскими героями у вас.

ГЕРЦОГ (*настораживаясь*).

Но...

МЕТТЕРНИХ.

Об руку идут – либерализм
С бонапартизмом, потому придется
Прорыть меж ними этот перешеек...
Бояться новых веяний, блестящих,
Но и опасных. Ламенне изгнать...

ГЕРЦОГ (*удаляясь от деда*).

Но...

МЕТТЕРНИХ (*бесстрастно*).

И Шатобриана. Да! Потом...

ГЕРЦОГ.

К чему так торопиться?

Эдмон РОСТАН

МЕТТЕРНИХ.

Как к чему? Необходимо.
Потом... Да! Дать нам действовать в Болонье...
Ах, да! Потом...

ГЕРЦОГ (*смотря на него*).

А, да... потом? потом?..

МЕТТЕРНИХ.

Вопрос об именах... Тех битв... что...

(*Кланяясь с видом сожаления императору.*)

Государь, вы проиграли.
У маршалов отнять их надо будет.

ГЕРЦОГ (*высокомерно*).

Что говорите вы?..

ИМПЕРАТОР (*примирительно*).

Ну... как-нибудь...

МЕТТЕРНИХ (*сухо*).

Простите, но они безумны, если
Воображают, что принадлежат
Им наши земли! Вряд ли вам приятно,
Чтоб в титулах своих они несли
Во Францию с собой деревни наши...

ГЕРЦОГ (*далеко от императора*).

Ах, дедушка...

ИМПЕРАТОР (*опуская голову*).

Конечно... очевидно...

ГЕРЦОГ (*горестно*).

И мы в объятьях были друг у друга!..

(Оборачиваясь к Меттерниху.)

Хотите вы еще чего-нибудь
Потребовать, австриец!

ИМПЕРАТОР *(встав)*.

Несчастный мальчик! *(Вне себя.)* Как?
При мне... при мне... вы смеете...

ГЕРЦОГ.

Я знаю, что предложить хотят мне!..

ИМПЕРАТОР.

Что же с ним?.. Что с ним сегодня?..

ГЕРЦОГ.

На французском троне
Эрцгерцогом остаться — ни за что!..

ИМПЕРАТОР *(поднимая к небу руки)*.

Он все забыл, что он читал... что видел...
Где принципы его?..

ГЕРЦОГ.

Что видел я?
Подтяжки, чубуки, платки, тарелки...

ИМПЕРАТОР.

Он обезумел. Эти речи — бред...

ГЕРЦОГ.

Да, бредил я, когда подумать мог
О помощи от вас...

МЕТТЕРНИХ.

Вы сами, герцог,
Себе помеха...

ГЕРЦОГ.

Как же! Предложенья
Блестящи ваши!

Эдмон РОСТАН

ИМПЕРАТОР.

Больше ничего
Не предлагаем мы...

ГЕРЦОГ (*скрестив руки*).

Одну лишь клетку!

ИМПЕРАТОР.

Но вы...

ГЕРЦОГ.

Пусть так, и все ж орленок я,
И этому никто не помешает!..

ИМПЕРАТОР.

Да, габсбургский орел птенцов имеет
Бесчисленных, и ты — один из них.

ГЕРЦОГ.

Орел печальный, мрачный и жестокий.
Орел австрийский, ты — ночная птица!
Другой орел попал в твоё гнездо,
И видишь ты и с гневом, и с боязнью,
Как у птенца пробились твоего
Блестящие и золотые крылья.

ИМПЕРАТОР.

Я сожалею о своих слезах. (*Смотрит вокруг.*)
У вас возьмут оружие и книги.
Где Дитрихштейн?

МЕТТЕРНИХ.

Нет во дворце его.

(День смеркается, парк лиловет. За «Глорьеттой» небо красно.)

ИМПЕРАТОР.

Я уничтожу все, ребенок жалкий,
Что об отце напомнить может вам!

ГЕРЦОГ (*показывая на парк*).

Так уничтожьте в парке все фиалки,
И арестуйте пчел вы по цветам!..

ИМПЕРАТОР (*к Меттерниху*).

Перемените всех его лакеев.

МЕТТЕРНИХ.

Я откажу Альбрехту и Готлибу,
И Герману, и Марку, и Адольфу...

ГЕРЦОГ (*показывая на вечернюю звезду, зажегшуюся в небе*).

Закройте окна, или та звезда
Мне о его звезде напомнить может!

ИМПЕРАТОР.

Сейчас же подпишу для Дитрихштейна
Приказ другой. (*Меттерниху*.) Пишите же скорей.

МЕТТЕРНИХ (*садится у стола*).

Чернильница...

ГЕРЦОГ.

Возьмите вот мою.

МЕТТЕРНИХ.

Но где?.. Не вижу...

ГЕРЦОГ.

Голова Минервы,
Зеленый мрамор с бронзой...

МЕТТЕРНИХ (*смотря*).

Я не вижу!

ГЕРЦОГ (*показывает на консоль направо, на которой
ничего нет*).

Возьмите — вот другая: золотая!..

МЕТТЕРНИХ (*испуганно проводя по консоли*).

Здесь нету!

ИМПЕРАТОР (*смотря с беспокойством*).

Где чернильницы ты видишь?
Какие?..

ГЕРЦОГ (*неподвижно, пристально глядя*).

Те, что мне отец оставил...

ИМПЕРАТОР (*вздрагивая*).

Что хочешь ты сказать?..

ГЕРЦОГ.

По завещанию...

(*Показывает опять на пустой угол консоли.*)

Вот там моих четыре пистолета
Должны лежать...

ИМПЕРАТОР (*стуча по столу*).

А...

ГЕРЦОГ.

Тише, не стучите,
Меч консульский уроните, боюсь.

ИМПЕРАТОР (*со страхом*).

Здесь нет его!..

ГЕРЦОГ.

Нет, здесь, все это здесь!..
«Отдать все это сыну моему
В тот день, когда ему 16 лет
Исполнится». Не отдали их мне,
Священные воспоминанья эти!
Но пусть приказ бесстыдный прячет их,
Они — мои! Душа их у меня!
Все у меня: кресты, мечи и сабли —

Железная, серебряная, все,
И та, в которой пламенное солнце
Бессмертия оставило лучи...
Все у меня!.. (*Показывает направо, налево.*)

ИМПЕРАТОР.

Несчастный, замолчи!

ГЕРЦОГ.

«Отдать все это сыну моему
В тот день, когда ему 16 лет
Исполнится». Отец мой, спи спокойно,
Все у меня, все — даже и мундиры.
Я притворяюсь, что хожу я в белом
Мундире... Посмотри сюда, отец:
Он синий с красным. Я полковник?.. Шутки!
Нет, лейтенант я в гвардии твоей!..
Отец, я пью из твоего бокала...
Отец, победу давший в сестры мне,
Ты не напрасно завещал часы мне,
Что в Потсдаме у Фридриха ты взял...
Да, здесь они, я тиканье их слышу:
Оно в моей груди, в моих висках,
Их звон меня с постели поднимает
И час работы назначает мне,
Веля работать страстно, без конца,
Чтоб с каждым днем достойней быть венца!

ИМПЕРАТОР (*задыхаясь*).

Венца, венца! Оставьте же надежду...
Не царствовать вам, сын авантюриста,
У нашей крови взявший кое-что,
Чтоб быть на императора похожим
Немного больше, чем его отец!

ГЕРЦОГ (*бледнея*).

Но в Дрездене, простите, я надеюсь,
Вы помните, что все похожи были
Вы на лакеев пред моим отцом.

ИМПЕРАТОР *(в негодовании)*.

Перед солдатом этим?..

ГЕРЦОГ.

Но, однако,
Едва солдат вас попросил об этом,
И дочь свою вы отдали ему!..

ИМПЕРАТОР *(словно в кошмаре)*.

Возможно... Я не знаю.... Дочь моя
Вдова теперь...

ГЕРЦОГ *(вставая, страшным голосом)*.

Несчастье — я остался,
Живое доказательство тому!

(Они смотрят друг на друга враждебными глазами).

ИМПЕРАТОР *(отступая с возгласом горя)*.

О, Франц, друг друга мы любили, помнишь?

ГЕРЦОГ *(дико)*.

Нет, нет! Я — это ваше поражение!..
Лишь ненависть ко мне доступна вам:
Ведь я для вас всегда — живой Ваграм!

(Ходит по комнате, как безумный.)

ИМПЕРАТОР.

Ступайте прочь!..

*(Герцог бросается к двери своей комнаты, открывает ее
и исчезает.)*

4. Император и Меттерних.

ИМПЕРАТОР *(падая в кресло)*.

Я так его любил!..

МЕТТЕРНИХ *(холодно)*.

Так трон ему вернем мы?

ИМПЕРАТОР.

Никогда!

МЕТТЕРНИХ.

Вы поняли, что вы хотели сделать,
Не будь меня?..

ИМПЕРАТОР.

Так деду отвечать!

МЕТТЕРНИХ.

Его необходимо укротить.

ИМПЕРАТОР.

К его же пользе...

МЕТТЕРНИХ.

Ваш покой... Европа..

ИМПЕРАТОР.

Необходимо!

МЕТТЕРНИХ.

Вечером сегодня
Поговорить приду я с ним вдвоем.

ИМПЕРАТОР (*старческим, разбитым голосом*).

Какое горе он мне причиняет...

МЕТТЕРНИХ (*предлагая ему руку*).

Пойдемте.

ИМПЕРАТОР (*идет, сгорбившись, опираясь.*)

Значит, вечером сегодня...

МЕТТЕРНИХ.

Подобных сцен не может повторяться...

ИМПЕРАТОР.

Ребенок этот прямо напугал
Меня...

МЕТТЕРНИХ *(уводя императора).*

Пойдем...

(Выходят. Еще слышен голос, который повторяет жалобно, машинально.)

Ребенок...

*(Потом ничего не слышно. Ночь опустилась.
Парк темно-голубой. Лунный свет играет на балконе.)*

5. Герцог (один).

(Тихо приоткрывает дверь своей комнаты. Осматривается, все ли ушли. Он что-то прячет за спиной. Прислушивается. Дворец молчит. В открытое окно слышен удаляющийся звук фанфар австрийского отбоя, теряющийся за деревьями. Герцог открывает предмет, который он держит: это — одна из шляп его отца. Он выходит, держа ее бережно, и кладет на стол, покрытый наполовину развернутой картой Европы. Кладет решительным жестом, говоря.)

Вот сигнал!..

(Звук трубы умирает вдалеке. Герцог уходит в свою комнату. За ним лунный свет наполняет комнату таинственностью, добирается до стола и живо его освещает. Тогда на ослепительной белизне карты маленькая шляпа кажется особенно черной).

6. Фламбо, потом лакей и Седлинский.

ФЛАМБО *(входя справа).*

Вот час. Сигнал... посмотрим, здесь ли ты?

(Смотря направо и налево, повторяет, подражая таинственной интонации герцога.)

«Фламбо, его ты не узнать не можешь». *(Ищет.)*

Вверху?.. Внизу?.. Каков он: белый?.. черный?

Велик ли, мал?.. *(Замечая шляпу, вздрагивает.)*

Ах...

(С улыбкой восторга отдавая честь.)

Мал — и так велик!..

(Идет к окну.)

Но ждет графиня моего сигнала.

(Вытащил платок из кармана, чтобы махнуть, но остановился.)

Нет, если белым знаменем махнуть,
Моей графине сделается дурно.

ЛАКЕЙ *(входит с лампой, которую несет в комнату герцога).*

Вот лампа герцогу.

ФЛАМБО *(выхватывая лампу).*

Она коптит,
Животное! Ее подправить надо...

(Выходит на балкон.)

Не в комнате... Вот так...

(Поднимает ее три раза вверх и вниз.)

Фитиль подвинуть...

(Возвращает лакею.)

И все готово... Понял ты, кретин?

ЛАКЕЙ *(удаляясь и пожимая плечами).*

Для этого не нужен ум!

ФЛАМБО.

Как знать!

(Лакей входит к герцогу. Фламбо потирает руки и, подходя к черной шляпе, говорит ей с почтительной фамильярностью.)

Назавтра все готово будет.

СЕДЛИНСКИЙ *(входя справа).*

Герцог?

Эдмон РОСТАН

ФЛАМБО.

Он у себя.

СЕДЛИНСКИЙ.

Останься на ночь здесь...
Здесь важный пост.

ФЛАМБО.

Да, да.

СЕДЛИНСКИЙ.

Итак, старайся!..

(Взглядывает на него.)

Пьемонтец ты? *(Фламбо утвердительно кивает.)*
Приказ тебе известен?

ФЛАМБО.

Быть каждой ночью здесь. Я исполняю.

СЕДЛИНСКИЙ.

Что делаешь ты здесь?

ФЛАМБО.

Едва замолкнет
Все во дворце *(показывая на двери направо),*
Я запираю двери
И вынимаю ключ...

СЕДЛИНСКИЙ.

Ключи всегда
С тобой?..

ФЛАМБО.

Всегда.

СЕДЛИНСКИЙ.

Не спишь ты?

ОРЛЕНОК
ФЛАМБО.

Никогда!

СЕДЛИНСКИЙ.

И на часах стоишь ты?..

ФЛАМБО (*показывая на дверь комнаты принца*).

Здесь у двери.

СЕДЛИНСКИЙ.

Но час настал... Запри ж...

ФЛАМБО (*запирая на ключ 1-ю дверь*).

Я вынимаю ключ.

СЕДЛИНСКИЙ (*выходя во 2-ю дверь*).

Но помни, лишь у императора ключи вторые...
Чтоб не было ошибки. Бодрствуй...

ФЛАМБО (*запирая за ним, с улыбкой*).

Да, как всегда...

7. Фламбо (*один*).

(Вынимает ключ и из второй двери, прячет его в карман, потом быстро и молча опускает маленькие медные скобки над замочными скважинами, говоря тихо.)

Теперь опустим на ночь
Замочных скважин веки...

(Успокоенный насчет замочных скважин, прислушивается с минуту и начинает расстегивать ливрею.)

ГОЛОС СЕДЛИНСКОГО (*из-за двери*).

Прощай, приятель.

ФЛАМБО. *(Вздрагивает и закрывает инстинктивным движением ливрею. Потом взгляд на хорошо запертые двери его*

успокаивает, и, пожимая плечами, он спокойно отвечает, снимая ливрею, которую складывает и бросает в угол.)

Доброй ночи, граф.

(Он уже тоньше в своем жилете из плиса, шитом галунами, с рукавами. Он начинает и его расстегивать.)

ГОЛОС СЕДЛИНСКОГО.

Теперь — на караул!..

ФЛАМБО *(гордо сбрасывая жилет, который его еще толстил).*

Я караулю...

(Показывается худой и нервный, затянутый в свой старый синий мундир гренадера; фалды, притаившиеся за жилетом, опадают. Силуэт дополняется белизной коротких брюк и чулок.)

ГОЛОС СЕДЛИНСКОГО *(удаляясь).*

Отлично... Доброй ночи!

ФЛАМБО *(с ироническим жестом по направлению двери).*

Доброй ночи...

(Он сразу вырос. Расправляет свой мундир, выправляет свои полосатые рукава, выпрямляет примявшиеся эполеты. Пальцами треплет свои припудренные и гладко причесанные волосы. Идет к левой консоли, где лежат разные вещи принца, берет там саблю, меховую шапку, ружье, надевает все это, ружье берет в руки, подходит к зеркалу, чтобы подкрутить книзу усы по-гренадерски; в два шага он у двери в спальню принца и становится на караул.)

Так каждой ночью, сбросивши ливрею,
Я до зари здесь стерегу его.

Под шапкою тяжелой хмурия брови;

В мундире старом прямо я стою.

В руках — ружье, в позиции исправной,

Как охранял я сон отца когда-то,

Так стерегу и сына я теперь.

И каждой ночью — на твоём пороге,

Своей опасной выдумкою гордый,

На карауле у твоих дверей
Стоит в Шенбрунне гренадер французский!

(Ходя взад и вперед в полосе лунного света.)

В последний раз теперь я караулю. *(К принцу.)*
Об этом даже не узнаешь ты!
Себе я эту роскошь позволяю.

(Останавливается с торжествующим взглядом.)

Прodelать это только для себя,
Не ожидая криков удивленья,
А подшутить... *(Продолжая гулять.)*
Здесь, под носом у них,
В Шенбрунне! Я кажусь себе безумцем.
Я счастлив! Я доволен!

(Ключ поворачивается в замке.)

Я... я пойман!..

8. Фламбо, Меттерних.

ФЛАМБО *(скрываясь от лунного света в темный угол, в глубине налево).*

Кто ключ достал?..

МЕТТЕРНИХ *(входит, в руках у него серебряный канделябр с зажженными свечами. Он запирает дверь и говорит решительным тоном).*

Да, это вон из рук
И этого не будет!..

ФЛАМБО *(узнавая его, с изумлением).*

Непомук!

МЕТТЕРНИХ *(идя к столу, тихо, с озабоченным видом).*

Сегодня же с ним должен говорить я
Один...

(Ставит канделябр на стол и при свете замечает шляпу.)

А, легендарная!.. Ты здесь...

Давно тебя не видел я. *(Покровительственно.)*
Ну, здравствуй!..

(Иронически, как будто шляпа чего-нибудь требует.)

Что говоришь ты, а? *(С жестом отрицания.)*
О нет, напрасно
Двенадцать лет величья на меня
Глядят с вершины этой пирамидки!
Я больше не боюсь!..

(Трогает шляпу пальцем и дерзко смеется.)

А, ты, которой
Обмахивался он в пылу победы,
Которой только стоило упасть,
Чтоб короли поднять тебя нагнулись,
Что ты теперь? Ненужный, старый хлам!..
И если за окно тебя я брошу,
Где ты окончишь дни свои?..

ФЛАМБО *(в сторону).*

В музее.

МЕТТЕРНИХ *(вертя шляпу в руках).*

А, знаменитость! Маленькая шляпа!
Взглянуть — как некрасива ты! Во-первых,
Тебя напрасно маленькой зовут...

(Пожимая плечами и все злее.)

Нет, велика, огромна эта шляпа,
Какую носит малый человек,
Чтоб только выше ростом показаться.
И шляпочник, виновник всей легенды...
И, в сущности, конечно, настоящий
Наполеон — был... *(Смотрит на доньышко шляпы.)*
Шляпочник Пупар!..

(Вдруг оставляя насмешливый тон.)

Не думай же, что ненависть моя
К тебе заснуть могла. Я ненавижу
Тебя за все! Ты, сделанная будто
Из двух вороньих крыльев, ты, упырь

На поле битвы!.. Черный полукруг,
 Так ясно рисовавшийся на небе
 Твоих побед и наших поражений,
 Казавшийся полувзошедшим диском
 Какого-то таинственного солнца,
 И черного, и темного, как ты!
 За спесь невыносимую твою,
 За простоту намеренную эту,
 За гордость быть простым куском сукна
 Среди золотых венцов и диадем.
 За десять лет моих кошмаров страшных,
 Что насылала постоянно ты,
 За те поклоны, что тебе я делал,
 За то, что в те проклятые минуты,
 Когда ему я униженно льстил,
 На голове его ты оставалась

*(При всех этих воспоминаниях он продолжает в порыве
возрастающего гнева.)*

Могущественной, новой и победной —
 Тебя я ненавидел от души!..
 Но побежденной, преданной и старой —
 Я ненавижу все еще тебя
 За гордую, решительную тень,
 Что все бросаешь ты на стены
 Истории, и за твою кокарду:
 Кровавый глаз презренных якобинцев!
 Ты, раковина черная! За шум,
 Который в глубине твоей таится,
 Как моря шум — шум целого народа.

(Бросил шляпу на стол и, нагнувшись над нею.)

За Беранже тебя я ненавижу
 И за Раффе... За песни, что поют,
 И за рисунки, и за всю ту славу,
 Которой Англия тебя покрыла.
 О, ненавижу, ненавижу я!
 И успокоюсь только лишь тогда,
 Когда сотрется с твоего сукна
 Легенды пыль и снова станешь ты
 Простою треуголкой жандарма...
 Я ненавижу...

(Останавливается, взволнованный молчанием, местом, временем. С немного смущенной улыбкой.)

Боже мой, как странно...

Вдруг прошлое воскресло предо мною.

(Проводя рукой по лбу.)

Я перенесся вдруг за 20 лет

Тому назад... Так оставлял всегда

Тебя он здесь, когда он жил в Шенбрунне.

(Смотрит вокруг себя с трепетом.)

Его в салоне этом дожидались

Князя, бароны, герцоги... Магьяры

С покорностью смотрели на тебя,

Как львы, что смотрят с сдержанною злобой

На шляпу укротителя...

(Отдаляется немного, невольно смотря на маленькую шляпу, таинственная темнота которой становится драматической.)

Вот здесь

Тебя он клал. Все было как сегодня...

Оружие... бумаги... Словно он

Тебя здесь бросил, проходя, на карту.

Как будто здесь все место Бонапарту,

И что сейчас, взглянувши на порог,

Увижу гренадера я...

(Обернулся естественным движением и испускает крик при виде Фламбо, опять вступившего в лунный свет.)

Мой Бог!

(Молчание. Фламбо неподвижно стоит на карауле. Его амуниция и усы кажутся белыми как снег. Пуговицы с орлами блестят у него на груди. Меттерних отступает, протирая глаза.)

Нет, нет, нет... Это все от лихорадки...

(Смотрит, приближаясь. Фламбо стоит в классической позе отдыхающего гренадера, скрестив руки на изгибе штыка, блестящего при луне, как голубая полоска.)

Луна мне строит странные загадки...
Что там, посмотрим!.. Шутка хороша!

(Идет на Фламбо.)

ФЛАМБО *(скрестив руки)*.

Стой, кто идет?

МЕТТЕРНИХ *(отступая)*.

Ах!..

ФЛАМБО.

Проходите мимо.

МЕТТЕРНИХ *(наильно смеясь и приближаясь)*.

Да... Эта шутка прямо презабавна...
Но...

ФЛАМБО *(скрестив руки)*.

Кто идет?..

МЕТТЕРНИХ *(отступая)*.

Смешно!

ФЛАМБО.

Ни шагу дальше!
Стрелять я буду...

МЕТТЕРНИХ.

Но...

ФЛАМБО.

Потише!

МЕТТЕРНИХ.

Но...
Позвольте...

ФЛАМБО.

Тише, император спит!

МЕТТЕРНИХ.

Как?..

ФЛАМБО (*таинственно*).

Тише вы!

МЕТТЕРНИХ (*в бешенстве*).

Но я австрийский канцлер,
Я знаю все, я все могу...

ФЛАМБО.

А мне
Плевать на это!

МЕТТЕРНИХ (*в отчаянии*).

Но хочу немедля
Я герцога Рейхштадтского увидеть...

ФЛАМБО.

А, фью-ю...

МЕТТЕРНИХ (*не веря своим ушам*).

Как? Что?..

ФЛАМБО.

Нет никаких Рейхштадтских!..
Есть Ауэрштедт, есть Эссlingen — тех знаю..
Рейхштадта нет: там не было победы!..

МЕТТЕРНИХ.

В Шенбрунне мы, опомнитесь!..

ФЛАМБО.

В Шенбрунне,
Конечно, так. Нам новый наш успех
Бесплатные билеты дал для всех.

МЕТТЕРНИХ.

Как... новый ваш успех?..

ОРЛЕНОК

ФЛАМБО.

Клянусь булатом!

МЕТТЕРНИХ.

Но мы же в тыща восемьсот...

ФЛАМБО.

Девятом.

МЕТТЕРНИХ.

Я обезумел... Что же это... сон?..

ФЛАМБО (*вдруг подходя к нему*)

Вы, наконец, мне, право, надоели.

Откуда вы? (*Строго.*) Зачем вы не в постели?

МЕТТЕРНИХ.

Я?

ФЛАМБО.

Часовые здесь со всех сторон...

Как вы вошли сюда? Иль мамелюку

Пришло на ум сыграть такую штуку?

МЕТТЕРНИХ.

Что слышу я?.. Какой там мамелюк?

Что говорит он?..

ФЛАМБО (*возмущенный*).

Это вон из рук!..

МЕТТЕРНИХ.

Но...

ФЛАМБО (*в изумлении*).

Ночью очутились вы в передней...

ЭДМОН РОСТАН
МЕТТЕРНИХ.

Но...

ФЛАМБО *(все изумляясь)*.

Вы дошли до комнаты последней,
Не видевши приставленных людей?

МЕТТЕРНИХ.

Людей...

ФЛАМБО.

Так, значит, смело вы вошли
И в круглый зал? Вас не остановили?
Так, значит, в белом зале не нашли
Вы офицеров у печи за пуншем?
А в галерее, значит, бригадирам
Пришло на ум сюда пустить вас с миром?

(Наверху негодования.)

Так вы прошли овальный кабинет,
И гоф-фурьер еще не съел вас? Нет?

МЕТТЕРНИХ.

Но...

ФЛАМБО.

Значит, дог наш в моську превратился.

МЕТТЕРНИХ.

Но я вхожу...

ФЛАМБО.

А в мельницу — дворец?..
И на пути никто вам не явился?..
Но это непонятно, наконец!..

МЕТТЕРНИХ.

Но...

ОРЛЕНОК

ФЛАМБО.

Что же это значит? Неужели
Они все вдруг внезапно заболели?
А адъютант дежурный, где же он?
Куда девался? Верно, уж влюблен
И изучает ночью нравы Вены.

МЕТТЕРНИХ.

Но...

ФЛАМБО.

Я такой не ожидал измены!..
Где ж черный мавр, спаси его Аллах?..
Нет? Хорошо, что я-то на часах...
А? Что за слуги! Если мы узнаем,
То поделом достанется лентяям.

МЕТТЕРНИХ *(вне себя, желая пройти к сонетке).*

Я позвоню...

ФЛАМБО *(преграждая ему путь, грозно).*

Ни с места! Вы его
Разбудите... *(С нежностью.)*
Он так спокойно спит
На маленькой подушечке из лавров...

МЕТТЕРНИХ *(падая в кресло у стола).*

А! Этот сон эпический я должен
Запомнить...

(Кладет палец на огонь свечи и быстро отдергивает.)

Но, однако, это пламя...

ФЛАМБО.

Горит...

МЕТТЕРНИХ *(трогая кончик штыка, который ему подставляет Фламбо).*

А эта пика...

ФЛАМБО.

Больно колет...

МЕТТЕРНИХ *(вскакивая).*

Так я не сплю...

ФЛАМБО.

Тсс... тише... не кричите...

МЕТТЕРНИХ *(на секунду, с тоской человека, который думает, не приснилось ли ему 15 лет истории).*

О Боже мой... Но Ватерлоо?.. Но остров Святой Елены?..

ФЛАМБО *(с неподражаемым удивлением).*

Это что такое?..

(Слышен шум в комнате герцога.)

Проснулся император.

МЕТТЕРНИХ.

Он... О Боже!..

ФЛАМБО.

Э, черт возьми, вы сделали белей,
Чем кони наших конных трубачей!..

(Прислушиваясь к шагам за дверью.)

Его шаги... Вот ключ он повернул...
Вот видите *(с отчаяньем)*, его вы разбудили!

МЕТТЕРНИХ *(трепеща).*

Не может быть! Не он оттуда выйдет,
Не он там тихо отворяет дверь...

Рейхштадтский герцог это... Не боюсь я...
Я знаю... это герцог...

ФЛАМБО (*звучным голосом*).

Император!..

(Он отдает честь. Меттерних откидывается с ужасом назад. Но вместо страшного, маленького, коренастого силуэта, которого гренадер заставил почти ожидать, на пороге, пошатываясь, появляется бедный ребенок, слишком худенький, который оставил свои книги, чтобы посмотреть, что происходит, и останавливается, подняв рабочую лампочку, белый сам, как его мундир. Он очень женственен благодаря расстегнутому воротнику, открывающему шею и позволяющему видеть батист сорочки, и волосам, кажущимся еще светлее от огонька лампы, падающего на них.)

9. Те же, герцог, потом лакей.

МЕТТЕРНИХ (*бросаясь к нему с нервным смехом*).

Ах, это вы!.. вы!.. вы!.. вы!.. вы!.. О, Ваше
Высочество... Как счастлив я... Вы!.. вы!..

ГЕРЦОГ (*иронически*).

Откуда эта нежность?

МЕТТЕРНИХ.

Так удачно
Все это было, что другого ждал я...

ФЛАМБО (*очнувшись от своей мечты, в которую сам поверил.*)

Я тоже ждал его!..

ГЕРЦОГ (*оборачиваясь к нему и с ужасом видя его мундир*).

Ах, что ты сделал!..

МЕТТЕРНИХ (*дергая звонок*).

Сюда!..

ЭДМОН РОСТАН

ФЛАМБО (*герцогу*).

Себе позволил роскошь я.

ГЕРЦОГ (*Фламбо*).

Беги!

ФЛАМБО.

В окно...

ГЕРЦОГ (*смотря в окно*).

Смотри, там часовые...

Что, если выстрелят они?

ФЛАМБО.

Что ж делать!..

ГЕРЦОГ.

Отсюда далеко еще до леса.

МЕТТЕРНИХ.

Я прикажу им вслед стрелять...

ФЛАМБО.

Так что ж? Минута — и конец?

ГЕРЦОГ (*живо*).

Надень ливрею.

МЕТТЕРНИХ (*ставя на нее ногу*).

А, нет!

ФЛАМБО (*презрительно*).

Я навсегда расстался с нею!

Ну, разве может мотылек опять

Ползучей, скверной гусеницей стать.

(*И во всем одеянии бросается на балкон*).

Так до свиданья!

ГЕРЦОГ (*за ним бежит*).

Это же безумно...

ФЛАМБО (*тихо и быстро ему*).

Я спрячусь в Робинзонову пещеру.

Так помните... до завтра... на балу.

(*Он уже верхом на балюстраде.*)

ГЕРЦОГ.

Но это же безумье!

ФЛАМБО (*исчезая*).

Я там буду.

ГЕРЦОГ (*ему*).

Не делай шума!

МЕТТЕРНИХ.

Если б ноги он

Переломал себе по крайней мере!

(*Слышен голос Фламбо, спокойно распевającego: «Победа с пением...»*)

ГЕРЦОГ.

О Боже мой!

МЕТТЕРНИХ (*изумляясь*).

Поет!..

ГЕРЦОГ (*наклоняясь с балкона, с тоской*).

Молчи, молю я!..

ФЛАМБО (*из парка*).

Себе позволю эту роскошь я!..

(*Он продолжает петь: «Откроет нам дорогу...» Выстрел. Песня прерывается. Минута молчания, ожидания... Вдруг*

*голос слышен громче и веселее, продолжая песню: «Свобода...»,
и песня звучит дальше.)*

ГЕРЦОГ *(с восторгом).*

А... Промахнулись!

МЕТТЕРНИХ *(за ним бросается на балкон и следит
глазами за убегающим Фламбо).*

В темноте дорогу
Находит...

ГЕРЦОГ *(гордо).*

Да, он здесь ведь был уж раз!..

МЕТТЕРНИХ *(лакеям, которые вошли справа, отпуская
их жестом).*

Вы опоздали... мне не надо вас.

10. Меттерних, герцог.

ГЕРЦОГ *(Меттерниху, почти угрожающим тоном).*

В полицию ни слова завтра!..

МЕТТЕРНИХ *(с улыбкой).*

Нет,
Я не люблю рассказывать о шутках,
Которые шутили надо мной.

*(В то время как герцог поворачивается к нему спиной,
он небрежно продолжает.)*

К тому ж, что значат ваши гренадеры:
Наполеоном все же вам не быть!

ГЕРЦОГ *(у дверей, высокомерно).*

А кто же это может запретить мне?

МЕТТЕРНИХ *(показывая на шляпу).*

У вас есть шляпа, но не голова...

ГЕРЦОГ *(с отчаянием).*

А, вы всегда находите слова,
Чтобы прогнать мое одушевление,
Но в этот раз меня не уколоть:
Хлыстом насмешки придадите силы,
И я вперед, вперед помчусь безумно!

(Идет к Меттерниху, скрестив руки.)

Не голова... кто это вам сказал?

МЕТТЕРНИХ. *(На минуту смотрит на принца, стоящего перед ним, в юношеском своем гневе, полного веры и силы.*

Потом, шипящим голосом.)

Кто мне сказал?..

(Хватает со стола канделябр и поднимает его к зеркалу.)

Взгляните же сюда,
На вашу бледность и на ваши кудри,
Такие белокурые... Взгляните...

ГЕРЦОГ *(не подходя к зеркалу и невольно глядя в него издали).*

Я не хочу...

МЕТТЕРНИХ.

Взгляните на туман,
Который вас невольно окружает...

ГЕРЦОГ.

Нет, нет!..

МЕТТЕРНИХ.

Смотрите же, ведь здесь
Германия с Испанией слились:
Они в душе у вас глубоко дремлют,
Они вас сделали таким печальным,
И гордым, и прекрасным...

ГЕРЦОГ (*отворачиваясь и невольно взглядывая*).

Нет, нет, нет...

МЕТТЕРНИХ.

Так вспомните сомненья ваши все...
Вам царствовать? О, никогда! Вы были б
Одним из бледных, кротких королей,
Которых запирают, чтоб они
Не подписали отреченья...

ГЕРЦОГ (*схватывает канделябр у Меттерниха, чтобы
отстранить его*).

Нет!..

МЕТТЕРНИХ.

И где у вас энергия? Взгляните —
Мечтательный ваш лоб...

ГЕРЦОГ (*смотря и проводя рукой по лбу*).

Мой лоб...

МЕТТЕРНИХ.

И по нему
Вы провели рукой инфанта.

ГЕРЦОГ (*смотря на свою руку*).

Как...

МЕТТЕРНИХ.

Смотрите, пальцы так бледны и узки...
Их мы видали раньше на портретах, —
Унизаны перстнями там они...

ГЕРЦОГ (*пряча руки*).

Нет... нет...

МЕТТЕРНИХ.

Взгляните на свои глаза,
Из них на вас взирают ваши предки.

ГЕРЦОГ (*глядя на свое изображение широко открытыми глазами*).

Мои глаза?..

МЕТТЕРНИХ.

Смотрите на глаза,
В которых отражаются другие, —
Глаза портретов старых, и мечтают
Об огненных кострах, иль горько плачут
О сгубленных флотилиях. И вы...
И ваша совесть вам не помешает
Во Францию, с подобными глазами,
Пойти на царство?..

ГЕРЦОГ (*бормоча*).

Но отец... отец мой...

МЕТТЕРНИХ (*безжалостно*).

О нет, вы не похожи на отца!..
Идите же, идите... Ближе к свету...

(*Приближая насильно герцога к зеркалу.*)

От нас хотел он нашу кровь украсть,
Чтобы свою облагородить ею,
Но взял он меланхолию и слабость
И...

ГЕРЦОГ.

Умоляю вас...

МЕТТЕРНИХ.

Скорей взгляните,
Как в зеркале вы бледны!

ГЕРЦОГ.

О, довольно!..

МЕТТЕРНИХ.

Ваш рот... Вы узнаете этот рот?
Такой же был у головы прекрасной,

Которая скатилась на плахе
Во Франции... во Франции, у вас!..
Ведь с нашей кровью он украл несчастье...

ГЕРЦОГ.

О, я боюсь...

МЕТТЕРНИХ *(над ухом у него)*.

Скажи мне, этой ночью
Не видишь ли ты в зеркале — там, сзади,
Всю вереницу предков?.. Но смотри:
Безумная Иоанна... Вот она,
Там в глубине... А видишь — эта бледность...
То бледность короля в гробу стеклянном!..

ГЕРЦОГ *(отбиваясь)*.

Нет, это бледность моего отца!

МЕТТЕРНИХ.

Рудольф и Львы его...

ГЕРЦОГ.

Нет, нет, вы лжете...
То армия, то первый консул с ней!

МЕТТЕРНИХ *(показывая на темные тени предков)*.

Вот этот в склепе... видишь ты его?
Он золото приготавлиет там...

ГЕРЦОГ.

Нет, славу он готовит к битве смелой!

МЕТТЕРНИХ.

А! Призрак Карла Пятого, который
Сам схоронить хотел себя и умер
От этого...

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Отец мой, помоги!

МЕТТЕРНИХ.

Эскуриал и тайна черных стен...

ГЕРЦОГ.

На помощь, белый Мальмезон, Компьен!..

МЕТТЕРНИХ.

Ты видишь их, ты видишь их в тумане?..

ГЕРЦОГ.

Бей, барабан аркольский, заглуши
Безжалостный и беспощадный голос!..

МЕТТЕРНИХ.

Все зеркало наполнилось тенями...

ГЕРЦОГ *(как будто отбиваясь от полета невидимых теней)*.

На помощь мне, победы!.. Золотые
Орлы, летите мне на помощь!..

МЕТТЕРНИХ.

Все орлы мертвы!..

ГЕРЦОГ.

Неправда!..

МЕТТЕРНИХ.

Барабаны
Все прорваны и навсегда умолкли.

ГЕРЦОГ.

Нет, нет!..

МЕТТЕРНИХ.

И зеркало полно тенями
Тех Габсбургов, с кем сходен ты во всем!..

ГЕРЦОГ (*вырывая канделябр*).

Я разобью его!..

МЕТТЕРНИХ.

Все тени, тени!..

ГЕРЦОГ (*бросая канделябр в зеркало*).

Разбил! Исчезли все мои враги,
Ни одного здесь больше не осталось!..

(Бросает. Звон осколков. Канделябр гаснет. Ночь.)

МЕТТЕРНИХ (*с порога, оборачиваясь*).

Остался — ты!

ГЕРЦОГ (*чуть не падает и кричит в безмолвие ночи*).

Нет, нет! Как сердце сжалось!..

Нет, нет... Не я...

(Голос прерывается, он ломает руки и, весь белый, падает у зеркала.)

Отец мой, помоги!..

Занавес

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

КРЫЛЬЯ ПОМЯТЫ

Занавес подымается под легкие звуки скрипок и флейт. Праздник в «Римских Руинах», в Шенбрунском парке. Руины эти, конечно, фальшивые, но построены умелым мастером, примкнуты очень счастливо к лесистому холму, покрыты в изобилии мохом; окруженные лаской чудесной листвы, они прекрасны в ночи, которая их поэтизирует и придает величие. В глубине, посреди живописных развалин, широкие римские ворота, сквозь которые видна (под их сломанной аркой) дерновая аллея, подобно бархатной дороге, ведущая до голубоватого перекрестка, где ее останавливает белый жест статуи. Перед этими воротами протянулся небольшой садок со стоячей водой; камен-

ные божества прячутся в камышах. Полуразрушенные колоннады, через которые видно, как проходят маски. Лестницы, по которым всходят и спускаются все персонажи итальянской Comedia de l'Arte, потому что праздник костюмированный; мода на венецианские плащи, домино, странные шляпы, отягченные перьями, черные маски с кружевом, под которыми удобно интриговать друг друга. Два больших апельсиновых дерева, подстриженные шаровидно; у одной из их кадок простая садовая скамья. Повсюду обломки барельефов, окруженные плющом, валяющиеся мраморные головы. Фонарики немногочисленны, скромного цвета, зеленого, как светлячки: не хотели испортить лунного света. Часть парка, отведенная под празднество, окружена трельяжем, и направо виден выход, где лакеи раздают уезжающим верхние платья. Налево, на первом плане, маленький портик театра, окруженный гирляндами ветвей. С этой стороны, в глубине, идет празднество. Там танцуют; из кулис виден более яркий свет и вырываются звуки музыки. Невидимый оркестр играет вальсы Шуберта, Ланнера, Штрауса — и играет их по-венски, с энервирующей грацией.

1. Маски, потом Меттерних и французский офицер, Гентц, Седлинский, Фанни Эльслер.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ПЛАЩ *(другому, показывая на проходящих масок).*

Кто этот шут?

ДРУГОЙ ПЛАЩ.

Не знаю.

ПЕРВЫЙ.

А вельможа?

ДРУГОЙ.

Не знаю.

ПЕРВЫЙ.

А вон тот?

ДРУГОЙ.

Не знаю кто.

СКОМОРОХ *(подходя)*.

Прелестно!..

ЖИЛЛЬ.

Полное инкогнито.

ПОЛИШИНЕЛЬ *(пробегает и по пути схватывает за талию маркизу)*.

Скорей ушко!

МАРКИЗА.

Зачем?

ПОЛИШИНЕЛЬ *(таинственно)*.

Секрет!

(Целует ее и убегает.)

ПЬЕРО *(сидя на обломке колонны)*.

Ватто

Картин изящных тени потревожа,

Раскинулся наш праздник...

АРЛЕКИН *(который, мечтая, сидит на краю бассейна)*.

Лунный свет,

И музыка, и плеск воды — все странно,

Все, и в сердцах неясно и туманно.

ПОЛИШИНЕЛЬ *(показываясь опять в глубине и хватая за талию Изабеллу)*.

Скорей ушко!

ИЗАБЕЛЛА.

Зачем?

ПОЛИШИНЕЛЬ *(таинственно)*.

Тсс! Мой секрет.

(Целует ее и убегает.)

(Меттерних, в придворном мундире под большим черным домино, входит с французским офицером, тот тоже в мундире под домино. Меттерних любезно объясняет ему праздник.)

МЕТТЕРНИХ.

Здесь — полумрак, таинственность, молчанье
И сонных струй чуть слышное журчанье,
Там — яркий свет, и музыка, и бал...

ОФИЦЕР.

О, ничего я лучше не видал!..

МЕТТЕРНИХ *(небрежно)*.

Там... *(Показывает направо.)*

ОФИЦЕР *(с почтительным удивлением)*.

Вам угодно быть мне чичероне?..

МЕТТЕРНИХ *(беря его под руку, с напускным легкомыслием)*.

Не так горжусь конгрессом я в Вероне,
Как этим балом, посреди ветвей,
Где я смешал с духами запах пряный
Листвы, травы и свежести туманной!
Итак, там выход... Вам подаст лакей
Ваш плащ, едва уйти вы захотите...
Там, на лужке дерновом, у фонтана
Амуров, — наш театр, совсем игрушка.
Любители, — все царственные больше,
Играть нам будут... Как это... «Мишель
И»... кто-то там... На розовой водичке
Пиеска... Сочинение француза,
Которого зовут... Не помню я...
«Евгений»... что-то там.

ОФИЦЕР.

А ужин?..

МЕТТЕРНИХ.

Здесь.

ОФИЦЕР *(оглядываясь, изумленно)*.

Но где же?..

МЕТТЕРНИХ (*кладя руку на кадку с апельсинным деревом*).

Здесь, под сенью померанца:
На каждой кадке — скатерть и куверт.

ОФИЦЕР (*которого это позабавило*).

На кадках...

МЕТТЕРНИХ (*в восторге от эффекта*).

Да! Сейчас сюда из парка
Все померанцы принесут, под каждым
Две парочки поместятся свободно.

ОФИЦЕР.

Прелестная идея. Значит, ужин
За маленькими кадками... Ха-ха!..

МЕТТЕРНИХ (*скромно*).

Да, да! Но что касается до дел... (*Лакею.*)
Скажи, славянских танцев уж довольно.

(*Лакей бежит налево. К офицеру.*)

Откладывать я не умею их.
До ужина уеду я отсюда:
Ждут моего ответа господари...

(*К лакею, показывая внутренность театра*).

Фестоны здесь уж чересчур бедны...

(*Возвращаясь к офицеру.*)

Устроить бал — вот лучший отдых мой.
Потом, когда все блещет и поет,
Смеется все, порою полуночной,
Опять иду к тебе, вопрос восточный!
Я управлять люблю судьбой людей
И танцами... и чувствовать, что я
Законодатель государств...

ОФИЦЕР (*кланяясь*).

И вкуса.

ГЕНТЦ (*вошедший минуту назад с женщиной в домино и в маске, приближается к ним, немножко навеселе*).

Да, да. *Arbiter elegantiarum!*..

МЕТТЕРНИХ (*оборачиваясь*).

Что? По-латыни вы заговорили?

Что пили вы?..

ГЕНТЦ (*слегка пошатываясь*).

Фалернское, конечно.

МЕТТЕРНИХ.

У Фанни, верно, кончился обед
Довольно поздно?.. Нет, вы с этой связью
Невыносимы!..

ГЕНТЦ (*с негодованием*).

Фанни?.. Там конец!..

МЕТТЕРНИХ (*недоверчиво*).

Вот как!..

(*Замечая Седлинского, который его ищет.*)

Седлинский...

ГЕНТЦ (*руку на сердце*).

Там конец!

СЕДЛИНСКИЙ (*Меттерниху*).

Два слова... (*Тихо говорят.*)

ГЕНТЦ (*вслед удаляющемуся Меттерниху*).

Давно конец.

(*Домино, вошедшее с ним, берет его под руку, он оборачивается. Другим тоном.*)

Ах, Фанни, я напрасно
Привез тебя сюда. Что будет, если
Узнают, что на бал придворный этот
Танцовщица явилась...

Ф А Н Н И.

Здесь, для самой себя, я потанцую...

(Делает пируэт. Офицер смотрит на нее с восхищением.)

Г Е Н Т Ц *(живо)*.

Старайся дурно танцевать... Смотри,
Тебя узнают!

М Е Т Т Е Р Н И Х *(Седлинскому)*.

Значит, заговор?

С Е Д Л И Н С К И Й.

Сегодня... на балу...

М Е Т Т Е Р Н И Х *(улыбаясь)*.

Я не боюсь!..

Г Е Н Т Ц *(спеша за Фанни, которая удаляется, танцуя)*.

Еще должна сказать ты откровенно:
Зачем попасть хотела непременно
На этот бал?

Ф А Н Н И.

Так, это мой каприз!

*(Убегает, вальсируя. Гентц за ней, французский офицер
тоже.)*

М Е Т Т Е Р Н И Х *(Седлинскому)*.

За герцога я больше не боюсь:
Я гордость в нем убил бесповоротно...
Он — в трауре и не придет на бал.

СЕДЛИНСКИЙ.

Но заговор...

МЕТТЕРНИХ *(весело)*.

Ба!..

СЕДЛИНСКИЙ.

Дамы...

МЕТТЕРНИХ *(пожимая плечами)*.

О... И только?

СЕДЛИНСКИЙ.

Гречанка там... одна княгиня, полька...

МЕТТЕРНИХ.

Княгиня?..

СЕДЛИНСКИЙ.

Гразалькович.

МЕТТЕРНИХ *(насмешливо)*.

Вот беда. *(Лакею.)*

Подайте мне один сандвич сюда.

СЕДЛИНСКИЙ.

Смеетесь вы?.. Но тише... Без сомненья,
Они идут искать уединенья.

*(Показывает на группу лиловых домино, входящих
осторожно и таинственно.)*

Скрываясь в тень от яркого огня,
И шепчутся, таинственность храня.

2. Лиловые домино, Меттерних и Седлинский,
спрятанные.

1-Е ДОМИНО *(ко второму)*.

Ах, милая, как мне сладка опасность...
Из-за него на все готова я!

2-Е (с наслаждением).

Так заговор...

3-Е.

Конечно, заговор.

Ах, волосы его!.. А грустный взор!..

1-Е.

Да, золотых кудрей его сиянье

Предчувствует короны обаянье...

2-Е.

Ах, прелесть: Гамлет в белом одеянии,

И белокурый Бонапарт...

3-Е.

Ах, да!..

ВСЕ (с восторгом).

Так заговор!..

1-Е.

Нам робость всем чужда!

Итак, во-первых, предлагаю: в Вене

У Штигера закажем мы пчелу

Из золота...

2-Е (пылко).

Уж это будет глупо...

В Париже надо заказать ее!..

3-Е (торжественно).

Я предлагаю — на груди всегда

Носить большой букет фиалок...

ВСЕ (с энтузиазмом).

Чудно!

Княгиня, как всегда, права. Прелестно!..

4-Е (молчавшее до сих пор, с вдохновением).

Что, если бы нам всем вернуться к модам Империи?..

1-Е (живо).

О, это ничего для бальных платьев,
Но для других...

2-Е.

Ужасно! Невозможно!
Нет!.. Талия под мышками...

3-Е.

Ужасно!..

ВСЕ (разом).

Но, милая... — Но рюши... — Но оборки...
Зато красивы трены... — Декольте...

МЕТТЕРНИХ (выходя).

Сударыни...

ВСЕ (с криком ужаса).

Ах, Боже!..

МЕТТЕРНИХ (смеясь громко).

Продолжайте

Ваш заговор великолепный... А!..

Вот заговор так заговор... Ха-ха!..

(Шумно смеясь, уходит с Седлинским, смех его смолкает вдали. Моментально заговорщицы, сделавшие раньше вид, что разбегаются, опять приближаются на цыпочках и группируются букетом вокруг той, которую назвали «княгиня».)

КНЯГИНЯ.

Теперь, когда пустая болтовня
Нам помогла рассеять подозренья,
Нам остается только доказать,
Что женщины хитрее Меттерниха!..

ВСЕ.

О да...

КНЯГИНЯ.

Вам всем известны ваши роли?

ВСЕ.

О да...

КНЯГИНЯ.

Так разойдемся же скорей.

(Лиловые домино рассеиваются.)

3. Маски, Гентц, офицер, Фанни Эльслер, потом
Тибурций и Тереза де Лорже.

ГОЛПА МАСОК *(преследуя убегающую маску с длинным
носом).*

Какой смешной!.. Да это Фюрстенберг!..
— Нет, нет, Сандор...

КРОКОДИЛ *(останавливая их и указывая в кулису).*

А вон медведь танцует
Под шубертовский вальс...

(Все бросаются по его указанию.)

ГЕНТЦ *(сидящий на скамье, окруженный хорошенькими
женщинами, смотрит на проходящих).*

А чем одета
Эльвира грустная?

КОЛОМБИНА.

Звездой.

ГЕНТЦ (*желая ей сделать удовольствие*).

Падучей?..

КОЛОМБИНА.

А Текла лицемерная...

ГЕНТЦ (*смеясь*).

Конечно,
Лисою Патрикеевной.

ОФИЦЕР (*пробегая по сцене за Фанни Эльслер*).

Не могу
Добиться, кто она. Вы англичанка?..

ФАННИ (*убегая*).

Ja!..

ОФИЦЕР.

Немка?..

ФАННИ.

No!.. (*Исчезает. Офицер за ней.*)

КОЛОМБИНА (*сидя возле Гентца*).

Виконт одет сегодня дожем?

КЛЕОПАТРА.

Да.

ГЕНТЦ.

Так, значит, Адриатикой — графиня!..

(Тибурций входит с Терезой. Он одет «капитаном». На Терезе — простая, голубая с серебряной нитью туника, по которой ниспадают водяные лилии и длинные травы. Она одета «ручейком»).

ТИБУРЦИЙ.

Так, значит, вы не едете уж в Парму?

ТЕРЕЗА.

Нет, завтра едем мы, но из-за бала
Остаться герцогиня пожелала
Здесь лишний день.

(Показывая на замаскированную женщину, проходящую с домино под руку.)

А, вот ее наряд:
Она в зеленом.

ТИБУРЦИЙ *(раздраженно)*.

Да?.. Я очень рад,
Что, наконец, вы собрались уехать.
Достоинство мешает дольше мне
В молчании сносить все эти ваши
Шушуканья с мальчишкой Бонапартом...

ТЕРЕЗА *(гордо)*.

Что говорите вы?..

ТИБУРЦИЙ.

Я говорю,
Что королям служили верно мы,
Заносчивость и гордость забывая,
Но лилию мы чтили, не фиалку. *(Угрожающе.)*
Несчастье сыну людоеда, если *(галантно)*
Он наших кушать вздумает сестер!

ТЕРЕЗА.

Слова такие...

ТИБУРЦИЙ *(сухо кланяясь)*.

Лишь предупреденье.

(Уходит. Тереза провожает его взглядом, потом, пожав плечами, присоединяется к проходящей группе.)

МЕДВЕДЬ *(входя с «китайнкой» под руку)*.

Но как узнали вы, что дипломат я?..

КИТАЯНКА.

Умеете так ловко гнуть вы спину...

МЕДВЕДЬ *(нежно)*.

Ах, если вы полюбите меня...

КИТАЯНКА *(ударяя его веером по лапе)*.

То уж наверно шкуру с вас сниму я!..

(Проходит огромная особа, одетая пастушкой эпохи Людовика XV.)

ЖЕНЩИНЫ *(что вокруг Гентца)*.

Ого!..

ГЕНТЦ *(в испуге)*.

Пастушка эта, верно, съела
Свое все стадо!

ПОЛИШИНЕЛЬ *(пробегая по сцене, схватывая за талию толстую пастушку)*.

Тсс... ушко?

ГОЛСТАЯ ПАСТУШКА *(отбиваясь)*.

Зачем?..

ПОЛИШИНЕЛЬ *(таинственно)*.

Секрет...

(Целует ее, бежит к другой женщине-маске. Та же игра.)

Ушко?

МАСКА.

Зачем?

ПОЛИШИНЕЛЬ.

Секрет!

(Целует ее и бежит дальше. Гентц и его группа следуют за Полишинелем, очень заинтересованные. С некоторого времени

вошли герцог и Прокеш. Прокеш в домино; герцог закутан в широкий фиолетовый плащ. Когда плащ распахивается, то виден белый мундир. Бальные белые шелковые чулки и бальные башмаки. Он держит в руке свою маску, которую нервно обмахивается. Он опирается на руку Прокеша, смотрящего на него с беспокойством. У герцога измученное лицо, бессильные движения, злобная складка на губах. Чувствуется, что крылья орленка помяты.)

4. Герцог, Прокеш, маски время от времени.

ПРОКЕШ (*герцогу*).

Как?.. Посреди подобного веселья
Такая грусть?.. Что сделал Метгерник?..

(*Движение герцога.*)

Вы так нервны...

КИТАЯНКА (*проходя с медведем, замечает, что у него под мышкой камень*).

Что это вы с собой
Таскаете?..

МЕДВЕДЬ (*флегматично*).

Понятно — мой булыжник.

ПРОКЕШ (*к герцогу*).

Наш заговор идет успешно, если
Могу я верить признакам различным...
Сегодня утром получил я это
(*вынимает из кармана записку*).
«Пускай на бал он явится пораньше
И на мундир накинёт плащ лиловый».
Сегодня, значит, принц? Записка эта...

ГЕРЦОГ (*беря записку, мнет ее*).

От женщины, конечно... Кто-нибудь
Здесь на балу узнать меня желает...
Но, впрочем, я последовал совету —
Здесь на балу я только для того,
Чтоб... поискать интрижки...

ПРОКЕШ *(в отчаянии)*.

Нет?..

ГЕРЦОГ.

Да, да!

ПРОКЕШ.

Но заговор...

ГЕРЦОГ *(сам себе)*.

О, преступленьем было б
На трон великой родины моей
Создание несчастья возвести,
Отверженную тень Эскуриала!..
Что, если также — в дни величья, власти, —
Прошедшее, своей рукою тощей,
Закрадется мне в душу и найдет там
Жестокого Филиппа?.. Я боюсь,
Чтоб под жужжанье льстивых царских пчел
Чудовище во мне не пробудилось...

ПРОКЕШ *(смеясь)*.

Да вы с ума сошли...

ГЕРЦОГ *(вздрыгнув, со взглядом, который заставляет отступить Прокеша)*.

Ты убежден?

ПРОКЕШ *(поняв его тоску)*.

О, милость Божия над вами...

ГЕРЦОГ *(медленно)*.

В стенах высоких королевских замков,
В Кастилии, в Богемии — везде
Безумие проклятое гнезилось...
Какое мне достанется на долю?..
Давай решим: есть выбор — и большой.

(С горьким смехом.)

Внимательные предки страшный список
Любезно открывают для меня!

Вот меломан, вот птичник, вот астролог,
Ханжа, алхимик... Видишь, список долог...

ПРОКЕШ.

О, понял я, что сделал Меттерних...

(Понижая голос.)

Напомнил вам о Габсбургах несчастных?..

ГЕРЦОГ.

Да, правда, помешательство их было
Немного мрачно, но почему же знать.
Из смеси всевозможных ароматов
Является иной и новый запах.
И, может быть, поэтому-то будет
Красивей сумасшествие мое.
Какое же?.. Да, то, что побеждал я,
Теперь меня всевластно побеждает!..
Любовь... Любовь моим безумьем станет!
Любить, любить!.. *(Бьет себя кулаком по губам.)*
Под гнетом поцелуев
Австрийский рот проклятый раздавить!..

ПРОКЕШ.

Но, герцог...

ГЕРЦОГ *(лихорадочно быстро)*.

Это все вполне логично.
Подумай-ка, таков судьбы закон...
Не все ль равно: отец — Наполеон,
Сын — Дон Жуан... Все то же ведь стремленье
Вкусить побед несчастных упоенье,
Все та же ненасытная душа
Мятется, вечной жаждою дыша.
Я буду жить пленительным обманом,
Не Цезарем я буду — Дон Жуаном,
И я вкушу восторг своих побед!..
И что важнее: покорять ли свет
Иль отдаваться страсти упоенью?..
Да, буду я твоею бледной тенью,
О, мой герой... Ты побеждал войска,

Но буду толпы женщин побеждать я.
 Оружие мое — мои объятия
 И поцелуев страстная тоска,
 Итак, пускай проходит вереница
 Прекрасных жертв покорно предо мной,
 И солнце славное Аустерлица
 Твой сын заменит — бледною луной!

ПРОКЕШ.

Молчите вы! Страшна насмешка ваша...

ГЕРЦОГ.

Да, вижу я теней убитых ряд...
 Да, слышу я, мне призраки кричат:
 «К чему ж тебе вся память нашей славы,
 Во прах пред нами падшие державы,
 И муки те, что мы перенесли
 В снегах глубоких чуждой нам земли?..
 И холод наш, и ужас истощенья,
 И голода тяжелые мученья, —
 И пролитая тысячами кровь?..
 Что это может дать тебе?» Любовь!..
 Нарядных дам внимательные взгляды...
 Еще бы! Разве в этом нет отрады:
 На Пратере проехаться верхом,
 Красуясь трехтысячным конем,
 Которому дано название — Иена?..
 Приятно каждой из блестящих львиц,
 Как брошку, приколоть Аустерлиц!..

ПРОКЕШ.

О Боже мой, какая перемена...

ГЕРЦОГ.

Да, да, мой друг, его я приколю...
 Да вот еще... Для галстука велю
 Булавку сделать я себе — орленка.
 А что, придумано, не правда ль, очень тонко?
 Я сразу обращаю вниманье дам.

(Оркестр.)

А, музыка... Сын Цезаря, ступай...
Ты Дон Жуан моцартовский, и даже...
Где там Моцарт, — а прямо только Штраус!..

(Важно кланяется Прокешу.)

Простите, я пойду вальсировать.

(Делая пируэт, с отчаянным весельем).

Я должен быть прелестным и... ненужным,
Как венская безделка, милый друг...

(Хочет выйти, но останавливается, заметив Эрцгерцогиню.)

Ах, тетушка... Что, если...

ПРОКЕШ *(испуган странным блеском его глаз).*

Нет! Не это...

Нет, герцог...

ГЕРЦОГ *(с дурной усмешкой).*

Я попробовать хочу.

(Оттолкнув Прокеша, который с сожалением удаляется, он медленно подходит к Эрцгерцогине. Она одета очень просто: короткая юбка, баска, косынка (Мария-Антуанетта), передник, чепчик — словом, копия со знаменитой картины Лиотара; в руках у нее подносик с чашкой шоколада и стаканом.)

5. Герцог, Эрцгерцогиня, потом Тереза.

ГЕРЦОГ.

Какая ночь, как дивно пахнут липы!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Неправда ли, как мой подносик мил?

ГЕРЦОГ.

Чем вы одеты?

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Ты не узнаешь?

«Субретка с шоколадом», Лиотара.

ГЕРЦОГ.

Пре-лест-но... Но, должно быть, вам порядком
Ваш шоколад успел уж надоесть...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*обмахиваясь картонным подносом,
к которому приклеены чашка и стакан, весело*).

Нисколько. Видишь?..

ГЕРЦОГ (*севший на скамью, подвигается, чтобы
освободить ей место*).

Ну-с, извольте сесть..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*весело, садясь*).

Так что же, Франц? Развеселились мы?
Немножко больше нравится нам жизнь?..

ГЕРЦОГ.

Одно еще в ней нравится мне: быть
Племянником такой прелестной тети!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

А мне быть тетею такого
Большого мальчика...

ГЕРЦОГ.

Прелестной... слишком...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*немного отодвигаясь*).

И слишком уж большого...

ГЕРЦОГ.

Для того,
Чтоб дальше продолжать игру...

Эдмон Ростан
ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Какую?

ГЕРЦОГ.

Интимной простоты и нежной дружбы...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*смотря на него беспокойно*).

Франц, мне твои глаза сегодня что-то
Не нравятся...

ГЕРЦОГ.

А ваши мне — безумно!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*шутливо*).

А, понимаю, нынче маскарад,
Все при дворе теперь надели маски,
И ты невинной нашей дружбы ласки
Прикрыть любви лукавой маской рад...

ГЕРЦОГ (*приближаясь*).

О, дружба!.. Тетя... с глазками кузины...
Вы знаете ль, что значит эта дружба?
Когда дружны племянник с тетей, крестник
С прелестной крестной, молодой полковник
С субреткою... Как дивно пахнут липы...
Такая дружба чересчур близка
К любви, и между ними очень часто
Бывает пограничная война.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*вставая, суше*).

О, больше не люблю я нашей дружбы...

ГЕРЦОГ (*удерживая ее за руку, глухо*).

А я люблю мучительное чувство,
В котором все смешалось и слилось,
Которого я сам не понимаю,
В котором все так странно и неясно...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*вырывая руку*).

Пусти меня!

ГЕРЦОГ (*капризно*).

Угодно вам опять

Эрцгерцогини строгий вид принять?..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

О, Франц, ты огорчил меня ужасно!

(*Выходит, не оборачиваясь.*)

ГЕРЦОГ (*следя за ней*).

Довольно... В дружбу чистую твою

Заронена коварно капля яду.

Я подожду.

(*Он замечает Терезу де Лорже, которая с некоторого времени, остановившись в глубине, рассеянно играет тем, что опускает в воду бассейна длинные травы, спадающие с ее плеч. С удивлением.*)

Вы здесь? Что это значит?

Вы не спешите к пармским небесам?

Но сколько трав... Чем это вы одеты?..

ТЕРЕЗА (*улыбаясь, опустив глаза*).

Я?.. «Ручейком»...

ГЕРЦОГ (*вспоминая*).

Ах, да... Мой «ручеек»...

(*Меланхолично.*)

На острове пустынном и туманном,
Когда отец там в заточеньи был,
Он подружился с плещущим фонтаном,
И тихий шепот струй его любил.
И для меня здесь тоже заключение,
Моя душа страдает в тишине...
И вот судьба, как будто в утешенье,
Мой «ручеек», тебя послала мне.

ТЕРЕЗА.

Но даже в дни сомнения и печали
Вы к «ручейку» склониться избегали?..

ГЕРЦОГ.

Да, я мечтал о бегстве с этих скал...
Но... я теперь надежду потерял.
Все кончено... потеряно... Довольно!..

ТЕРЕЗА (*приближаясь*).

Что с вами? Вы страдаете? Вам больно?

ГЕРЦОГ (*умоляя нежно*).

Мой «ручеек», отдай мне тихих струй
Лепечущий и свежий поцелуй...
Мой «ручеек», я мучаюсь, я страдаю,
О, утоли скорее сердца жажду...

ТЕРЕЗА (*близко, улыбаясь*).

Ваш «ручеек» здесь возле вас бежит...

ГЕРЦОГ (*медленно*).

А если я смущу покой зеркальный
Его струи прозрачной и хрустальной?..

ТЕРЕЗА (*поднимая к нему невольно глаза*).

Ваш «ручеек» лишь вам принадлежит!..

ГЕРЦОГ (*изменившимся голосом, низким и властным*).

Сегодня ночью... Слышишь? Буду ждать я...
Мой павильон охотничий... Ты знаешь?

ТЕРЕЗА (*бледная, испуганно*).

Как?.. Мне?.. Прийти?..

ГЕРЦОГ (*быстро*).

Не говори мне «нет»,
Не говори мне «да», но ждать я буду.

ТЕРЕЗА *(потрясенная)*.

О Боже мой...

ГЕРЦОГ *(опять своим ласковым и грустным голосом несчастного ребенка)*.

Взгляни, как я страдаю...

Мечты, надежды — все я покидаю,

Остались слезы мне... О, приходи...

Хочу я плакать на родной груди...

(Он почти положил голову на грудь молодой девушки, как вдруг шум гравия заставляет их быстро разъединиться. Это Тибурций в своем плаще, под руку с женщиной. Увидев их, он перестает разговаривать и взглядывает с угрозой на Терезу. Она отвечает ему презрительным взглядом и уходит в сторону, где танцуют. Тибурций, продолжая галантный разговор, удаляется. Герцог, даже не узнавший его, подзывает знаком лакея, одного из стоящих направо, и, вынув из кармана листок бумаги, чертит на нем несколько слов карандашом, положив листок на колени.)

6. Герцог, лакей, потом Фанни Эльслер и французский офицер.

ГЕРЦОГ *(отдавая лакею записку)*.

Снесите во дворец... моим лакеям.

Сегодня я ночую в павильоне...

Кого-нибудь скорее послать туда.

Вернувшись, доложите мне немедленно,

Исполнено ли это?

ЛАКЕЙ *(кланяясь)*.

Это все?

ГЕРЦОГ.

Все... Завтра утром, и серую кобылу!..

(Лакей уходит. Фанни Эльслер, все еще в маске, пробегает мимо, осматриваясь, не преследуют ли ее. Она останавливается, увидев герцога, мундир которого виден из-за лилового плаща.)

ФАННИ ЭЛЬСЛЕР (*приближаясь, таинственно*).

«Пусть на мундир наденет плащ...»

ГЕРЦОГ (*вздрагивая и оканчивая конец записки, которую получил Прокеш*).

«Лиловый...» (*Иронически.*)

От женщины записка та была.

ФАННИ (*показывая на появляющегося офицера*).

Минутку... Чтоб избавиться от маски,
Которая преследует меня,
И я вернусь.

ГЕРЦОГ (*улыбаясь*).

Я жду...

(*Фанни убегает в развалины, стараясь скрыться от офицера. Герцог ходит взад и вперед с некоторым бешенством.*)

Так суждено!
Любить... Любить — мое предназначенье!..

(*Музыка. Чета проходит за четой, ища уединения.*)

Так будем же служить одной любви,
Весь жар весны почувствуем в крови,
Как все кругом...

(*Показывает на нежную чету, приближающуюся к скамье.*)

Как эти... (*Шепотом.*) Что я вижу?

(*Вздрагивает и прячется за померанцевое дерево, потому что парочка громко говорит, думая, что здесь никого нет. В этой паре он узнал Марию-Луизу и ее камергера Бомбелля.*)

7. Мария-Луиза, Бомбелль, герцог (*спрятанный*).

БОМБЕЛЛЬ (*продолжая начатый разговор*).

Итак, он очень был влюблен, скажите?

МАРИЯ-ЛУИЗА (*смеясь*).

Как, все еще о нем вы говорите?..

ГЕРЦОГ (*заглушенным голосом*).

Бомбелль и мать моя...

БОМБЕЛЛЬ.

Он вас любил?..

МАРИЯ-ЛУИЗА. (*Садится. Бомбелль рядом с ней становится одним коленом на скамью.*)

Не знаю я, но чувствовалось мне,
Что предо мной невольно он робеет
И на престоле, лаврами венчанный,
Себя он ниже чувствовал, чем я.
Тогда меня, чтоб вид принять небрежный,
Все называл он: «Добрая Луиза...»
Что ж, я ценить всегда умела чувство...
Ведь, наконец, я женщина...

БОМБЕЛЛЬ.

И прежде
Всего, вы женщина!..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

На это право
Имею я. (*Сухим и легким тоном.*)
Мне ставили в упрек,
Пустую фразу, что произнесла я,
Когда в Блуа явился Сент-Омер
Мне о несчастьи нашем объявить...
В постели я еще тогда лежала,
С ноги моей скользнуло одеяло,
Я уловила странный взгляд посла...
И... я не улыбнуться не могла...
«Вам нравится моя нога?..» — спросила
Я у него, и, право, несмотря
На все несчастья родины его,
Посол моей ногой залюбовался.
Кокеткою была я... Преступленья?..
Я оставалась женщиной всегда.
И гибель Франции не погубила
Моей, как прежде, гордой красоты.

ГЕРЦОГ *(не в силах бежать, как в кошмаре, хватаясь за дерево, чтобы не упасть).*

Хочу бежать и не могу уйти!..

БОМБЕЛЛЬ *(наклоняясь над рукой Марии-Луизы).*

Какой вы камень носите в браслете
Простой и темный?..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(вдруг растроганная).*

На него без слез
Я не могу глядеть. Вообразите,
Что этот серый камешек простой —
Обломок...

БОМБЕЛЛЬ *(живо).*

Пирамиды?..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Ах, да нет... *(Сентиментально.)*
С гробницы, где Джульетта и Ромео
Последним сном, соединившись, спят!..

(Вздыхает.)

Его привез мне...

БОМБЕЛЛЬ *(почтительно-злобно).*

Умоляю вас,
Не говорите больше о Нейпере.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Нейпер вас раздражает, вижу я...
Но почему вы вечно говорите
О том... другом...

БОМБЕЛЛЬ *(с убеждением человека, который соглашается быть предпочтенным Наполеону I, чем Нейперу).*

А... разница тут есть...

(С большим любопытством, чем ревностью.)

А вы, скажите, вы его любили?..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(уже забыв, в чем дело).*

Кого?..

БОМБЕЛЛЬ.

Другого.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Как, опять за это?

БОМБЕЛЛЬ.

Он гениален был...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Я отрицаю,

Что можно полюбить за гений только.

Не будем больше говорить о нем,

Поговорим о нас. *(Кокетливо.)* Хотела бы знать я,

Понравится ль вам в Парме у меня?

БОМБЕЛЛЬ.

Скажите мне, он был ревнив?

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Безумно!..

Он Леруа, портного, раз прогнал,

И лишь за то, что тот, художник истый,

Примеривая пеплум на меня,

Не мог не вскрикнуть громко от восторга,

(Сбрасывает плащ.)

Увидя эти плечи!

(Ее плечи открыты и залиты бриллиантами.)

БОМБЕЛЛЬ *(польщенный в тщеславии мужчины и в ненависти роялиста).*

Так ревнив...
Так если бы Наполеон...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(смотря вокруг себя с испугом при этом неосторожно произнесенном имени).*

Тсс... Тише...

БОМБЕЛЛЬ *(с возрастающим удовольствием).*

Так если б он узнал, что нахожу
Прекрасными я тоже эти плечи,
Он не был бы доволен?

МАРИЯ-ЛУИЗА *(призывая его к порядку).*

Но, Бомбелль...

БОМБЕЛЛЬ *(смакуя удовольствие отомстить Славе).*

Он не хотел бы услышать, как вам,
Моя царица, тихо говорю я... *(Садится рядом с ней.)*

ГЕРЦОГ *(в сторону).*

Прости меня, отец, что я остался...

БОМБЕЛЛЬ *(смотря на прическу Марии-Луизы).*

Что она мне теперь напоминает
Арлезианок родины моей,
Но что она прекрасней и белей...

МАРИЯ-ЛУИЗА *(слабо).*

О, Шарль...

БОМБЕЛЛЬ *(нагибаясь).*

Ему бы не было приятно,
Что, наклоняясь с нежностью к вам...

(Но его уста еще не коснулись плеча Марии-Луизы, как герцог, уже схватив его за горло, сбросил со скамьи на землю с криком.)

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Нет, нет! Я не хочу... Я не позволю...

(Отступает, изумленный сам своим поступком, проводит рукой по лбу и вдруг.)

О, наконец, спасен, спасен я!..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(в полубморозе).*

Франц!

ГЕРЦОГ.

Нет, этот крик не мне принадлежал...
Во мне всегда останется почтенье
К вам и к свободе вашей. Значит, это
Во мне проснулся тот... великий дух.
Да, это ведь порыв был корсиканский!..

БОМБЕЛЛЬ *(поднявшись с земли, делая шаг к герцогу).*

Но, сударь...

ГЕРЦОГ *(отступая, с ледяной гордостью).*

Нет... ни слова... между нами...

(Бомбелль останавливается, чувствуя, что в самом деле между ними ничто невозможно, а герцог, поворачиваясь к матери, низко ей кланяется.)

Сударыня — почтение мое...
Вернитесь с миром во дворец ваш Сальский...
Два флигеля у этого дворца:
В одном — театрик, а в другом — часовня,
Там можно вам отлично равновесье
Между землей и небом сохранять.
Почтение, почтение мое.

МАРИЯ-ЛУИЗА *(дрожащим голосом).*

Мой сын...

ГЕРЦОГ.

В конце концов, ведь ваше право
Быть женщиной — и только... Так ступайте,

И будьте только женщиной, но знайте,
И пусть вам это будет мстью Славы
За то, что вы, венчанная вдова,
Не сберегли одежд печали черных,
Что поклоненье вам — не что иное,
Как поклоненье имени его,
И что вы только потому прекрасны,
Что он когда-то мир завоевал!

МАРИЯ-ЛУИЗА (*задетая за живое*).

Идем, Бомбель... Я не хочу и слушать.

ГЕРЦОГ.

Ступайте в Парму. О, теперь спасен я!

МАРИЯ-ЛУИЗА (*уходя в сопровождении Бомбелля*).

Прощайте, сударь!..

ГЕРЦОГ (*неподвижно, не смотря на них*).

Дорогие руки,
Холодные в сырой своей могиле,
Лишенные заветного кольца.
О, руки той, которая когда-то
Рыдала, что не ей был сыном я, —
Я чувствую душою вашу ласку...
От всей моей души осиротелой
Целую вас, о руки Жозефины!..

МАРИЯ-ЛУИЗА (*при этом имени оборачиваясь,
с вспышкой женской ненависти*).

Креолка! И воображаешь ты,
Что в Мальмезоне у нее...

(*Чувствуется, что так и польются слезы.*)

ГЕРЦОГ (*громовым голосом*).

Молчите!..

(*Она, оробевши, отступает. Он с силой.*)

А если так, тем больше должен я
Хранить свою незыблемую верность!

(Мария-Луиза выходит направо, уезжая с Бомбеллем. Герцог остается, преображенный, выпрямившийся, дрожащий от негодования и энергии, — спасенный, как он только что сказал. Это уже не то существо, какое было несколько минут назад, томнящееся скукой и чувственностью, блондин с порочной грацией... Это опять сильный, гордый и страдающий юноша. В эту минуту возвращается Меттерних, кончая разговор с Седлинским.)

8. Герцог, Меттерних, Седлинский на минуту, потом Фанни Эльслер.

МЕТТЕРНИХ *(продолжая разговор, самодовольно к Седлинскому).*

Да, я упрямство гордого ребенка
Разбил вполне...

(Вскрикивает, увидя стоящего перед ним герцога, которого прошлой ночью оставил лежащим без сознания.)

Вы здесь?.. Что это значит?..

(Герцог, бросаясь на Бомбелля, уронил плащ, и потому видно, что он в мундире. Меттерних прибавляет, шокированный тем, что видит в маскараде мундир австрийского полковника.)

В мундире!

ПРИНЦ.

Здесь ведь нынче маскарад.

СЕДЛИНСКИЙ *(тихо Меттерниху).*

Вчера разбили вы его упрямство,
Но и осколки могут быть опасны.

МЕТТЕРНИХ *(сдерживая гнев и стараясь шутить).*

О чем же это, смею я спросить,
Мечтает здесь мой маленький полковник?

ГЕРЦОГ.

О Маленьком Капрале!..

МЕТТЕРНИХ *(закипая гневом);*

О!.. Однако...

(Сдерживаясь, к Седлинскому.)

Но ждут меня давно дела. Пойдем.

(Выходит направо под руку с Седлинским, говоря сквозь зубы.)

Опять я должен начинать сначала!..

ФАННИ ЭЛЬСЛЕР *(минуту назад вошедшая, приближается, как только они скрылись, к герцогу и говорит ему тихонько, подойдя сзади).*

Принц...

9. Герцог, Фанни, маски время от времени.

ГЕРЦОГ *(оборачиваясь, узнает замаскированную женщину, которую он только что обещал ждать. С возмущением).*

Женщина! Нет, нет, не надо...

Я больше не хочу...

ФАННИ *(лукаво, на минуту снимая маску).*

Бежать?

ГЕРЦОГ *(с криком изумления).*

Ах, Фанни!..

Ты? Это ты? Бежать?..

(Изменяя тон, приближаясь.)

Но как? Когда?

ФАННИ *(кивая ему на проходящие парочки).*

Старайтесь говорить со мной любезно
И слушайте, но только улыбайтесь
Все время и смотрите повлюбленной.

(Говорит ему, кокетничая.)

Кузина ваша на балу...

ГЕРЦОГ *(взволнованный, но с видом нежного любовника).*

Графиня?..

Ф А Н Н И.

Да...

(Берет руку герцога и прикладывает к сердцу.)

Посмотри, как сильно сердце бьется,
Как будто я танцую в первый раз
Какой-нибудь балет... Ну, слушай, слушай...
У ней надет мундир твой под плащом,
Твой белый фрак, который заставляет
Орленка белой чайкою казаться.
Она была ведь на тебя похожа,
Но с той поры, как волосы она
Окрасила такой же светлой краской, —
То зеркало обманываться стало
И принимает за тебя ее.
Итак, пока играть в театре будут

(показывает налево портал театра)

«Мишеля и Кристину», ты плащом
С кузиною успеешь обменяться.

ГЕРЦОГ *(понимая).*

Надену маску...

Ф А Н Н И.

И исчезнешь вдруг...

ГЕРЦОГ.

А здесь появится подложный герцог...

Ф А Н Н И.

Подложный герцог выйдет *(показывает налево).*

ГЕРЦОГ.

А за ним
Мои шпионы...

ФАННИ.

Он вернется в Шенбрунн...

ГЕРЦОГ.

На ключ запрется в комнате моей...

ФАННИ.

Назавтра же проснется он так поздно...

ГЕРЦОГ.

Что я в то время буду далеко...
Но только...

ФАННИ.

Как? И здесь нашел ты «но»?

ГЕРЦОГ.

Огромное... Что, если до ухода
С подложным герцогом заговорят?

ФАННИ.

Все это предусмотрено, мой милый,
Подстроено так, как у нас в балете:
Чтобы ему уйти не помешали,
12 дам, в лиловых домино,
Со всех сторон толпой его обступят...
Смеясь, болтая, нежно строя глазки,
Они его проводят до порога,
И герцог наш подложный, от кокетки
К кокетке, как волан перелетая,
Успеет выйти и спасет тебя!

ГОЛПА МАСОК (*преследуя маску в виде волка*).

Кто этот волк?

ВОЛК (*оборачиваясь к ним*).

У! У! (*Исчезает в лесу.*)

ГОЛПА (*бросаясь к другим*).

Кто этот шут?

ШУТ (*тряся погремушкой*).

Дзинь! дзинь!

(*Все исчезают со смехом.*)

ФАННИ (*продолжая, герцогу*).

Потом из парка выйдешь ты...

ГЕРЦОГ.

Какой дорогой?..

ФАННИ.

Тсс!.. Идут... Смотрите.

(*Кокетливо обмахивается веером.*)

На веере нарисовала я
Весь план. Вот парк. Вот красная черта —
Дорога. Эти беленькие точки —
То статуи, зеленые — деревья.
Здесь ты минуешь часовых... Налево,
Туда, к фазанам...

ГЕРЦОГ (*смотря*).

А вот эти штрихи?

ФАННИ.

А это — поднимается дорога...
Спускаешься опять, потом минуешь
Чугунного тритона и вот в этот портик
Выходишь императором, мой принц...
Ты понял все? Так веер я закрою.

ГЕРЦОГ *(в радостной лихорадке)*.

Я — император!

ФАННИ *(шутя)*.

Да. Сейчас в карету —
Короноваться. А пока...

ГЕРЦОГ.

Но кто ж
Там будет ждать у портика?..

ФАННИ.

Извозчик...

ГЕРЦОГ.

Гм...

ФАННИ.

Первоклассный, ты не беспокойся!..

ГЕРЦОГ.

Куда ж он повезет меня?

ФАННИ.

На место
Условного свиданья.

ГЕРЦОГ.

Где оно?

ФАННИ.

Отсюда в двух часах... Хоть это крик,
Но это выбор собственный графини:
Ваграм...

ГЕРЦОГ *(улыбаясь)*.

Кровь Бонапартов! Ну, а Прокеш?

ОРЛЕНОК

ФАННИ.

Предупрежден и тоже будет там.

ГЕРЦОГ.

Ну, а Фламбо? Увижу ль я его?

ФАННИ.

Не знаю...

(Разговаривая, они подошли к левому плану. С этой стороны, у подножия большой античной урны, с которой спускаются гирлянды плюща, — груда обломков, поросших травой. Постамент колонны представляет благодаря покрывающему его вершину мху удобное сиденье. Рядом, возле обломка бафельефа, брошенного на землю, как широкая плита, огромная бордатовая голова разбитой статуи открывает свои белые глаза и темную впадину рта.)

Сядем здесь и подождем.

Как здесь луна красиво освещает...

Вы вот сюда, на этот царский трон,

А я... а я на голову Нептуна.

(Обращаясь к мраморной голове с шутливым почтением.)

Скажи, Нептун, позволено присесть?

ГОЛОВА НЕПТУНА *(голосом, идущим из глубины).*

Пожалуйста, присядьте...

(Фанни отскакивает в ужасе. Голова прибавляет сердечным голосом.)

Только вот что:

Здесь муравьи...

ФАННИ *(в объятиях у герцога).*

Она заговорила...

Ты слышишь?.. Голова заговорила...

ГЕРЦОГ *(поняв).*

Да, под плющом здесь грот, теперь я вспомнил,
А из пещеры выход в...

ЭДМОН РОСТАН

ГОЛОВА *(спокойно)*.

Муравейник...

ГЕРЦОГ *(наклоняясь к обломкам и разбирая траву)*.

Фламбо...

10. Герцог, Фанни, Фламбо *(сначала невидимый)*, время от времени маски.

ГОЛОС ФЛАМБО *(весело)*.

В пещере Робинзона!

ГРУППА МАСОК *(пробегая за паяцем)*.

Огэ...

ФАННИ *(быстро наклоняясь и зажимая рот Робинзону)*.

Молчите... Маски...

МАСКИ *(исчезая)*.

Браво, браво!..

(Голоса замолкают.)

ГОЛОС ФЛАМБО *(оканчивая с большим спокойствием)*.

Да, я в пещере Робинзона Крузо.

ГЕРЦОГ.

С вчерашней ночи?..

ФЛАМБО *(невидимый)*.

Трубку здесь курю я...

ГЕРЦОГ.

Как? Здесь, в дыре?

ФЛАМБО.

Которую ты вырыл
Чудеснейшему типу в подражанье,

Что, помнишь, мамелюка своего
Звал Пятницей.

ГЕРЦОГ (*осматривая камни*).

Я уж не помню, где...

ФЛАМБО.

Направо, видишь, где я дым пускаю...

(*Из расщелины большого камня виден белый дымок.*)

ФАННИ (*показывая*).

Вот — где Везувий.

ГЕРЦОГ (*нагибаясь*).

О, тебе здесь...

ФЛАМБО (*выпуская дым*).

Скверно...

Но (*дымит*) я сказал (*дымит*), что буду на
балу...

ФАННИ (*озираясь, с беспокойством*).

Ах, Боже, вдруг увидит кто-нибудь,
Как с дымом разговариваем мы?..

ФЛАМБО.

Ай...

ГЕРЦОГ.

Что с тобой?..

ФЛАМБО.

Атака! Наступленье!

Весь день уже у нас сраженье,

Я против целой армии один.

Все муравьи. Они берут меня

Количеством, а я их — табаком. (*Дует.*)

Они боятся дыма. (*Голос его приближается.*)

Не могу ли
Я камень приподнять хоть на минутку?..

ГЕРЦОГ (*оглядевшись*).

Нет никого — иди.

(Один из камней медленно поднимается, открывая гирлянды плюща, тянутся длинные травы, и из сырой тени Робинзоновой пещеры наполовину показывается таинственный и необыкновенный Фламбо, в позеленевшем мундире, в усах трава, нос выпачкан в земле, глаза веселые.)

ФЛАМБО (*поднимая камень, запекает гробовым голосом арию Бертрама «Noces qui dorment» из оперы «Роберт-Дьявол».*)

ГЕРЦОГ И ФАНИИ (*быстро*).

Тс... тише...

ФЛАМБО (*облокачиваясь на край ямы*).

Вот! Здесь я на краю могилы.

ГЕРЦОГ.

Фламбо, мне Фанни рассказала все.
Сегодня ночью...

ФЛАМБО.

Очень хорошо.
Смотрите, берегитесь Меттерниха...
Хозяйский глаз...

ГЕРЦОГ.

Он с бала уж уехал.

ФЛАМБО (*живо*).

Как? Значит, некому узнать меня?

ФАНИИ.

Все будет хорошо.

ОРЛЕНОК

ФЛАМБО.

Так он уехал?..
И вы молчите?..

ГЕРЦОГ.

Но...

ФЛАМБО.

И вы спокойно
Оставили меня под этой урной
Сидеть до колик?..

ФАННИ (*живо*).

Тише... Маски... маски...

(Фламбо возвращается в свою дыру. Сцена заполнена масками, которые танцуют вокруг волшебника с длинной бородой.)

МАСКИ (*стараясь узнать, кто скрывается под бородой*).

Да это Сандор... — Это Зичи, Зичи!
— Нет, это Тальберг... — Нет же, Тальберг
Турком... — Нет, это...

(Волшебник быстро наклоняется и, ускользая из-под рук танцоров, исчезает. Все маски кричат.)

Ах, держи!.. Лови!.. Лови!..

ФЛАМБО (*поднимая камень и показываясь, как черт из коробочки*).

Что, убежали?..

ГЕРЦОГ И ФАННИ.

Убежали.

ФЛАМБО.

Так.

(Спокойно выходит из дыры и вытаскивает свое ружье и меховую шапку.)

ГЕРЦОГ И ФАННИ.

Что?.. Что с тобой?..

ФЛАМБО (*опуская камень*).

Теперь опустим трап.

ГЕРЦОГ (*в страхе*).

Что скажут здесь, когда тебя увидят?..

ФАННИ.

Ступайте же скорей назад! Как страшно...

ФЛАМБО.

Что скажут здесь, когда меня увидят?..

(*Маски показываются в глубине.*)

МАСКИ (*заметив Фламбо*).

А этот-то — имперским гренадером!
Какой смешной. Ха-ха, ха-ха!

ФЛАМБО.

Ну, вот,

Что скажут здесь, когда меня увидят.

ДРУГИЕ МАСКИ (*останавливаясь*).

А... Он хорош. А, браво!..

ФЛАМБО.

Я спокоен.

(*Надевает шапку и закуривает трубку. В эту минуту сцена наполняется народом: все ушли с бала, потому что звонит звонок в театр и лакей повесил на ветви деревьев афишу, на которой значится: «Мишель и Кристина, водевиль в одном действии Эжена Скриба и Анри Дюпена». Большинство масок перед тем, как войти в театр, останавливаются, чтобы взглянуть на Фламбо.*)

11. Те же, затем маски, лакеи, Тереза, Тибурций и проч.

ШУТ (*окликаая Леандра*).

Ты гренадера видел?..

ЛЕАНДР (*в восторге*).

Видел, видел...

Великолепен!..

(Герцог отстраняется, оставив Фанни с Фламбо, которого в одно мгновение ока окружили.)

АРЛЕКИН (*разглядывая его*).

Каковы сережки?!

ЧЕРТОВОЧКА (*также*).

А наклейные брови? Просто прелесть!..

(Поднимается на цыпочки и хочет тронуть его брови. Фламбо отступает.)

ФЛАМБО (*Фанни, тихо*).

Но как отсюда выйти без шинели?..

ФАННИ (*вытаскивая из-за перчатки номер*).

Вот номер Гентца... Превосходный плащ...

МАРКИЗ (*Фламбо*).

Здорово, брат служивый...

ФЛАМБО (*вежливо*).

Рад стараться!

СКАРАМУШ (*наблюдая*).

Кто это может быть?.. Не понимаю. (*Шутя.*)
Итак, сержант любезный, вы служили...

Эдмон РОСТАН

ФЛАМБО.

В великой армии.

(Смех.)
(В сторону.)

Не так смеялись
Они, когда мы их поля пахали...

(Гуляет взад и вперед).

ВОСКЛИЦАНИЯ.

Прямой Раффе! — Шарле! — Орас Верне!

ЛАНДСКНЕХТ (*щупая мундир*).

А как великолепно он потрепан:
Пыль, порох... Имя, имя костюмера?..

ФЛАМБО.

Нет, это костюмерша... Мастерская
Старинная: «Война и Слава, сестры».

ЛАНДСКНЕХТ.

Вот как!..

ФЛАМБО (*отходя*).

Мы с вами шьем не у одних.

СКАРАМУШ (*за ним*).

Да это Зичи!.. (*Протягивает ему руку*.)
Вы, мой милый граф...

(*Отступает, получивши залп дыма в лицо*).

ФЛАМБО (*извиняясь и показывая трубку*).

Простите носогрейку вы мою. (Смех.)

СКАРАМУШ (*другим*).

С костюмом он и речь переменил.

ФЛАМБО (*напевая*).

«Как на Красное мы шли,
Провианта не нашли...»

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СИНЬОР (*смеясь*).

Он бесподобен.

(*Приближаясь и беря его под руку.*)

А скажи, в России
У вас носы порядком мерзли?

ФЛАМБО.

Да,
Но оставалась наша кровь горячей. (*Напевает.*)
«Черт возьми!.. Но все забудешь,
Лишь завидишь вдалеке,
Как он едет перед войском
В своем сером сюртуке!..»

АРЛЕКИН (*беря его под руку с другой стороны, тонко*).

Скажи, его сюртук нуждается в заплатках?..

(*Смех.*)

ФЛАМБО.

Скажи, не мало вам он понаделал дыр?..

(*Смех, слегка темнеет.*)

НЕКОТОРЫЕ (*с энтузиазмом*).

Ха! ха! Забавно!

ЛАНДСКНЕХТ (*сдержанно*).

Да... довольно натурально.

СКАРАМУШ (*холодно*).

Да, очень точно...

АРЛЕКИН (*тихо, другим*).

Но притом бестактно.

(Увлекает всех к театру; мало-помалу все туда уходят. Сцена пустеет. Фанни Эльслер, опять подошедшая к герцогу, жадно следит глазами за последними масками, направляющимися к маленькой двери.)

ФЛАМБО *(зазывая опаздывающих, как на ярмарке).*

Сюда! Сюда!..

ФАННИ.

Пойду я за графиней.

(В эту минуту появляется лакей, которого герцог посылал с письмом, и поспешно подходит к двери.)

ГЕРЦОГ.

Что вам?

ФЛАМБО *(в глубине).*

Сюда! К нам! К нам!..

ЛАКЕЙ *(герцогу).*

Предупредил,

Что в павильоне ночь вы проведете. *(Удаляется.)*

ФАННИ *(слышавшая).*

Что это значит?

ГЕРЦОГ *(быстро и тихо Фанни).*

Я совсем забыл.

Я в павильон охотничий был должен

Пойти сегодня. Значит, ей придется

Туда идти. Предупреди ее...

ФАННИ.

Предупрежу и приведу сюда.

Останьтесь здесь.

(Она выходит в глубину налево. Между последними входящими в театр с бала масками Тибурций и Тереза.)

ФЛАМБО *(на пороге театра).*

Сюда! Сюда!..

ТИБУРЦИЙ *(сестре, указывая на театр).*

А вы?..

ТЕРЕЗА.

Я уезжаю...

ТИБУРЦИЙ *(кланяясь ей).*

А!.. Как вам угодно.

(Входит в театр. Она направляется к выходу направо.)

ГЕРЦОГ *(замечая ее).*

Она идет, быть может, на свиданье...

(С движением к ней – желая предупредить.)

Тереза...

(Она останавливается на пороге, глядя на него, но он раздумал, в сторону.)

Нет, пускай она идет.

Хочу ее любовь проверить я,

И сладким будет для меня сознание,

Что там она была. *(Ей, нежно.)*

Так, до свиданья...

(Она выходит не отвечая.)

12. Герцог, Фламбо, Фанни, графиня.

ФАННИ *(появляясь, к Фламбо).*

Внимательно следи за пьесой Скриба:

Уж час настал...

(Фламбо входит в театр, он делает знаки в глубину, откуда подходит молодой человек в маске и сером темном плаще.)

ФЛАМБО *(выходя из театра)*.

Сейчас там вынимаются платки,
Все плачут над героем *(опять входит)*.

ФАННИ *(герцогу)*.

Вот графиня.

(Молодой человек снимает маску: это графиня. Волосы ее перекрашены в белокурую краску, подрезаны и причесаны, как волосы принца: с пробором на боку и прядью, спускающейся на лоб. Подходя к кузену, она распахивает плащ, и появляется стройная и белая, в том же мундире, как и он.)

ГЕРЦОГ.

Я узнаю себя! Я сам к себе
Иду на встречу, удивляя мрак.

(Фанни стоит на страже.)

ГРАФИНЯ.

Привет, Наполеон!..

ГЕРЦОГ.

Привет, Наполеон!..

ГРАФИНЯ.

Я не волнуюсь. Ну, а ты?

ГЕРЦОГ.

Волнуюсь
При мысли об опасностях, которым
Из-за меня подвергли вы себя.

ГРАФИНЯ *(живо)*.

Все из-за вас.

ГЕРЦОГ.

Но...

ГРАФИНЯ.

Рада я погибнуть
За славу, за бессмертие, за имя,
За кровь мою на царственном престоле!..

ГЕРЦОГ (*улыбаясь*).

Закована ты в латы, амазонка!

ГРАФИНЯ (*с гордостью*).

О, не был бы мой подвиг так прекрасен,
Когда б меня вела к нему любовь...

ГЕРЦОГ (*приближаясь*).

Но... кстати о любви... Сегодня ночью,
Там в павильоне... если... там случайно
Ты встретишь женщину...

ГРАФИНЯ (*вздвигнув*).

Я так и знала...

ГЕРЦОГ.

Скажи ей все. И ты должна поклясться...

ФЛАМБО (*показываясь*).

Солдат умолк, все плачут.

ФАННИ.

Хорошо...

(*Фламбо опять уходит.*)

ГЕРЦОГ.

Ты скажешь мне... была ли там она.

ГРАФИНЯ.

Идя на царство — думать о любви!..

ЭДМОН РОСТАН

ГЕРЦОГ.

Да, именно... Теперь, идя на царство,
И придаю такую цену я
Любви ее...

ГРАФИНЯ (*тихо*).

Другие вас полюбят.

ГЕРЦОГ.

Но им не буду верить я так свято.
Как этому невинному ребенку,
Готовому погибнуть, чтоб утешить...

ГРАФИНЯ.

И вы других полюбите...

ГЕРЦОГ.

Да, да...
Но никогда, и это может быть,
Ни одного свиданья я не буду
Так страстно ждать, как этого — сегодня.

ГРАФИНЯ (*с досадой*).

Я вижу, вы взволнованы ужасно.

ГЕРЦОГ.

О, я сильней волнение испытаю,
Когда ты скажешь мне: «Она была».

ФЛАМБО (*появляясь*).

Пора. Солдат уж поднял очи к небу
И что-то там полковнику поет.

(Герцог и графиня быстро надевают маски.)

ГРАФИНЯ (*снимая черный плащ в то время, как герцог снимает лиловый*).

Скорее переменимся плащами.

ФЛАМБО (у дверей).

Не бойтесь ничего, я сторожу.

(Герцог Рейхштадтский – направо, графиня – налево. Они в одну и ту же минуту снимают свои плащи. На секунду, как в белом свете молнии, появляются два герцога Рейхштадтских, но они обмениваются: герцог закутывается в темный плащ, надвигает капюшон на голову; графиня небрежно набрасывает лиловый плащ на одно плечо так, чтобы видны были мундир и кресты, остается с непокрытой головой, чтобы видны были белокурые волосы, и теперь только один герцог Рейхштадтский – налево).

13. Те же и все остальные.

ФЛАМБО *(насторожившись в сторону театра, откуда слышны шум и аплодисменты).*

Там кончилось.

(Герцог отходит от графини. Раздаются звуки музыки. Сцена быстро освещается, и со всех сторон появляются лакеи, катящие перед собою померанцевые деревья, в листве которых висят цветные фонарики. На каждой зеленой кадке положено по две доски, прикрытые кружевной скатертью, из середины которой поднимается ствол дерева. На каждом из этих столиков под иллюминированным деревом накрыты роскошные приборы. Золоченая посуда. Радужный хрусталь. Роскошь цветов. Масса напудренных лакеев, которые в одно мгновение окружают каждую кадку четырьмя легкими стульями, убирают, наподобие принесенных, два померанцевых дерева, раньше бывшие на сцене. Все маски выходят из театра, выбегают фарандолой, держась за руки, под звуки галопы, который играет оркестр. Увидя сюрприз, приготовленный Меттернихом, все испускают крики восторга. Длинная танцующая цепь, предводительствуемая эрцгерцогиней и французским офицером, извивается змеей между померанцами. Смех, восклицания, крики, между которыми смутно слышится).

– Смотрите, померанцы...

– Здесь ужинать... – Прелестно! – Превосходно!

– Ай, ай, вы наступили мне на трен!..

– Гоп, гоп! Я потеряла колпачок...

– Bravo, bravo!.. Танцуйте все кругом...

– Барон! Маркиза! – Гоп! – Скорей, скорее...

— Еще, еще... Когда скажу я три —
— Довольно. — Раз... и два... и три!..

(И фандола разбивается на пары.)

ВСЕ *(бросаясь к столикам и занимая места).*

Ура!

ФАННИ *(герцогу, показывая ему на графиню, оставшуюся
налево на первом плане и окруженную немедленно лиловыми
домино).*

Смотри, вот рой лиловых домино
К ней никому приблизиться не даст.

ЛИЛОВЫЕ ДОМИНО *(возле фальшивого герцога, притво-
ряясь, что кокетничают, чтобы не дать никому прибли-
зиться к графине).*

Принц... — Милый герцог... — Ваша светлость...
— Ваше высочество...

ГЕНТЦ *(проходя мимо, с завистью).*

Вот герцогу везет!..

МАСКИ *(зовя друг друга, чтобы вместе ужинать).*

Эй, Сандор, Зичи, Мина...

ПЬЕРЕТТА *(которую назвали Миной, садясь).*

По чему вы
Меня узнали?..

ПОЛИШИНЕЛЬ.

А по ожерелью...

СКАРАМУШ *(усаживаясь и смотря на маленькие
апельсины, висящие в листве).*

Десерт уже готов — висит на ветках...

ЛИЛОВОЕ ДОМИНО *(кокетничая, графине).*

Я тайну вам должна доверить...

МЕДВЕДЬ *(снявший свою голову, чтобы ужинать, читает меню).*

Стерлядь
 Дунайская... А! Волжская икра...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(которая ходит взад и вперед, устраивая ужинающих).*

Мими Мейндорф, сюда, за столик к Ольге...

(Все уселись, за исключением графини, которая, все еще стоя налево, продолжает любезничать с одним из лиловых домино. Герцог, не покидая ее глазами, уселся с Фанни и Фламбо у одного из столиков.)

ГЕНТЦ *(вставая с бокалом в руке).*

Сударыни и господа...

УЖИНАЮЩИЕ *(требуя молчания).*

Тсс... тсс...

ГЕРЦОГ *(видя, что графиня делает шаг направо).*

Ах, вот она, ужасная минута.

ГЕНТЦ.

Я поднимаю первый мой бокал...

ГЕРЦОГ.

Ах!..

ГЕНТЦ.

В честь того, кто этот пышный бал
 Устроил с вдохновением поэта,
 Оставил нам душистые цветы,
 И музыку, и чары красоты,
 И свежий сок душистого сорбета,
 И золото шампанского, а сам
 Исчез в тиши угрюмой кабинета
 Трудиться над отсылкой телеграмм,
 И до зари всю ночь отдать трудам!..

(Аплодисменты. Графиня пользуется тем, что внимание привлечено Гентцем, и направляется между столиков к выходу, подражая рассеянной манере герцога и делая вид, что не спешит; от каждого столика на ее пути поднимается лиловое домино и проходит с ней несколько шагов, кокетничая, болтая и не оставляя ее, пока другое лиловое домино не подойдет в свою очередь кокетливо и задорно.)

Ф А Н Н И *(следя за ней глазами, герцогу).*

Она твою походку уловила.

Г Е Н Т Ц *(продолжая громовым голосом).*

За князя-канцлера бокал мой первый,
Советника и камергера, князя
Австрийского и герцога Портелла,
За князя Даруварского, за гранда
Испанского, за кавалера...

Ф А Н Н И *(наблюдая за графиней).*

Видишь,
Она все ближе к выходу. О, как
Она собой владеет превосходно...

Г Е Н Т Ц.

Святые Анны, Шведских серафимов...

Г Е Р Ц О Г *(тихо Фламбо, конвульсивно сжимая его руку).*

Подумай только, Гентц, и сам не зная,
Нам помогает...

Г Е Н Т Ц.

Датского слона...

Ф Л А М Б О.

Пусть только хватит титулов ему,
Пока графиня выйдет.

Г Е Н Т Ц.

Золотого
Руна, больших крестов,
Медведя, Льва...

ГЕРЦОГ (*лихорадочно следя за графиней*).

О, нет,
Моя походка скорей, скорей гораздо...

ГЕНТЦ.

Уф... Третьего и Сокола.

ГЕРЦОГ (*видя, что графиня останавливается с лиловым домино у выхода, нервно*).

Зачем
Она так медлит?.. О!..

ГЕНТЦ (*с возрастающим экстазом*).

Всех Академий
Куратора, Наследного магната,
Мальтийского Судьи... Уф...

(*Останавливается, переводя дух и вытирая лоб.*)

СОСЕДКА ГЕНТЦА СПРАВА.

Бедный Гентц!..
Он задохнется... Поскорее, веер.

(*Два веера с комическим усердием трепещут с двух сторон возле его лица.*)

ГЕНТЦ (*ожив, оканчивает с экстазом*).

И члена нескольких ученых обществ!..

ОБЩИЙ ЭНТУЗИАЗМ.

Ура!..

(*Все встали. Бокалы чокаются. Графиня с последним лиловым домино достигла выхода. Стоя у порога, она нервно разговаривает и смеется, приостанавливается на минуту, чтобы не выдать себя слишком поспешным отъездом. Целует руку лилового домино, прощаясь с ним.*)

ФЛАМБО *(тихо герцогу, который не смеет уже глядеть).*

Под этот шум, под звон бокалов
Она уже уходит незаметно!
Уж вышла!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(с некоторого времени следившая за фальшивым герцогом, громко со своего места).*

Франц, ты уезжаешь?..

(Графиня вздрагивает, пошатывается и принуждена прислониться к трельяжу, чтобы не упасть.)

ГЕРЦОГ *(тихо).*

Боже!..
Погибло все!

ФЛАМБО.

О черт возьми!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(вставая и направляясь к графине).*

Постой!..

ФАННИ *(в ужасе).*

Эрцгерцогиня ничего не знает.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(приближается к графине).*

Франц...

(Берет ее под руку, тоном кроткого упрека.)

Хотя сегодня оскорбил меня
Ты в самых нежных чувствах, но...

(Вздрагивает, замечая через маску взгляд, который она не узнает. Она останавливается, приглядываясь к нижней части лица, виднеющейся из-под маски, и почти без голоса.)

Боже!..

ГЕРЦОГ *(следа за этой сценой).*

О, я погиб!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*отступает, колеблясь, потом, после минутной паузы, опять своим естественным голосом и очень громко, протягивая руку графине*).

До завтра, милый Франц!..

ГРАФИНЯ (*которую волнение, страх, благодарность заставили на минуту потерять голову*).

Сударыня, как вас благодарить!..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*быстро и тихо*).

Но поцелуйте ж руку мне скорее...

(*Графиня овладевает собой, целует, совершенно как это бы сделал герцог Рейхштадтский, руку Эригерцогини, выпрямляется и выходит.*)

14. Те же без графини.

УЖИНАЮЩИЙ (*который видел, как графиня вышла*).

Как, герцог покидает нас так рано?

ТИБУРЦИЙ (*пожимая плечами*).

О, он так сумасброден!..

(*Эригерцогиня, возвращаясь к своему столику, проходит мимо того места, где сидят герцог, Фанни и Фламбо.*)

ГЕРЦОГ (*останавливая ее, низким и взволнованным голосом*).

Вашу руку,
Как герцогу Рейхштадтскому.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*с минуту смотрит на молодого человека, потом протягивает ему руку*).

Изволь,
Прекрасный незнакомец...

(*Садится на свое место. Все ужинают, смеются, болтают.*)

ГЕНТЦ (*вставая с бокалом в руке*).

А теперь...

ВСЕ. (*Смех и протест..!*)

Как? — Что? — Еще?.. — Нет, нет...

ГЕНТЦ.

Одно словечко...

АРЛЕКИН.

Ну, говорите.

ГЕНТЦ.

Я хотел пополнить
Мой тост. Я кое-что в нем пропустил
Умышленно: здесь был Рейхштгдтский герцог,
И лучший титул князя Меттерниха
Я должен был, конечно, пропустить.
Но он ушел. Так выпьем за того,
Кто уничтожил Бонапарта!..

ВСЕ (*вставая с внезапной вспышкой всеюлой ненависти.*)

Браво!
Прекрасный титул! Выпьем за того,
Кто уничтожил Бонапарта! Браво!

(*Все чокаются. Гневное движение герцога Фламбо спокойно опоражнивает свой стакан в дуло ружья.*)

ФАННИ.

Что сделал ты?

ФЛАМБО.

Я порох подмочил,
Чтобы ружье не выстрелило вдруг.

(*Все сидят опять. Разговор становится общим. От одного столика говорят к другому.*)

СКАРАМУШ (*смеясь*).

Ха! Бонапарт...

ОРЛЕНОК
МАРКИЗ.

Поддельный мрамор!

ГЕРЦОГ.

Что?..

ФЛАМБО (*испуганно*).

Молчите, дело ведь идет о троне.

ПОЛИШИНЕЛЬ.

Так, штукатурка...

ФЛАМБО (*хватая герцога за руку, тихо*).

Боже мой... Сдержитесь...

ТИБУРЦИЙ.

Простой, второстепенный офицер...
В Египте он взобрался на верблюда,
Ну, вот и...

МЕДВЕДЬ.

Говорят, что Гентц его
Прекрасно представляет...

ФЛАМБО (*сквозь зубы*).

Черт возьми!..

АРЛЕКИН (*Гентцу*).

Представь его...

(*Гентцу встает. Движение герцога.*)

ФЛАМБО (*герцогу*).

О Боже...

Не забудьте, что вас уж нет...

ГЕНТЦ.

Извольте... *(Быстро спускает прядь волос на лоб.)*
Прядь волос... *(Нахмуривая брови.)*
Взгляд...

(Кладя руку на жилет.)

И рука...

(Удовлетворенный.)

Вот вам! *(Восторг и смех.)*

ГЕРЦОГ *(нервными пальцами разрывая кружево
скатерти).*

О!..

ФЛАМБО *(оборачивается бешеным движением к Гентцу,
но даже карикатура на то, что он так любил, его трогает,
и он говорит успокоенным тоном).*

Он смеется...

Но и насмешка эта хороша
Тем, что она его напоминает!..

КРОКОДИЛ.

Вы знаете, что с лошади он падал...

ПЬЕРО.

Посредственный болтун...

ФЛАМБО *(иронически).*

Ого!.. Еще бы...

ГЕРЦОГ.

О, я не удивлен. Подумай, друг мой,
О чем бы говорили меж собой
Хамелеон с мокрицей, если б только
Они орла злословить не могли?..

ТИБУРЦИЙ.

Он вовсе не звался Наполеоном...

ОРЛЕНОК

ФЛАМБО.

Что?! *(Теперь уже герцог удерживает его.)*

ТИБУРЦИЙ.

Сам себе он псевдоним придумал:
Чтоб имя громкое изобрести,
Ума не нужно много...

ФЛАМБО *(в сторону)*.

Идиот!..

ТИБУРЦИЙ.

Три звука звонких и сухих — так просто:
На-по-ле — и потом закончить — он
И имя для истории готово!..

МЕДВЕДЬ.

Великолепно!.. *(Смех.)*

ШУТ.

Да, но как же звали
Его на самом деле?

ТИБУРЦИЙ.

Вы не знали?

ШУТ.

Да нет же...

ТИБУРЦИЙ.

Очень просто: Николай...

ФЛАМБО *(вставая в бешенстве)*.

Что?.. Николай?..

ВСЕ *(аплодируя, что он так хорошо играет свою роль)*.

А, браво, гренадер!..

ГЕНТЦ.

Да, Николай... *(Передавая ему блюдо.)*
Хотите куропаток?..

ФЛАМБО *(беря блюдо.)*

Однако Николай-то никогда
Не ощущал в победах недостатка...

ПАЯЦ *(с самым аристократическим негодованием.)*

А этот двор! Что он устроил с ним?
В мгновение ока он его испортил...

ТИБУРЦИЙ.

Забыт был этикет, забыта Гота...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС.

Но на войне...

ТИБУРЦИЙ.

Писал он бюллетени,
И больше ничего!..

ПОЛИШИНЕЛЬ.

И все держался
На холмиках, там, где-то в отдаленьи... *(Смех.)*

ФЛАМБО *(готовый броситься на него.)*

Я...

ГЕРЦОГ *(удерживая его.)*

Тсс...

ТИБУРЦИЙ.

Шальная пуля как-то раз
Герою оцарапала коленку...
Сейчас готов сюжет был для картины! *(Смех.)*

ФЛАМБО *(удерживая герцога.)*

Спокойствие...

ОРЛЕНОК
ГЕРЦОГ.

Но сам ты...

ФЛАМБО *(несколько минут играя с ножом).*

Отнимите
Вы этот ножик лучше у меня...

(Фанни отнимает нож у него.)

ТИБУРЦИЙ *(откинувшись на спинку стула
и прихлебывая вино).*

Ну, словом...

ГЕРЦОГ *(сжимая руку Фламбо).*

Что он скажет, слушай, слушай...

ФЛАМБО *(умоляя).*

Вы все снесете...

ГЕРЦОГ.

Нет! Ни за корону...

ТИБУРЦИЙ.

Итак, герой наш знаменитый просто...

ФЛАМБО *(чувствуя, что герцог готов броситься, ему
с отчаянием).*

Нет, мальчик мой...

ТИБУРЦИЙ.

Был трус!

ГЕРЦОГ *(вскакивая).*

О!..

ГОЛОС *(из глубины).*

Вы солгали!..

ВСЕ (*вставая, говоря сразу*).

Что это значит? Кто это такой?..

ФЛАМБО (*тихо герцогу*).

Все спасено: перчатку поднял кто-то.

ГЕНТЦ (*спокойно, сидя*).

Шум...

ТИБУРЦИЙ (*бледный*).

Кто себе позволил...

ОФИЦЕР (*выходя из публики, подходя к нему*).

Это я!

СКАРАМУШ (*тихо Тибурцию*).

Любимый адъютант французского посла.

ТИБУРЦИЙ.

Вы заступаетесь за Бонапарта?

Вы, представитель короля?..

ГЕНТЦ (*сидя и доедая виноград*).

Забавно!..

ОФИЦЕР.

Нет, дело здесь о Франции идет,
И Франции наносят оскорбленье.

Кто смеет оскорблять того, кого

Она любила?

ТИБУРЦИЙ.

А, Буонапарта...

ОФИЦЕР.

Произнести извольте Бонапарт!

ТИБУРЦИЙ.

Так Бонапарта?

ОФИЦЕР.

Нет, не Бонапарта,
А императора.

ТИБУРЦИЙ.

Ваш адрес?.. *(Обмен карточек.)*

ОФИЦЕР *(кланяясь)*.

Завтра
Уехать должен я, итак, дуэль
Назавтра утром.

(Он отходит и, подойдя к двум офицерам, говорит с ними вполголоса. Вдали опять зазвучали скрипки. Пары, тихо разговаривая, уходят в сторону, где танцы.)

ФЛАМБО *(исчезавший на минуту в глубину сцены, к раздвальной, возвращается одетый в великолепный плащ и быстро говорит герцогу)*.

Ну, идем скорей!
Я добыл плащ...

(Открывает и запахивает скоро.)

Атласная подкладка.

ТИБУРЦИЙ *(уселся один за стол, нервно лакею, протягивая стакан)*.

Дай мне воды.

ЛАКЕЙ *(тот самый, которого герцог посылал в замок, наполняя стакан Тибурция)*.

Вы, сударь, Корсиканца
Не любите...

ТИБУРЦИЙ *(с высокомерным удивлением)*.

Ты что?

ЛАКЕЙ *(тише)*.

Зато нежна
С его сынком сестрица ваша...

ТИБУРЦИЙ.

Что?

ЛАКЕЙ.

Хотите вы застигнуть их?

ТИБУРЦИЙ.

Когда?..

ЛАКЕЙ.

Сегодня ночью...

ТИБУРЦИЙ.

Где?..

ЛАКЕЙ.

Я это знаю...

ТИБУРЦИЙ *(жестом отсылая его)*.

Ступай туда и жди меня, я буду.

(Лакей уходит. Тибурций, кладя руку на эфес своей рапиры.)

Я Австрию избавлю от него!..

(В это время герцог, перед тем как уйти с Фламбо, который ждет его на пороге, подошел к офицеру, кончившему разговорить со своими друзьями.)

ГЕРЦОГ *(кладя офицеру руку на плечо)*.

Благодарю...

ОФИЦЕР *(обернувшись)*.

За что?..

(Герцог на минуту поднимает маску. Офицер готов вскрикнуть.)

ГЕРЦОГ *(прикладывая палец к губам)*.

Молчите...

ОФИЦЕР (*тихо*).

Герцог...

ГЕРЦОГ.

Да, заговор...

ОФИЦЕР (*изумленный этим доверием*).

Я очень удивлен...

ГЕРЦОГ (*с гордой грацией*).

Да, в этой тайне все мое богатство.
Я, в благодарность, вам ее даю.

(*Тихо и быстро.*)

Сегодня ночью, у Ваграма, будьте.

ОФИЦЕР.

Я?..

ГЕРЦОГ.

Да, вы наш.

ОФИЦЕР.

Я верен королю.

ГЕРЦОГ.

Пусть это так, но за отца ты бьешься,
Ты не чужой, и тебя люблю...

(*Отходит, кланяясь.*)

Так до свиданья.

ОФИЦЕР (*идя за ним*).

Думаете вы,
Что победить меня легко вам будет?..

ГЕРЦОГ.

Но так отец мой победил Сегюра!..

ЭДМОН РОСТАН

ОФИЦЕР (*твердо*).

Во Францию я завтра возвращаюсь
И должен прямо вам сказать...

ГЕРЦОГ (*улыбаясь*).

Вы маршал
Империи моей!..

ОФИЦЕР.

Но если мне
На вас вести мой полк король прикажет,
Тогда... огонь открою я.

ГЕРЦОГ.

Прекрасно!

(Протягивает ему руку.)

Но прежде чем сражаться, мы пожмем
Друг другу руки...

(Молодые люди жмут друг другу руки.)

ОФИЦЕР (*с придворной вежливостью*).

Нет ли поручений
У вас в Париже? Я был бы очень рад...
Четвертого я буду там.

ГЕРЦОГ (*улыбаясь*).

Должно быть,
В... Империи я буду раньше вас.

ОФИЦЕР.

Но если я случайно в Королевство
Прибуду раньше вас?..

ГЕРЦОГ.

То от меня
Приветствуйте Вандомскую Колонну. (*Выходит.*)

Занавес

АКТ ПЯТЫЙ

КРЫЛЬЯ НАДЛОМЛЕНЫ

Равнина. Низкий кустарник. Пригорок, трава на котором трепещет от вечного ветра. Маленькая хижина, построенная из обломков лафетов и фургонов, которую окружают тощие кусты герани. Мимо идущая дорога. Верстовой столб, окрашенный в австрийские цвета, — и это все. Поле и небо, колосья и звезды. Равнина... Огромная равнина... Ваграмская равнина.

* * *

1. Герцог, Фламбо и Прокеш.

(Все трое стоят неподвижно, закутавшись в широкие плащи. Молчание. Только слышно, как по равнине гуляет и свистит ветер.)

ГЕРЦОГ *(распахивая плащ и снова запахиваясь, чтобы забрать в него ветер)*.

Твой ветер я вдыхаю, о, Ваграм!..

(К Фламбо, который смотрит на дорогу налево.)

Где ж лошади?..

ФЛАМБО.

Их нет еще... Мы рано
Пришли сюда.

ГЕРЦОГ.

На первое свиданье,
Что Францией назначено мне было,
Я, как любовник пылкий, должен был
Явиться слишком рано.

(Ходит взад и вперед, останавливается у верстового столба.)

Эти версты...
Я, наконец, теперь смогу ходить,
Полос их желтых с черным не встречая.
Прочесть на белом, точно снег, столбе: «Сен-

Клу» (вставая на камень, чтобы прочесть),
Не отвратительный Гросхофен!

(Вдруг вспомнив.)

Ах, Боже мой, я позабыл совсем:
Мой полк идет в Гросхофен на заре.

ФЛАМБО.

Зачем?..

ГЕРЦОГ.

Вчера приказ я дал, когда
Еще не знал...

ФЛАМБО.

Когда они пройдут,
Здесь на заре, уж мы далеко будем!

*(Из хижины выходит старик-крестьянин, с белой бородой,
без одной руки.)*

ГЕРЦОГ.

Кто этот человек?..

ФЛАМБО.

Он предан нам...
Здесь, в хижине его, свиданья место.
Солдатом был он здесь, на этом поле,
Он объясняет битву иностранцам.

КРЕСТЬЯНИН *(замечая группу людей, машинально протягивает руку по направлению горизонта и начинает заученным тоном гида).*

Налево был...

ФЛАМБО.

Не надо, я-то знаю.

(Крестьянин, узнавая его, улыбается и кланяется. Фламбо зажигает свою коротенькую французскую трубочку у длинного немецкого чубука.)

ОРЛЕНОК

ПРОКЕШ (*Фламбо*).

Но что же заставляет старика
Австрийской службе изменять?..

СТАРИК (*который услышал это*).

О, сударь,
Когда я, умирающий, лежал,
Здесь проезжал Наполеон великий...

ФЛАМБО.

Всегда наутро посещал он поле.

СТАРИК.

Великий император потрудился
Остановить коня и, при себе,
Да, при себе, велел врачу...

ФЛАМБО.

Ивану...

СТАРИК.

Отнять мне руку, осмотревши рану.
Так если в Вене сын его скучает —
Пусть уезжает, я готов помочь.

(*К Фламбо, гордо показывая на свой пустой рукав.*)

При нем мне руку отняли...

ФЛАМБО.

Ого,
Не каждому везет такое счастье...

СТАРИК (*махая рукой*).

Война...

(*Оба ветерана усались рядом на завалинку хижинны и курят,
время от времени задумчиво произнося отрывистые слова.*)

Да, да... Была война...

ЭДМОН РОСТАН

ФЛАМБО.

Мы гибли...

СТАРИК.

А мы погибли...

ФЛАМБО.

Шли вперед мы смело...

СТАРИК.

Мы тоже...

ФЛАМБО.

И стреляли мы в тумане...

СТАРИК.

Мы тоже...

ФЛАМБО.

И потом какой-нибудь,
От пороха весь черный, офицер
Нам возвещал: «Ура, мы победили!..»

СТАРИК.

Нам тоже...

ФЛАМБО (*вставая, в негодовании*).

Что? (*Пожимает плечами.*)

И в самом деле...

(*Пожимая ему руку.*)

Если б

Нас кто-нибудь теперь подслушать мог...

ГЕРЦОГ (*неподвижно, в глубине*).

Я слушаю...

СТАРИК (*философски, смотря на свои цветы*).

Герань моя цветет здесь превосходно...

ФЛАМБО (*покачивая головой*).

Не думаю. (*Показывает на цветник*.)
 На этом самом месте...
 О, помню я... Одиннадцать их было,
 Малюток-барабанщиков... Они,
 Наивные, не зная нашей цели,
 Шли и вперед так весело глядели,
 И выбивали звонко-звонко дробь...
 Немножко мы над ними все шутили, —
 Их маркитантка наша баловала, —
 Но, право, в час, когда малютки эти
 К атаке били, — быстрой, звонкой дробью,
 Одиннадцать малюсеньких зайчат...
 О, этот гам, он заставлял дрожать
 Штыки в руках у нас, и их зигзаги
 Стальные вызов воздуху бросали:
 «Недаром мы на молнии похожи...»
 И вот, вот здесь проклятая граната
 Их сразу всех на месте уложила...

(*С жестом, словно он косит.*)

Скосила всех одиннадцать зараз!

(*Молчит с минуту благоговейно, потом тише.*)

Да... Надо было видеть маркитантку...
 Как те старухи, что в полях собирают
 Опавшие колосья, так она
 В передник свой их палочки собирала...

(*Отгоняя свое волнение.*)

Но, говоря об этом... что-то хрипнешь...

(*Кашляя, чтобы прочистить горло.*)

Кхм... кхм...

(*Срывает герань, с напускной веселостью.*)

Рецепт, как превратить простую
Герань в Почетный легион, смотрите:
Три лепестка сорвать, а два оставить.

(Отрывает три лепестка, два оставшихся образуют маленькую красную бабочку, которую он вкалывает в петличку плаща, и говорит.)

Как ты красив на этом отвороте...

(К герцогу, указывая ему подбородком на этот импровизированный орден.)

Вы помните? Вы мне его даете?..

ГЕРЦОГ *(грустно)*.

Увы, тебе лишь призрак дать я мог...

ФЛАМБО.

А я его надену, как цветок...

(С некоторого времени в глубине появляются люди в широких плащах, пожимают друг другу руки, садятся группами.)

2. Те же, Мармон, заговорщики.

ТЕНЬ *(отделяясь от группы и подходя к герцогу и Фламбо)*.

Святая Елена...

ФЛАМБО *(отвечая)*.

Шенбрунн...

ГЕРЦОГ *(узнавая подошедшего)*.

Как?.. Маршал здесь?..

МАРМОН *(склоняясь)*.

Да, герцог, в добрый час.

ГЕРЦОГ *(указывая на стоящих)*.

Кто эти тени?

ОРЛЕНОК

МАРМОН.

Все друзья.

ГЕРЦОГ.

Зачем же
Они стоят так скромно в отдаленьи?..

МАРМОН.

Они боятся потревожить Ваше
Величество... Ведь вы уж император.

ГЕРЦОГ (*вздрагивает, после паузы*).

Я – император?.. Завтра... Ты прощен!..
Мне двадцать лет, и ждет меня корона...
О Боже мой, так это все не сон?
Мне двадцать лет, я сын Наполеона,
Отец мне завещал свой трон...
Неправда, я не болен... Смерти холод
Уж не коснется моего чела...
Я император, я здоров, я молод!..
Как хорошо!.. Как эта ночь тепла!..

ГОЛОС ЗАГОВОРЩИКА (*появляющегося*).

Шенбрунн...

ДРУГОЙ.

Святая Елена...

ГЕРЦОГ.

В моей душе теперь величье храма:
Пусть перед ним преклонится народ...
Я силы пью здесь, в воздухе Ваграма,
Мне двадцать лет, меня корона ждет!..
Корона, власть... Движением десницы,
Как по волшебству, открывать темницы
И узникам свободу даровать,
Кормить голодных, облегчать страдания,
Вносить улыбки, осушать рыдания,
Любить, прощать и счастье разливать...

О, мой народ! Своей святою кровью
Ты заплатил бессмертие отца,
Но сын его воздаст тебе любовью
И мир внесет во все сердца!
Я сам страдал... Страдания народа
Понятны мне, и я их искуплю!
Я был в плену... Не бойся же, свобода,
Я прав твоих не оскорблю!
К трофеям всем родной моей державы,
К названиям Ваграма, Ровиго
Прибавлю я иной название славы
И герцогом я сделаю Гюго!..
Слетела грез счастливых вереница,
С души моей исчез тяжелый гнет,
Лечу к тебе, лечу, моя столица,
Мне двадцать лет, меня корона ждет!
Париж, Париж!.. Я вижу волны Сены,
И слышу я твои колокола...
Вы здесь, друзья, не знавшие измены,
Вас тень отца и к сыну привела...
Уж вижу я несчетные знамена,
Толпу людей, и солнце, и цветы...
Мне 20 лет, и ждет меня корона...
Париж, Париж, ее отдашь мне ты!

ГОЛОС.

Святая Елена.

ДРУГОЙ.

Шенбрунн...

ФЛАМБО (*герцогу, который пошатывается, изнеможенный*).

Что с вами?

ГЕРЦОГ (*выпрямляясь*).

Что со мною?.. Ничего.

ПРОКЕШ (*беря его руку*).

Горите вы...

ГЕРЦОГ (*тихо*).

Пылает голова... (*Громко.*)
Но все пройдет, лишь вскачь пушу коня.
Мерцают звезды, путь нам освещая...
Вот лошади... Летим, скорей, скорей!..

(Приводят лошадей. Фламбо берет под уздцы назначаемую герцогу лошадь и подводит к нему.)

ПРОКЕШ (*показывая Мармону на заговорщиков*).

Зачем они явились все сюда?

МАРМОН.

Чтоб доказать ему свое участие.

ГЕРЦОГ.

Подайте хлыст скорей.

ЗАГОВОРЩИК (*протягивая ему хлыст и представляясь с низким поклоном*).

Виконт Отрантский...

ГЕРЦОГ (*отступая*).

Как?.. Сын Фуше?..

ФЛАМБО.

Теперь не время счетам.

(Поправляет.)

Как стремя опустить? Длинней?

ГЕРЦОГ.

Короче.

ДРУГОЙ ЗАГОВОРЩИК (*кланяясь*).

Позвольте вам представиться: Губо,
Усерднейший агент кухни вашей (*кланяясь*),
Губо.

ГЕРЦОГ.

Ага!

ГУБО (*кланяясь*).

Доверенный агент.

ДРУГОЙ (*быстро приближаясь*).

Осмелюсь... представитель короля
Иосифа... Я от него сюда
Субсидии на дело доставлял:
Я – Пионне.

ГЕРЦОГ (*к Фламбо, который располагает узду*).

Пусти узду свободней.

ТРЕТИЙ (*приближаясь и кланяясь*).

Проводников я поместил повсюду,
В соседней деревеньке приготовил
Для вас переодеться... Я – Моршен.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Я приготовил паспорта...

(*Передает их Фламбо и кланяется.*)

Гибер.

ВСЕ СРАЗУ (*около лошади*).

Я – Пионне!.. Губо!.. Моршен!.. Гибер!..

ФЛАМБО (*отталкивая их*).

Мы понимаем...

ПЕРВЫЙ (*держа герцогу стремя*).

Ваш отец покойный
Запоминал прекрасно имена.

ПЯТЫЙ (*быстро кланяясь*).

Я — Бороковский. Это я графине
Заказывал сегодняшний мундир.

ГЕРЦОГ (*нервно*).

Да, да, я всех запомню превосходно,
Особенно того, который мне
Ни слова не сказал.

(Указывает презрительно хлыстом на стоящего в стороне человека, закутанного в плащ.)

Как ваше имя?..

(Незнакомец распахивает плащ, герцог узнает французского офицера.)

Вы здесь?..

ОФИЦЕР (*живо*).

Не как участник заговора,
Но лишь как друг, чтоб вас предупредить,
Что...

ФЛАМБО.

На коней, восток уже белеет...

ГЕРЦОГ.

Да, на коней! Alea jacta est.

(Ставит ногу в стремя.)

ОФИЦЕР.

Явился я сюда лишь потому,
Что, думал, мне придется защищать вас.

ГЕРЦОГ (*собравшийся вскочить в седло, останавливается*).

Как защищать?

ОФИЦЕР.

Опасность вам грозила...

ГЕРЦОГ (*поворачиваясь к нему, все еще держа ногу в стремях*).

Опасность?.. Мне?..

ОФИЦЕР.

Наглец, с которым я
Рассчитываю завтра посчитаться,
Оставил бал, не думая послать
Мне секунданта. Я бегу за ним,
Но в темноте встречается он с кем-то,
И тут невольно, к счастью, я услышал,
Что вас они собираются убить,
Застигнув вас внезапно на свиданьи
Сегодня ночью.

ГЕРЦОГ (*с криком ужаса*).

Боже мой!.. Графиня!..

ОФИЦЕР.

Вы мне сказали, что свиданье здесь,
И я пришел, но вижу — все спокойно,
И я могу уйти.

ГЕРЦОГ.

Мой Бог!.. Свиданье!..
Но не об этом шла свиданьи речь.
Другое... там... сегодня... в павильоне
Охотничьем... Они убьют графиню,
Она туда ведь за меня пошла,
Спешим же к ней...

ОБЩИЙ КРИК.

О нет!..

ПЕРВЫЙ ЗАГОВОРЩИК.

Зачем? Куда?..

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ (*с отчаянием*).

Графиня... Ведь они ее убьют!..

ПРОКЕШ (*удерживая его*).

Да нет, ей стоит только им открыться...

ГЕРЦОГ.

Нет, умереть графиня согласится,
Чтоб выиграл я несколько минут...
Спешим! Ты этой женщины не знаешь...
Спешим!..

ГОЛОСА.

Нет, нет...

ГЕРЦОГ.

Могу ль я допустить,
Чтоб за меня ее они убили?..
Подумайте, меня там убивают,
И вдруг меня не будет там... Спешим!

ОТРАНТСКИЙ.

Погибло все, напрасны все усилия!

МАРМОН.

Ведь больше не удастся вам бежать...

ДРУГОЙ ЗАГОВОРЩИК.

А Франция?..

ТРЕТИЙ.

Империя?.. (*Все вокруг него.*)

ГЕРЦОГ.

Назад!..

МАРМОН.

Скорей бежим...

ЭДМОН РОСТАН

ГЕРЦОГ (*с силой*).

Скорее возвратимся!..

ПРОКЕШ.

Но возвратиться — значит отказаться
Навеки от короны...

ГЕРЦОГ.

Но бежать —
От чести отказаться!..

МАРМОН.

Иногда
Приходится нам жертвовать другими.

ГЕРЦОГ.

Не женщиной...

МАРМОН.

За женщину погибнуть!

ФЛАМБО.

Решительно — он наш, французский принц!

ОТРАНТСКИЙ (*твердо герцогу*).

Вы не хотите ехать?..

ГЕРЦОГ.

Нет, пустите!..

ОТРАНТСКИЙ (*другим*).

Его заставим силой мы уехать...

ВСЕ (*бросаясь к нему*).

Да, да!

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

С дороги!.. Или, берегитесь,
Вот этот хлыст заменит шпагу мне.
Ко мне, Фламбо! На помощь, Прокеш!

ПЕРВЫЙ ЗАГОВОРЩИК.

Силой

Его должны заставить мы бежать.

ГЕРЦОГ (*к французскому офицеру*).

А вы?.. Вы защититъ меня явились?
Так вот где настоящее убийство:
Честь у меня хотят они отнять!
Я жду защиты...

ОФИЦЕР.

Уезжайте, принц.

ГЕРЦОГ.

И вы?.. Но как же я ее оставлю?..

ОФИЦЕР.

Спешите, к ней на помощь я бегу.

ГЕРЦОГ.

И вы, вы, не участник заговора,
Способны мне пожертвовать собой?

ОФИЦЕР.

Да, сделаю я это для графини.

ГЕРЦОГ.

Но...

ОФИЦЕР (*Прокешу*).

Мы вдвоем отправимся туда,
Ему пути известны...

ЭДМОН РОСТАН

ГЕРЦОГ (*колеблясь*).

Не могу я...

ГОЛОСА.

Скорей, скорей...

МАРМОН.

Конечно... Вот исход...

(*Слышен галоп лошади.*)

ВСЕ.

Спешите же, спешите же!..

3. Те же, графиня.

ГРАФИНЯ (*появляясь в мундире герцога, покрытая грязью, бледная, задыхающаяся*).

Несчастный,
Вы здесь еще?..

ГЕРЦОГ (*пораженный*).

Графиня!.. Мне сказали...
Но мог ли я бежать?..

ГРАФИНЯ (*в бешенстве*).

Должны вы были...

ГЕРЦОГ.

Но женщину покинуть...

ГРАФИНЯ (*презрительно*).

Ах, скажите,
Великая потеря!..

ГЕРЦОГ.

Я не мог...

ОРЛЕНОК

ГРАФИНЯ.

Нет, долг ваш был не думать обо мне...

ГЕРЦОГ.

Подумайте...

ГРАФИНЯ (*в бешенстве*).

Я думаю о том,
Что время потеряли вы напрасно!..

ГЕРЦОГ.

Опасность, вам грозившая...

ГРАФИНЯ.

Какая?..

ГЕРЦОГ.

Тревога и боязнь за вас...

ГРАФИНЯ (*гордо*).

Тревога?..
Но разве не Фламбо меня учил
Оружием владеть?..

ГЕРЦОГ.

Но тот злодей...

ГРАФИНЯ.

Ступайте же...

ГЕРЦОГ.

Что сделали вы с ним?..

ГРАФИНЯ.

Он шпагу обнажил свою, я тоже
И... больше ничего...

ГЕРЦОГ.

Мой Бог, так с ним
Ты за меня дралась...

ГРАФИНЯ.

— «О, Корсиканец,
Он бормотал, — твоей не знал я силы!»
Он сам не знал... Мой голос выдал все.

ГЕРЦОГ (*видя кровь на ее руке*).

Вы ранены...

ГРАФИНЯ (*презрительно*).

Царапина пустая.

— «Как! Женщина!..» Он отступил невольно...
— «Ну, защищайся!..» — «С женщиною драться...
Не стану! Слишком был бы я смешон...»
— «Но эта женщина — Наполеон!..»
И, видя выпад мой, он отражает...
Но тут ему я наношу...

ФЛАМБО.

Удар.

ГРАФИНЯ (*показывая удар*).

Раз, два!

ФЛАМБО.

Порядком удивился он?..

ГРАФИНЯ.

Так удивился, что замолк навеки.

ГЕРЦОГ (*приближаясь, тихо*).

Но что ж... она?

ГРАФИНЯ (*пожимая плечами, громко*).

Не все ли вам равно?..

ОРЛЕНОК

ГЕРЦОГ.

Тсс... Там... Она была при этом?..

ГРАФИНЯ *(в минутном колебании)*.

Нет,

Когда он в дверь ворвался, как безумный,
Я там была одна...

ГЕРЦОГ.

А... Не пришла...

(С легкой досадой и грустью.)

Тем лучше!..

ГРАФИНЯ.

Но на шум сбежались люди
И если бы меня арестовали,
То слишком рано был наш план открыт...
Я голову теряю, выхожу
Я ощупью... И слышу я, как кто-то
Кричит, чтобы послали за Сединским...
Лечу сюда... Я загнала коня,
Он пал... Нет силы больше у меня...

ГЕРЦОГ.

Ах, Боже мой, ей дурно... Помогите!

(Прокеш и Мармон поддерживают ее.)

ГРАФИНЯ *(почти в обмороке)*.

Ах!.. Я узнать надеялась от них,
Что уж давно уехал ты... и что же?..

1-й ЗАГОВОРЩИК *(стороживший в стороне дороги)*.

Погоня!.. *(Все стремятся бежать.)*

ГЕРЦОГ *(кричит)*.

А! Ее, ее спасите!
Скорей... туда...

(Указывает на хижину, которую живо открывает старик.)

ГРАФИНЯ *(которую уносят).*

Бегите же, бегите!..

ГЕРЦОГ *(спрашивая тревожно уносящих графиню людей).*

Что с ней?

ГРАФИНЯ.

Бегите ж... О, Господь Святой!..

Что, если б ваш отец вас мог увидеть
Дрожащим, бледным, полным опасений,
Он не узнал бы, верно, сына в вас...
Бегите же... я вас молю!..

ГЕРЦОГ *(бросаясь к лошади).*

Прощайте!..

4. Те же, Седлинский, полицейские.

ФЛАМБО *(оборачиваясь и замечая полицейских, бегущих сюда).*

Мы пойманы...

(Их окружают.)

ГРАФИНЯ *(в отчаянии).*

О Боже, слишком поздно!..

СЕДЛИНСКИЙ *(приближаясь к ней).*

Да, ваша светлость...

ГРАФИНЯ *(к герцогу в бешенстве)*

О, пустой мечтатель,
Несчастный идеолог, фантазер!..

СЕДЛИНСКИЙ *(обернувшись к тому, на которого нападет графиня, замечает герцога и отступает, вскрикивая).*

Как? Ваша светлость?.. *(Оборачиваясь к графине.)*
Ваша светлость...

(Оборачиваясь к герцогу.)

Ваша...

ФЛАМБО *(ворчливо)*.

Поди-ка, разбери.

СЕДЛИНСКИЙ *(улыбаясь, начиная понимать)*.

Так вот в чем дело...

ФЛАМБО.

А это после ужина у вас
В глазах двоится, сударь.

СЕДЛИНСКИЙ.

Вот в чем дело...

*(Быстрым взглядом окидывает всех присутствующих, чтобы
запомнить.)*

Прошу вас удалиться.

(Прокеш удаляется, кинув прощальный взгляд герцогу.)

ФЛАМБО *(со вздохом)*.

Видно, завтра
Уж не дожждаться нам коронованья...

СЕДЛИНСКИЙ *(двум полицейским, показывая
на французского офицера)*.

Возьми их. *(Офицеру.)*
Вы... в этом приключеньи?
Об этом будет знать начальство ваше.

ГЕРЦОГ *(быстро приближаясь)*.

Клянусь, он не участник заговора,
И не могу я допустить...

ОФИЦЕР.

Простите,
Но если здесь аресты, я — участник.

ГЕРЦОГ (*пожимая ему руку, прежде чем его уведут*).

Так до свиданья... (*К Седлинскому с презрением.*)
Что ж, усердствуй дальше...

СЕДЛИНСКИЙ (*двум другим полицейским, указывая на графиню*).

А герцога подложного сведите
Домой... (*Они хотят ее грубо схватить.*)

ГЕРЦОГ (*голосом, который заставляет их отступить*).

Со всем почтеньем, на какое
Имею право я...

ГРАФИНЯ (*вздрагивая*).

О, этот голос!..

(*Бросается со слезами в его объятия.*)

Несчастный мой ребенок, ты бы мог
Быть императором...

(*Выходит в сопровождении двух полицейских.*)

СЕДЛИНСКИЙ (*делая вид, что не смотрит на других*).

Что до других —
Закроем мы глаза, и пусть уходят.

(*Заговорщики шепчутся друг с другом.*)

ПЕРВЫЙ.

Я думаю...

ДРУГОЙ (*важно, качая головой*).

Да... В интересах дела...

ТРЕТИЙ.

Идем скорей!

(*Число заговорщиков немедленно уменьшается. Остальные выходят с более приличной медленностью. Отрантский под руку с Мармоном. Они говорят между собою с благородными жестами; слышно.*)

Помедлить... позже... да...

(И никого не остается.)

ФЛАМБО.

Открой опять глаза: один остался.

ГЕРЦОГ.

Беги, молю я! Для меня!

ФЛАМБО.

Для вас?..

(После минутного колебания направляется за другими.)

СЕДЛИНСКИЙ *(с которым тихо говорил один из полицейских, кричит).*

Стой!..

(Фламбо загоразживает дорогу. Десять пистолетов направлено на него. Седлинский к полицейскому, говорившему с ним.)

Это он?..

ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

Возможно, что и он.

(Вынимает из кармана бумагу и передает Седлинскому со словами.)

Его Париж разыскивает тщетно.

СЕДЛИНСКИЙ *(пробегая глазами бумагу при свете потайного фонаря, который держит ему полицейский).*

Но как узнать его?.. Задача... Нос
Обыкновенный, лоб обыкновенный,
Глаза...

ФЛАМБО *(насмешливо).*

Да, необыкновенно трудно...

СЕДЛИНСКИЙ *(делая вид, что читает).*

Две раны... в спину...

Эдмон РОСТАН

ФЛАМБО *(с яростью)*.

Это ложь!..

СЕДЛИНСКИЙ *(улыбаясь)*.

Я знаю.

ФЛАМБО *(видит, что выдал себя)*.

Погиб! Что ж, делать нечего!.. Отлично!

ГЕРЦОГ *(Седлинскому)*.

Как? Выдать Франции его?..

СЕДЛИНСКИЙ.

О да.

ГЕРЦОГ.

Вы права не имеете.

СЕДЛИНСКИЙ.

Мы право
Возьмем себе.

ГЕРЦОГ.

О, всемогущий Боже!

ФЛАМБО.

Фламбо, мой друг, тебе давно пора!
Ты столько раз уж был казнен заочно,
И, наконец, попался, как нарочно.

СЕДЛИНСКИЙ *(опять заглянув в бумагу)*.

Он не имеет ордена к тому же
И незаконно вдел его в петличку...

(Полицейскому.)

Снимите...

ОРЛЕНОК

ФЛАМБО.

А, снимайте, коль хотите.

(Быстро прикрепляет новую герань в петличку.)

Их у меня достаточный запас.

СЕДЛИНСКИЙ.

Снимите плащ с него...

(Срывают с Фламбо плащ, унесенный им с бала, и он показывается в гренадерском мундире. Седлинский подсакивает.)

Что это значит?..

ФЛАМБО *(улыбаясь)*.

Я так гораздо выгляжу красивей.

ГЕРЦОГ *(с тоской)*.

Что сделают с тобой?..

ФЛАМБО.

А то, что с Неем.

ГЕРЦОГ.

Не может быть! Нет, это невозможно!

ФЛАМБО.

Пальба всем взводом... Трррах!.. и все готово...

ГЕРЦОГ *(с криком)*.

Нет, нет, мой друг...

ФЛАМБО.

Я не боялся пуль

И их встречал с улыбкой, но французских —

Я не хочу. *(Тихо его рука подбирается к карману.)*

ГЕРЦОГ (*подбегая к Седлинскому*).

О, вы его спасете...

О нет, его не выдадите вы?..

СЕДЛИНСКИЙ.

Немедленно и без отсрочки!

ГЕРЦОГ.

Боже!

ФЛАМБО.

Конец, Фламбо, конец... Прощай, приятель!

(Незаметно он вытащил и открыл свой нож. Он спокойно скрещивает руки. Его правая рука, в которой блестит лезвие, исчезает под левым локтем. Он сжимает руки сильнее на груди. Потом остается на ногах, очень бледный, со скрещенными на груди руками.)

СЕДЛИНСКИЙ.

Вперед! (*Фламбо толкают, чтоб он шел.*)

ГЕРЦОГ.

Что с ним? Идти не может он...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*грубо*).

Мыслете пишет...

ФЛАМБО (*сбрасывая с полицейского шапку*).

Эй, мерзавец, шапку

Долой! С тобою герцог говорит.

(Его жест открыл грудь – налево видно большое пятно крови.)

ГЕРЦОГ.

Фламбо, ты ранен... Ты убил себя?..

ФЛАМБО.

Нет, только орден заново я сделал... (*Падает.*)

ГЕРЦОГ (*бросаясь к нему и останавливая Седлинского и полицейского, которые его хотят поднять*).

Прочь, до него не смейте прикасаться,
Руками подлыми его не троньте!
Ступайте все... Оставьте нас одних...

ФЛАМБО (*задыхаясь*).

О, ваша светлость!..

СЕДЛИНСКИЙ (*показывая полицейским на старого солдата, в волнении приближавшегося к Фламбо*).

Старика убрать...

(*Старика уводят.*)

ГЕРЦОГ.

Здесь я дождуся моего полка:
Он будет скоро... Уж заря близка...
Пройдут солдаты, знамя развевая,
И музыка раздастся полковая,
И наше знамя склонится над ним,
И почести ему мы воздадим...

СЕДЛИНСКИЙ (*тихо полицейскому*).

Где лошади?..

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*тихо*).

Уведены.

СЕДЛИНСКИЙ.

Прекрасно...
Так мы его оставим — безопасно...

(*Громко с деланой добротой.*)

Вы видите, мы уступаем вам...

ГЕРЦОГ (*жестоко*).

Прочь!..

СЕДЛИНСКИЙ (*отступая, вкрадчиво*).

Вы в волненьи...

ГЕРЦОГ.

Прочь, ведь здесь я дома:

Я вас гоню.

СЕДЛИНСКИЙ (*выпрямляясь*).

Простите...

ГЕРЦОГ (*показывая на равнину*).

Вам знакома

Равнина эта?.. Это мой Ваграм...

(*Седлинский и полицейские уходят*).

5. Герцог, Фламбо.

ФЛАМБО (*приподнимаясь на руках*).

Как странно... Здесь, на этом самом поле,

Где за отца я пролил кровь когда-то,

За сына умираю я теперь...

ГЕРЦОГ (*на коленях, в отчаянии*).

Нет, этого не стою я, поверь,

Не за меня, несчастного, больного,

Но за него ты умираешь снова...

ФЛАМБО (*почти в бреду*).

Я... за него?..

ГЕРЦОГ (*быстро*).

Да, за него... И это —

Ваграм... Ваграм... Ты узнаешь?

ФЛАМБО (*открывая мутные глаза*).

Ваграм...

ГЕРЦОГ (*настойчиво, со страстной жаждой вернуть душу умирающего к прошлому*).

Ты узнаешь равнину, холм крутой
И колокольни острый шпиц?..

ФЛАМБО.

О да...

ГЕРЦОГ.

Ты слышишь, как земля дрожит? То битва.
Ты слышишь битву?..

ФЛАМБО (*оживляясь*).

Битву?..

ГЕРЦОГ.

Слышишь ты,
Неясный гул?..

ФЛАМБО (*хватаясь за прекрасную иллюзию*).

Так на Ваграмском поле
Я умираю?..

ГЕРЦОГ.

Посмотри сюда:
Вон чей-то конь без всадника промчался.

(*Встает. Теперь он рассказывает лежащему Фламбо всю битву.*)

Ваграм. Для нас минута роковая...
Вперед помчался доблестный Даву.
Уж император в зрительную трубку
Глядит на битву. Ранен ты штыком,
Но в сторону от выстрелов тебя я
Отнес сюда...

ФЛАМБО.

Что, конные стрелки
Уже стреляли?..

ГЕРЦОГ (*показывая на дальние туманы*).

Вон, смотри, синеют
Там, вдалеке, стрелки...

ФЛАМБО (*со слабой улыбкой*).

А! С ними Рейль...

ГЕРЦОГ (*как будто бы следя за битвой*).

Но что же медлит император? Надо
Ему послать бы Удино!

ФЛАМБО (*подмигивая*).

О, хитрый...

ГЕРЦОГ.

О, бой кипит... Спешит уж Макдональд...
В коляске едет Массена... он ранен...

ФЛАМБО.

Но если правый фланг возьмет эрцгерцог —
Погибло все!..

ГЕРЦОГ.

Нет, нет, все хорошо...

ФЛАМБО.

Дерутся?

ГЕРЦОГ (*с возрастающей лихорадкой*).

А! Взят Ауэрсбергский принц
Отрядом польским...

ФЛАМБО (*пытаясь подняться*).

Что же император?..
Что император?..

ГЕРЦОГ.

Он глядит вперед...

ОРЛЕНОК

ФЛАМБО (*приподнимаясь*).

Эрцгерцог попадется в западню...

ГЕРЦОГ.

Смотри, вон пыль вдали — то Нансути...

ФЛАМБО (*жадно*).

Что делает эрцгерцог?

ГЕРЦОГ.

Дальше, видишь,
Вон Лористон...

ФЛАМБО.

Что делает эрцгерцог?..

ГЕРЦОГ.

Он расширяет фланг...

ФЛАМБО.

А! Он пропал!..

(Падает опять.)

Я умираю... Задыхаюсь я...
Что император делает?.. Ты видишь?..

ГЕРЦОГ.

Он поднял руку кверху.

ФЛАМБО.

А! Победа!

(Закрывает глаза. Пауза.)

ГЕРЦОГ.

Фламбо!..

(Молчание, потом слышится предсмертное хрипение Фламбо. Герцог с испугом озирается. Он один в огромной равнине, с глазу на глаз с умирающим. Он вздрагивает и отступает.)

Что значит мой невольный страх?
Не в первый раз французский гренадер
Траву Ваграма обагрывает кровью.

(Наклоняется над умирающим.)

Победа, друг!..

ФЛАМБО *(в агонии)*.

Воды...

ГОЛОС В ВЕТРЕ.

Воды... воды...

ГЕРЦОГ *(вздрагивая)*.

Какое эхо странное...

ГОЛОС СОВСЕМ ВДАЛЕКЕ.

Воды...

ФЛАМБО *(глухо)*.

Я умираю...

ГЕРЦОГ *(вытирая пот со лба)*.

Ах!..

ГОЛОСА *(в равнине, со всех сторон)*.

Я умираю!..

ГЕРЦОГ.

Я понимаю, этот стон предсмертный
Ваграмскую долину разбудил.
Знакомый стон последнего страдания
Со всех сторон ей слышится теперь...

РАВНИНА *(вдали)*.

Ах!.. Ах!..

ГЕРЦОГ.

И стоны, вздохи и рыдания
Все вспоминает с ужасом Ваграм.

РАВНИНА *(долгим вздохом)*.

А-ах!..

ГЕРЦОГ *(смотря на вытянувшегося Фламбо, с ужасом)*.

Уйти скорей, он без движенья...
Он точно правда был убит в сраженьи.

(Отступает, не отводя глаз от Фламбо и бормоча.)

Наверно, это было так... Да, да...
Кровь на мундире...

(Хочет бежать, но ему вдруг представляется еще убитый.)

Как? Еще один?..

*(Направляется в другую сторону, но опять отступает
с ужасом.)*

Еще?.. *(Опять то же.)*
Еще?.. *(Осматривается.)*
Я вижу их повсюду.

*(Отступая, как перед морским приливом, он дошел
до вершины холмика, откуда видит всю равнину.)*

Их сотни здесь... их тысячи... О Боже!..

РАВНИНА.

Я умираю... Ах!.. Я умираю...
Я умираю...

ГЕРЦОГ.

И могли мы думать,
Что немой битвой взрытые поля...
Но громко, громко говорит земля,

И как морские волны
Бросают прочь, тревогой страшной полны,
Людей погибших синие тела —
Так мертвые приходят вновь на землю, —
И с ужасом я их стенаньям внемлю...
О, если бы скорее ночь прошла!

ЗЕМЛЯ (*глухо*).

О!.. О!..

(Неясный гул голосов растет и крепнет в колыхающейся траве.)

ГЕРЦОГ (*весь дрожа*).

Что говорят они?.. Не слышу?..

ГОЛОС (*в траве*).

Мой лоб в крови...

ДРУГОЙ.

Мне оторвало ногу.

ТРЕТИЙ.

Задохнусь я под грудой мертвых тел...

ГЕРЦОГ (*с ужасом*).

Так вот он, бой! Так я его хотел!

(Голоса растут. Мрачный ропот, жалобы, стоны, агония.)

ГОЛОС.

Уймите кровь... воды мне, ради Бога...

ДРУГОЙ.

Ужели здесь мне умирать, во рву?..

ГЕРЦОГ.

О, страшный сон я вижу наяву!..
Мундиры я топчу, а не траву...

Усеяна телами вся дорога...
Ко мне, как руки, тянутся кусты...

КРИК (*направо*).

Ко мне... ко мне!.. О Боже, сколько муки!..

ГОЛОС (*налево*).

Драгун, скорее протяни мне руки!..

ГОЛОС (*отвечая холодно*).

Их у меня уж нет, не видишь ты?

ГЕРЦОГ (*в отчаяньи*).

Куда бежать мне?..

УМИРАЮЩИЙ ГОЛОС.

Пить... Я умоляю...

КРИК (*вдалеке*).

Вы видите, вон там, воронью стаю?..

ГЕРЦОГ.

О ужас... Вот она — война...
Тень, ветер, травы.
О...

ГЕРЦОГ (*с отчаянием*).

Призраки с кровавыми глазами,
Я в ужасе склоняюсь перед вами,
Но... ведь зато все ваши имена
Покрыты блеском вечно юной славы,
И, как победы крики, величавы... (*Призраку.*)
Кто ты?..

ГОЛОС.

Я — Пьер.

ГЕРЦОГ.

Ты?..

Эдмон РОСТАН

ГОЛОС.

Жак.

ГЕРЦОГ.

Ты?..

ГОЛОС.

Поль.

ГЕРЦОГ.

Ты?..

ГОЛОС.

Жан.

ГЕРЦОГ.

Ты?..

ГОЛОС.

Пьер...

ГЕРЦОГ.

Ты, кровью из несчетных ран
Весь залитой?

ГОЛОС.

Я — Поль.

ГЕРЦОГ (*со слезами*).

О Боже, Боже...

Вы, бедные, родные имена...

Вы кровью славу добыли — и что же?

Не вам, не вам достанется она!..

ЖАЛОБА.

Ах!.. Голову мою вы поддержите...

УМИРАЮЩИЙ ГОЛОС.

Воды, воды...

ОРЛЕНОК

ГОЛОС.

Вот ворон к нам летит...

ДРУГОЙ.

Растоптан я под тяжестью копыт...

ГОЛОС.

Господь, к твоей взываю я защите...

ГОЛОСА.

Все кончено... Приходит смерть... Конец...

РАВНИНА (*повторяя тысячу раз*).

А-ах...

ГОЛОС МОЛОДОЙ.

О, мама, где же ты, родная?..

ГОЛОСА.

Все вороны... Вон, вон воронья стая...

ГЕРЦОГ (*в отчаяньи*).

Но где же, где орлы твои, отец?..

КРИКИ СО ВСЕХ СТОРОН.

Я умираю... Больно... Что за мука...

ГЕРЦОГ (*неподвижный, поледеневший, с губ его текут две струйки крови*).

О Боже мой!

СТОН.

Прикончите меня...

ГЕРЦОГ.

О, понял я, зачем во мраке ночи
Я не могу сомкнуть так часто очи...

СТОН.

Добейте же меня вы как-нибудь...

ГЕРЦОГ.

И почему мне кашель душит грудь.

КРИК.

Я не могу... Кровавой пеленою
Мне заливает горло... Гибну я...

ГЕРЦОГ.

И почему горячею волною
В смертельном кашле льется кровь моя...

РАВНИНА (*стена от муки*).

А-ах... А...

(В бледнеющих тенях, предшествующих заре, при раскатах отдаленной грозы, под быстро бегущими низкими, черными облаками все принимает страшный вид: рожь колышется, как султаны, ветер заставляет кустарники делать беспокойные движения.)

ГЕРЦОГ.

О, страшно мне... Ты, жатва роковая,
Ты, груда тел убитых здесь в бою,
Моим очам являешься, зывая
Отмстить за жизнь погибшую твою.
Простите мне, молю у вас пощады!
О да, я вижу, вижу ваши взгляды,
Твою, старик, я вижу седину,
Твою, о, мальчик, нежную весну...
Все гибло здесь... Простите мне, простите!..
Но вы ко мне толпитесь в тишине...
Но вы сказать хотите что-то мне...
О Боже мой, что вы сказать хотите?
Меня страшит ваш беспощадный взор...

(Сгибаясь под тяжестью ужаса, желая бежать, не слышать.)

Предчувствую ваш страшный приговор...
Что?.. Что же мне ответят ваши крики?..

ВСЕ ГОЛОСА.

Да здравствует Наполеон великий!..

ГЕРЦОГ *(падая на колени).*

Итак, за славу вами я прощен.

(Он кротко и печально говорит равнине.)

Благодарю! О, дорогие тени,
 Я перед вами преклоню колени... *(Встает.)*
 Но понял я, на что я обречен:
 Мне суждено быть жертвой искупленья,
 Хочу страдать, хочу страдать за вас,
 И каждый день, и каждый новый час
 За вас нести горячие моленья...
 Я видел смерть и кровь несчетных ран,
 Да, был и я на поле смертной битвы...
 И вот теперь белеющий туман
 Скрывает все под облаком молитвы.
 Несется к небу этот фимиам...
 За все страданья и за жертвы ваши,
 И я хочу коснуться этой чаши,
 И буду жертвой, возданною вам.

(Выпрямляется на вершине холмика, такой маленький в огромной равнине, и вытягивает руки в форме креста.)

Возьми меня, возьми меня, Ваграм,
 Возьми меня, кровавая равнина. —
 За сыновей возьми меня, как сына. —
 За жизни их — я жизнь свою отдам!

(Тихо говорит, словно его кто-то слышит.)

Прости, отец... Мечты свои оставлю
 И мой Шенбрунн к твоей скале прибавлю.

(Закрывает глаза.)

Все кончено!..

(Заря появляется, он говорит решительно и громко.)

Но в этот самый миг,
 Когда Орленок, разлучась с мечтою,

С мечтой всей жизни светло-золотою,
Судьбу свою в Провиденьи постиг
И умереть решился молчаливо,
Как белый лебедь в тишине залива —
О, в этот миг, я знаю, он прощен...
Пусть воронов умчится злобных стая,
Пускай орлы могучие, слетая,
Появятся опять со всех сторон...
Молчи, Ваграм! Молчите, ураганы...
Пусть Славы гул, как память о былом,
Звучит один в спокойствии твоём...

(Все золотится. Ветер поет.)

Умолкнут вопли, жалобы и песни,
Заменит их родного гимна звук...

*(Слышно, как звучат трубы. Поднимается гордый ропот.
Голоса, сейчас стонавшие, призывают к бою.)*

Поникшие под гнетом тяжких мук,
Вставайте гордо, дорогие тени...

(Туман улетает, словно в бешеном галопе. Слышен конский топот.)

ГОЛОСА *(вдали)*.

Вперед...

ГЕРЦОГ.

О, Слава, ты!

ГОЛОСА.

Клади заряд...

(Невидимые барабаны бьют выступление.)

ГЕРЦОГ.

Я слышу смех... Они, мои французы!..

ГОЛОСА *(эпически смеясь)*.

Ха-ха!..

ГЕРЦОГ.

Я счастлив, я безумно рад!..
 Победа, я твои разрушил узы...
 Пой, пой, ликуй! Пусть слышу я вдали
 Прекрасный гимн моей родной земли...

(Голоса запевают сказочную «Марсельезу»).

О, Слава!.. Ты, богиня золотая...

(Солнце взошло, тучи полны золота и пурпура. Небо похоже на Великую Армию.)

Как все горит и искрится, блистая...

ГОЛОСА.

Пли!..

ГЕРЦОГ.

Значит, я сражаюсь, наконец,
 В рядах твоих героев, о, отец...

(В шуме удаляющейся битвы слышна, совсем издали, между барабанным боем, резкая, металлическая команда.)

В колонны!.. Стройся!..
(В бреду, выхватывая саблю.)

Вот сраженья пламя...

Пой звонче, флейта! Развевайся, знамя!..

Штыки вперед!..

(Фанфары его видения удаляются и пропадают в последних порывах ветра; вдруг раздается настоящая фанфара и, резким контрастом с французскими пылкими мотивами, как бы пробуждая к действительности, раздается мягкий танцевальный австрийский марш Шуберта.)

Но что там вижу я?..

Австрийцы... А, вперед, вперед, друзья!..

Врезайтесь в них могучею волною —

Мы победим... Вперед, вперед за мною!..

(Высоко подняв саблю, врзается в первые ряды показывающегося на дороге полка — австрийского.)

ОФИЦЕР (*бросаясь к нему и останавливая его*).

Что с вами, принц?.. Ведь это же ваш полк...

ГЕРЦОГ (*очнувшись, с ужасом*).

Мой полк... О Боже!..

(Озирается. Солнце встало. Все имеет спокойный вид. Из груди мертвых остался один Фламбо. Герцог — посреди улыбающейся розовой равнины. Белые солдаты дефилируют перед ним. Он понимает все. Рука его, поднятая, чтоб стрелять, медленно опускается. Сабля принимает надлежащую позицию, и, как автомат, герцог начинает командовать машинально голосом австрийского полковника.)

Стой!.. во фронт!... равняйся!..

(Команда удаляется, повторяемая офицерами. Начинаются маневры. Занавес падает.)

ШЕСТОЙ АКТ

Несколько времени спустя, в Шенбрунне.

Комната герцога Рейхштадтского, мрачная и пышная. В глубине высокая дверь, черная с золотом, выходящая в маленький «фарфоровый салон». Направо окно. Налево гобелен, за которым скрывается маленькая дверь. Меблировка такая, как и в наши дни: кресла черного дерева с золотом, столы, консоли, ширмы и налой. Лихорадочный беспорядок комнаты больного. мех, книги, склянки, чашки, апельсины; везде, повсюду огромные букеты фиалок. На первом плане, налево, узкая походная кровать. У изголовья, посреди низкого стола, тоже заставленного лекарствами, цветами, небольшая бронзовая статуэтка Наполеона I.

1. Герцог, Эрцгерцогиня, доктор, генерал Гартман.

(При поднятии занавеса герцог сидит на краю постели. Он страшно изменился, его лицо похудело; белокурые волосы, которых давно не подстригали, падают слишком длинными прядями. Он весь дрожит и печально кутается в большой плащ, служащий ему халатом; на шее у него в три ряда обвязан галстук из мягкого батиста. Под плащом у него белые рейтузы; жилета нет, его исхудалое тело теряется в складках рубашки, прозрачные руки потеряны совсем в плис-

сированных манжетах. Он пристально смотрит вперед. В углу комнаты доктор и генерал Гартман, старый служака, состоящий при герцоге, тихо разговаривают стоя. Дверь в глубину приотворяется, таинственно пропуская желтый и дрожащий свет. Проскальзывающая в нее Эрцгерцогиня оглядывается, как бы для того, чтобы увериться, все ли там готово, и бесшумно затворяет дверь за собой. Она бледна, как смерть, под своими кружевами. Она тихо обменивается несколькими словами с доктором и генералом, которые удрученно покачивают головами, глядя на герцога; она приближается к нему так, что он этого не замечает и тихонько берет его за руку.

Он вздрагивает и с удивлением узнает ее.)

ГЕРЦОГ (*Эрцгерцогине*).

Как? Это вы? Я слышал, вы больны.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ (*с принужденной веселостью*).

Да, я была больна, но мне уж лучше...

Ты видишь, я встаю. А как тебе?

ГЕРЦОГ.

Мне хуже, если вы затем лишь встали,
Чтобы прийти ко мне.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

О, ты смеешься.

(*К доктору.*)

Как ваш больной ведет себя, скажите?..

ДОКТОР.

Отлично: молоко он пил недавно,
Не протестуя.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

О, какое счастье!

Вот это мило, это...

ГЕРЦОГ.

Это грустно...

Мечтать в истории составить имя,
Гореть душой и... слышать похвалу
За то, что молоко ты пьешь исправно.

(Берет букет фиалок, лежащий на столе возле него, и с наслаждением подносит его к лицу; вздыхая.)

О, свежие, душистые цветы,
Прикосновенье ваше так отрадно,
Как поцелуй росы оно прохладно...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(смотря на цветы, наполняющие комнату).*

Их все тебе приносят...

ГЕРЦОГ *(с печальной улыбкой).*

Крадучись!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Не смей так говорить!..

(Она обменивается взглядом с доктором, который словно ободряет ее, и после некоторого размышления, приблизившись к францу, начинает говорить с видимым затруднением.)

Послушай, Франц!..
Мы оба поправляемся с тобою
И... мне пришло желанье... причаститься,
Чтоб благодарность Богу принести
За то, что он послал мне исцеленье.

(Герцог смотрит на нее, она продолжает, более взволнованная.)

Я думаю, что было б хорошо,
Нам, вместе, здесь... *(Решительно.)*
Ну, да, мой милый Франц,
Сегодня ты со мною причастишься.

ГЕРЦОГ *(взглянув ей в глаза).*

Так вот зачем сюда, ко мне, пришла ты... *(Тихо.)*
Итак, конец...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Ну, вот, я так и знала...
А этикет? Ты позабыл совсем?..

ГЕРЦОГ.

Как этикет?..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Ну да, и ты ведь знаешь,
Когда австрийский принц... опасно болен,
То от него скрыть этого нельзя.
Ты знаешь ведь, весь царствующий дом
Присутствовать обязан при... *(Останавливается.)*

ГЕРЦОГ.

При чем?..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Не надо слова грустного.

ГЕРЦОГ *(осматривается)*.

Да, правда,
Мы здесь одни...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(показывая на дверь в глубине)*.

Там в будуаре, рядом,
Алтарь воздвигнуть приказала я,
И, кроме нас, здесь никого не будет.
Для нас одних отслужит здесь прелат...
Помолимся вдвоем мы за обедней,
И эта служба будет...

ГЕРЦОГ.

Не последней.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Вот видишь, милый...

(Предлагает ему ласково руку.)

Так пойдем, пойдем...

(Она встает. Направо звонит колокольчик.)

Уж месса началась!

(Герцог, опираясь на Эригерцогиню, направляется к двери маленького салона, которую доктор и генерал Гартман сейчас же открывают.)

ГЕРЦОГ.

Да, это правда,
Присутствовать они должны бы были...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Здесь будет только наш прелат
И певчий.

ГЕРЦОГ *(смотря на доктора и генерала, которые улыбаются)*.

Значит... не сегодня...

(Дверь за герцогом и Эригерцогиней затворяется. Улыбка исчезает с уст обоих мужчин. Генерал Гартман быстро идет к потайной двери, за гобеленом, открывает ее – и оттуда молчаливо выходит вся императорская семья.)

ГЕНЕРАЛ *(тихо эригерцогам и эригерцогиням)*.

Станьте здесь.

(Приложив палец к губам, указывает им места.)

2. Генерал, доктор, Мария-Луиза, императорская семья, Меттерних, графиня Камерата, Тереза де Лорже.

(Принцы и принцессы с тысячью предосторожностей, чтобы не быть услышанными, размещаются в несколько рядов, лицом к запертой двери, из-за которой время от времени слышится звонок. Мария-Луиза – в первом ряду. Есть очень старые эригерцогы, есть совсем дети – подростки, с такими же белокурыми волосами, как у герцога. В полумраке, в тени приотворенной двери, блестят мундиры. Меттерних в полном параде становится в последнем ряду.)

ГЕНЕРАЛ (*видя, что все тихи и неподвижны, начинает тихо и торжественно*).

Когда, закрыв глаза, сосредоточен
И умилен душою чистой, герцог
Наклонится принять Дары Святые...

ПРИНЦЕССА (*детям, стоящим впереди*).

Тсс... тише, дети...

ГЕНЕРАЛ.

В этот самый миг,
Когда ничто не в силах от молитвы
Отвлечь христианина, я открою
Тихонько дверь, и на минуту ваши
Высочества увидят весь обряд.
Потом бесшумно дверь закрою я,
И голову свою поднимет герцог
Рейхштадтский, даже не подозревая
Того, что перед всем двором сейчас,
По древнему обычаю, он принял
Последнее причастие...

(*Прокеш входит слева, вводя двух женщин, графиню Камерату и Терезу*).

МЕТТЕРНИХ (*новоприбывшим*).

Тсс... тише...

ПРОКЕШ (*тихо графине и Терезе*).

Мне разрешили поместить вас здесь.
Так из-за всех голов склоненных этих,
И бледных принцев и детей прозрачных,
Вы герцога увидите сейчас,
Увидите его... в последний раз.

ТЕРЕЗА.

Благодарю вас.

МАРИЯ-ЛУИЗА *(другим)*.

Только, ради Бога,
Пускай никто и не пошевелится,
Когда откроют дверь.

ОДНА ИЗ ПРИНЦЕСС.

Тсс... колокольчик...

ДРУГАЯ.

А...

(Все женщины становятся на колени.)

ГЕНЕРАЛ.

Тсс... тише...

ГРАФИНЯ *(оставшаяся стоять, заметив Меттерниха, склоненного рядом с нею, дотрагивается до его руки)*.

Скажите, князь, вам ничего не жаль?..

МЕТТЕРНИХ *(оборачивается, смотрит на нее, потом гордо)*.

О нет, я свой священный долг исполнил,
Быть может, сам от этого страдая,
Но я повиновался лишь любви
К моей стране, к властителю ее
И к прошлому.

ГРАФИНЯ.

Вам ничего не жаль?

МЕТТЕРНИХ *(после молчания)*.

Нет. *(Колокольчик.)*

«Агнус Деи»!..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(генералу, который приотворил дверь и смотрит в щелку)*.

Только берегитесь,
Чтоб как-нибудь не заскрипела дверь.

МЕТТЕРНИХ *(глухо)*.

Мне ничего не жаль... Но это был
Великий принц, и в этот миг колени
Я преклоняю здесь благоговейно,

(Становится на колени.)

Не только перед Божьим Агнцем...

ГЕНЕРАЛ.

Тише...

Уж вынул дароносицу прелат...

ВСЕ *(чувствуя приближение рокового момента)*.

О...

ГЕНЕРАЛ *(держа дверь)*.

Тсс... Молчанье... Я прошу вас, тише.

Сейчас открою.

ВСЕ.

Боже!..

ГЕНЕРАЛ.

Открываю...

(Он бесшумно открывает обе половинки двери. Виден белый салон, весь фарфоровый и такой веселый – белый с голубым, с зажженной фаянсовой люстрой; повсюду букеты фиалок, певчие (мальчики), дым ладана, нежное золото восковых свечей, мягкая роскошь алтаря, и, спиной к зрителям, оба на коленях, Эрцгерцогиня и герцог, которого она поддерживает, обняв за талию, и прелат. Минута глубокого волнения и молчания, все на коленях, удерживая не только слезы, но и дыхание.)

ТЕРЕЗА *(медленно приподнимается, чтобы посмотреть на герцога; смотрит, видит и, не в состоянии удержать рыдания, вскрикивает)*.

О Боже, Боже, так его увидеть!

*(Момент общего ужаса. Генерал быстро затворяет дверь.
Все встают.)*

ГЕНЕРАЛ *(быстро эригерцогам).*

Скорее уходите. Герцог слышал
Ее рыданье... Уходите все.

*(Все быстро спешат к левой двери, но дверь из фарфорового
салона быстро отворяется, герцог показывается на пороге,
видит их всех и после долгого, все понявшего взгляда произно-
сит.)*

ГЕРЦОГ.

А... Хорошо...

(Члены императорской семьи постепенно удаляются.)

3. Те же, герцог, Эригерцогиня.

ГЕРЦОГ *(спокойный, с внезапным величием).*

Во-первых, горячо
Благодарю то сердце, что разбилось
И от обмана тем меня спасло.
Жизнь у меня украли, но украсть
И смерть... На это не имели права!

(Членам императорской семьи, удаляющимся, почтительно.)

Пускай моя австрийская семья
Меня оставит. «Сын мой родился
Французским принцем, пусть он это помнит
До самой смерти...» Вот она, минута,
Когда могу об этом вспомнить я. *(Всем.)*
Прощайте же... *(Оглядываясь.)*
Но чье... разбилось сердце?..

ТЕРЕЗА *(смирненно стоя в углу на коленях).*

Мое...

ГЕРЦОГ *(делая шаг к ней).*

Дитя, вы неблагоприятны!...
Когда-то вы рыдали надо мной,
Над тем, что я живу здесь, как австриец,

Спокойный и веселый, и с цветком
В петличке, а теперь рыдать готовы
Над тем, что, наконец, я умираю...

(Эрцгерцогиня и графиня ведут его к креслу, в которое он падает.)

ТЕРЕЗА *(встав, приближается робко)*.

Той ночью... на свиданье...

ГЕРЦОГ.

Что?..

ТЕРЕЗА.

Туда я приходила.

ГЕРЦОГ.

Бедная душа... *(Грустно.)*
Зачем?..

ТЕРЕЗА.

Я вас люблю!..

ГЕРЦОГ *(к графине)*.

А вы, графиня...
Вы это скрыли от меня... зачем?..

ГРАФИНЯ.

Я вас люблю!..

ГЕРЦОГ.

Но как же вы могли
Прийти сюда? Кто вас впустил обеих?

(Графиня и Тереза указывают глазами на Эрцгерцогиню.)

Как?.. Вы?..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Да, я...

ГЕРЦОГ.

Какая доброта...
Зачем?..

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Я вас люблю!..

ГЕРЦОГ *(с улыбкой)*.

Меня любили
Все женщины, как слабого ребенка.

(Они делают протестующий жест.)

Ребенка, да *(к Терезе)*, которого жалеют
(к Эрцгерцогине),
Которого так ласково балуют *(к графине)*,
Которого бесстрашно защищают.
И поцелуй их, матерински нежно
Касаясь этого чела, казалось,
Еще искал на нем тех золотистых
Кудрей, что Лоуренс на своем портрете
Так верно и красиво написал.

ГРАФИНЯ.

Нет, знали мы души твоей тревогу...

ГЕРЦОГ *(печально качая головой)*.

История не вспомнит обо мне
Как о безвременно погибшем принце,
Таившем жар величия в душе,
Но будет помнить нежного ребенка,
В повозочке, с румяными щеками,
Держащего в своей ручонке пухлой,
Как мяч огромный — целый шар земной.

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Мой сын, я здесь... Поговори со мной:
Сними с меня всю тяжесть угрызений...
О Боже мой, я поздно поняла...
О, милый мой, вокруг твоего чела
Витал его священный гений.

А я была от этих пылких дум
 Так далека... Мой бедный, птичий ум
 Меня толкал к забавам, к развлеченьям,
 И я была чужда твоим мученьям.
 Прости меня!

ГЕРЦОГ.

О Боже мой, внуши
 Мне те слова из глубины души,
 Которыми легко и осторожно
 Родную мать простить мне было б можно.

(В это время лакей, бесшумно войдя, приближается к Марии-Луизе. Она, поняв, в чем дело, утирает глаза и обращается к герцогу.)

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Вы колыбель просили вам достать...

ЛАКЕЙ.

Она уж здесь.

(Герцог делает знак, что хочет ее видеть. Пока идут за ней, герцог замечает бледного и неподвижного Меттерниха.)

ГЕРЦОГ.

Князь-канцлер, это вы?..
 Для вас я слишком рано умираю.
 Прopleйте же слезинку надо мной.

МЕТТЕРНИХ.

Но, ваша светлость...

ГЕРЦОГ *(гордо)*.

Я был вашей силой,
 И вы обезоружены теперь.
 Европа вам сказать не смела «нет»,
 Отлично понимая, что у вас
 Есть власть на волю выпустить орленка,

Но завтра уж она вздохнет свободно:
Не будет в клетке больше никого!..

МЕТТЕРНИХ.

Но...

(Приносят большую золоченую колыбель Римского короля.)

ГЕРЦОГ.

Колыбель моя!.. Парижа дар...
Искусства перл, рисованный Прюдоном,
Я спал в тебе... Мои крестины были
Пышней коронования тогда...
Поставьте ж колыбель мою сюда,
С походною кроватью рядом... В ней
Спал мой отец в те дни, когда победа
Крылами осеняла сон его.

(Колыбель ставят рядом с кроватью.)

Поближе... Рядом... Колыбель моя
И смертный одр... они так страшно близки.

(Кладет руку между колыбелью и кроватью, бормоча.)

Здесь, в промежутке, жизнь моя!..

ТЕРЕЗА *(рыдая на плече у графини).*

О Боже...

ГЕРЦОГ.

И злобный рок вот в этот промежуток,
И мрачный, и печальный, не позволил
Упасть священной Славы хоть лучу...
Ах, помогите мне, я лечь хочу...

(Доктор, Прокеш и графиня ведут его к кровати.)

ПРОКЕШ *(доктору).*

Как бледен он...

(Графиня вынула из-за корсажа большую ленту Почетного легиона и, поправляя подушки принцу, незаметно для него надевает на него эту ленту.)

ГЕРЦОГ.

(Замечает красный муар на своей рубашке, улыбается, отыскивает ошупью крест и подносит его к губам. Потом, взглянув на колыбель.)

Да, в этой колыбели
Я был сильней, чем здесь, в свой смертный час...
Три женщины свои мне песни пели...
О, кто споет мне песенку из вас?..

МАРИЯ-ЛУИЗА *(на коленях возле него).*

Но мать твоя не может неужели
Баюкать песней ласковой тебя?..

ГЕРЦОГ.

Французскую хочу я песню слышать...
Вы знаете... французскую?..

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Я... нет.

ГЕРЦОГ *(Терезе).*

А ты?..

ТЕРЕЗА.

Я... знаю...

ГЕРЦОГ.

О, перед разлукой
Меня родною песней убаюкай...
Спой мне: «Мы больше не пойдем в лесок...»

(Она напевает: «J'lous n'irons plus au bois».)

А то еще: «Пастушка, дождь пошел».

(Она поет тихонько: «Il pleut, bergère».)

И пусть я вспомню о душе народной:
Про «Авиньонский мост» вы спойте мне...

(Она поет: «Sur le pont d'Avignon».)

А есть еще одна... ее любил я...

А вот ее, ее-то надо спеть.

(Приподнимается с блуждающими глазами и поет.)

«Был человечек малый,
Весь в серое одет...»

(Рука его направляется к статуэтке императора. Он падает.)

ТЕРЕЗА.

Он падает...

ГРАФИНЯ.

О, как хрусталь прозрачный,
Разбитый мощью бронзового эхо...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Как арфы стон за звуком труб военных,
За песнями ликующих побед...

ТЕРЕЗА.

Как лилия за лаврами вослед...

ДОКТОР *(наклонившись над принцем)*.

Он очень плох... Вам надо удалиться.

ТЕРЕЗА.

Мой Франсуа, прости...

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ.

Прощай, мой Франц!..

ГРАФИНЯ.

О, Бонапарт, прости!

МАРИЯ-ЛУИЗА *(у кровати, держа голову герцога на своем плече)*.

О, сын мой...

ГРАФИНЯ *(становясь на колени)*.

Римский
король!

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ *(также)*.

Рейхштадтский герцог!

ТЕРЕЗА *(также)*.

Бедный мальчик...

ГЕРЦОГ *(в бреду)*.

Коня... Коня... Скорей коня...

ДОКТОР.

Молитесь.

ГЕРЦОГ.

Скорей коня, к отцу спешить я должен...

(Крупные слезы катятся по его щекам.)

МАРИЯ-ЛУИЗА *(герцогу, который ее отталкивает)*.

Я здесь, с тобой, тебе утру я слезы...

ГЕРЦОГ.

Нет, нет, сестер моих ко мне пустите,
Побед — сестер моих. Они уж здесь,
Я чувствую, они в моих слезах
Свои венцы блестящие омоют...

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Что говоришь ты, сын мой?..

ГЕРЦОГ *(вздрагивая)*.

Ничего.

Что я сказал?

(Смотрит вокруг, словно боясь, чтобы его не поняли.)

Тсс... тише — это тайна:
Отец и я — ее мы только знаем.

(Показывает кружевной полог колыбели.)

Давайте это кружево сюда...
Я завернусь в него, чтоб испустить
Последний вздох: его так ждет Европа.
О, многие моей желали смерти
И мысленно меня уж убивали...
От этого и умираю я. *(Закрывает глаза.)*
Как некрасивы похороны будут...
Лакеи... факелы... потом меня
В часовню их поставят... а потом...

(Бледнеет и кусает губы.)

МАРИЯ-ЛУИЗА.

Страдаешь ты?..

ГЕРЦОГ.

Безумно!.. А потом
На шесть недель двор облечется в траур...

ГРАФИНЯ *(видя, что он натягивает на себя полог).*

Смотрите...

ГЕРЦОГ *(задыхаясь).*

Это будет некрасиво...
Нет, умирая, буду вспоминать,
Что лучше крестят там, у нас, в Париже,
Чем в Вене, здесь хоронят. *(К Гартману.)*
Генерал!..

ГЕНЕРАЛ *(приближаясь).*

Что, ваша светлость?..

ГЕРЦОГ *(покачивая колыбель).*

Буду я качать
Прошедшее в блестящей колыбели
И смерти ждать спокойно...

(Другой рукой вытаскивает из-под подушки книгу.)

Генерал...

(Генерал берет книгу. Герцог опять начинает качать колыбель.)

Я прошлое качаю... Ах, как странно...
Как будто б это я, Рейхштадтский герцог,
Здесь Римского баюкал короля.
Вы видите закладку здесь...

ГЕНЕРАЛ *(открывая книгу).*

Я вижу.

ГЕРЦОГ.

Читайте вслух... пока я умираю.

МАРИЯ-ЛУИЗА *(с криком).*

Нет, нет, мое дитя, ты не умрешь!..

ГЕРЦОГ *(торжественно, оправившись на подушках).*

Вы можете начать.

ГЕНЕРАЛ *(стоя в ногах кровати, читает).*

«К семи часам
Отряд стрелков гвардейских выступает,
Начавши шествие...»

МАРИЯ-ЛУИЗА *(поняв, что он велит читать, на коленях со слезами).*

Франц...

ГЕНЕРАЛ.

«В этот миг
Толпа, в которой многие рыдали,
Единогласно и единодушно
Кричит: «Да здравствует король наш Римский!..»

Эдмон РОСТАН
МАРИЯ-ЛУИЗА.

Франц...

ГЕНЕРАЛ.

«Слышна пальба из пушек. Кардинал
Навстречу их величествам выходит,
И шествие идет своим порядком:
Герольды, гоф-фурьеры и пажи,
И офицеры, и...» *(Видя, что герцог закрыл глаза,
останавливается.)*

ГЕРЦОГ *(приоткрывая глаза).*

И?..

ГЕНЕРАЛ.

«Камергеры,
Министры...»

ГЕРЦОГ.

Что же, продолжайте!..

ГЕНЕРАЛ.

«Обер-
Шталмейстер, все орлы, и офицеры
Империи. Крестильный чепчик держит
Княгиня старшая Альдобрандини;
Солонку и кувшин несут графини
Виллен и де Бово...»

ГЕРЦОГ *(все бледней и бледней, но выпрямляясь).*

Читайте, сударь.

Вы, мама, помогите мне подняться.

(Мария-Луиза и Прокеш приподнимают его на подушки.)

ГЕНЕРАЛ.

«Затем идет великий князь австрийский,
Как представитель крестного отца,
Франца-Иосифа... С ним рядом королева
Гортензия, а рядом с королевой

Мать крестная. И, наконец, несомый
Мадам де Монтескью, король. Его
Величество приводит всех в восторг
Цветущим видом. Розовый, прелестный,
Он в мантии серебряной, подбитой
Роскошным горностаем; шлейф ее
Поддерживает герцог де Вальми.
За ним — все принцы...

ГЕРЦОГ.

Пропустите принцев.

ГЕНЕРАЛ (*пропуская страницу*).

«За ними короли...»

ГЕРЦОГ.

И королей
Вы тоже пропустите, а к концу,
К концу обряда.

ГЕНЕРАЛ (*пропустив несколько страниц*).

«И тогда...»

ГЕРЦОГ.

Не слышу...
Читайте громче.

ДОКТОР (*Прокешу*).

Это агония.

ГЕНЕРАЛ (*громко*).

«И раньше чем кормилице отдать
Венчанного ребенка, император
Сам взял его из рук...»

(*Колеблется и останавливается, глядя на Марию-Луизу.*)

ГЕРЦОГ (*быстро и с бесконечным благородством, кладя руку на голову коленопреклоненной Марии-Луизы*).

«Императрицы...»

(*При этом слове, которое прощает и вновь венчает ее, мать разражается рыданиями.*)

ГЕНЕРАЛ.

«И высоко подняв, он показал
Его народу. Раздался Те Деум...»

ГЕРЦОГ (*голова которого запрокидывается*).

О, мама...

МАРИЯ-ЛУИЗА (*бросаясь на его грудь*).

Франсуа...

ГЕРЦОГ (*в последний раз открыв глаза*).

Наполеон...

ГЕНЕРАЛ.

«Те Деум огласил обширный храм,
А вечером вся Франция, ликуя...»

ДОКТОР (*останавливая его*).

Скончался он.

(*Генерал закрывает книгу.*)

ТЕРЕЗА.

Покой ему и мир!.. (*Пауза.*)

МЕТТЕРНИХ (*приказывая*).

Австрийский на него надеть мундир!

К о н е ц .

КОММЕНТАРИИ

«ПРИНЦЕССА ГРЕЗА» («La Princesse Lointaine»)

«Принцесса Греза» была написана Э. Ростаном в 1895 г.

В качестве сюжетной основы пьесы Ростан взял широко распространенную в Средние века легенду о любви провансальского трубадура Джауфре (по-французски Жофруа) Рюделя (ок. 1140—1170) к триполийской принцессе Мелиссанде (или Мелисинде). Вот что говорится в биографии поэта (бесспорно, вымышленной), написанной в первой половине XIII столетия: «Джауфре Рюдель де Блая был очень знатный человек — князь Блаи. Он полюбил графиню Триполийскую, не выдав ее никогда, за ее великую добродетель и благородство, про которые он слышал от паломников, приходивших из Антиохии, и сложил о ней много прекрасных стихов с прекрасной мелодией и простыми словами. Желая увидеть графиню, он отправился в крестовый поход и поплыл по морю. На корабле его постигла тяжкая болезнь, так что окружающие думали, что он умер на корабле, но все же они привезли его в Триполи как мертвого в гостиницу. Дали знать графине, и она пришла к его ложу и взяла его в свои объятия. Джауфре же узнал, что это графиня, и опять пришел в сознание. Тогда он восхвалил бога и возблагодарил его за то, что он сохранил ему жизнь до тех пор, пока он не увидел графиню. И, таким образом, на руках графини, он скончался. Графиня приказала его с почетом похоронить в доме триполийского ордена тамплиеров, а сама в тот же

день постриглась в монахини от скорби и тоски по нем и вследствие его смерти»¹.

Вызывал споры прежде всего прототип легендарной Мелисанды. Большинство исследователей склонны были видеть в ней Одиерну, жену Раймунда I Триполийского (1136—1152), однако факт этот не подтверждается средневековыми источниками. В 1893 г. известный французский медиевист Гастон Парис выступил с работой, доказывающей, что характерный для лирики Рюделя мотив «любви издалека» являлся только поэтическим приемом, а история его романтической любви была целиком вымышлена.

Легенда о любви Рюделя и Мелисанды послужила сюжетом многих художественных произведений. До Ростана эту тему разрабатывали Уланд, Гейне, Суинберн, Кардуччи.

«Принцесса Греза» Ростана была поставлена во Франции весной 1895 г. театром Сары Бернар. Премьера прошла с успехом. Жак дю Тийе, театральный обозреватель журнала «Revue Bleue», писал: «Я хочу сразу сказать, что «Принцесса Греза» очень понравилась мне прежде всего своим сюжетом, сюжетом исключительно поэтическим, а затем богатством всевозможных оттенков, столь же поэтических, которыми г-н Ростан как бы расшил основную тему»². Критик отмечал хорошую, хотя и не совсем ровную игру Сары Бернар в роли Мелисанды. Успех прославленной актрисы в этой роли заставил Ростана написать специально для нее свою следующую пьесу, «Самаритянка», которая была поставлена в театре Сары Бернар в апреле 1897 г.

«Принцесса Греза» была выпущена издательством Шарпантье отдельной книгой в 1895 г.

В России «Принцесса Греза» в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник была впервые поставлена на сцене театра «Литературно-артистического кружка» в бенефис Л.Б. Яворской. Руководство театра, и прежде всего А.С. Суворин.

¹ *Leben und Lieder der provenzalischen Troubadours*. Berlin, 1957. Dd. 1, S. 6.

² *Revue Bleue*, v. 3, 1895, p. 474.

отнеслось к пьесе отрицательно и всячески мешало работе над спектаклем. Премьера состоялась 4 января 1896 г.; пьеса имела большой, шумный успех. Как вспоминала потом переводчица, «появились вальсы «Принцесса Греза», духи «Принцесса Греза», шоколад «Принцесса Греза», почтовая бумага с цитатами из «Принцессы Грэзы». Издание пьесы разошлось так быстро, что вскоре в газетах стали появляться объявления: «Доставившему экземпляр «Принцессы Грезы» будет предложено такое-то вознаграждение». Я получала письма с благодарностью»¹.

Спектакль этот был затем показан в ряде городов России. Во время гастролей в Москве Яворская обратилась к Станиславскому с просьбой прорежиссировать пьесу. Станиславский отказался. Он писал М.П. Лилиной: «Опять приглашали ставить «Принцессу Грезу» — отказался вторично. Об этом, впрочем, не жалею, так как выйдет гадость»². Спектакль Яворской Станиславскому не понравился.

Положительный отзыв дал о «Принцессе Грезе» А.М. Горький, писавший в «Нижегородском листке» (№ 202, 24 июля 1896 г.): «Принцесса Греза» написана молодым французским поэтом Ростаном на сюжет, рассказанный в одной из средневековых хроник о родственнице Бозмунда II, короля триполийского, принцессе Мелиссанде, девушке пылкого и мечтательного характера, обладавшей, по словам хроники, «высоким духом и непоколебимой верой в победу святого креста над исламом и в освобождение Господня Гроба из плена язычников. Ее красота, как и вера ее, воодушевляя рыцарей, стекавшихся из всех стран Европы в Африку на святую борьбу за освобождение Иерусалима, возбуждала их на высокие подвиги духа и, укрепляя силы их рук, зажигала непоколебимое мужество в сердцах их, и далеко по Европе разносилась пилигримами и рыцарями слава о красоте, о силе сердца и ума принцессы Мелисанды Триполийской». Именно эту Мелисанду и взял Ростан

¹ Щепкина-Куперник Т.Л. Театр в моей жизни. М.—Л., 1948, с. 118.

² О Станиславском. Сборник. М.: ВТО, 1948, с. 72.

героиней своей двухактной пьесы, написанной просто и сильно, красивым языком и с хорошим знанием эпохи. Пьеса явилась во Франции в начале прошлого года, в разгар вакханалии декадентства, и сразу обратила на себя внимание своим идеалистическим духом и глубоко художественным исполнением. Она была вскоре переведена на русский язык артисткой Куперник-Щепкиной прекрасным белым стихом и в прошлый сезон шла около двадцати раз кряду на сцене Суворинского театра в Петербурге... В ней (пьесе. — *Ред.*) много интересных лиц, красивых деталей; она проста, трогательна, и каждое слово ее полно чистого и сильного идеализма, — в наше скучное, нищее духом время она является призывом к возрождению, симптомом новых запросов духа, жаждой его к вере. Эта пьеса — иллюстрация силы идеи и картина стремления к идеалу. Именно этим объясняется ее большой успех у нас и особенно крупный в буржуазной и меркантильной Франции»¹.

Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник, кроме издания отдельной книгой в 1896 г., вошел в первый том Собрания сочинений Ростана (изд. А.Ф. Маркса, 1914). Переиздан в 1958 г.

Из дореволюционных постановок «Принцессы Грезы» на русской сцене следует отметить спектакль киевского театра Н.Н. Соловцова (1896), петербургского Малого театра (1900), летнего театра в Малаховке, где главную роль исполняла Алиса Коонен (1912), и московского театра К.Н. Незлобина (1916). В советское время «Принцесса Греза» ставилась редко. В 1922 г. ее играли в Ростове-на-Дону, а в 1924 г. — в Самаре.

Стр. 27. *Генуэзский купец*. — Генуя, добившаяся независимости и ставшая республикой вскоре после смерти Карла Великого, занимала в средневековой Европе очень вы-

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23. М., 1953, с. 161–163.

годное географическое положение для торговли с Востоком. Генуэзские купцы особенно развернули свои операции в эпоху Крестовых походов.

Мануил I Комнен (1143–1180) — византийский император. При его правлении многие наемники с Запада служили в византийской армии и государственных учреждениях.

Стр. 29. *Сарацинские воды*. — Имеется в виду восточная часть Средиземного моря. В раннее Средневековье сарацинами называли арабов. В эпоху Крестовых походов это название было распространено на все народы, исповедующие ислам.

Стр. 30. *Игла, которая показывает север*, — то есть компас. Этот простейший навигационный прибор известен в Европе с конца XII века.

Стр. 35. *Тортоза* — город на северо-востоке Испании, в провинции Таррагона, в Каталонии. В городе сохранилась старинная крепость, а рядом с ним — развалины древнегреческого поселения.

Салерно — город в Южной Италии на побережье Тирренского моря. В Средние века город славился своей медицинской школой, основанной в XI в. бенедиктинскими монахами и просуществовавшей до 1817 г.

Стр. 36. *Дочь великого Раймунда и Годиерны*. — Имеются в виду правитель Триполи Раймунд I и его жена Годиерна (правильнее — Одиерна).

Стр. 41. *Аргонавты* — спутники Язона, совершившие под его предводительством на корабле «Арго» поход в Колхиду за золотым руном (греч. миф.).

Стр. 42. *Недаром я в Провансе родился*. — То есть там, где небывалого расцвета достигла в XI–XII вв. лирическая поэзия трубадуров.

Софист — учитель философии и красноречия в Древней Греции.

Стр. 47. *Грядущая царица Византии* — то есть будущая жена византийского императора.

Мелисса — многолетнее травянистое растение, имеющее белые, иногда с розовым или фиолетовым оттенком цветы.

Стр. 48. *Не Цезаря с богатствами его* — то есть византийского императора. Императоры Византии носили титул Цезаря (Кесаря).

Стр. 49. *Аквитания* — крупнейшее феодальное княжество средневековой Франции, расположенное на западе страны. Аквитания являлась предметом споров английских и французских королей.

Стр. 50. *Икар* — сын Дедала, замечательного скульптора и инженера, создавшего крылья для полета человека. С помощью этих крыльев Дедал и Икар бежали из плена, но юноша взлетел слишком высоко, от солнечных лучей воск его крыльев растаял, и Икар упал в море (греч. миф.).

Любовь — это сон упоительный... — Перевод этого места пьесы очень вольный. Т.Л. Щепкина-Куперник вспоминала впоследствии: «А у меня, как на беду, еще не ладилось со «стансами» Рюделя. Я их перевела дословно и размером подлинника, но получалось необычайно прозаично — я же чувствовала, что от этих стансов зависит все, в них был лейтмотив пьесы... Билась я, билась и, наконец, вдруг как-то ночью проснулась — и у меня в голове спелись стансы. Совсем не так, как первоначально. Я утром же полетела в типографию, рассыпали набор страницы и заменили прежние стансы этими. Потом — в театр, к суфлеру. Все на меня ворчали, что надо переучивать, но я стояла на своем... И стансы пошли в новом виде»¹.

Стр. 53. *Гальционы* — морские птицы, относящиеся к семейству нырцов. Названы в честь Гальционы, дочери Эола, жены Кеикса, царя трихидского. Когда Гальциона узнала о том, что муж ее утонул, она бросилась в море и была превращена Нептуном в птицу (греч. миф.).

Стр. 54. *Фелука* — небольшое парусное судно.

Стр. 55. *Моисей* — легендарный герой, освободивший евреев от египетского рабства. Моисею, упоминавшемуся

¹ Щепкина-Куперник Т.Л. Театр в моей жизни. М.—Л., 1948, с. 116.

в словах бога, был запрещен вход в землю обетованную (библейск. миф.).

Стр. 64. *Вельзевул* — божество у финикийян. В христианской мифологии — одно из названий сатаны.

Стр. 65. *Лютня* — струнный щипковый музыкальный инструмент, видимо, персидского происхождения, попавший через арабов в Западную Европу уже в XII в. Наибольшего расцвета лютневая музыка достигла в XV—XVII вв.

Виола — средневековый струнный смычковый музыкальный инструмент. Наибольшее распространение получил в XV—XVIII вв.

Стр. 66. *Елена* — дочь Зевса и Леды, жена царя Спарты Менелая, славившаяся своей необычайной красотой. Троянец Парис, сын Приама и Гекубы, похитил Елену, что послужило причиной Троянской войны (греч. миф.).

Стр. 80. *Брокат* — шелковая материя, вытканная золотом или серебром.

Стр. 82. *Аксумиты* — жители обширного Аксумитского царства, находившегося в начале новой эры на территории нынешней Эфиопии.

Аксамит — дорогая бархатная ткань.

Стр. 85. *Роланд* — герой французского народного героического эпоса «Песнь о Роланде». Настигнутый сарацинами в Ронсевальском ущелье, он трубил в свой рог, чтобы предупредить императора Карла Великого.

Стр. 89. *Менестрель* — во Франции и Англии средневековый бродячий поэт, музыкант и певец, состоявший иногда на службе у знатного сеньора.

Стр. 91. *Флоф и Бланшефлер* — персонажи одноименного французского средневекового романа, возникшего после 1170 г. В романе рассказывается о любви сарацинского принца Флора (или Флуара) к христианке-пленнице Бланшефлер. Возлюбленным приходится преодолеть немало препятствий, чтобы соединиться.

Стр. 96. *Янычары* — пехота в турецкой армии, личная гвардия султана. Появившись в позднее Средневековье (XVI в.), просуществовали до 1826 г.

Стр. 99. *Клеопатра* — последняя царица Египта из династии Птолемеев (69—30 гг. до н.э.); была изгнана из Египта ее братом Птолемеем Дионисом (48 г. до н.э.). Через год она вернула себе престол благодаря Юлию Цезарю. Славившаяся своей необычайной красотой, Клеопатра уже в раннее Средневековье стала легендарной личностью.

Амбра — благовония, добывавшиеся из отложений в кишечнике кашалотов.

Сандал — вещество, содержащееся в древесине сандалового дерева; обладает резким запахом, напоминающим запах розы; уже в Средние века применялось в парфюмерии.

Стр. 113. *Далила* — возлюбленная древнееврейского героя Самсона, выдавшая филистимлянам секрет его чудесной силы (библейск. миф.).

Омфала — в греческой мифологии царица Лидии. К ней в рабство был продан Геракл. Омфала издевалась над героем, заставляя его надевать женское платье, ткать и пряхь со своими служанками.

Орест и Пилад — герои греческой мифологии, неразлучные друзья.

Стр. 117. *Аграф* — застежка, пряжка.

Стр. 130. *Викинги* — члены скандинавских военных дружин, занимавшихся в VIII—XI вв. морским разбоем, а также отчасти торговлей. Они совершали дальние плавания, видимо, достигли берегов Америки и держали в страхе жителей всей северной части Европы.

Стр. 135. *Царица Савская* — легендарная царица Савы — страны, расположенной, согласно преданию, в Южной Аравии и всегда управлявшейся женщинами.

Стр. 151. *Мон-Кармель* — гора в Палестине. Здесь около 1156 г. была основана монашеская община кармелитов, один из так называемых нищенствующих орденов, серьезная опора католической церкви.

«СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК» («Cyrano de Bergerac»)

Пьеса Э. Ростана «Сирано де Бержерак» написана в 1897 г.

В основу сюжета пьесы легли реальные события из жизни замечательного французского поэта-вольнодумца Савиньена де Сирано де Бержерака (1619—1655). Исторический Сирано обладал многими романтическими чертами, которые отобразил Ростан. Он был незаурядным поэтом, драматургом, философом и в то же время отважным солдатом, мужественным человеком, неоднократно участвовавшим в дуэлях. Забияка и бретер, Сирано был также человеком передовых взглядов, позволявшим себе в хлестких стихах смелые антиклерикальные выпады. Вполне понятно, что у него было много врагов. Как-то раз, возвращаясь вечером домой, он был ушиблен упавшей балкой. Разнесся слух, что это была месть иезуитов за нападки Сирано на церковь. Спустя несколько месяцев после этого Сирано умер, так и не оправившись от полученного удара.

Большинство действующих лиц пьесы Э. Ростана реально существовало: это граф Антуан де Гиш (1604—1678), маршал Франции, женатый на одной из племянниц кардинала Ришелье, принявший после смерти отца титул графа де Граммона; Сиприен Рагно (ум. в 1654 г.), известный в свое время кухмистер, игравший некоторое время в труппе Мольера; Франсуа Пайо Линьер (1628—1704), поэт-вольнодумец, автор большого числа стихотворений на случай и литературных пародий. Реально существовала и Роксана, дальняя родственница Сирано.

Премьера пьесы Ростана состоялась 28 декабря 1897 г. в театре Порт-Сен-Мартен. Еще до премьеры газеты расхвалили пьесу, а ее показ публике стал подлинным триумфом драматурга. Жак дю Тийе писал в журнале «*Revue Bleue*»: «Я констатирую успех «Сирано» и радуюсь вместе с моими коллегами, что наконец-то народился новый поэт, показавший себя уже в «Принцессе Грезе». Как известно, успех превзошел все ожидания. Я не видал еще более

полного, более шумного успеха. Критика и публика сошлись во мнениях»¹. Очень высоко оценил пьесу Ростана и известный историк литературы Эмиль Фаге. «Но публика не могла знать, — писал он, — что «Сирано де Бержерак» — это прекраснейшая драматическая поэма из всех появившихся за последние полвека и что объявился великий поэт, от которого можно ожидать решительно всего, который в возрасте 29 лет блестяще и с триумфом открывает двадцатое столетие, которому предназначено явиться для нас утешением среди ремесленной литературы, охватывающей нас со всех сторон, который возвещает новый период, на которого, наконец, Европа смотрит с завистью, а Франция с горделивым и полным надежд восхищением». Рецензент журнала «Revue des Deux Mondes» Жюль Леметр увидел в успехе «Сирано» реакцию на психологические, «скандинавские» пьесы. Успешная постановка «Сирано де Бержерака» была использована рядом критиков для борьбы, с одной стороны, против реалистической драмы Золя и его последователей, с другой стороны — против психологической, «идеологической» драматургии.

Огромному успеху пьесы Ростана содействовала также прекрасная игра Коклена-старшего, исполнившего роль Сирано около тысячи раз. Восторженный отзыв об игре Коклена дал в одном из своих «Парижских писем» А.В. Луначарский. Автор посвятил отдельное издание пьесы (1898, изд. Шарпантье) замечательному артисту, выразив это в следующих словах: «Я хотел посвятить свою поэму душе Сирано, но так как она перешла в Вас, Коклен, я посвящаю пьесу Вам».

«Сирано де Бержерак» до нашего времени часто ставится на сцене французских театров. Наиболее значительной была постановка театра Французской комедии (1938), когда главную роль сыграл Андре Брюно, а роль Роксаны — Мари Белль.

¹ Revue Bleue, v. 9, 1898, p. 90.

В России пьеса Ростана впервые была поставлена в театре «Литературно-художественного кружка» в Петербурге. Премьера состоялась 10 февраля 1898 г. У переводчицы Т.Л. Щепкиной-Куперник для работы было очень мало времени — всего десять дней. В такой рекордно короткий срок переводчица блестяще справилась со своей задачей. Об этом она увлекательно рассказала позже в своей книге «Театр в моей жизни». Критикой отмечалась хорошая игра Л.Б. Яворской в роли Роксаны и Я.С. Тинского — Сирано.

Перевод Щепкиной-Куперник был включен в издаваемые С. Рассохиным драматические сборники «Сцена» (1898, № 21), а затем вышел отдельным изданием. В 1914 г. этот перевод вошел в первый том Собрания сочинений Ростана, изданного А. Ф. Марксом. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник переиздавался много раз.

Было выполнено еще несколько переводов пьесы. Так, журнал «Театр и искусство» опубликовал в 1898 г. перевод А.М. Федорова, а московский театр Ф.А. Корша намеревался в 1899 г. поставить пьесу Ростана в совершенно безграмотном переводе артиста этого театра Константинова.

«Сирано де Бержерак» обошел все провинциальные сцены России. Из дореволюционных постановок следует отметить спектакли театра Ф.А. Корша (1900 г.), когда пьеса шла уже в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник, и Московского Камерного театра (1915), где пьесу ставил А.Я. Таиров, а главные роли исполняли М.М. Петипа и Алиса Коонен.

Т.Л. Щепкина-Куперник продолжала работать над переводом, и в 1944 г. ею был издан его новый вариант.

В советское время был сделан также перевод (точнее, вольная переделка) пьесы В. Соловьевым (1938) и перевод Ю. Айхенвальда (1964). «Сирано» был переведен на ряд языков народов СССР: на украинский М. Рылским (1945), на эстонский И. Кросс (1964), на грузинский М. Квливидзе (1970).

Из советских постановок «Сирано» следует отметить спектакль театра Корша (1920, Сирано — Н.М. Радин),

спектакль Театра имени Евг. Вахтангова (1943, режиссер Н. Охлопков, Сирано — Р. Симонов, Роксана — Ц. Мансурова), Московского театра имени Ленинского комсомола (1943, режиссер С. Бирман, Сирано — И. Берсенева, Роксана — Т. Окуневская), где пьеса шла в переводе В. Соловьева, и театра «Современник» (1964, режиссеры О. Ефремов и И. Кваша, Сирано — М. Козаков, Роксана — Л. Толмачева), где играли перевод Ю. Айхенвальда. Упомянем также спектакль Московского драматического театра имени К.С. Станиславского (1980, режиссер Б. Морозов, Сирано — С. Шакуров, Роксана — А. Балтер). Кроме того, «Сирано де Бержерак» шел в Тбилиси (1936, 1944), Воронеже (1938), Архангельске (1939), Киеве (1940), Куйбышеве (1940), Брянске (1940, 1961), Чите (1944), Ижевске (1944), Свердловске (1946), Таллине (1947, 1968), Самарканде (1954), Новосибирске (1955), Саратове (1955), Ярославле (1960), Риге (1962), Севастополе (1965, 1976), Баку (1965), Ашхабаде (1966), Волгограде (1967), Кинешме (1968), Костроме (1970), Калининграде (1971), Калининне (1971), Гродно (1972), Иркутске (1972), Пскове (1972), Павлодаре (1972), Душанбе (1973), Перми (1975), Астрахани (1976), Горьком (1976), Белгороде (1977), Макеевке (1980), Красноярске (1981), Ташкенте (1981); в Ленинграде его ставили Драматический театр (1920), Красный театр (1935), театр имени Ленинского комсомола (1941, 1972), театр Драмы имени М. Горького (1978), а также еще целый ряд театров Советского Союза. В 1987 г. пьесу, в переводе В. Соловьева, показал Ленинградский театр драмы А. С. Пушкина; в 80-е годы «Сирано» шел в московском Малом театре, в начале 90-х — в московском театре «Сатирикон». Отметим также спектакль Московского театра оперетты «Неистовый гасконец» (пьеса П. Градова, музыка Кара-Караева), поставленный в 1979 г., и мюзикл, показанный Ленинградским Молодежным театром (1985). В 1997 г. появился новый перевод пьесы, выполненный Е.В. Баевской, наверное, несколько монотонный, но по возможности точный, передающий не только смысл, но и стихотворную форму произведения Ростана. Можно надеяться, что театры вскоре обратятся к этому переводу.

Стр. 156. *Бургундский отель* — старейший драматический театр Парижа. Был построен в 1548 г. «Братством Страстей Господних» на территории, ранее принадлежавшей герцогам Бургундским (отсюда его название). Бургундский отель занимал главенствующее положение в театральной жизни Франции всю первую треть XVII в. На его сцене шли пьесы Арди, Ротру и других драматургов — предшественников Корнеля, Мольера и Расина. Но манера исполнения в театре была во многом архаична. Поэтому Ришелье основал в 1629 г. театр Маре, ставший основным пропагандистом классицистской драматургии. Путем слияния трупп Бургундского отеля, театра Маре и театра Мольера в 1680 г. был образован театр Комеди Франсез.

П.Д. Лемазюрье, один из ранних историков французского театра, дает следующее описание Бургундского отеля: «Театр этот был сооружен, как и все другие театры, возникшие в ту эпоху, в зале для игры в мяч, который представлял собой вытянутый прямоугольник, вполне удобный, без сомнения, для этой игры, но очень мало приспособленный для театральных представлений. Не позаботились даже изменить его форму; у одной из его узких сторон возвышалась эстрада, предназначенная изображать собой просцениум древних. При этом четыре кулисы с каждой стороны, живописный задник в глубине, несколько падуг из голубой бумаги наверху, чтобы изображать облака, — такова была обычная декорация, служившая одинаково для дворца, для тюрьмы, для леса и для сада. Когда хотели дать понять зрителю, что место действия изменилось, поднимали или отдергивали занавеску, и это повторялось в течение одного спектакля до десяти или двенадцати раз.

К стенам зала для игры в мяч, представлявшего собой, как сказано, вытянутый прямоугольник, были прислонены два или три яруса деревянных галерей, расположенных таким образом, что половина зрителей видела актеров лишь сбоку, а те, кто занимал первые ложи, которые считались особенно хорошими местами, сидели слишком далеко от сцены и нуждались в превосходных

органах слуха и зрения. Можно было, правда, поместиться ближе к сцене, пойдя в партер, но, помимо того, что там надо было стоять, целый ряд значительных неудобств мог отвлечь от этого места. Один современный автор описал их достаточно простодушно.

«Партер, — говорит он, — очень неудобен вследствие тесноты; там помещается тысяча мошенников попеременно с порядочными людьми, которым они иногда желают нанести оскорбления. Они затевают ссору по самому ничтожному поводу, хватаются за шпагу и прерывают спектакль. Даже когда они совершенно спокойны, они не перестают разговаривать, кричать и свистеть; и так как они ничего не заплатили за вход и приходят сюда только за неимением другого занятия, они мало заботятся о том, чтобы услышать, что говорят актеры...»¹

Стр. 160. *Ротру*, Жан (1609—1650) — французский драматург-классицист. Находился на жалованье у кардинала Ришелье. Трагикомедии, трагедии и комедии Ротру в свое время были очень популярны. Наиболее известны: «Умиравший Геракл» (1634), «Антигона» (1638), «Менехмы» (1631), «Двое Созиев» (1636), «Истинный святой Генезий» (1645), «Венцеслав» (1647).

Корнель — основным театром, ставившим трагедии и комедии Пьера Корнеля (1606—1684), был театр Маре, открывшийся постановкой комедии Корнеля «Мелита» (1629).

Стр. 162. *Бафо*, Бальтазар (ок. 1600—1650) — второстепенный французский драматург. Его пастораль «Клориза» была поставлена Бургундским отелом в 1631 г. Сохранилась монтировочная запись этой постановки декоратора Бургундского отеля Лорана Маэло: «Нужна скала и рядом с нею пропасть, в которую бросается пастух, следует сделать шум от падения, когда он бросается. Нужен также фонтан, действующий во все время представления пасторали. Посреди сцены должны быть кусты, сквозь зелень

¹Цит. по книге: Хрестоматия по истории западноевропейского театра, т. I. М. Искусство, 1953, с. 396.

которых действующие лица могли бы смотреть. Необходимо еще дерево, на котором якобы вырезавают стихи. Нужен кинжал, соловьи, плетеная изгородь. Вся сцена должна представлять скалистую местность»¹.

...здесь я был на представленье «Сиды» (в подлиннике — «премьера») — ошибка Ростана: премьера трагедии Корнеля «Сид» состоялась в театре Маре, а не в Бургундском отеле (видимо, в последних числах декабря 1636 г. или между 2 и 7 января 1637 г.). Пьеса имела шумный успех отчасти благодаря блестящему исполнению главных ролей актерами Мондори (Родриго) и Вилье (Химена), но вскоре была осуждена за отступления от канонов классицизма Французской академией.

Стр. 162. *Бопфе*, Маротта — актриса театра Маре, исполнительница ролей героинь и любовниц в пасторалях и трагикомедиях. С 1670 по 1672 г. играла в труппе Мольера.

Бельроз (настоящее имя — Пьер Лемесье, ум. 1670) — актер и режиссер Бургундского отеля. Создал амплу галантного любовника; особенно удачен бывал в пасторалях. Стиль его игры отличался декламационностью, изяществом, аристократическим духом. Мнения современников о нем расходятся. Один пишет: «Он пользовался большой славой во время кардинала Ришелье. Еще никогда не было видано столь замечательного актера в королевской труппе Бургундского отеля. Он анонсировал весьма изящно, владел словом, и его небольшие речи было всегда приятно слушать благодаря тем новым черточкам, которыми он старался каждый день их украсить»². Другой современник вспоминал: «Бельроз был напыщенный актер, который всегда осматривался по сторонам, куда ему бросить шляпу, чтобы не испортить перья. Это не значит, что ему не удавались те или иные нежные тирады, но он не понимал того, что говорил»³.

Монфлеру (настоящее имя — Закари Жакоб, 1610—

¹ Там же, с. 397.

² Там же, с. 603.

³ Там же, с. 604.

1667) – трагический актер Бургундского отеля. Стиль его игры отличался напыщенностью и декламационностью. Один из современников писал о нем: «Говорят, что Монфлери умер вследствие чрезмерного напряжения, с которым он играл роль Ореста, так что уверяют, что у него лопнул живот; он был так невероятно толст, что стягивал себя железным обручем. Он произносил тирады в двадцать стихов одним дыханием и выкрикивал последний стих с такой силой, что вызывал шум и нескончаемые рукоплескания. Он был до такой степени полон патетических чувств, что подчас у зрителей захватывало дух»¹. Стиль игры Монфлери высмеян Мольером в «Версальском экспромте».

Стр. 164. *Антиной* – юноша, отличавшийся необычайной красотой, любимец римского императора Адриана (II в. н.э.).

Стр. 166. *Господин Корнель приехал из Руана*. – После осуждения Французской академией «Сида» Корнель покинул Париж и уехал в свой родной город Руан. Но в 1640 г. он уже возвратился в столицу и привез с собой две новые трагедии – «Гораций» и «Цинна», полностью отвечавшие основным нормам классицистической поэтики.

Здесь Академия? – Французская академия была основана кардиналом Ришелье в 1634 г. Она явилась основным оплотом классицизма, проводником литературной политики Ришелье.

Стр. 167. *Причудницы* – так называли увлекающихся галантной («прециозной») литературой и соответствующими манерами дам высшего общества.

Стр. 167. *Триолет* – каноническая стихотворная форма. Триолет состоит из 8 стихов, написанных на две рифмы, причем первый стих повторяется буквально в четвертом и седьмом, а второй – в восьмом. Схема триолета следующая: *авааавав*. Триолет получил большое распространение

¹ Там же, с. 677.

во Франции в XVII в., явившись одним из излюбленных жанров галантной салонной лирики.

Стр. 174. *Шампанский*, Филипп (1602–1674) – французский живописец. Родился во Фландрии, жил и работал преимущественно в Париже, где написал портреты Людовика XIII, Ришелье и др.

Калло, Жак (ок. 1592–1635) – выдающийся французский гравёр и рисовальщик; автор нескольких серий резцовых гравюр и офортов; усовершенствовал технику последнего.

Стр. 175. *Ножницы Парки*. – В древнеримской мифологии Парки были богинями судьбы. Обычно изображались как три женщины, из которых первая начинала нить жизни, вторая продолжала ее, а третья перерезала ее ножницами.

Стр. 176 *...по прозвищу Роксана...* – Историческая Роксана (ум. 309 г. до н.э.) была дочерью персидского правителя Оксиарта и женой Александра Македонского. Славилась своей необыкновенной красотой и умом.

Стр. 177. *Ришелье* (Арман Жан дю Плесси, 1585–1642) – кардинал, французский государственный деятель, первый министр (в 1624–1642 гг.) короля Людовика XIII. Ришелье интересовался литературой и сам писал стихи и пьесы.

Стр. 181. *У Нельской башни...* – Нельская башня (точнее – Нельские ворота) находилась в Париже на левом берегу Сены, против Лувра. По поводу участия Сирано в стычке у Нельской башни (где действительно нередко происходили дуэли) Ле Бре рассказывает: «...бой, во время которого из ста человек, собравшихся у рва при Нельских воротах, чтобы среди бела дня оскорбить одного из его друзей, двое поплатились смертью, а семеро остальных тяжелыми ранами за злые свои намерения. Это может показаться вымыслом, но это произошло на глазах у многих знатных людей, достаточно громко об этом заявлявших, чтобы не оставалось никаких сомнений».

Стр. 187. *Талия* – муза, покровительница комедии (греч. миф.).

Стр. 189. *Самсон* – герой библейской мифологии, от-

личавшийся необычайной силой. О его подвигах рассказано в «Книге Судей» Библии (гл. XIII–XVI).

Стр. 192. *Жодле* (настоящее имя – Жюльен Бедо, ум. 1660) – фарсовый актер театра Маре, затем Бургундского отеля (с 1634 г.). Создал тип слуги – обжоры, хвастуна и плута. Жодле играл в средневековой фарсовой манере – с обильно осыпанным мукой лицом, с огромным ртом и гнусавым голосом. Свою сценическую деятельность Жодле закончил в театре Мольера, куда он перешел вскоре после возвращения Мольера в Париж из провинции. Жодле выступил в паре с Мольером в роли второго слуги в «Смешных жеманницах» (1659).

Стр. 194. *Мельпомена* – муза, покровительница трагедии (греч. миф.). Здесь переводчица допускает неточность, заменяя «плащом Мельпомены» «плащ Фесписа» (Феспис – легендарный греческий трагический поэт и актер, живший в VI в. до н.э.).

Стр. 195. *Герцог Кандаль*, Анри де Ногаре д'Эпернон (1591–1639) – французский военачальник, часто служивший в иностранных армиях.

Стр. 202. *Амфитрита* – морская богиня, супруга Посейдона (греч. миф.).

«*Пирам и Фисба*» – трагедия французского поэта-вольнодумца Теофиля де Вио (1590–1626), написанная в 1617 г. на сюжет, заимствованный из «Метаморфоз» Овидия.

Сам от измены этой он краснеет... – фраза из пьесы Теофиля де Вио «Пирам и Фисба», ставшая знаменитой своей напыщенностью и ложным пафосом.

Стр. 205. *Баллада* – одна из канонических стихотворных форм. Состоит из трех строф и послышки, начинающейся со слова «принц» (обращение к лицу, которому баллада посвящается). Все строфы писались на одинаковые рифмы. Последние стихи всех строф и послышки совпадали. Баллада возникла во Франции, откуда перешла в Италию, где и приняла некоторые формальные признаки, окончательно закрепленные снова на французской почве в XIV–XV вв.

Стр. 209. *Д'Артаньян* (1611–1673) – гасконский дворянин; служил в полку королевских мушкетеров. Его приключения послужили темой многих художественных произведений. Первым к легендарной жизни д'Артаньяна обратился плодовитый писатель Гасьен Куртиль де Сандра (1644–1712), выпустивший в 1700 г. подложные «Мемуары» знаменитого мушкетера. Этой книгой воспользовался А. Дюма.

Стр. 216. *Силен* – один из спутников греческого бога вина Диониса. Изображался обычно добродушным, подвыпившим стариком (греч. миф.).

Стр. 217. *Диана* (у греков – Артемида) – богиня охоты; изображалась с луком и колчаном за плечами (римск. миф.).

Стр. 219. *Я Беренику обожаю страстно...* – Береника была иудейской царевной; Тит Флавий Веспасиан (39–81 н.э.), римский император из династии Флавиев, привез ее в Рим и хотел на ней жениться, но вынужден был отказаться от этого, чтобы не возбуждать недовольства римлян.

Стр. 221. *Святой Рок* – католический святой (жил в первой четверти XIV в.). Согласно легенде, он, желая умереть в одиночестве, отправился в пустынное место, но был найден собакой, которую когда-то вылечил; его именем назван один из парижских монастырей, основанный в 1521 г.

Стр. 230. *Малерб*, Франсуа (1555–1628) – французский лирический поэт и литературный деятель, один из основоположников классицизма.

Стр. 231. *Александрийский стих* – двенадцатисложный стих с парными рифмами и с цезурой посередине стиха. Излюбленный стихотворный размер французских драматургов-классицистов. Свое название получил по обширному «Роману об Александре» Александра де Берне (конец XII в.), написанному этим стихом.

Стр. 232. *Орфей* – древнегреческий поэт и певец. Согласно мифу, был растерзан вакханками (или менадами)

за то, что после смерти своей жены Эвридики оставался верен ей и не обращал внимания на других женщин.

Стр. 247. *Бенсерад*, Исаак (1612–1691) – французский салонный поэт, один из представителей прециозной (то есть изысканной, жеманной) литературы.

Сент-Аман, Марк-Антуан (1594–1661) – французский поэт-сатирик, автор ряда шуточных (так называемых бурлескных) поэм и множества маленьких стихотворений – застольных песен, эпиграмм, сонетов, сатир и т.п.

Шаплен, Жан (1595–1674) – французский поэт, видный теоретик классицизма, один из основателей Французской академии. Написал большую эпическую поэму «Девственница, или Освобожденная Франция» (1665), посвященную жизни Жанны д'Арк, а также окончательную редакцию «Мнения Французской академии о трагикомедии «Сид» (1638).

Стр. 263. *Ренодо*, Теофраст (1585–1653) – французский литератор и журналист, основатель первой французской газеты («La Gazette»), которую выпускал по указанию кардинала Ришелье с 1631 г.

Стр. 264. *Гасьон*, Жан (1609–1647) – французский военачальник, маршал Франции. Принимал участие во многих военных кампаниях и был смертельно ранен под Лансом. Ле Бре вспоминал о нем: «Он пожелал иметь около себя господина де Бержерака на основании того, что ему рассказывали о нем господин де Кавуа и господин де Кюижи».

Стр. 265. *Дорогу – гвардейцам гасконским!* – Гимн гасконских гвардейцев переведен Т.Л. Шепкиной-Куперник довольно вольно. Например, выражение «солнце в крови» отсутствует у Ростана. Однако эти стихи, и особенно это «солнце в крови», стали очень популярны в России. Понравились они, как вспоминала переводчица, и А.М. Горькому.

Стр. 266. «*Агриппина*» – В 1640 г., когда происходят события первых четырех действий пьесы Ростана, трагедия Сирано «Смерть Агриппины» еще не была написана. Она появилась лишь в 1653 г. Трагедия была написана с соблюдением всех правил классицизма, но содержала рез-

кие антифеодалные и антиклерикальные выпады. Поэтому ее постановка закончилась скандалом.

Стр. 271. *«Меркурий»* — имеется в виду газета «Французский Меркурий», публиковавшая светские новости, небольшие заметки и стихи.

Стр. 290. *Гассенди*, Пьер (1592–1655) — французский философ-материалист. Сирано слушал его лекции в 1641 г. в доме своего друга Шапелля, сына богатого откупщика Люилье.

Стр. 291. *Павана* — старинный бальный танец медленного темпа.

Стр. 301. *Антоний*, Марк (83–30 гг. до н.э.) — римский полководец и политический деятель, сподвижник Юлия Цезаря.

Стр. 314. *Геркулес... задушил... двух самых страшных змей...* — имеется в виду мифологический рассказ о том, как новорожденный Геркулес (Геракл) задушил руками двух змей, заползших в его колыбель.

Стр. 318. *Вуатюр*, Венсан (1598–1648) — французский поэт, представитель салонно-прециозного направления.

Стр. 322. *Зачем играет вы, брат мой, в Диогена?* — Речь идет о знаменитом «фонаре Диогена» — эпизоде, рассказанном греческим писателем III в. н.э. Диогеном Лаэртским о греческом философе-кинике Диогене (IV в. до н.э.). Диоген расхаживал среди бела дня с фонарем и отвечал на все вопросы, что он «ищет человека», то есть ищет среди испорченного общества настоящих людей.

Стр. 324. *Не королева я, а вы — не Букингам!* — Намек на связь французской королевы Анны Австрийской, жены Людовика XIII, с английским политическим деятелем герцогом Букингамом (1592–1628).

Стр. 326. *Как Лазарь, крохи подбирая...* — Речь идет о евангельской легенде о бедном Лазаре, лежавшем в струпьях у дома богача; Лазарь питался крохами, падавшими с его стола (Еванг. от Луки, XVI, 19–31).

Стр. 334. *Аэролит* — каменный метеор.

Стр. 337. *Хочу я написать огромный том.* — Речь идет о книге Сирано «Иной свет, или Государства и империи Лу-

ны», над которой поэт работал в конце 40-х годов. Издано это произведение было лишь после смерти автора, в 1656 г., стараниями Ле Бре, внесшего в текст ряд изменений, смягчающих антиклерикальную направленность книги. Ни одного экземпляра этого издания не сохранилось. В 1659 г. Ле Бре выпустил второе, стереотипное издание. Только в 1910 г. было подготовлено критическое издание этого произведения Сирано. В этой книге рассказывается, в частности, о разных способах попасть на Луну, о которых говорится в пьесе Ростана.

Регьомонтан. — Имеется в виду известный немецкий астроном Иоанн Мюллер (1436—1476), прозванный Регьомонтанусом.

Тарентский Архит (ок. 440—360 гг. до н.э.) — выдающийся греческий математик и астроном, друг Платона.

Стр. 338. *Икосаэдра* — многогранник.

Стр. 346. *При осаде Арраса.* — Аррас, город в Северо-Восточной Франции, принадлежавший в первой половине XVII в. испанцам. Он был осажден французами в 1640 г. и после долгой осады взят ими. Это дало французским войскам значительный перевес над противником.

Стр. 352. *Я удалюсь в мою палатку, как Ахилл!* — Древнегреческий герой Ахилл во время осады Трои перестал участвовать в сражениях, поссорившись с Агамемноном, отобравшим у него пленницу Брисеиду.

Стр. 358. *Декарт, Рене* (1596—1650) — великий французский философ-рационалист и видный ученый своего времени (математик и физик).

Стр. 361. *Генрих, наш король.* — Имеется в виду Генрих IV (1553—1610), король Франции с 1594 г., первый король из династии Бурбонов. Накануне битвы при Иври (1590) в период так называемых Религиозных войн гугенотов и католиков он сказал своим солдатам: «Сохраняйте ваши ряды, если же вы потеряете из виду знамена, трубачей, опознавательные знаки, равняйтесь тогда на мой белый султан, он всегда выведет вас на дорогу победы и чести».

Стр. 379. *Уличный комедиант* — характерное явление городской жизни той эпохи; шарлатаны продавали всевозможные снадобья, вырывали у больных зубы, ставили пи-

явки и пр. Они пользовались услугами площадных фигляров для привлечения публики к своим балаганам.

Галантина — старинное мясное блюдо.

Киприда — первоначально местная богиня острова Кипр, впоследствии отождествляемая с богиней красоты Афродитой. Слово «Киприда» стало одним из эпитетов Афродиты (греч. миф.).

Артемиды — богиня охоты, покровительница женского целомудрия у древних греков (соответствует римской Диане).

Стр. 381. *Валтасаров пир* — Валтасар (убит в 538 г. до н. э.) был сыном библейского царя Набонида. Во время устроенного им роскошного пира на стене появились огненные слова, предвещающие его гибель (Книга пророка Даниила, V, 1–31).

Стр. 428. *Фонтенебло* — город вблизи Парижа, одна из резиденций французских королей. Здесь находится дворец, строительство которого началось при Франциске I около 1530 г.

Манчини, Мария (1640–1715) — племянница кардинала Мазарини, возлюбленная Людовика XIV. Мазарини с трудом удалось отговорить короля от женитьбы на ней. Тогда Манчини вышла замуж за князя Колонна и вела затем жизнь, полную любовных приключений.

Стр. 435. *В субботу, сентября шестнадцатого дня...* — В подлиннике сказано: «В субботу, 26-го, за час до обеда господин де Бержерак был убит». В действительности Сирано умер 23 июля 1655 г.

Стр. 436. *...ламповщиком служу я... у... Мольера*. — В 1655 г. Рагно не мог работать у Мольера, потому что умер годом раньше. Но Рагно действительно некоторое время работал в мольеровской труппе, когда она играла в провинции.

«*Скапен*» — пьеса Мольера «Плутни Скапена», поставленная 24 мая 1671 г. Таким образом, Сирано не мог знать о заимствовании у него Мольером целой сцены (знаменитый разговор о галере).

Стр. 439. *Сократ* (469–399 гг. до н.э.) — знаменитый древнегреческий философ-идеалист.

«ОРЛЕНОК» («L'Aiglon»)

Завершив «Сирано де Бержерака», Ростан вскоре принял за новую пьесу — шестиактную драму в стихах «Орленок». Написанию пьесы, видимо, предшествовала большая работа по сбору материалов: драма свидетельствует о том, что Ростан хорошо изучил описываемую им эпоху, знал обстоятельства жизни «Римского короля» — Наполеона-Франца-Иосифа-Карла, герцога Рейхштадтского (20 марта 1811 — 22 июля 1832), сына великого императора. Интерес к этой противоречивой и трагической фигуре не угасал в Европе на протяжении всего XIX века; еще при жизни герцога, в 1829 г., появилась книга А.М. Бартеlemi и П.А. Мери с красноречивым названием «Сын Человека», в 1832 г. — монография Г. Монбела «Герцог Рейхштадтский», в 1853 г. — работа Ж. де Сен-Феликса «История Наполеона II» и т.д. Очень важным было опубликование в 1878 г. книги Антона фон Прокеш-Остена (1795—1876) «Мои отношения с герцогом Рейхштадтским»; можно предположить, что Ростан ее знал, недаром он сделал ее автора одним из главных героев пьесы. Не мог он пройти и мимо книги Г. Вельшингера «Римский король», вышедшей в Париже в 1897 г., то есть как раз перед началом работы над «Орленком».

Пьеса Ростана — историческая драма, в ней действуют реально существовавшие люди, люди достаточно известные — австрийский император Франц (1768—1835), его дочь Мария-Луиза (1791—1847), вдова Наполеона и мать героя пьесы, всесильный канцлер Австрии и вершитель судеб посленаполеоновской Европы князь Клеменс-Венцеслав Меттерних (1773—1859), ярый антибонапартист прусский публицист Фридрих Гентц (1764—1832), маршал Франции Огюст-Фредерик-Луи Мармон, герцог Рагузский (1774—1852), перешедший на сторону антинаполеоновской коалиции (в своих «Мемуарах», напечатанных в 1856 г., он дал яркую характеристику герцога Рейхштадтского, с которым много общался), Луи-Филипп Бомбелл (1760—1848), австрийский дипло-

мат, француз по происхождению, который был любовником (если не тайным мужем) Марии-Луизы, и т.д. Немало в пьесе мелких фигур — иностранных дипломатов, австрийских чиновников и придворных. Возможно, придумана Ростаном верная сподвижница героя графиня Камерата, по крайней мере ее характер, волевой и самоотверженный, является плодом воображения драматурга. Не очень ясно, кто такая Эрцгерцогиня: она названа теткой героя, но у Марии-Луизы, кажется, не было сестер; не придумал ли и ее драматург? Напротив, Фанни Эльслер (1810— 1684) — вполне реальное лицо; это была выдающаяся балерина, которой восхищалась вся Европа, в 1830 г. она стала прима-балериной венского «Кертнертортеатра», гастролировала в Германии, Франции, России, США и т.д. Не приходится говорить, что автором пьесы целиком придуман образ Фламбо.

Эту пьесу, как и «Романтиков», как и «Самаритянку» и «Принцессу Грезу», Ростан написал для Сары Бернар, ориентируясь на ее вкусы и манеру игры. Премьера «Орленка» состоялась в ее театре 15 марта 1900 г. и стала триумфом и актрисы, и драматурга (хотя в прессе появлялись разноречивые отклики), Сара Бернар играла роль герцога Рейхштадтского не один год и почти с неизменным успехом; она привозила пьесу и в Россию: в ноябре—декабре 1908 г. «Орленок» был показан в Петербурге и Москве французской труппой.

На русский язык пьесу перевела, естественно, Т.Л. Щепкина-Куперник по просьбе Л.Е. Яворской, перевела с рядом пропусков и очень часто — не рифмованным, а белым стихом (рифмой переводчица пользовалась в наиболее ярких, выигранных и «ответственных» местах драмы Ростана). Премьера состоялась 10 апреля 1901 г., в помещении Петербургского театра (бывший «Неметти»), Затем Яворская неоднократно возобновляла спектакль, исполняя его на разных сценах, специально на этот случай ею арендуемых.

В конце 1907 г. «Орленок» был поставлен в Киеве в Театре Н.Н. Соловцова; в этом спектакле главную роль очень удачно сыграл С.Ж. Горелов. В ноябре 1910 г. пьесу

поставили в московском Театре К.Е. Незлобина, где герцога Рейхштадтского сыграл В.И. Лихачев.

Около 1910 г. «Орленка» стала переводить Марина Цветаева, с детства увлеченная «наполеоновской легендой», но не довела работу до конца; перевод ее не сохранился.

При издании Ростан посвятил пьесу своему старшему сыну Борису (1891–1968), в дальнейшем посредственному поэту-любителю, бонвивану и рантье. Т.Л. Щепкина-Куперник, издавая свой перевод драмы в 1901 г., снабдила его таким посвящением: «Лидии Борисовне Яворской, первой исполнившей в России роли: Принцессы Грезы, Сильветты, Роксаны и Орленка».

Стр. 445. *«Нельзя себе и вообразить...»* — Этот эпитафия из Гейне взят Ростаном из цикла статей немецкого поэта «Французские дела». У Гейне сказано чуть иначе: «Нельзя себе представить, какое впечатление произвела среди низших слоев французского народа смерть молодого Наполеона. Уже сентиментальный бюллетень его постепенного угасания, который недель шесть тому назад начала выпускать газета «Тан» и который отдельными выпусками продавался в Париже по одному су, вызывал там на всех перекрестках самое глубокое огорчение, я видел даже, как плакали молодые республиканцы; старые, однако, не казались особенно тронутыми».

Стр. 446. *Первый акт.* — Ростан дал ему название: «Крылья начинают расти».

Баден — курорт в 25 километрах на юг от Вены. С 1815 по 1834 г. Баден был местом летней резиденции австрийского императорского двора. Герцог Рейхштадтский любил совершать верховые прогулки по окрестным живописным лесам.

Стр. 447. *Псише* — большое стоячее зеркало, которое крепится на опорах таким образом, что его можно наклонять.

Эраровский клавесин. — Речь идет о клавесине, изготовленном на фабрике музыкальных инструментов, основанной под Парижем Себастьяном Эраром (1752–1831).

Кушетка-рекамье — кушетка с высоко поднятым изголовьем; вошла в моду благодаря Жанне-Франсуазе Бернар де Рекамье (1777—1848), светской даме, хозяйке популярнейшего в эпоху Реставрации парижского салона.

Стр. 452. *Нейпер*, Адам-Адальбер, граф (1775—1829) — австрийский генерал; с 1815 г. состоял при дворе Марии-Луизы, которая после кончины Наполеона тайно вышла за него замуж.

Стр. 453. *Витроль*, Эжен (1774—1854), барон — французский политический деятель, один из министров Людовика XVIII.

Герцогиня де Берри (1799—1870) — жена герцога Беррийского (1778—1820), второго сына французского короля (с 1824 г.) Карла X. Герцогиня была женщиной энергичной, склонной к политическим авантюрам; так, в 1832 г. она попыталась поднять в Вандее восстание, дабы свергнуть с престола Луи-Филиппа.

Фонтана — возможно, имеется в виду известный музыкальный деятель того времени Джулио Фонтана, состоявший, между прочим, в переписке с Шопеном.

Мейндорф — видимо, какая-то аристократическая венская семья.

Штраус, Иоганн (1804—1849) — выдающийся австрийский композитор и дирижер, автор танцевальной музыки, в том числе прославленных вальсов; в 1826 г. он организовал свой оркестр, с которым выступал в парках и садах Вены, позже — бальный дирижер при дворе.

Стр. 458. *Фуше* — Речь идет о сыне беспринципного политического деятеля периода Революции, Империи и Реставрации, министра полиции при Наполеоне Жозефа Фуше (1759—1820), герцога Отрантского, виконте Отрантском.

Стр. 459. *Беллиар*, Огюст-Даниэль (1769—1832) — французский генерал, участник большинства войн эпохи Империи.

Стр. 460. *Руайе-Коллар*, Пьер-Поль (1763—1845) — французский политический деятель либерального толка, видный оратор; в период Реставрации — руководитель и идеолог «конституционалистов-роялистов», в 1828—1830 гг. — председатель Палаты депутатов.

...не залетят к ним пчелы! — Изображение пчел было одним из символов империи Наполеона.

Стр. 461. ...что Франция избрала короля... — Луи-Филипп был провозглашен «королем французов» 7 августа 1830 г.

Стр. 464. *Сандор* — кто-то из завсегдатаев венского двора. Ростан не включил его имя в перечень действующих лиц своей пьесы (мы этот недосмотр исправляем).

Стр. 465. «*Corazon*» — популярная испанская песня; ее название значит «любовь».

Стр. 467. «*Два гренадера*» — знаменитое стихотворение Гейне, написанное в 1816 г., когда поэт еще разделял иллюзии «наполеоновской легенды» (стихотворение входит в раздел «Романсы» цикла «Страдания юности» «Книги песен» Гейне).

Скарампи — певица при венском дворе. Ее имя отсутствует в перечне действующих лиц пьесы, составленном Ростаном (мы этот пропуск восполняем).

Крайнерхютте — небольшое местечко близ Вены.

Стр. 468. ...в «*Водевиле*» ставят... — далее перечисляются популярные парижские театры 20-х и 30-х годов XIX в. и их репертуар; некоторые из этих театров просуществовали, пользуясь успехом, на протяжении всего столетия.

Стр. 470. *Генрих Пятый* — так называли внука Карла X, графа Шамбора, герцога Бордоского (1820—1883). Изгнанный из Франции в 1830 г., он поселился в Австрии. Роялисты, сторонники свергнутых Бурбонов, пытались возвести его на французский престол, но безуспешно. Последняя такая попытка была сделана в 1873 г., широко обсуждалась, и Ростан об этом хорошо знал.

Стр. 474. «*Какой же боязни еще...*» — Цитата из «*Андромахи*» Расина (1667), действие I, сцена 4 (это обмен репликами между Андромахой и Пирром).

Стр. 475. *Помню, увы, я тот день...* — «*Андромаха*», действие III, сцена 8 (слова героини трагедии Расина).

Ламартин, Альфонс (1790—1869) — один из самых талантливых французских поэтов эпохи романтизма, а также историк и общественный деятель умеренно либерального направления. Цитируется первый сборник Ламарти-

на «Поэтические размышления» (1820), стихотворение «Человек» (посвящено Байрону).

Стр. 478. ...«*Вертера*» *читает он украдкой*... — Прославленный роман Гете «Страдания юного Вертера» (1774), наделавший при появлении столько шума, возможно, все еще был популярен, тем более что автор книги был еще жив.

Стр. 479. *Пондишерри* — цветная материя, изготавливавшаяся в Пондишери, тогдашней французской колонии в Индокитае.

Стр. 483. ...*как Занд убил когда-то Коцебу*... — Речь идет о немецком студенте Людвиге Занде (1795–1820), который из патриотических соображений убил немецкого писателя Августа-Фридриха-Фердинанда Коцебу (1761–1813), который был известен своими реакционными взглядами и, возможно, был тайным агентом Священного союза и русского правительства. Казнь Занда наделала шуму в Европе.

Стр. 491. *Полонез* — блуза или куртка, застегивающаяся так называемыми «бранденбургками», длинными продольными застегжками из шнура.

Фальстаф, Джон (ок. 1378–1459) — английский военный; Шекспир сделал его комическим персонажем ряда своих произведений («Король Генрих IV», «Веселые виндзорские кумушки»).

Рулье — Имеется в виду костюм, подражающий блузе извозчика (переводчица не поняла текст оригинала и приняла название за фамилию какого-то законодателя мод).

Донья Соль — героиня пьесы Виктора Гюго «Эрнани» (1830), олицетворение благородства, красоты и верности в любви.

Стр. 492. *Маренго*. — Здесь обыграно совпадение названия расцветки материи и небольшой деревни в Пьемонте (Италия), где Наполеон одержал блистательную победу над австрийской армией (14 июня 1800).

Стр. 493. *Готье*, Теофиль (1811–1872) — французский поэт, романист и литературный критик, участник романтического движения в 30-е годы XIX в.

Блонда — тонкие шелковые кружева.

Стр. 495. *Казимир* — легкое тонкое сукно.

Кабриолет — разновидность женского чепчика.

Стр. 497. *Спенсер* — короткий корсаж.

Жаконас — муслин мягких тонов, из которого шили платья, юбки, чепчики и т.д.

Стр. 498. *Элиза Бонапарт* (1777—1620) — одна из сестер Наполеона; была замужем за Феликсом Баччоки, принцем Пьомбино. Ее дочерью была графиня Камерата — Нопомона Баччоки (род. в 1806 г.)

Пентезилея — царица амазонок; во время осады Трои пришла на помощь троянцам и погибла в поединке с Ахиллом. Ахилл был пленен красотой мертвой Пентезилеи (греч. миф.).

Канзу — легкий корсаж с кружевами, надевавшийся поверх платья или юбки; иногда канзу имели рукава.

Стр. 500. «*Оды*». — Имеется в виду поэтический сборник Виктора Гюго «Оды и баллады» (1822). У Ростана упомянута здесь «Ода к колонне», стихотворение, обращенное к Вандомской колонне, воздвигнутой в Париже в 1810 г. в память побед Наполеона над австрийцами.

Карбонарий — член подпольной освободительной организации, существовавшей в Италия в первой трети XIX в. и боровшейся с австрийской оккупацией. Содружества карбонариев были и во Франции.

Стр. 508. «*Молодая Франция*» — широкое общественное (в том числе литературное) движение авангардистского характера во Франции конца 20-х и 30-х гг. Его участники боролись с устаревшими порядками и взглядами.

Стр. 511. ...*что за договор в Пресбурге?* — Договор, заключенный Наполеоном в 1805 г. (26 декабря) в Пресбурге (Братиславе) после полного разгрома Австрии под Аустерлицем. По этому договору Австрия отказывалась от притязаний на Северную Италию, Истрию и Далмацию, Наполеон провозглашался правителем Итальянского королевства.

Стр. 512. *Браганский дом* — династия, правившая Португалией до 1910 г.

Тильзитский мир — мирный договор, заключенный 7 июля 1807 г. между Россией и Францией после свидания Наполеона и Александра I в Тильзите (25 июня).

Стр. 514. *Сульт*, Никола (1769–1851) – наполеоновский маршал; особо отличился под Аустерлицем. При Луи-Филиппе – министр иностранных дел и военный министр.

Мюрат, Иоахим (1771–1815) – наполеоновский маршал, участник большинства его кампаний; был женат на сестре Наполеона Каролине, в 1808 г. провозглашен королем Неаполя. В 1815 г. пытался отстоять независимость своего королевства, но потерпел неудачу, был арестован, судим и в конце концов расстрелян.

...взять Эссlingen Нею велит он... – Маршал Мишель Ней (1769–1815) был участником почти всех войн, которые вел Наполеон. В австрийской кампании 1809 г. он особенно отличился в сражении при Эсслинге (22 мая), предшествовавшем сражению при Ваграме (см. ниже).

Стр. 515. *Шенбрунн* – королевский замок под Веной; его постройка была завершена в 1743–1749 гг. Это было место частого пребывания австрийского двора. Ростан побывал здесь в 1898 и 1899 гг.

Стр. 520. ...*На Макбета идет Бирнамский лес*... – Имеется в виду сцена из «Макбета» Шекспира: ведьмы предсказали герою, что он будет побежден, когда на него пойдет Бирнамский лес; противники Макбета велели своим солдатам срубить по ветке и, держа их высоко поднятыми в руках, двинуться на войско Макбета; в этом сражении Макбет был убит (пятый акт).

Стр. 523. *Карл Пятый* (1500–1558) – король Испании (с 1516 г.) и германский император (с 1519 г.), один из влиятельнейших политических деятелей Европы XVI в.; вел многолетнюю борьбу с Францией.

Стр. 524. *Пратер* – парк в центре Вены, между двумя рукавами Дуная; вначале это было место охоты аристократии, позже – прогулок светского общества, а затем и простых горожан.

Стр. 527. *Газан* – видимо, какой-то наполеоновский военачальник, не оставивший заметного следа в военной истории своего времени.

Сюше, Луи-Габриэль (1772–1826) – наполеоновский

маршал, участник многих кампаний, в том числе войны с Австрией.

Стр. 528. *Второй акт*. — Ростан дал ему название «Крылья хлопают».

Глорнетт — одна из построек в Шенбруннском парке, на холме «Храм славы».

...*два раза жил в Шенбрунне*... — Это было в 1805 и 1809 гг., то есть после двух разгромов австрийской армии — под Аустерлицем и под Ваграмом.

Стр. 532. ...*Марии-Терезии*... — Этот орден учрежден в 1757 г. императрицей Марией-Терезией (1717–1780), женщиной энергичной, постоянно вмешивавшейся в политику. Она была матерью германского императора Иосифа II и французской королевы Марии-Антуанетты.

...*Святого Стефана*... — А этот орден — ею же в 1764 г. как национальный орден Венгерского королевства и посвящен памяти первого короля Венгрии Стефана, правившего в XI в.

Стр. 534. *Гроссхофен* — район Вены.

Стр. 543. *Цезарь* — то есть Юлий Цезарь; речь идет о его книге «Записки о Галльской войне».

Плутарх — древнегреческий историк I–II вв. н.э., автор «Сравнительных жизнеописаний».

Александр — имеется в виду Александр Македонский.

Ганнибал — прославленный карфагенский полководец III в. до н.э.

Стр. 545. *Локуста* — знаменитая древнеримская отравительница, к услугам которой прибегали император Нерон и его мать Агриппина; казнена по приказу императора Гальбы в 68 г. н.э.

Стр. 552. *Эйлау* — город в Восточной Пруссии, около которого Наполеон одержал трудную победу над русской и прусской армиями (февраль 1807 г.).

Ваграм — деревня под Веной, место решающей битвы, в которой Наполеон разгромил австрийскую армию (июль 1809 г.).

Асперн — деревня недалеко от Ваграма; тут шли ожесточенные бои в конце мая 1809 г.

«Мемориал» (полное название «Мемориал Святой Елены») — воспоминания Эмманюэля Лас Каза (1766–1842), который сопровождал Наполеона в последнее изгнание, вел с ним ежедневные беседы и тут же их записывал. Первое издание вышло в 1823 г.

Сен-Сир — Имеется в виду Лоран Гувион-Сен-Сир (1764–1830), маршал Франции, один из сподвижников Наполеона.

Молитор, Габриэль-Жан-Жозеф (1770–1849) — наполеоновский маршал.

Стр. 553. ...пчела сегодня укусила вас... — См. примеч. к стр. 460.

Стр. 562. *Жерминаль* — весенний месяц республиканского календаря (от 21 марта до 16 апреля).

Сан-Суси — дворец королей Пруссии под Берлином.

Соммо-Сьерра — горная цепь в Испании. Здесь в 1808 г. французские войска одержали одну из редких побед над испанцами.

Стр. 564. *Сен-Клу* — дворец под Парижем, одна из любимых резиденций Наполеона.

Дюрок, Кристоф-Мишель (1772–1813) — французский генерал, приближенный императора, маршал двора.

Солиньяк — видимо, руководитель или участник антибурбонского заговора.

Фурнье — вероятно, Клод Фурнье-Леритье (1745–1825), убежденный республиканец, организатор ряда выступлений против режима Бурбонов.

Стр. 565. *Дидье*, Жан-Поль — французский адвокат-республиканец, организатор заговора в Гренобле в 1816 г. Далее Фламбо упоминает имена заговорщиков, участников многочисленных антибурбонских выступлений в период Реставрации.

Боливар, Симон (1783–1830) — латиноамериканский политический деятель, боровшийся за независимость стран Латинской Америки от иноземного владычества; его имя было очень популярно в Европе и дало название широкополой шляпе.

Стр. 565. *Безьерский заговор* — заговор начала 20-х годов в Безьере, городке на юге Франции, недалеко от Монпелье.

Лефевр — точнее, Лефевр-Денуэт, Шарль (1773–1822), французский генерал. В период Ста дней (после возвращения Наполеона с острова Эльба) он встал на сторону императора, был приговорен к смертной казни, но сумел бежать в Америку.

Заговор в Сомюре. — Он возник в конце 1821 г.; весной следующего года его организаторы были схвачены и позже казнены.

В Тулоне... — Восстание, направленное против режима Бурбонов, в начале 20-х годов закончилось неудачей (Тулон — портовый город на юге Франции).

Стр. 566. *...и порой крыльев...* — На верхнем конце древка наполеоновских знамен помещалось изображение орла с расправленными крыльями.

Стр. 568. *Фонтен*, Пьер-Франсуа-Леонар (1762–1853) — знаменитый французский архитектор; он оформлял интерьеры Лувра, дворцов в Фонтенбло, Компьене, Мальмезоне, делал рисунки мебели и т.д.

Персье, Шарль (1764–1838) — французский архитектор; часто сотрудничал с Фонтеном.

Почетный крест — то есть крест (пятиконечный) Почетного легиона, основная награда, учрежденная Наполеоном 19 мая 1802 г. Крест пользовался таким уважением и популярностью, что Бурбоны его сохранили.

Стр. 575. *...груши не годятся для корон.* — Здесь содержится намек на Луи-Филиппа: его голова действительно напоминала своей формой грушу, что охотно обыгрывалось карикатуристами (Домье и др.).

Стр. 578. *Третий акт.* — Ростан дал ему такое название: «Крылья расправляются».

Богемия — так тогда в Западной Европе называли Чехию.

Стр. 581. *Тирольские иодли.* — Имеется в виду жанр народных песен, особенностью которых было исполнение фальцетом на высоких регистрах голоса. Распространены у ряда альпийских горцев.

Стр. 589. *На Страсбургском мосту...* — то есть на восточной границе Франции.

Стр. 591. «*Золотое Руно*» — так назывался орден, учрежденный в 1429 г. Начиная с XVI в. он стал высшим рыцарским орденом в Австрии и Испании.

Стр. 593. *Июльские герои*. — Речь идет об участниках июльской революции 1830 г. во Франции («три славных дня» — 27, 28 и 29 июля).

Ламенне, Фелисите (1782—1854) — французский философ, теолог и общественный деятель, в ходе эволюции своих взглядов пришедший к защите либеральных идей.

Шатобриан, Франсуа-Рене (1768—1846) — французский философ, писатель и политический деятель. Он был враждебен наполеоновскому режиму, но советовал Людовику XVIII призвать сына императора ко двору и определить в гвардию.

Стр. 598. ...*меч консульский*... — то есть символ неограниченной власти Наполеона, когда он был так называемым Первым консулом (1802—1804).

Стр. 599. ...*в Потсдаме у Фридриха ты взял*... — Речь идет о короле Пруссии Фридрихе II Великом (1712—1786). В 1806 г., после разгрома прусской армии при Иене и Ауэрштедте (1 октября), Наполеон вступил в Берлин; он посетил в Потсдаме и бывшую резиденцию Фридриха, который в свое время нанес несколько ощутимых поражений армии королевской Франции (например, при Россбахе в 1757 г.).

Стр. 600. *Ваграм* — см. примеч. к стр. 552.

Стр. 607. *Непомук*. — Имеется в виду католический святой Иоанн Непомук (ок.1330—1383); он был раздавателем милостыни при чешском короле Венцеславе IV и исповедником его жены королевы Иоанны. Он отказался нарушить тайну исповеди и был по приказу короля утоплен. Напомним, что Меттерниха звали Венцеслав.

Стр. 609. *Раффе*, Дени-Огюст-Мари (1804—1860) — французский художник. Он прославился своими зарисовками солдат эпохи Революции и Империи.

Стр. 612. *Ауэрштедт* — небольшой город в Германии, около которого французские войска под командованием

маршала Даву (см. ниже) одержали решительную победу над прусской армией (1807).

Стр. 613. *Мамелюк* — конный гвардеец из личной охраны Наполеона; их отряд был набран в Египте в 1796 г.

Стр. 614. *Гоф-фурьер* — одна из не очень значительных придворных должностей.

Стр. 624. *Безумная Иоанна* — королева Кастилии с 1504 по 1555 г., жена австрийского эрцгерцога Филиппа Красивого, мать германского императора Карла V (см. примеч. к стр. 523).

Родольф — видимо, Родольф I Габсбург, германский император с 1273 по 1291 г., фактический создатель австрийской монархии.

Стр. 625. *Эскуриал* — монастырь и дворец испанских Габсбургов недалеко от Мадрида.

Мальмезон, Компьен — дворцы в окрестностях Парижа, где часто бывал Наполеон.

...барабан аркольский... — Имеется в виду победа молодого Наполеона Бонапарта над австрийской армией при Арколе (Северная Италия) 17 ноября 1796 г.

Стр. 626. *Четвертый акт*. — Ростан назвал его «Истерзанные крылья».

Стр. 627. *Трельяж* — тонкая решетка для вьющихся растений.

Шуберт, Франц (1797–1828) — австрийский композитор, чьи песни и танцы были в то время очень популярны, в том числе при венском дворе.

Ланнер, Йозеф (1801–1843) — австрийский композитор, создатель жанра «большого вальса», пользовавшегося успехом как среди простых горожан, так и при венском дворе.

Штраус — см. примеч. к стр. 453.

Стр. 628. *Полишинель* — как и упоминаемые дальше Арлекин, Изабелла, Коломбина, Пьеро, популярные маски в комедиях XVII и особенно XVIII в., как во Франции, так и в других европейских странах. Появились они сначала в Италии, в рамках народной «комедии дель арте» (там —

Пульчинелла и т.д.). Во Франции из спектаклей ярмарочного театра перешли в серьезную комедиографию.

Стр. 629. *Конгресс в Вероне* — Конгресс Священного союза, на котором было принято решение о подавлении революции в Испании и о продолжении оккупации Неаполя австрийскими войсками. Конгресс проходил в итальянском городе Вероне в октябре—декабре 1822 г. под фактически безраздельным руководством Меттерниха.

Стр. 630. *Господари* — то есть правители Молдавии и Валахии (в XIV—XIX вв.).

Стр. 631. *Arbiter elegantiarum* — то есть «арбитр изящества» (лат.). Так при дворе римского императора Нерона называли писателя Петрония (ум. в 66 г. н.э.), который считался знатоком светских развлечений.

Стр. 634. *Штигер* — кто-то из австрийских придворных ювелиров.

Стр. 637. *Капитан* — тоже маска народного театра.

Стр. 641. *Филипп*. — Имеется в виду испанский король Филипп II (1527—1598), известный своей яростной защитой католицизма; его не всегда обдуманная политика привела к ослаблению Испании.

Стр. 644. *Лиотар*, Жан-Этьен (1702—1790) — швейцарский художник; в данном случае имеется в виду его картина «Шоколадница» (1745) из Дрезденской картинной галереи.

Стр. 651. *Сент-Омер*, Луи-Клер де Бонуаль (1778—1854) — французский дипломат и историк.

...пирамиды... — Намек на одно из сражений, выигранных Наполеоном в Северной Африке (21 июля 1798 г.).

Стр. 653. *Пеплум* — женская верхняя одежда из легкой ткани без рукавов и с длинными вертикальными складками; возникшая в Древней Греции и затем в Древнем Риме, стала популярной в Европе в начале XIX в.

Стр. 655. ...дворец ваш Сальский... — Видимо, дворец в Парме, которая была отдана после 1815 г. Марии-Луизе.

Стр. 656. *Жозефина* (1763—1814) — первая жена Наполеона (с 1796 г.), с которой он развелся в 1809 г., после развода она жила во дворце Мальмезон, под Парижем.

Стр. 658. *Маленький Капрал* — так называли Наполеона солдаты, проделавшие с ним не один поход.

Стр. 659. «*Мишель и Кристина*» — популярный в то время водевиль Эжена Скриба (1791–1861), плодовитого и талантливого комедиографа, написанный им совместно с Анри Дюпенем (1787–1887) в 1821 г.

Стр. 666. «*Роберт-Дьявол*» — опера Дж. Мейербера (1791–1864), либретто Э. Скриба, поставленная с большим успехом в 1831 г. У Ростана опера не названа, ее назвала переводчица (в оригинале: «ария из недавнего успеха Оперы»).

Стр. 670. *Раффе* — см. примеч. к стр. 609.

Шарле, Никола (1792–1846) — популярный в свое время французский художник, автор большого числа картин и литографий, изображающих военные сцены эпохи Империи.

Верне, Орас (1789–1863) — французский художник-баталист и талантливый портретист.

Стр. 670. *Как на Красное мы шли...* — Отступавшая из Москвы французская армия, пройдя Смоленск, была атакована под городом Красное русскими войсками. Сражение проходило 3–6 ноября 1812 г. и закончилось полным поражением французов. Незначительные бои под Красным проходили и в начале кампании, перед взятием французами Смоленска.

Стр. 677. *Фарандола* — зародившийся в Провансе танец; его участники держатся за руки, образуя длинную цепочку.

Стр. 679. *Сорбет* — охлажденный сладкий напиток, представляющий собою смесь фруктовых соков и ликеров.

Стр. 688. *Гота* — город в Германии, столица герцогства Саксен-Кобургского; здесь с 1763 г. издавался ежегодный «Готский альманах», справочник, содержащий сведения о всех европейских царствующих фамилиях, высшей аристократии и наиболее значительных дипломатах.

...герою оцарапала коленку... — В действительности Наполеон был ранен несколько раз.

...готов сюжет был для картины! — Имеется в виду тогда

довольно известная картина второстепенного художника Пьера Готера (ок. 1768–1825) «Наполеон, раненный при Регенсбурге в 1803 году» (ныне Версаль). Сражение при баварском городе Регенсбурге произошло в конце апреля.

Стр. 693. *Сегюр*, Луи-Филипп (1753–1850) – французский дипломат и мемуарист; он состоял на службе у Людовика XVI, Конвента, Наполеона, Людовика XVIII.

Стр. 695. *Пятый акт*. – Ростан дал ему название «Сломанные крылья».

Стр. 697. *Иван* – один из личных врачей Наполеона; он присутствовал при появлении на свет сына императора.

Стр. 702. *Ровиго* – итальянский город недалеко от Венеции, место одного из сражений; в 1806 г. Наполеон пожаловал титул герцога Ровиго генералу Рене Савари (1774–1835).

Стр. 703. *Виконт Отрантский* – См. примеч. к стр. 458.

Стр. 704. *Иосиф*. – Имеется в виду Жозеф Бонапарт (1768–1844), старший брат Наполеона; император сделал его королем Неаполя, затем королем Испании.

Стр. 705. *Alea jacta est* – то есть «Жребий брошен» (лат); слова Юлия Цезаря, сказанные перед тем, как перейти Рубикон.

Стр. 714. *Идеолог* – презрительная кличка, которую давал Наполеон абстрактным мыслителям, далеким от насущных задач дня.

Стр. 719. ...*то, что с Неем*. .. – Маршал Ней (см. выше примеч. к стр. 514), перешедший на сторону Наполеона в период Ста дней, был расстрелян 7 декабря 1815 г.

Стр. 720. *Мыслете пишет*... – то есть не может ходить по прямой (от старинного названия буквы «м»).

Стр. 723. *Даву*, Луи-Никола (1770–1823), герцог Ауэрштедтский, принц Экмюльский – один из самых способных военачальников Наполеона, маршал Франции, участник сражения при Ваграме (6 июля 1809 г.).

Стр. 724. *Рейль*, Оноре-Шарль (1775–1860) – наполеоновский генерал, позже маршал Франции; участник большинства кампаний императора.

Удино, Никола-Шарль (1767–1847) – маршал Франции, участник сражения при Ваграме.

Макдональд, Александр (1765–1840) – наполеоновский маршал; отличился в сражении под Ваграмом, за что получил титул герцога Тарентского.

Массена, Андре (1756–1817) – наполеоновский военачальник, маршал Франции, герцог Риволийский, принц Эсслингенский; особо отличился в Итальянской кампании и в войне 1809 г. с Австрией.

Эрцгерцог. – Австрийской армией в сражении при Ваграме командовал эрцгерцог Карл (1771–1847), брат императора Франца.

Ауэрсбергский принц – кто-то из австрийских военачальников.

Стр. 725. *Нансutti*, Этьен-Мари-Антуан (1768–1815) – наполеоновский генерал, участник Австрийской кампании.

Лористон, Жак (1765–1828) – наполеоновский военачальник и дипломат, при Реставрации – маршал Франции.

Стр. 736. *Акт шестой*. – У Ростана он называется «Крылья сложены».

Стр. 742. «*Агнус Деи*» – то есть «Агнец Божий» (лат.), слова, произносимые во время мессы, перед причастием.

Стр. 746. ...*Лоуренс на своем портрете*... – Речь идет об одной из картин английского живописца Томаса Лоуренса (1769–1830), который, в частности, создал серию блестящих парадных портретов монархов и министров стран, входивших в Священный союз, в том числе Меттерниха. В данном случае имеется в виду какой-либо из его многочисленных портретов герцога Рейхштадтского.

Стр. 748. *Прюдон*, Пьер (1756–1823) – французский художник, автор несколько напыщенных, театральных картин, отличающихся тем не менее четкостью рисунка и живописными аспектами.

Стр. 748. *Мои крестины были пышней коронавания*... – Здесь явно содержится сопоставление двух больших помпезных живописных полотен: «Коронавание Наполеона»

Луи Давида (Лувр) и «Крещение Римского короля» кисти кого-то из учеников Давида (Версаль). Крестины состоялись 11 июня 1811 г.

Стр. 754. *Альдобрандини*, Адель — жена генерала Франческо Боргезе, князя Альдобрандии (1776—1839).

...*Франц-Иосиф*... — Ошибка переводчицы: австрийский император, дед героя пьесы, имел только одно имя — Франц (у Ростана — верно).

Гортензия (1783—1837) — дочь Жозефины Богарне от первого брака; Наполеон выдал ее за своего брата Людовика Бонапарта (1778—1846), сделанного им королем Голландии (на троне в 1806—1810 гг.).

Монтескью — жена наполеоновского военачальника Амбруаза-Анатolia Монтескью-Фезансака (1788—1878); Наполеон назначил ее гувернанткой Римского короля.

Стр. 755. *Герцог де Вальми*. — Этот титул носил маршал Франсуа-Кристоф Келлерман (1785—1820); он получил этот титул в память о победе над пруссаками (20 сентября 1792 г.).

Te Deum — «Тебя, Бога, хвалим» (лат.), начало католического гимна.

А. Михайлов